

ТАЙСТО ХУУСКОНЕН СТАЛЬНОЙ ШКАП

ТАЙСТО ХУУСКОНЕН

ТАЙСТО ХУУСКОНЕН

Тайсто Хуусконен

Стальной
шквал

Тайсто Хуусконен

Стальной
шквал

Роман

Перевод с финского
ВЛАДИМИРА БОГАЧЕВА

«Современник»
Москва • 1973

С (Карел)
Х98

Хуусконен Тайсто

Х98 Стальной шквал. М., «Современник», 1973 г.
304 с.

Автор романа «Стальной шквал» Т. Хуусконен, мобилизованный в финскую армию, со знанием очевидца рассказывает о событиях заключительного этапа войны, внимательно прослеживает те изменения, которые произошли в мыслях финских солдат, ярко и зримо воссоздает картины прошлого.

Драматичность событий, яркий образный язык, сложные и глубокие характеры героев — все это делает книгу интересной для самого широкого круга читателей.

Х 0733—138
106(03)—73 27Р—73

С (Карел)

Книга Т. Хуусконена занимает особое место в ряду произведений о войне. Она повествует об одном из наименее освещенных в советской литературе периодов Великой Отечественной войны — разгроме финской армии и выходе Финляндии из войны.

Путь героев романа — тяжкий путь, он — в гуще боев, среди смертей, в отчаянном сопротивлении стальному шквалу наступающей Советской Армии. Так это описано в книге, так было и в жизни. Рассказывая военные судьбы своих героев, писатель внимательно прослеживает изменения, которые происходили в настроениях и умах финских солдат. Осознание бессмысленности войны, в которую они были брошены по воле правителей буржуазной Финляндии, происходило постепенно, но бесповоротно.

Роман написан жесткой и мужественной рукой человека, который сам прошел нелегкий путь переоценки своих взглядов и не склонен уходить от жестокой правды войны или изображать ее облегченно.

Издательство «Современник» делает доброе дело, знакомя широкого читателя с этим талаштливым произведением, переведенным на русский язык Владимиром Богачевым.

Константин Симонов

На станции собирался народ, хотя до прихода почтового поезда времени оставалось еще порядочно. Отъезжающих было немного, большинство же пришли просто «проводить поезд», по обыкновению. У газетного киоска топтались несколько парнишек и девушек лет по пятнадцати. Из будки дрезины шел табачный дым и слышались пререкания, бранные слова, шлепанье игральных карт. Под откосом парень сжимал в объятиях девушку. Позади уборной несколько парней пили водку прямо из бутылки.

— Все, ребята, последние капельки. Кто пойдет за другой поллитровкой?

— У нее больше нет.

— Врет! Знаю я эту проклятую спекулянтку. Просто цену набивает.

Продавщица газетного киоска открыла свою торговлю. Покупателей было мало, хотя газеты, выставленные на витрине, кричали аршинными заголовками:

«Большевики на Днестре»,

«Кубань эвакуируется»,

«Тревожные вести с восточного фронта».

День выдался солнечный и теплый, хотя осень уже вступила в свои права. На озере близ станции слышался плеск весел. И разговор доносился очень явственно. Кто-то говорил:

— Нет, нет, ты не думай, что русский Иван оставит нас в покое. Он просто покуда не спешит с нами, потому что войска ему нужны на других фронтах. Но если уж он поперет, тогда пиши пропало. Мы-то знаем, видали.

На прибрежных камнях сидели несколько мужчин. Бутылка ходила по кругу, пили по глотку и покрыва-

ли. Один из компании был в военной форме со знаками младшего сержанта. Он хлебнул немножко, сплюнул и стал закуривать. Потом продолжал прерванную речь:

— И еще запомните: не лезьте вперед! Никогда не надо быть первыми. Но и последними — тоже нехорошо. На последнем начальство душу отводит. А первеньких-примерненьких — товарищи не любят.

Его внимательно слушали. У всех были рюкзаки за плечами и на поясах болтались финские ножи в ножнах. Из-за поворота послышался шум приближающегося поезда, и младший сержант прервал свои наставления.

— Вот и поезд идет,— сказал он и стал прощаться.— Ну, пока, ребята. Помните, что я вам сказал. Может, и встретимся еще. Буду рад.

Они крепко пожали его руку и побежали на перрон, где дежурный по станции уже кричал, красный от натуги:

— Отойдите подальше, прошу вас! Разойдитесь! Прибывает воинский эшелон, полный буйных сумасшедших!

У ближнего перехода стоял тучный человек — начальник местного шюцкора. Когда поезд приблизился, он взял под козырек, приветствуя «надежду нации». И тут из окна вагона вылетела пустая водочная бутылка, сверкнула на солнце точно ракета, врезалась в огромное брюхо шюцкоровца и, отскочив, со звоном покатила по платформе. Бедный толстяк лишь охнул и бросился наутек. Вдогонку ему, падая и с грохотом разбиваясь, полетели пустые бутылки, сопровождаемые злорадным хохотом.

Поезд свернул на запасной путь и остановился.

— Тысяча дьяволов, ребята, оттуда, наверно, звонили, что мы едем. На станции — ни живой души.

— Вон там, подальше есть народ. Эй, парни, чего вы боитесь? Идите сюда, почешем языки!

Кто-то отважился подойти.

— Куда, ребята, вас везут?

— В Коухнамяки.

— А что это за часть?

— Противотанковая.

— Ха-ха... Ну, счастливого пути. Место это хреновое. Но там вас научат. Узнаете, почем фунт лиха, будете людьми.

— А ты, дядя, выражайся поаккуратнее, а не то...

Подошли те, что сидели на берегу.

— У вас место есть, ребята?

— Место найдется, если есть водка.

— Водка-то есть, но не для таких нахалов.

— Ха! Ты что, пришел сюда важничать?

— Да ну, черт побери, не лезьте же сразу в бутылку! — крикнул кто-то из вагона. — Мы же одна бражка.

— Эти, что ли, нам ровня? Да таких ни за что не возьмут в противотанковую артиллерию. Им только в пехоте топтать.

— Чего? Мы едем в Коухнамяки.

— Да брось! Чего же ты сразу не сказал. Ну, лезьте к нам, ребята!

Парней втащили в вагон. К станции подкатил почтовый поезд. На его пассажиров посыпались самые ужасные ругательства. Ну конечно же, эти новобранцы, будущие воины финской армии, ставили себя не в пример выше каких-то штатских, которые и на людей-то не были похожи. Впрочем, столь же презренными были для них и новобранцы, ехавшие в первых вагонах. Ведь их взяли в пехоту. А что такое солдат пехоты по сравнению с истребителем танков!

Почтовый простоял положенное время и ушел.

Вскоре из первого вагона раздалась команда офицера, сопровождающего эшелон:

— По вагонам! Поезд отправляется!

Возле одного вагона стояли двое обнявшись. Девушка прижалась лицом к груди парня и горько плакала. Он осторожно гладил ее волосы и тихонько шептал что-то. Но даже это трогательное прощание не смягчило души остальных: парочку стали осыпать насмешками. Наконец кто-то нашел над чем еще позубоскалить.

— Смотрите, ребята, да она же с пузом! Ну и жох парень, успел-таки!

— Что, этот? Не-ет, куда ему!.. Тут наверняка кто-то другой поработал.

Те двое стояли обнявшись и как будто ничего не слышали. А если и слышали, то виду не подавали.

В самый последний момент, когда поезд уже тронулся и стал набирать скорость, они крепко поцеловались, и парень, догнав свой вагон, ловко вскочил в него, ухватившись за чьи-то дружески протянутые руки. Он стоял в дверях и махал, пока станция не скрылась из виду. Тогда он вдруг круто повернулся.

— Да-а, ну, так что тут было сказано?

Он обвел всех тяжелым, грозным взглядом и остановился на тех, кто особенно изощрялся в острогах. И тут началось! Первый зубоскал полетел от его кулака в угол, да там и остался лежать, схватившись за челюсть. Следующим ударом он и второго отправил туда же. Затем и третий полетел в ту же кучу. Все отшатнулись от сердитого парня, так что около него образовался круг. Он стоял в боксерской позе, готовый ответить на любой выпад, но так как охотников померяться с ним силами, по-видимому, больше не было, парень сел на нары и погружился в свои мрачные мысли.

Из других вагонов неслись пьяные крики. На каком-то полустанке пустая бутылка влетела в окно будки стрелочника. Кто-то увесистым булыжником разбил фонарь стрелки. Начальник станции кричал в телефон, предупреждая всех по линии:

— ...едет целый эшелон буйных сумасшедших!
Финская армия получала пополнение!

* * *

— Так-так. Вот вы, стало быть, и приехали, голубчики! Я оч-чень рад сообщить вам, хулиганы, что вы будете отвечать за все, что вы там натворили, за все, что вы там разбили или покорезили. Понятно?

Молчание. В темноте только слышно беспокойное дыхание, шарканье ног, почесывание — присутствие большой и разношерстной человеческой массы. Перед этой толпой людей стоял кто-то, который на них кричал, сыпал ругательства и угрозы. Эшелон прибыл к месту назначения. Выгрузившись из вагонов, они молча стояли теперь и ждали, что с ними будет. А темнота орала на них:

— Вы все еще пьяны как свиньи! И из такого дерьма мы должны испечь для финской армии егерей — истребителей танков! Возможно, кто-нибудь скажет, что из дерьма ничего не испечешь. Но я вас уверяю, пьяные свиньи, что мы вас еще сделаем людьми. Конечно, нам с вами будет нелегко. Но уж вам-то будет гораздо тяжелее, смею вас в этом заверить. И это нам доставит огромную радость.

Темнота замолчала. Слышно было только шарканье ног. Потом тот же голос начал снова:

— Ну-с, так вот. Сейчас вы мне доложите, кто бросил этот вонючий кулек в лицо некоей лотты, при выезде из Рийхимяки? Кто на станции близ Тампере швырнул пустой бутылкой в начальника местного шюцкора? Кто бил окна в будках стрелочников, кто выкрикивал непристойности? А главное, кто кричал, что наш генерал Паайри послал на убой больше половины своих солдат? Вы меня поняли?

Молчание.

— Так, та-ак. Начинается упрямство. Но я с величайшим удовольствием вам заявляю, что за неделю вы отучитесь от упрямства и будете готовы выдать даже родную мамочку, если начальство потребует.

— Кто это там глотку дерет? — спросили из задних рядов.

— Какой-то младший сержант, — шепотом ответили передние.

— О господи!.. Нет ли у кого пустой бутылки?

— Разговорчики отставить! — рявкнул тот же голос из темноты. — Здесь говорю я. И я с огромной радостью вам заявляю, что скоро вы узнаете дисциплину, будете не рассуждая делать, что вам укажут. Потому что солдату рассуждать не положено. Ясно?.. Кто там смеялся? Выйти из строя, подойти ко мне — шагом марш!

Никто не шелохнулся. В тихом вечернем воздухе пахло спиртным перегаром и потом. У некоторых хмель только начал проходить, у других наступало самое похмелье. Призыв в армию — такое дело, надо же было его как-то отметить. Некоторые гуляли не одну неделю перед отправкой. Другие — только в дороге. Выпили и те, кто прежде даже и не нюхал спиртного. А теперь, видать, пойдут от этого большие неприятности, ежели верить этому горлодеру — младшему сержанту. А как не верить? Конечно же, все они слышали, в какой котел попадает новобранец в армии.

По-видимому, младший сержант уже поистошил свой запал, так как не стал больше доискиваться, а построил отряд в колонну по четыре и проревел:

— Вперед шаго-ом марш!

И потом еще крикнул, когда они зашагали:

— Разговорчики отставить! Ясно?

Топот бесчисленного множества ног. Разношерстное сорище незнакомых и чужих друг другу людей двига-

лось следом за младшим сержантом, который маячил впереди едва заметной тенью, но которого все уже немного побаивались.

Время от времени раздавался его резкий, словно лающий голос:

— Левой!.. Левой!.. Левой!.. три, четыре, левой!..

Кое-кто из самых робких пытался шагать в лад с его командой, но подавляющее большинство плелось себе, как придется. Все равно ведь темно — не видно, да к тому же младший сержант многих раздражал, вызывая невольное сопротивление.

— Чертов горлодер, он еще свое получит!

В казармах им выдали военное обмундирование. Своё гражданское они сложили в мешки. Потом каждому объявили номер роты и взвода — и они стали настоящими новобранцами. Вид у всех был довольно чудной. Какой-то долговязый парень получил короткие, едва за колени, штаны. И рукава мундира были ему по локоть. Зато у малорослых — все получилось наоборот. Ну, да что ж, ведь недаром говорится: глуп как рекрут. Стало быть, и одели их соответственно.

— Интернациональная армия, — расхохотался шустрый толстячок, глядя на примерявших обмундирование товарищей.

У многих были разные штаны и мундиры — не только финские, но и немецкие и английские. Потом он стал примерять то, что выдали ему, и, дойдя до головного убора, воскликнул:

— Однако картуз и кокарда — свои родные, финские. А ведь головной убор — это главное.

— Что тут за балаган? Как звать?

Парень сразу осекся, потому что голос был знаком. Конечно же, это тот, что давеча в темноте глотку драл. Но в следующий миг улыбка снова расплылась по лицу парня.

— Да просто Войтто меня кличут!

— Что-о? Что вы паясничаете? Я спросил, как ваша фамилия, рекрут.

Младший сержант сверлил новобранца глазами. У него был странный въедливый взгляд, глаза навывкате, как у совы, большой горбатый нос и сухие, тонкие губы. Сам он был довольно тщедушный, но злой как черт. Лишь очень мирный по натуре человек мог выдержать его взгляд

спокойно, не рассердившись или не рассмеявшись. А этот новобранец улыбнулся. Улыбнулся так широко и добродушно, как будто после долгой разлуки встретил старого доброго знакомого.

— Полностью Войтто Вилхо Хейккиля,— сказал он и, видимо, хотел еще что-то добавить, как вдруг младший сержант едва не взвизгнул:

— Что вы улыбаетесь?

— Да вот насчет этой хламиды...— Рекрут Хейккиля взглянул на свою одежду и улыбнулся еще шире.— Я подумал, что в таком наряде не больно перед девушками пофоришь.

Младший сержант со свистом втянул в себя воздух. Тонкие губы извивались и так и этак, прежде чем выпустили наружу слова:

— Какая рота, рекрут Хейккиля?

— Во вторую, говорят, зачислили.

— Взвод?

— И взвод, говорят, второй...

Младшего сержанта это словно обрадовало.

— Ах, во второ-ой! — воскликнул он, потирая руки.— Рекрут Хейккиля, я чрезвычайно рад сообщить вам, что я помощник командира взвода. Понимает ли рекрут, что это значит? Это значит, что ваша улыбочка скоро исчезнет как прошлогодний снег.

Младший сержант захлопнул свой рот, чмокнув при этом, словно людоед, готовящийся съесть Хейккиля с потрохами. Затем он повернулся на каблуках и скомандовал:

— Второй взвод второй роты за мной, шагом марш!

Казарма помер два представляла собой длинное узкое помещение, по обеим сторонам которого вдоль стен выстроились двухэтажные койки, а между ними — тумбочки, тоже двухэтажные. У единственного большого окна стоял длинный стол. Опершись на этот стол, младший сержант встретил столпившийся в дверях взвод. Затем он с шумом втянул воздух.

— Моя фамилия Пуллинен. Звание вы видите по знакам различия на петлицах. А характер мой вы скоро узнаете. Рекрут Хейккиля!

— Я тут.

Рекрут шагнул вперед, улыбаясь так, точно пришел за наградой. Младший сержант прищурил глаз и хмыкнул. А потом словно взорвался:

— Какого черта вы улыбаетесь! В армии не улыбаются!.. Рекрут Хейккиля, кто я такой?

— Сами только что назвались Пуллиненем. Имени я не знаю.

Пуллинен схватился за голову.

— «Назва-ались!..» «Имени не зна-аю...» — повторил он протяжным шепотом, точно его душила астма. И тут же, выкатив грудь, рявкнул: — Я вам господин младший сержант! Понимаете ли вы — только «господин младший сержант»!

— Ну, да.

— Никаких «ну, да»! В армии существует лишь один ответ: «так точно». Так вот, рекрут Хейккиля, знаете ли вы, что такое онежские волны?

— Я их не видал, а на вкус пробовал. Один приятель привез бутылку, когда в отпуск приезжал. Говорит, русские велели ему набрать онежской воды в бутылку.

Младший сержант Пуллинен как будто подавился горячей картошкой. Долго он уминал ее в горле, пытаясь проглотить, пока голос не вернулся к нему.

— Никаких объяснений! В армии не объясняют! Понятно?

— Ну... или, стало быть, «так точно».

В группе рекрутов едва сдерживали смех, кто-то даже прыснул. Но младший сержант стиснул зубы. А рекрут Хейккиля улыбнулся во всю ширь своей круглой рожи, как бы говоря: «Вот видите, как быстро я научился».

Это был чистый и простодушный деревенский парень. Он никогда не ругался, с девушками не крутил и не брал в рот хмельного. Даже по дороге в армию, когда ему чуть ли не насильно влили в рот водки, он постарался потяхоньку сплюнуть ее. В жизни он не обидел и мухи, а потому и от других не ожидал ничего дурного. Любезной улыбкой всегда все можно уладить, так ему говорили с детства, так он и полагал. Но тут эта его вера поколебалась. Младший сержант Пуллинен думал, видимо, иначе. Он и сам никогда не улыбался, а улыбку на лице рекрута считал преступлением. И прежде всего это относилось к рекруту Хейккиля. Улыбчивый толстяк казался ему воплощением всего того, что в армии нетерпимо.

Младший сержант выпрямился и сказал угрожающе тихо:

— Вы упорствуете, рекрут Хейккиля.

— Так точно, господин младший сержант.

— И вы говорите это с улыбкой.

— Так точно, господин младший сержант. Вы приказали всякий раз отвечать «так точно».

Пуллинен сделал глотательное движение и охнул. Он еще никогда не бывал в таком положении. Случилось однажды, что рекрут, не выдержав муштры, кинулся на него с кулаками. Другой — отказался выполнить приказ. Этот же со своей клоунской рожей может сделать его посмешищем, да так, что к нему и никакого параграфа не подберешь. Ах, эта улыбка! Черт побери, рекрут и улыбка! Да этого быть не может, не должно быть. Это же бунт! Младший сержант Пуллинен прошелся между рядами коек из конца в конец казармы.

— Рекрут Хейккиля! Взберитесь на верхнюю койку, ну, живо, живо! Хорошо. А теперь — вниз и ползком под следующей койкой. Быстро, быстро! Отлично! А теперь дальше, через следующую койку по верху — марш! Быстрей! Быстрей!

Хейккиля взбирался наверх, спускался вниз, полз на животе под койкой и снова карабкался на следующую койку. Он уже начал задыхаться и вспотел, но зычный голос неотступно следовал за ним, подгоняя, подхлестывая:

— Живей, живей! Вот это и есть те самые «онежские волны». Быстрей наверх, на волну, чтобы вас не захлестнуло!

С Хейккиля уже пот лил в три ручья, движения сделались неуверенными, ноги не слушались, в коленях появилась дрожь. Он был не неженка, а крепкий парень, добывал свой хлеб тяжелым крестьянским трудом, ходил за плугом в поле и лес пилил — но все же есть пределы. Взобравшись на верхнюю койку, он не удержался и рухнул вниз. Долго он лежал ничком и тяжело дышал, потом повернулся, с огромным трудом привстал и сел. И тут младшего сержанта Пуллинена чуть удар не хватил. Рекрут Хейккиля улыбался! Смущенно, как бы стыдясь своей слабости, но все-таки улыбался! И младший сержант прошептал с неподдельным ужасом:

— Вы улыбаетесь! Помилуй бог, вы все-таки улыбаетесь!

— Так точно, господин младший сержант!

Пуллинен пошел прочь и больше в этот вечер не показывался. Но товарищи набросились на Хейккиля:

— Перестань же лыбиться, черт этакий! Из-за тебя придется страдать всему взводу.

В тот вечер, однако, их оставили в покое. В казарму заглядывали капралы и даже курсанты унтер-офицерского училища, но все довольствовались одними угрозами. Рекруты загрузили тесные тумбочки своими вещами, учились заправлять койки и отработывали доклад дневального. Наконец вечерняя молитва и — спать.

Со следующего дня их начали готовить в истребители танков, обучая, для начала, пехотной службе. По вечерам им приходилось заправлять койки, так как все их постели оказывались на полу. Вновь и вновь они проходили «онежские волны», козыряли и получали «прочие удовольствия», как их учителя называли сверхурочную муштру. Через неделю рекрут Хейккиля прокрался ночью в туалет и там, сидя на стульчаке, написал свое первое письмо из армии.

«Здравствуй, мама!

Вот я и здесь. У нас тут было столько козыряния, что я не успеваю даже тебе написать письмо. Сейчас я пишу, сидя в уборной, потому что здесь не нужно козырять. Ты, пожалуйста, не посылай мне никаких продуктов, потому что я не успеваю их съесть. Но есть у меня к тебе одно важное дело. Ребята тут говорили, что если кто-нибудь обручается, то ему дают отпуск. Так что спросите, пожалуйста, у этой Пертты Ринтала, не согласится ли она обручиться со мной. Конечно, не по-настоящему, а только чтобы мне дали отпуск. А если Пертта не согласится, то спроси, не захочет ли девчонка из Котанмикко. Но только ты растолкуй им как следует, что это не настоящая помолвка. И скажи, что колец покупать не надо. А также скажи, что если которая из них меня выручит, то я этого вовек не забуду. Но если они не согласятся, тогда ты пришли мне кило масла. Ребята тут говорят, что если кто съест кило масла, то прохватит ужасный понос.

Привет отцу и всем знакомым.

Твой Войтто».

* * *

В уборной стояла толпа. Рекруты пробыли в учебном центре уже несколько недель и многому научились. Прежде всего они узнали, что единственное спокойное место в ка-

зармах — это уборная. Здесь не надо было приветствовать господ начальников и можно уберечься от лишнего козырянья и шарканья. Поэтому стульчаки никогда не пустовали и у них выстраивалась огромная очередь. Можно было подумать, что весь учебный центр страдал от поноса. Это, конечно, только если кто-то из преподавателей заглядывал в уборную. Тогда лица ожидающих очереди принимали мученическое выражение, а у «восседающих» глаза лезли на лоб от натуги. Но как только «гроза» пронеслась мимо, настроение менялось разительнейшим образом и громкие дебаты вновь продолжались с прежней силой.

Первое время они боялись допросов и суда, боялись, что их заставят платить за все, что они патворили, когда ехали сюда. Но ничего подобного не произошло. Очевидно, армия не имела возможности сажать в кутузку несколько сот рекрутов, а взять с них было нечего. С другой стороны, и добиться от них каких-либо показаний было весьма непросто, потому что рекрутская муштра с первых же дней выработала у них иммунитет против всякого ябедничества.

О событиях в большом мире они не знали ровным счетом ничего. Просмотреть газету было некогда, радио не было. Все же до них дошли слухи, что Италия сдалась и объявила войну Германии.

— Ишь ты, каковы шарманщики! Пожалуй, и другие последуют их примеру.

— Италия может объявлять войну кому угодно — это не имеет никакого значения. После того что она даже с Грецией не справилась.

На этом обсуждение и кончилось, поскольку Италия была далеко и вообще их никогда особенно не интересовали «эти макаронники».

Сведения о положении в мире доходили до них благодаря рекруту Хейккиля, который подолгу восседая на стульчаке, читал вслух газету. Он и дома, бывало, проводил вечера за газетами, и там он читал вслух, потому что отец плохо видел, а у матери не было времени. Войтто был, можно сказать, завсегдатаем, постоянным клиентом уборной, поскольку он оказался в непримиримых противоречиях с младшим сержантом Пуллиненем, да и с другими преподавателями, из-за своей вечной улыбки. Вот и теперь он сидел на крайнем стульчаке, развернув на коленях газету и

поддерживая обеими руками два огромных булыжника, которые ему пришлось зашить себе в карманы по приказу младшего сержанта Пуллинена, после того как тот однажды увидел, что он держит руки в карманах.

— Гей, ребята, послушайте-ка, что я тут вам прочту интересное!

— Что, к черту, теперь может быть интересного? Русский Иван, конечно, опять занял несколько городов.

— Нет, тут совсем другое. Мы выигрываем войну. Это доказывается прямо-таки математически.

— Математически? Ух, ё-моё... что еще за идиотство? — не выдержал кто-то.

— Ну, ладно, дай прочесть, так узнаешь, — раздался чей-то голос.

Хейккиля переложил поудобнее свои камни в карманах и покосился на дверь.

— Туч не видно, ребята?

Тучи — это были преподаватели, и так как они не показывались, Хейккиля начал читать газету внятно и с расстановкой, как священное писание.

«Советская Россия будет воевать до тех пор, пока голод и истощение всех жизненных сил не достигнут таких размеров, когда даже феноменальное русское терпение не выдержит и лопнет. Этот час приближается с математической неизбежностью и со все возрастающей быстротой. Военный разгром Советской России будет тем сокрушительнее, чем дольше Красную Армию будут гнать в наступление».

Хейккиля оторвался от газеты и улыбнулся весело, как всегда. В уборной воцарилось молчание. Потом кто-то зло расхохотался, и опять все вдруг заговорили.

— И чего только не выдумают, дьявол их заberi!

— Не говори, ребята, может, голод русских и в самом деле доконает?

— Тихо! Туча находит!

Сразу наступила мертвая тишина.

Показавшийся в дверях дежурный унтер-офицер крикнул:

— Рота, в коридор строиться! Живо, живо, марш, марш!

Началась суматоха. Дверь вдруг стала тесной, потому что все разом хотели выйти через нее. Те, что занимали сидячие места, мигом повскакали. Кто был «занят делом»

всерьез, оказался в незавидном положении. Но Хейккиля задержался дольше всех и прибежал в строй последним, потому что булыжники в карманах мешали ему. Когда он в конце концов приковылял, рота уже построилась. Даже командир роты стоял в строю. Очевидно, случилось что-то необыкновенное, и Хейккиля спешил изо всех сил, насколько камни ему позволяли.

Дежурный офицер нахмурился и окликнул Хейккиля:

— Рекрут, что у вас в карманах?

— Камни, господин лейтенант!

— Зачем?

— По приказу «Огромной радости», господин лейтенант! — воскликнул Хейккиля и только тут заметил, что назвал младшего сержанта Пуллинена прозвищем, которое сам же пустил в ход. И он поспешил исправиться: — Я имел в виду младшего сержанта Пуллинена, господин лейтенант!

Дежурный офицер, стараясь не рассмеяться, сказал, глядя куда-то мимо Хейккиля:

— Выньте камни из карманов и станьте в строй.

Затем он обратился к выстроенным ротам:

— Если еще у кого-нибудь из рекрутов в карманах камни или что-нибудь подобное, карманы надо освободить. Сейчас прибывает начальник учебного центра майор Вуорела. Командиры взводов и отделений должны проследить, чтобы все было как положено. Вы знаете, чего майор требует.

Преподаватели стали проверять выправку рекрутов и выравнивать строй. Младший сержант Пуллинен налетел на Хейккиля и прошипел:

— Ах, так! Я, значит, «Огромная радость». Ну, погоди!.. Я тебя... после инспекции!.. Что ты улыбаешься? Ты у меня еще поплачешь. Кровавыми слезами обольешься...

— Так точно, господин младший сержант! — гаркнул Хейккиля, который тоже успел обучиться армейским манерам. — Поплачу после инспекции!

По ротам пронесся шепот, и равнение нарушилось, потому что внимание всех привлекли Хейккиля и Пуллинен. Дежурный офицер направился было к ним, но вдруг вытянулся смирно и заорал:

— Роты, смирно! Равнение налево!

В коридоре показалась группа офицеров во главе с на-

чальником учебного центра майором Вуорела. Это был высокий, прямой старик, худой и очень бледный. Однорукий, потому что был тяжело ранен во время наступления. Говорят, у него все тело было в шрамах и легкие изрешечены, поэтому он дышит с присвистом. Вуорела мог бы демобилизоваться из армии когда угодно, но он об этом и слышать не хотел. Он даже добивался отправки на фронт. Но на фронт его все же не послали, а назначили начальником учебного центра. Майор считался специалистом в этом деле, но больше всего он обращал внимание на воинский дух и строжайшую дисциплину.

Впрочем, может быть, этого требовали сверху. Исходили из того убеждения, что рекрут, который дрожит перед своим командиром и готов со страху выполнить его малейшую волю, станет впоследствии образцовым солдатом. Конечно же, на деле все было куда сложнее. Рекруты трепетали даже перед капралами и курсантами унтер-офицерского училища, бросались по их приказу стремглав, не рассуждая, но это слепое повиновение отнюдь не становилось их второй натурой, эта покорность из-под палки была временной покорностью. Вместе с тем они привыкали ненавидеть армию, и прежде всего — всякое армейское начальство. «Вот только бы выйти отсюда, я этого гада придушу, ей-богу! Чтоб ему ни дна ни покрышки! Я с ним за все расквитаюсь!..»

Привыкнув исполнять бессмысленные требования, они также привыкали отлынивать и сачковать при всяком удобном случае. Они умели скрыться и не попадаться начальству на глаза, чтобы избежать наряда, обходили начальника стороной, чтобы только не приветствовать, объедались табаком, чтобы заболеть и попасть в лазарет, и лихо врали даже полковнику медицинской службы, лишь бы получить освобождение из этой чертовой мельницы. Только об этом они и помышляли. Они готовы были обручиться хоть со старухой, чтобы получить увольнение на несколько дней.

Но начальство все толковало по-своему. Чем больше отлынивали и сопротивлялись, тем строже становились требования. Майор Вуорела вовсе не был исключением. Как старый военный, он ни о чем ином и думать не мог. Майор сам был дисциплинированный солдат и от подчиненных требовал дисциплины. Вот и теперь, слушая рапорт дежурного офицера, майор осматривал его с головы до ног, при-

дирчиво следя за тем, чтобы все было строго по форме. «Офицер обязан быть примером для своих подчиненных», — не уставал повторять Вуорела. Это его любимое изречение лейтенант усвоил отлично, и майор не мог ни к чему придаться. Майор выслушал рапорт до конца, еще раз оценил выправку офицера, его воинский вид и руку, четко поднесенную к козырьку. Лишь после этого сказал веско:

— Благодарю вас! — и, обратившись к строю, прокричал, насколько позволяли ему израненные легкие: — Здравствуйте, молодцы!

Роты в ответ гаркнули так, что в окнах задребезжали стекла.

Майор просиял от удовольствия.

С годами это ужасное, исходящее из сотен глоток рыкание становилось для него все милее. Он считал, что в этом слитном звуке проявляется исполнительность, дисциплинированность и притом уважение к нему лично. Когда солдат кричал так, что шапка на голове поднималась, — это было для майора сладчайшей музыкой. Поэтому и сам он кричал во все горло. Это у него было уже настолько в крови, что кричал он и вне службы — дома, в магазине, даже в ресторане.

— Ребята! — кричал майор дрожащим от волнения голосом. — Когда я услышал ваше дружное приветствие, дух мой исполнился радости. Я всегда говорил, что солдат, который едва слышно бормочет — не солдат, а паразит. Он легко раскисает, он вечно расхлябан, на него ни в чем нельзя положиться. Здесь среди вас таких нет. В вас есть то, чего родина требует от своих сынов. Я всегда говорил, что здоровый дух в здоровом теле — важнейшее свойство финского солдата. Вы здоровы телом и душой, а стало быть — достойны звания финского солдата. — Майору не хватило дыхания, и он сделал паузу. Отдышавшись немного, он продолжал, теперь уже чуть тише, приберегая силы, чтобы довести речь до конца: — Ребята! Мы вместе с нашими братьями по оружию нанесли не один сокрушительный удар нашему кровному врагу. Но враг еще не разбит окончательно. Время решительных боев и нашей победы уже близко. Тогда-то родине понадобятся и вы. Вся страна смотрит на вас с верой и надеждой. В знак этого объявляю, что в воскресенье вы будете иметь честь принести воинскую присягу. И с того часа вы будете уже не рекрута-

ми, и даже не простыми солдатами, а бесстрашными егерями — истребителями танков!

Последние слова майор прокричал точно в экстазе, после чего голос у него сорвался, и он прохрипел уже чуть слышно:

— Спокойной ночи, ребята!

В ответ ему гаркнули так дико, как будто небо рухнуло и разверзлась геенна огненная:

— Спокойной ночи, господин майор!

И в этом вопле была подлинная страсть и рвение, потому что присяги ждали, как истый верующий — воскресения. Присяга означала конец бессмысленного козыряния и муштры. Так они почему-то думали. После присяги им дадут увольнение. А главное, ты уже не рекрут, «салага безмозглая», а егерь — истребитель танков!

Радостное возбуждение овладело ими настолько, что они даже не попытались улизнуть из коридора, хотя и преподаватели находились здесь же. Кто-то разошелся:

— Эх, ребята, скоро мы вырвемся из чертовой псарни. Тогда я даже не плюну в эту сторону.

— Ты, слышь, не путай мясо с костью. Мы ведь еще даже не знаем, как и стрелять из противотанковых пушек.

— Долго ли научиться. Дернуть за шнур, и выстрелит. Но теперь, ребята, надо где-то раздобыть петлицы.

Младший сержант Пуллинен шнырял между группами рекрутов с видом сыщика, прижимая к груди два больших камня. Он заглядывал в казармы.

Наконец он крикнул:

— Рекрут Хейккиля, ко мне!

Названный не появлялся, да и все второе отделение стало потихоньку исчезать из виду. Младший сержант заорал так, что брызги изо рта полетели:

— Второе отделение второго взвода — в казарму!

Но тот, кого он искал, не слышал приказа. Он сидел в своем излюбленном месте — на стульчаке и читал только что полученное из дому письмо:

«Дорогой мой сын, Войтто!

Уже давно мы получили твое письмо, но я все не могла ответить, потому что отец не велел. Сказал: не смей писать ни слова этому негоднику. Нынче малость отошел и разрешил: черкни ты ему пару строчек и все отпиши прямоком. Но тяжело мне это писать, сердце болит. Не-

ужто это правда, что отец говорит, что ты там в армии начал пить горькую и написал нам спьяну? Поскольку, дескать, таких чудес нагородил. Что даже обручиться готов с озорства. Да еще с этой Перттой Ринтала! Ты ведь знаешь, она какая. А теперь еще, говорят, должна родить ребенка неведомо от кого. Собирается родить, хоть и замужем не была. Когда я отцу это прочла, так он в ужас пришел и я сама готова была ревмя реветь. Что надо же было нам дожить до этого. Неужто, мол, это наш Войтто виноват в том, что с Перттой произошло. Мы-то с отцом всегда думали, что ты хороший мальчик, не чета другим, известным озорникам. А когда я прочла дальше, отец заругался так, как в жизни еще никогда не ругался. И право же, меня это тоже по сердцу полоснуло. Что ты уж готов даже обручиться с вертихвосткой Котанмикко! Ну, слыханное ли дело? Ты пишешь, конечно, что это, дескать, понарошку. Но отец говорит, что у тебя подлость на уме. Где это видано, чтобы «понарошку» обручались? И ты-то ведь знаешь, что эта вертихвостка красится да белится и ездит в Тампере торговать собой. А теперь, говорят, что у нее нехорошая болезнь, потому что она, мол, там таскалась с этими германцами, они-то ее и наградили. И чтобы нам до этого еще дожить! Ты же казался таким хорошим мальчиком, не пил, не курил табаку, не ходил никуда. И вдруг такое. Отец тут рядом говорит мне, что в кого же этот Войтто пошел? Потому как в роду, мол, таких не бывало, чтобы, дескать, за глазами шуры-муры крутить со всякими шлюхами, да потом еще и обручаться с ними. И тут же отец еще велит приписать, что если все это разом не кончится, так он продаст последнюю корову и сам к тебе туда приедет, да и выпорет отеческой рукой, не поглядит, что ты солдат. Я, правда, все еще не хочу верить, что ты теперь стал такой. И если ты там в чужих людях оступился, то обещай мне, что больше никогда не будешь с пьяных глаз писать родителям этакие глупости. Или ты болен и писал в бреду? Я попрошу в аптеке порошков, если нужно, только сообщи. Но нам надо знать правду, если ты и впрямь связался с этими скверными женщинами. Отец тут подсказывает, что если так, то дитя возьмем к нам и вырастим, но только ни одна из этих вертихвосток чтоб к нам и на порог не ступала. Так что отпиши все сей же час без утайки. И перестань пить, а будь человеком. Отец тут рядом говорит еще, что можешь послать своему

Войтто немножко маслица, но не столько, чтобы повредило здоровью. И еще отец сказал, что он потеряет последнее зрение, если от тебя еще будут приходиться такие письма. От таких вестей никому не поздоровится. Я тоже ночи не сплю, все думаю о тебе и сказать никому не могу, потому что стыдно.

Писала тебе *твоя мама*».

Хейккиля дочитал письмо. Но на этот раз ему не хотелось улыбаться. Капли пота выступили у него на носу. Он начал снова перечитывать письмо, но в дверях раздался знакомый голос:

— А рекрут Хейккиля знай себе посиживает!

Войтто хотел было вскочить, чтобы стать навытяжку, но вспомнил, что в этом обетованном месте приветствовать начальство не нужно, и буркнул:

— Сидит, конечно.

Пуллинен даже растерялся, столкнувшись с такой дерзостью, но потом быстро нашелся:

— Рекрут Хейккиля, была команда собраться в казарме, а вы сидите тут. Что у вас, понос?

— У меня сифилис! — воскликнул Хейккиля и только тут сообразил, что оплошал. Прежде надо было пройти присягу. Если не допустят, можно остаться в рекрутах еще бог знает сколько. Поэтому он сказал:

— Брюхо схватило. Сейчас приду.

— Я жду, господин рекрут, — ехидно сощурился Пуллинен. — У меня есть отличные лекарства от брюха. Я вам их пропишу.

Хейккиля плотно сжал губы. Но когда цоканье подкованных каблуков Пуллинена донеслось уже из коридора, он проговорил, скрипнув зубами:

— Вот погоди, принесу присягу... Я те тогда полечу и брюхо и рыло!

* * *

Тебе мы присягаем,
родимая земля.
Вовек да не коснется
насилие тебя.

Роты построились и отправились маршем за несколько километров, в ближний городок. Там в церкви они должны были приносить присягу. Первый раз они шли с оркестром.

С ним и пелось бодрее. Рекруты драли глотки вовсю, ибо наступил день, который представлялся им во снах и наяву как избавление. День, когда они перестанут «козырять», получат свободные вечера и новое звание: егерь — истребитель танков. Все это поднимало дух. Никогда они еще не пели на марше с таким подъемом.

Тебя мы охраним,
всей кровью защитим...

Еще в школе они пели «Клятву», и сердце замирало в груди, готовое к самопожертвованию. Но теперь им виделась прежде всего конкретная личная выгода. С присягой для них начиналась новая жизнь. Собственно, она началась уже с самого утра. Преподаватели были исключительно сдержанны и корректны, чуть ли не любезны.

— Откозыряли, стало быть, и хватит. Кончилась наша муштра, — говорили рекруты. — Больше уж не будут нас целыми днями жучить. Теперь мы сами обучим хоть кого.

Они не знали, что майор Вуорела специально приказал, чтоб сегодня ничего не делалось «сверх программ».

— Надо, чтобы ребята запомнили этот день навсегда, как праздник, который бывает только раз в жизни.

Но рекруты этого не знали и по-своему истолковывали поведение преподавателей.

Уже несколько дней по ротам ходил слух, что на церемонию присяги придет сам Марски¹.

— Да ну тебя к черту! Этому никто не поверит!

— Верь не верь, а придет! Он был и в прошлый раз.

— Ну, тогда мы влипли! Будут нас муштровать еще целый месяц, если что пройдет негладко.

Все волновались. Не столько даже из-за самого приезда Маннергейма, сколько из-за возможных последствий. «Если не все пройдет гладко...» Но с другой стороны, конечно, интересно было увидеть Главнокомандующего. Можно будет потом как-нибудь на побывке похвастать: «Сам Марски принимал парад!»

Вскоре, однако, их внимание перенеслось на другой объект. Вот показался городок, и они увидели двух женщин. Женщины стояли у дороги и махали платочками.

— Эх, милашки, — шепнул кто-то. — Подумайте, ребята

¹ Марски (уменьшительное от маршал) — прозвище Маннергейма.

та, насчет вечера.. Ням, ням!.. Попробуйте только вообразить, что тут вечером будет!

— По крайней мере, с этим-то делом ничего не выйдет. Нешто не видишь, они машут не нам.

— Тихо! Кто разговаривает в строю!

Рты закрылись, но закрывать глаза приказа не было. И они видели все новых женщин, пожирали их глазами и стонали оттого, что вечер был еще так далеко. Всего лишь несколько недель они пробыли в армии, но казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как они видели женщину в последний раз.

Командование опять допустило ошибку, назначив присягу на дневное время. Надо было устраивать эту церемонию ночью или проводить ее в казармах. Потому что, когда роты втиснулись в маленькую душную церковь, рекруты, во всяком случае большая их часть, уже мечтали о вечере. Конечно, они все по команде подняли вверх два пальца и пробормотали текст присяги, но мысли этих «здоровых духом и телом» молодых людей были заняты совсем другим.

Вся процедура воспринималась с оттенком иронии, потому что рекруты были настолько измучены, что ради одного, лишь свободного вечера готовы были поклясться в чем угодно.

Как бы то ни было, присягу принесли и строевым маршем отправились обратно в казармы. Только теперь они словно проснулись.

— Черт побери, ребята, ведь мы уже не рекруты, а егери—истребители танков.

— Заткнись! Парад принимают!

— А Марски там?

Шепот побежал по рядам к голове колонны, и вскоре оттуда вернулся ответ:

— Ничего подобного. Один «Здоровый дух в здоровом теле». — Так они прозвали майора Вуорела.

— Ё-моё, как же он успел?

— Смирно! Равнение направо!

Торжественная минута! Сотни повернутых голов, вытаращенных глаз, звуки марша, и ритмичный топот множества ног. Молодые егери — представители славнейшего рода войск финской армии — надежда и оплот родины, они готовы в любое мгновение пожертвовать всем для блага отчизны. На длинной шее майора Вуорела заходил кадык,

дрогнули уголки рта, глаза заблестели от навернувшихся слез.

— Песню!— воскликнул командовавший парадом капитан, когда последняя рота продефилировала мимо майора, и звуки оркестра стихли. Капитан тоже был в приподнятом настроении и, конечно, ожидал услышать что-нибудь соответствующее моменту. Но в конце колонны затянули вдруг нечто совсем иное:

Вот стоит красотка из Коухнамяки.
Поглядите-ка, ребята, на нее.
Самые отчаянные забияки
Падали сраженные у ног ее...

Капитан махал руками, как ветряная мельница, кричал, надрывался, чтобы прекратить эту, неподобающую торжественному случаю, песню. Но на него не обращали внимания. Правда, первая рота, которая видела и слышала его, сначала было притихла. Но задние пели, все больше входя в раж.

И если кто-то хочет
заработать крест,
пусть он сорвать попробует
розу здешних мест.

* * *

Вечером коридоры казармы гудели от пустоты. Только дневальные с кислым видом сидели за своими столиками. Зато на дороге, которая вела в городок, звенели радостные голоса.

— Господи боже ты мой, мальчики! Как из тюрьмы вырвались! Куда подадимся?

— Сперва надо чего-нибудь пропустить для храбрости, а потом поискать хорошеньких девочек!

Небо заволокли тучи, и царила почти полная тьма, так как и снега не было. Навстречу шел кто-то. Новоиспеченные егери отдали ему честь. На всякий случай. Не зря им вдалбливали, что если кто попадет за несоблюдение устава — сразу лишится увольнительной. Встречный прыснул со смеху, и кто-то, разминувшийся с ним поближе, воскликнул:

— О, господи! Да это же штатский!

— Что? Набьем ему морду, чтоб больше не попадался.

Но штатский исчез в темноте, а на обочине дороги замаячила еще какая-то фигура.

— А как быть вон с тем?

— Посмотрим поближе. Если опять штатский...

Парень двинулся к человеческой тени, но вдруг отскочил и вытянулся в струнку.

— Господин младший сержант! Рекрут Нум... Виноват, егерь Нум...

— Что вы мямлите! Почему не приветствуете по уставу? Думаете, раз прошли присягу, то теперь можно ходить как мокрая курица?

— Не заметил, господин...

— Не перебивать, когда говорит ваш командир! Ложись!

Мимо шел кто-то не спеша, и младший сержант взорвался:

— Стой! Кто такой? Ко мне, шагом марш!

Прохожий вернулся, и младший сержант подскочил к нему, стараясь разглядеть поближе. И тут же, отпрянув, взял под козырек.

— Господин майор, докладывает младший сержант Пуллинен...

— Благодарю. Что это значит, младший сержант? Что здесь происходит?

— Господин майор, этот рекрут... виноват, егерь — не приветствовал меня!

— А вы, младший сержант, меня приветствовали?

— Не разглядел, господин майор!

Майор повернулся к егерю, который выпрямился как спица.

— Почему вы, егерь, не приветствовали младшего сержанта?

— Не видел, господин майор!

— Ясно. Выглядите вы молодцом, по-военному. Но помните, вы всегда должны действовать по уставу, как солдату положено. Можете идти.

— Слушаюсь, господин майор!

Парень исчез в темноте так внезапно, как только финский солдат может скрыться с глаз своего командира. Майор обратился к младшему сержанту:

— А теперь поговорим с вами, младший сержант, так сказать, неофициально. Вы у нас один из лучших преподавателей. Но по праву старшего я хотел бы дать вам друже-

ский совет. Не возмущайте в солдате чувство справедливости. Вот и этот бравый егерь наверняка обижен, потому что вы ранили его чувство справедливости. Он вас не видел, а вы его наказали. И он этого не поймет. Потому что финн по натуре своей готов подчиниться лишь таким приказам, которые ему понятны и справедливы. Например, вы могли бы наказать этого егеря за то, что у него головной убор был сдвинут набекрень — не по форме, не по уставу. Это бы он понял. И завтра бы он подошел к вам без обиды, по-военному, головной убор прямо, как положено по форме. Ибо справедливое наказание всегда идет на пользу и приносит свои плоды. Нынче нам совершенно необходимо проявлять особую психологическую чуткость, чтобы не испортить нашим парням праздник. Их приняли в солдатскую семью, этим они законно горды и счастливы. Я не считаю, что они могут ходить как «мокрые куры», как вы выразились, потому что дисциплина не терпит штатской распушенности, а в такой день — тем более. Но надо смотреть, чтобы не перегибать палку. Ну, продолжайте, младший сержант Пуллинен. Доброй ночи!

— Доброй ночи, господин майор! — хрипло ответил младший сержант и, отойдя, сел у обочины. Ноги его дрожали. Он был так напуган, что все еще не мог понять существа наставлений майора.

Правда, младший сержант Пуллинен никогда не отличался сообразительностью. Народную-то школу кончил с грехом пополам. Но ведь от воспитателя рекрутов большого ума и не требовалось. Лишь бы знал устав, умел требовать с подчиненных дисциплину, а главное — умел бы кричать. И уж чего-чего, а на это Пуллинен был мастер. К этому у него был природный талант. Поэтому его как «прирожденного военного» послали в унтер-офицерское училище. Там с его данными выдвинуться было нетрудно — только не жалеть глотки да уметь угодить начальству. Пуллинен обладал и этим даром, так что военная карьера открылась перед ним. Не то чтоб он мог подняться высоко. Ведь у него не было образования. Но ведь он и метил пока что только на сержантскую нашивку.

Пуллинен закурил, сделал несколько глубоких затяжек, и дрожь стала проходить. Вдруг его точно пружиной подбросило. По дороге опять приближалась группа солдат, и там ему послышался знакомый голос, от которого даже кровь заструилась быстрее по жилам.

Четверо свежееиспеченных егерей шли в ряд, невольно шагая в ногу. Они, конечно, не думали о подстерегавшей их опасности, хотя им не следовало забывать о ней. Им больше всех доставалось от младшего сержанта Пуллинина. А общие страдания объединяют. К тому же все они были земляки — из-под Тампере, — что тоже сближало их. Шли они без определенной цели, так как денег у них не было, а девушки их не интересовали, потому что у каждого была своя, там, в родных местах. Кроме Хейккиля, который вообще женским полом не интересовался, вопреки тому, что подумали о нем отец с матерью. В карманах Хейккиля сейчас не было камней, так что руки его были засунуты туда по локоть. Он передавал товарищам дошедши до него худые вести:

— Еще говорят, что самая муштра только с завтрашнего дня и начнется! — и, толкнув в бок шедшего рядом долговязого своего товарища, Хейккиля со смехом добавил: — Придется тебе, Пеннти, еще много спичек хоронить.

Пеннти Хейно с легкой руки Пуллинина был прозван в роте «попом». Этот бледный, темноволосый, задумчивый парень немного напоминал полкового священника. Для прозвища большего и не требовалось. А коль скоро прозвище дано, Хейно стал «входить в роль». Он «служил панихиды» по найденным в коридоре казармы спичкам и прочему сору: «Из праха коридорного ты поднята и прахом станешь!»

Хейно вечно был голоден и в столовой непременно старался сунуть в карман лишний сухарь, чтобы потом съесть, улучив удобный момент. Он и сейчас жевал кусок сухого хрустящего хлеба, отчего ответ прозвучал немного шепеляво.

— Не... я больше не штану... бойше я не вынешу... — Он проглотил и, откусив новый кусок, продолжал: — Я дал прищягу, так как я думал, что эта адская муштра кончится. Но ешли нет — так я пикакой прищяги не давал... — Сухарь хрустел у него в зубах. — Это уж я вам говорю, точно! Я уйду домой. Рюкзак на плечи — и айда.

Хейно сделал роковую ошибку, обручившись перед уходом в армию. Таким образом он лишился возможности получить отпуск для обручения. Поэтому он написал невесте письмо: «Положение такое, что нам надо жениться. Орга-

низуй соглашение, я подпишу все, что от меня требуется. А если твой отец заартачится, скажи, что ждешь ребенка, и тогда он, конечно, согласится...»

Хейно уже не впервые грозился убежать, так что всерьез этого не приняли. Остановились закурить. Хейккиля тоже попробовал затянуться, хотя раньше никогда не курил.

— На, прикури, Яска, и ты,— подбивал он рослого парня, который искоса поглядывал на него.— Все равно, спортом тебе больше не заниматься.

— Нет, знаешь, не могу,— отвечал тот нерешительно и с горечью добавил: — А что касается спорта, то я им сыт по горло.

Якко Ниеминен был из них, пожалуй, больше всех расстроен. Действительно, он много занимался боксом и даже добился результатов: стал чемпионом района в юношеском разряде. Теперь же спортивное будущее для него закрылось. О тренировках не могло быть и речи. Так что взятые с собой тренировочные перчатки пылились на складе. Другого «спорта» здесь было предостаточно, об этом заботились преподаватели, особенно младший сержант Пуллинен. Его просто бесило, что этот широкоплечий рекрут, по-видимому, совсем его не боялся. Это было неслыханно. И вот Ниеминен каждый вечер находил свою постель сброшенной на пол и тумбочку опрокинутой и должен был тратить время на то, чтобы привести все в порядок. Винтовку ему приходилось чистить чуть ли не каждый вечер и петь при этом, по приказу разумеется:

«Есть у парня две подружки, две милашки-хохотушки, и не знает он, ей-ей, кто из двух ему милей...»

Пуллинен как-то прослышал, что Ниеминен несколько месяцев тому назад женился и что его жена Керту уже ждала ребенка. Эту-то тему младший сержант и начал смаковать на все лады.

— Ниеминен, винтовку чистить — марш, марш! Ну, а теперь расскажите нам, как вы горячо любите вашу Керту и как это вы успели сделать ей пузо.

Ниеминен молчал, только на щеках наливались плотные желваки. Его можно было убить, но он бы не вымолвил ни звука. Потому что он так любил свою Керту и так тосковал по ней, что боялся сойти с ума от тоски. Счастье Пуллинена, что Ниеминен был такого мирного нрава. Он только однажды схватился с обидчиком, пока-

зав свою силу и ловкость. Это было тогда, по дороге в армию, когда трое зубоскалов полетели в угол телячьего вагона. И тогда он расправился с ними потому, что они обидели при нем его Кертту. А тут этот младший сержант лез туда же, не понимая, что ходит по острию ножа.

И теперь Ниеминен был до того «сыт» всей этой муштрой, что, вопреки обычной своей неразговорчивости, продолжал:

— Если и дальше пойдет такая же игра, то в конце концов, наш младший сержант получит у меня так, что и плавником не шевельнет.

— А тебя упекут.

— Ну и пусть. Я буду рад.

— Радость невелика. Ведь в тюрьме волосы обрезают. А потом ведь все равно сюда же попадешь. Но вот я, ребята, знаю, что делать. Надо поймать его впотьмах, да и набить морду, чтоб своих не узнал.

Это сказал кудрявый и розовощекий парень с нежным, как у девушки, голосом, боявшийся тюрьмы, главным образом, из-за того, что там брили наголо. Имя у него тоже, как на грех, было похоже на женское: Виено Саломэки. И вот за это имя и за свои пухлые чувственные губы он стал находкой для Пуллинена. «Рекрут Саломэки — чистить винтовку, марш, марш! Ну-ка, улыбнитесь вашей очаровательной улыбкой!..»

Иногда Пуллинен заставлял его маршировать по коридору казармы и петь: «Красотка Виено, розовые губки...»

Слуха у Саломэки не было никакого, и он не пел, а просто выкрикивал слова. Поэтому в роте его сделали «пономарем». Когда хоронили спички, он распевал псалмы. Дома Виено ждала невеста Лийса — его первая любовь. Они были помолвлены и должны были обвенчаться, как только ей исполнится восемнадцать. Теперь им оставалось ждать только месяц, и было не расчет, конечно, рисковать собой и своей пышной шевелюрой. Но надо отплатить за унижения, и нынешний темный вечер особенно удобен для такого дела.

— Представьте себе, ребята, какая будет «огромная радость» — мать его за ногу!

Им и в голову не приходило, что в это время «Огромная радость» шел почти что рядом с ними, все слышал и тихонько доставал электрический фонарик. Пуллинен был взбешен. Конечно, он догадался, о ком у них шла

речь. Ему хотелось прервать их, окликнуть — но он побоялся. Кто знает, в темноте могут и душу вышибить. Потом он подумал, что майор Вуорела еще не успел уйти далеко. В крайнем случае, он быстро придет на помощь. Младший сержант вдохнул полной грудью воздух и, прыгнув вперед, загородил им дорогу.

— Стой! — заорал он, хотя те и так стояли на месте. — Кто такие? Смирно!

Захваченные врасплох, солдаты вытянулись в струнку уже при первом звуке его голоса, который они тотчас узнали. Рефлексы сработали мгновенно. Яркий свет фонаря слепил глаза, так что младшего сержанта они не видели, голос же его слышали слишком хорошо. Пуллинен нарочно орал как зарезанный, чтобы привлечь внимание майора.

— Егерь Хейккиля, что вы тут сейчас говорили?

Хейккиля мешкал с ответом, придумывая, что бы со-
врать.

— Мы, господин младший сержант... мы, значит, того... говорили, что вот, мол, какая темень — в двух шагах ничего не видно...

— Врете! И руки у вас в карманах. Ложись!

Свет фонарика передвинулся на следующего.

— А вы что говорили, егерь Хейно?

— Господин младший сержант, о темноте...

— Ложь! И рот полон хлеба... Ложись!.. Егерь Саломэки, о чем?

— Да о темноте, господин младший сержант!

— Браки! Да вы еще перебиваете начальника. Ложись!

Тут фонарик выхватил из тьмы лицо Ниеминена.

— Ага-а, вот и вы! Егерь Ниеминен, я с огромной ра... отставить. Пуговица расстегнута, головной убор набекрень — ложись!

И четвертый исполнил приказание, но как-то неуверенно. Пуллинен знал по опыту, что это значило. Если новичок начинает вести себя таким образом — значит, дело серьезное. Он отступил на два-три шага, все время освещая фонариком Ниеминена. Было бы слишком рискованно командовать им «встать», и Пуллинен выжидал. Сзади слышались чьи-то шаги. Шаги приближались. Младший сержант почувствовал, что волосы у него на макушке поднимаются дыбом. Шел явно не майор, а какой-то старикашка. О, господи!

Унтер-офицерские мозги Пуллинена сверлила одна мысль: надо как можно скорее отвязаться от этих смутьянов. Завтра он, конечно, придумает, как с ними быть дальше. И вдруг его словно осенило. Ведь эти упрямцы, распростертые перед ним в дорожной пыли, сознательно нарушили данные им перед увольнением инструкции. Сам же начальник учебного центра говорил о важности дисциплины.

На душе Пуллинена стало светлее.

— В каком виде вы вышли в увольнение? Ходите как оборванцы! И поэтому я с огром... Отставить! В казармы — шагом марш! Заявите дневальному, что вы арестованы. Причину вы знаете сами.

Он быстро повернулся и мгновенно исчез в спасительной темноте.

Четверо егерей были просто ошеломлены. Прошло немалое время, прежде чем они поняли, что лишились свободного вечера. Первым заговорил Саломэки:

— Нет, братва, я никуда не уйду, пока не прикончу этого младшего сержанта. Пена, айда за ним!

Саломэки обратился прежде всего, разумеется, к своему «коллеге» Хейно. Недаром же они вместе столько спичек похоронили. Но «пастор» был мирно настроен, как и подобало священнику.

— Не... Я не стану пачкать руки из-за такого... — Он сунул в рот сухарик и продолжал: — А ну-ка, пошли в казарму, вскинем рюкзак на плечи и — драпанем домой.

— Домо-ой, — презрительно протянул Саломэки. — Думаешь, они дома тебя не разыщут? А потом еще обреют наголо — и в тюрьму... Войтто, ты пойдешь с нами?

Хейккиля сунул руки глубоко в карманы. Он тоже был «сыт» по горло, но все же не настолько, чтобы идти на все. Отлупить Пуллинена, конечно, стоило. Он и сам уже было решился на это. Когда-нибудь при случае он его отдубасит. Но все-таки тут еще было о чем подумать.

— Он же велел нам объявиться дневальному. Позвонит по телефону и спросит, объявились ли мы. И потом, если сейчас набить ему морду, он, конечно, смекнет, чьих рук дело. И нас четверых тут же схватят за шиворот, точно котят, да и носом в дерьмо.

— Не схватят, — твердо возразил Ниеминен. — Мы сделаем так. — Он наклонился поближе и продолжал, понизив голос:

— Вы пойдете в казарму и объявитесь, честь по чести. А я займусь этим горлодером. Жаль об такого руки марасть, но иначе он не отстанет.

— Нет, Яска! — вспыхнул Саломэки. — Мы тебе этого удовольствия не уступим! Нельзя, чтобы ты все брал на себя.

— Уступите. Я пойду один, и дело с концом.

— А что будет с тобой, если он тебя узнает? — сказал Хейккиля.

— Все равно. Да он и разглядеть не успеет. Достаточно сделать ему один суинг — так он до завтра не очухается.

— Бросьте, ну его к лешему. Еще загнется от твоего суинга, — встревожился Хейно, мирный по своей натуре.

— Не загнется. Я буду бить аккуратно. Только уговор: вы ничего не знаете. Ясно? Скажете, что мы разошлись, я ушел от вас. Ну, я иду. А то этот горлодер успеет удрать.

Ниеминен скрылся. Товарищи напряженно прислушались к его удаляющимся шагам.

— Не, братва, я так не могу. Я тоже пойду с ним, — сказал Саломэки, но Хейно схватил его за руку.

— Не пойдешь. Ты же слышал, что Яска сказал!

— Пусть он себе говорит что угодно, а я пойду!.. Отпусти, чертов удав! А не то — я...

«Удав» стиснул его руку еще крепче и все приговаривал:

— Тшшш... тшшш... Не рвись, не рвись. Мы пойдем в казармы спички хоронить.

Наконец им удалось повести Саломэки, хоть он упирался и сердито кричал:

— Жалкие твари!.. О, господи... вот уж не думал, что такие...

Сзади слышались голоса. Кто-то неистово ругался, кто-то пел во все горло.

— Кто это там? — Хейно остановился, прислушиваясь. — Неужели их тоже лишили увольнения?

Они остановились и стали ждать. Возвращавшихся в казармы было много. Большею частью это были солдаты второй роты. Очевидно, младший сержант Пуллинен продолжал усердствовать. Он останавливал всех подряд и чуть что не так — лишал увольнения.

— Там начальство на каждом углу. И все набрасываются как цепные псы. Говорили, муштра до присяги...

Майор Вуорела и сам испортил кое-кому свободный вечер. Вот шли, пошатываясь и чертыхаясь, трое солдат. Двое тащили за руки третьего, который упирался изо всех сил.

— Я не пойду, с-сатана, чтоб ему поперхнуться, этому майору...

— Где вина достали?

— Какое, к черту, вино? Иллодин.

— Это еще что?

— Зубной эликсир! Ты что, пентюх, не знаешь наптков?

Вся троица, угрюмо переругиваясь, продолжала путь в казармы. Первое увольнение закончилось очень быстро.

— Я этого майора, их!.. сса-атана!..

— Эй, парни, не осталось ли еще этого иллодина?

— Да вот, видишь, Маса до дна вылакал, черт этакий!..

— Тише, вы! Что разгалделись перед самой казармой, олухи царя небесного!..

* * *

В коридорах казармы было по-прежнему тихо. Дневальные сидели чин по чину за своими столиками, потому что дежурный офицер мог войти в любую минуту. Дневальный второй роты писал письмо:

«Милая, милая, бесценная моя кисонька!»

Глубоко вздохнув, он стал разглядывать фотографию своей «кисоньки». С карточки ему улыбалась хорошенькая, востроглазая девушка в костюме лотты. На обратной стороне было написано красивым, бисерным почерком:

«Моему любимому Мартти в знак вечной верности от Анны-Майи!»

Они были из одной деревни, но встречались очень редко. Потому что Анна-Майя после начальной школы училась в ближнем городке в общей средней школе, а кончив ее, так в городке и осталась. Ведь в городке все-таки жизнь не то что в маленькой захолустной деревушке. Но она своего Мартти не забыла, хотя в городке находился штаб и было много шикарных офицеров. Мартти — видный, brave парень, и к тому же единственный наследник крепкого крестьянского хозяйства. Правда, ужасно беспомощный. Он даже поцеловать ее не отважился. Однажды, когда они стояли на крыльце бани, Анна-Майя «взяла вожжи в свои руки» и подарила Мартти долгий влажный поцелуй. Но

результатом был лишь смущенный, растерянный шепот: «Кисонька, мне, видишь ли, пора идти... Мама дала работнику выходной вечер, и я должен задать лошадям корм...»

Потом они долго не встречались: Мартти не успевал съездить в городок. Дома дел было по горло. Отец служил в армии. Пошел добровольцем в самом пачале войны. Иначе бы его не взяли, отец был инвалидом.

Перед отправкой отец хвастал, что, мол, Ману Куусисто идет на войну, и его ничто не остановит, и, мол, домой он не вернется, пока не завоюет Урал. Но уже через неделю он приехал на побывку и потом приезжал чуть ли не каждую субботу. Потому что в походе на Урал он дошел только до своего ближайшего городка. Недаром потом односельчане, посмеиваясь, говорили об Уральском походе Ману Куусисто. Некоторые даже уверяли, что, когда ему всерьез предложили ехать на фронт, он просто отказался. Весть об этом дошла позднее и до передовой, и однажды на рождество Ману Куусисто получил с полевой почты посылку, в которой был комплект женского белья и записка: «Носи и вспоминай нас. Фронтовики».

Тогда Мартти от стыда готов был провалиться сквозь землю. Он прекрасно помнил, с каким геройским видом отец ходил заниматься на шюцкоровское стрельбище и как лихо протыкал он штыком «русское брюхо» — мешок, набитый сеном. И наконец — этот «отъезд» на Урал. «Лучше бы уж он помалкивал», — с горечью думал Мартти. И тогда же он решил, что над ним-то никто смеяться не будет. Придет день, и еще услышит родная деревня, какой сын у Ману Куусисто! Он еще станет настоящим боевым офицером, проявив на фронте исключительную храбрость.

Офицером он должен стать не после окончания какой-то школы, а прямо из солдат — «за личную храбрость и мужество, проявленное в бою», бывали же такие случаи. И никакого образования не требовалось. Надо было только вести себя безупречно, так, чтобы стать примером для всех — уже здесь, в учебном центре. И он с самого начала был в числе лучших, не уступая никому в старательности. К дисциплине он привык с детства, занимаясь сначала в «беличьей роте» — подготовительном отряде мальчишков, — а потом и в шюцкоре. Поэтому занятия в учебном центре не были трудными для него. А раз он всегда был первым, то его и не муштровали дополнительно во внеурочное время. Правда, от этой внеурочной муштры его

спасали еще и посылки из дому, которыми он щедро делился с преподавателями, заметив, что масло и свиное сало действует исключительно благоприятно.

Конечно, все это не нравилось другим рекрутам, но Мартти было на них наплевать. Мало ли раньше ему завидовали. Особенно в последнее время. На станции перед отправкой какой-то пентюх, из батраков, сказал при Анне-Майе: «Ишь ты, сынок-то, видно, тоже на Урал собрался!»

Расставание было грустным. Анна-Майя заплакала, и Мартти успел только шепнуть ей на ухо: «Кисонька, ты ведь будешь писать каждый день?»

Сначала письма действительно приходили довольно часто, но потом стали все реже и реже. Анна-Майя писала их, видно, второпях. Да и когда же ей было? Она совершенствовалась в знании немецкого языка, все дни работала вспомогательной сестрой в госпитале, а свободное время ходила помогать подруге в офицерской столовой. Все же она дни и ночи думала о Мартти. Даже писала о нем стихи. Ее письма всегда начинались стихами.

Мартти тоже хотел бы выразить свои чувства стихами, но после мучительных попыток он признал свое бессилие. Сегодня, однако, ему так живо вспомнилось расставание с Анной-Майей, что Мартти начал письмо отрывком из «Невесты егеря», написав крупными, неуклюжими буквами:

В слезах остались мать и сестры
и беззащитная моя...

Комок подступил к горлу, и даже глаза заволокло едким, соленым туманом. В голове все время звучало, кружась, как испорченная пластинка, «и беззащитная моя...».

На самом деле Анна-Майя чувствовала себя именно теперь в полной безопасности и была отнюдь не беззащитна. Она сидела в своем боксе на коленях у симпатичного прапорщика и то и дело взвизгивала, прижимаясь, однако, к нему все плотнее.

— Ну, Путте!.. Ой! Как ты сильно!.. Путте, не здесь!

Но этого Мартти не знал и обдумывал продолжение для «беззащитной». И тут в коридор ввалилась группа солдат, вернувшихся с прогулки. Мартти сунул в карман фотографию и начатое письмо и сделал важную мину. Но это произвело слабое впечатление, потому что вошедшие сразу же начали прохаживаться на его счет:

— А наш-то герой, доброволец, сидит себе посиживает!

Запиши, доброволец, что Юсси Леппэнэн вернулся в казарму. И укажи точное время.

— Что такое, чего так рано?

— Это тебя не касается, чертов военнопомешанный. Кто увольнение похерил, тот и знает.

— Так-так, ясно,— сказал Куусисто, сообразив, что не стоит пускаться в препирательства с этой компанией.— Кто следующий?

Куусисто записывал точное время прибытия каждого. У него на столе лежал список отпущенных в увольнение, нужно было только найти фамилию. Хейно, Хейккиля и Саломэки заметили, что дневальный занят списком и не успевает посмотреть на человека. Они пошептались между собой, и когда подошла очередь Хейно, он сказал, изменив голос:

— Ниёминен Яакко. Смотри же, пометь точное время.

Куусисто писал, не поднимая головы. Хейно отошел и тут же опять пристроился в конец очереди. Подойдя к столу вторично, он на этот раз назвал уже свое имя:

— Пентти Хейно. Время пометь.

Тут зазвонил телефон. Куусисто поднял трубку и, ответив, как положено по уставу, стал кричать:

— Так точно, господин младший сержант! Егерь Ниёминен объявился только что... Хейно, Хейккиля и Саломэки тоже!

— Кто это звонил? — спросил Хейно, хотя и сам уже догадался, что это Пуллинен. Получив подтверждение, он перемигнулся с Хейккиля и Саломэки и все трое удалились в уборную.

— Красиво получилось, — возбужденно прошептал он.

— Красиво-то красиво, но еще красивее получится, если Яска там напорется на патруль или тут объявится, когда придет.

— Черт побери, братва, айда на караул, чтобы успеть предупредить!

Ниёминен пришел довольно скоро. Ему быстро объяснили, что к чему, его шинель и шапку незаметно пронесли мимо дневального, а потом все снова собрались в пустой уборной.

— Ну как, обошлось? — шепотом спросил Саломэки.

Ниёминен покосился на дверь, потом спустил штаны и сел на стульчак.

— Садитесь и вы, ребята, так будет вернее.

Так они и поступили. И тогда Ниеминен осмотрел свой огромный кулак, потер косточки и вздохнул:

— Вышло немного неладно, ребята. Я его двинул-таки слишком сильно. Он далековато отлетел от удара и — ввалился через витрину в какой-то магазин... Витрина, конечно, вдребезги... Я уж не стал это вызволять оттуда, понятно, а поскорее смылся...

— Да брось ты!.. — воскликнул Хейно, изменившись в лице. — Я же говорил, что гвои суинги...

— Да тише ты, — рассердился Саломэки. — Пусть Яска расскажет все до конца.

Яаско страдальчески сморщил лицо, прислушался и, понизив голос, продолжал:

— Я очень скоро напал на его след. Но он встретил какого-то приятеля, такого же, видно, прохвоста, как и сам. И я не мог нокаутировать, пока этот другой был рядом. Он бы поднял крик. Но потом все устроилось. Тот, второй, зашел в ресторан. И тогда я подскочил — и врезал. И вдруг такой дьявольский грохот! Как зазвенело, как посыпалось битое стекло!.. Я — дай бог ноги, драпанул оттуда, пока никто не хватился... Примчался сюда как олень. Где же мне было разглядеть в темноте, что у него за спиной витрина?

Наступило молчание. Ниеминен понял это как упрек товарищей и сказал с силой:

— Вам насчет этого нюни распускать нечего. Я всегда сам отвечаю за свои дела. И теперь отвечу.

— Никто и не собирается нюни распускать, — обиделся Саломэки. — И потом чего тебе отвечать? Разве тебя кто-нибудь видел?

— Не думаю. Темень была такая, что хоть плюй в глаза.

— Бояться нечего, — осклабился Хейккиля. — Яска же не мог там быть. Пусть посмотрят в списках у дневального. Там отмечено, что мы все вместе явились в казарму. Да тебя и подозревать нельзя. Ведь Пуллинен звонил и спрашивал о нас.

— Когда? — воскликнул Ниеминен, чувствуя, что краснеет. Краска еще больше залила его лицо, когда товарищи объяснили ему, как все было.

— Нет, ребята, тут что-то не так. Он никуда не звонил. Он не мог сюда звонить, я видел, он ни разу никуда не заходил.

Наступила долгая пауза. Ее нарушил Хейно, высказавший догадку, которая вертелась уже и у других на языке:
— Матерь божия! Ты, видать, не того покаутировал!

* * *

Когда все вернулись из увольнения, дело выяснилось. Ребята рассказали, что командир третьего взвода, капрал Алатало избит и попал в госпиталь. Радости третьего взвода не было границ, потому что Алатало, видимо, стоял Пуллинена. Во втором взводе говорили с завистью: «Эх, черт, не того пристукнули... Нашего бы надо».

Ниеминен смущенно кусал губы. Он никак не мог понять, как это он опростоволосился. Не удивительно, правда, и ошибиться в такой темноте, поскольку капрал и Пуллинен одного роста. Но все-таки досадно.

— Нет, черт возьми, я не поверю, пока сам крючконосый Пуллинен не явится сюда!

— Небось явится, — сказал Хейно. — Да есть и другие крючконосые. Они этого дела так не оставят.

Он оказался прав. Едва лишь прозвучал отбой и они улеглись по койкам, как явился младший сержант Пуллинен и заорал:

— Второй взвод, подъем! Две минуты на одевание!

Все бросились в коридор, чтобы первыми попасть в сушилку. Там у дверей — страшная толчея. Кто-то успел раньше других проскользнуть в дверь, но выбраться оттуда было уже невозможно. Образовалась пробка. Но наконец напор прихлынувшей толпы вышиб ее чуть ли не вместе с дверью.

Хейно, Хейккиля, Саломэки и Ниеминен оказались последними и ждали, пока толпа схлынет. Хейно шепнул:

— Вот когда самая-то муштра начнется... Ну, как, Яска, теперь ты видишь, что не того покаутировал?

— О, святая Сюльви!.. — взорвался Саломэки. — Заладил одно и то же. Спросил бы лучше, что будем делать, если они дознаются.

— Вас это не касается, — процедил Ниеминен. — Я же вам сказал, что привык сам отвечать за свои поступки.

— Думаешь пойти и сознаться?

— Сперва посмотрю, как дело обернется.

— Да ты что, спятил? — загорячился Хейно. — Нечего тебе признаваться!

— Э, ребята, мы опять остались последними!

Хейккиля устремился в сушилку, но не нашел там своей обуви: его гвоздь был пуст. Однако времени на поиски уже не было. Он схватил огромные башмаки, висевшие на соседнем гвозде. У Хейно не оказалось портянок, у Саломэки — два башмака на одну ногу. У Ниеминена — ни одного. Кто-то впопыхах прихватил и его ботинки. Потом их нашел в коридоре, так что можно было наконец вернуться в свою казарму.

— Эт-то что еще за полк растреп?

Командир взвода прапорщик Сеппэ был тут как тут, собственной персоной — злющий-презлющий. Он собирался на ночь в городок, где его ждала пышногрудая Рийтта, как вдруг из-за какой-то хулиганской выходки все сорвалось. Вzbешенный этим, он кричал:

— А ну, живее одевайтесь! Копаются, как у шлюхи...

Сеппэ шагал взад и вперед, заложив большие пальцы за ремень и облизывая пересохшие губы. Он был маленького росточка, сухопарый — как и большинство преподавателей учебного центра. Похоже было, что для занятий с новобранцами армия нарочно выбирала самых жалких и тщедушных людшек. Чем мельче человек — тем он злее. Известное дело. И прапорщик Сеппэ вовсе не был исключением. Просто счастье, что у него в городке была своя Рийтта, на которой он мог отвести душу — разумеется, в ином смысле, чем на своих подчиненных.

Прапорщик остановился.

— Мерзавцы! Из-за вас мне придется ночь не спать. Ну-с, чтобы уж не зря мне бодрствовать, я и вас подбодрю немножечко. Взвод — ложись! А теперь вскочить на корточки! Ложись! На корточки! Ложись! На корточки!.. Таак, продолжайте: по счету «раз» — ложись! — «два» — на корточки! Раз — два! Раз — два!..

Пол дрожал, дыханье становилось тяжелым, пот лился ручьями. Три десятка солдат должны были потрудиться, чтобы прапорщик Сеппэ бодрствовал не зря. Такой же точно грохот долетал и из соседних казарменных помещений: видимо, и в других взводах творилось то же самое. Майор Вуорела впервые в своей жизни нарушил общее правило, согласно которому ночные учения запрещаются. Но в роте случилось чрезвычайное происшествие — просто бунт! Дисциплину следовало восстановить, во что бы то ни стало. Ибо без дисциплины армия — не армия...

Прапорщик Сеппэ достал из кармана часы.

— Даю вам две минуты. Если за это время не найдется мерзавец, избивший капрала Алатало, вы будете корячиться до утра. Засаекаю время — так! Отсчет начался.

В третьем взводе тоже шла муштра. Видно, там им не давали передышки, поскольку Алатало был их воспитателем и подозрения прежде всего падали на них. Поэтому прапорщик Сеппэ вообще-то и не думал, чтобы виновник оказался в его взводе. Но уж одно то, что никто не признавался и не делал каких-либо заявлений, означало, что Рийтты этой ночью ему не видать. Когда он отсчитал последние секунды, тонкие губы его судорожно скривились и он вдохнул решительно, полной грудью.

— Итак — неповиновение! Но вы от этого отучитесь, мерзавцы!.. Мы вас обстругаем... станете гладенькими... Взво-о-од — в коридор, строиться! С винтовками и с полной выкладкой! Живо! Живо!

Это означало, что предстоит марш. И Саломэки подошел к прапорщику:

— Господин прапорщик, разрешите обратиться? У меня ботинки на одну ногу. Я не могу маршировать.

Глаза Сеппэ стали узенькими, как щелки. Младший сержант Пуллинен уже успел доложить ему.

— Вы у меня сумеете не только маршировать, но и бегать. Ясно? Ведь в увольнении-то вы были герой. Ну, пошевеливайтесь!

В коридоре выстроилась вся рота. Тут был и дежурный офицер. Он прохаживался перед строем, искоса поглядывая из-под насупленных бровей.

— Рота проявила отсутствие дисциплины, — начал он. — Стало быть, вы пока еще ничему не научились. Нынче же ночью мы из вас сделаем солдат. Вы будете маршировать до тех пор, пока не найдется виновник. Тот, кто его назовет, получит увольнение на трое суток. Даю две минуты, чтобы он мог объявиться сам.

Эти две минуты были словно какое-то магическое число. Утром после пробудки были две минуты для зарядки. Столько же давалось на заправку постели, на уборку тумбочки и вообще на все. Финская армия не знала другой меры времени. Не составлял исключения и дежурный офицер.

Когда две минуты истекли, он отдал команду и повел роту в поход. Так из этих парней, изнемогавших под грузом амуниции, стали срочно делать солдат. И вот среди

темной ночи на дороге, идущей к городку, слышались зычные крики:

— Рота, слушай мою команду!.. Ложись! Попластунски — вперед! Вста-ать, шагом марш!

Когда они вошли в городок и приближались к месту, где была разбита витрина, раздавалась команда:

— Внимание, равнение налево! Здесь кто-то из вас избил капрала Алатало! Ложи-ись! Ползком, попластунски — вперед-ед!

Они ползли на животах по темной улице, задыхаясь и бормоча проклятия. Из окон сквозь щели светомаскировки выглядывали встревоженные лица обывателей. Впервые их так беспокоили среди ночи. Может быть, кто-нибудь и пожалел этих «бедных ребят», но только не их воспитатели.

Они двигались походным маршем все дальше и дальше. Ряды начали расстраиваться, шаг все чаще сбивался. И вдруг кто-то упал. В колонне сразу же возникло замешательство.

— Рота, сто-ой! Вольно! Перекур! Четверо бойцов — отнесите его в казарму.

— Вряд ли это нужно.

— Он не дышит, ясное дело.

— Какого черта!.. Оказать первую помощь! Живо!

— А кто это?

— Нисула из третьего взвода.

— Командир взвода, прапорщик Ритала, идите к ближайшему телефону и позвоните в гарнизонный госпиталь. Попросите поторопиться.

— Бесполезно. Он уже холодеет.

Командиры всполошились.

— Продолжайте искусственное дыхание, массируйте сердце! Прапорщик Ритала, вы дозвонились до госпиталя?

Хейккиля, Хейно, Саломэки и Ниеминен сидели прямо на снегу, на краю придорожной канавы и, потрясенные, слушали эти переговоры. Жутко было думать, что этот паренек может умереть по их вине.

Ниеминен прошептал:

— Это я виноват. Я пойду признаюсь.

— Валяй-валяй, иди! По крайней мере, кончатся наши муки крестные, — проговорил Саломэки, который все еще не мог отдышаться. Саломэки всегда страшился тюрьмы, но теперь она казалась ему избавлением. И он процедил, скрипя зубами: — Начальству, видно, только того и надо.

Замучить человека так, чтоб он сам готов был хоть в пекло лезть, лишь бы только от них подальше.

Саломэки задрал ноги кверху и пошевелил ступнями, отчего слезы покатались у него из глаз. Ноги, конечно, стерлись до крови в этих чужих, да еще непарных ботинках. Когда он шел в них, ему казалось, будто он все время идет по кругу. С болью и с досадой он продолжал:

— У нас и не было человеческих прав, но здесь мы хуже собак. О, святая Сюльви, угораздило же меня явиться на призыв! Лучше бы я удрал в лесную гвардию.

Хейно так и загорелся:

— Убежим! Я знаю даже место, где есть эти лесные... Из нашей деревни многие подались в лес еще в начале войны. Так и живут там по сей день.

— Тише, вы, — зашикал Хейккиля. — Могут услышать, и будет нам с вами лесная гвардия...

Из-за поворота показалась наконец санитарная машина. Посветили карманными фонариками. Потом кто-то сказал:

— Ему госпиталь уже не нужен.

Ниеминен вскочил с места, но три пары мужских рук усадили его обратно.

— Ты никуда не пойдешь! — повысил голос Хейно. — Его ты все равно не воскресишь, только нас предашь.

— Но ведь я виноват!

— Понюхай дерьмо!.. Парень все равно бы загнулся, не сейчас, так в другой раз. Всяких полудохлых еще берут в армию, черт побери!

В темноте раздалась команда:

— Внимание! Рота повзводно в колонну стройся! Живо-живо!

Все построились и ждали следующей команды — «шагом марш», но вместо этого слышали нечто совершенно удивительное:

— Если кто-нибудь чувствует себя настолько плохо, что не в состоянии дойти до казармы, пусть немедленно заявит об этом.

Вторичного приглашения не потребовалось. У санитарной машины стала собираться толпа. Саломэки тоже хотел было туда пойти, но Хейно успел удержать его:

— Нет, ты не уйдешь! Неужели ты, пентюх, не понимаешь, что Яску надо стеречь. А то он пойдет да и признается.

Обратный путь в казармы начался опять-таки странным приказом:

— Кто почувствует усталость, пусть заявит об этом! Вперед, шаг-ом марш!

— Ха-ха!.. — зло рассмеялся Хейно. — Сразу по-иному зазвонил колокол. Вовремя же этот парень отдал концы. Я думаю, что внеурочная муштра на этом кончится.

— Ай, святая Сюльви, он еще воображает!

Саломэки раздражало такое легкоеверие. Чтобы в финской армии чему-то научились! Но все-таки поведение начальства действительно было странным. Преподаватели шли молча, хотя в строю шептались и каждый брел себе как попало. Те, у кого были стертые ноги, вообще тащились в хвосте. Но даже и это вызывало только заботу: «Как, ребята, дойдете до казармы?»

Произошло в самом деле нечто совершенно непонятное. Безвременная кончина несчастного Нисула явила проблеск надежды остальным измученным до смерти парням. И хотя у него здесь не было близких друзей и почти никто ничего не знал о нем, отныне все они будут вечно помнить его как спасителя. И Саломэки сказал совершенно серьезно:

— Они могли бы наградить его боевым крестом. — Он помолчал немного, осторожно переступая больными ногами, и потом добавил, как бы подкрепляя высказанную мысль: — Я думаю, что он заслужил его больше, чем кто другой.

* * *

В казармы пришли только под утро. Охромевшие тормозили движение колонны. Некоторые делали это даже нарочно. Казарма была именно тем местом, куда они меньше всего стремились. Опять будни службы, опять осточертевшая муштра. Во втором взводе второй роты будни службы начались сразу же. Младший сержант Пуллинен построил их, едва державшихся на ногах от усталости, между рядами коек, а сам расхаживал взад и вперед по проходу и долдонил:

— Вы воображаете, что теперь начнутся вольные денечки. Ошибаетесь, голубчики. Вы думали, что в темноте можно делать что угодно — все равно никто не видит. Опять ошибка. Вы не маршировали, а тащились, как сонные му-

хи. И кроме того, вы разговаривали в строю... Егерь Хейно! О чем вы говорили?

Пуллинен, подойдя к Хейно, вдруг круто повернулся и стал перед ним, как вкопанный. Он слышал кое-что из их разговора, и в нем окрепло подозрение. Пуллинен уже был почти уверен, что капрал Алатало пострадал за него. Случай спас его. Просто случайность, что он остался невредимым. Но он еще не знал, как все это произошло. Дневальный Куусисто уверял, что Хейно, Хейккиля, Саломэки и Ниеминен пришли и доложились. Да ведь он сам тогда справлялся по телефону. Но все же подозрение не покидало его. Четыре дружка, наверно, как-нибудь обманули дневального. А может, и он с ними в сговоре? Это, правда, маловероятно, но не исключено. Во всяком случае Пуллинен решил проверить свои подозрения и сверлил глазами Хейно. Ему пришлось задрать голову, чтобы заглянуть в лицо этого верзилы. О, господи! Егерь опять набил себе рот сухарями!

— Опять у вас полон рот! Почему не отвечаете? О чем вы там говорили?

Хейно кое-как проглотил сухарное месиво.

— Ни о чем, господин младший сержант.

От усталости ответ его прозвучал сипло и настолько не по-военному, что Пуллинен даже онемел на какой-то миг. Ведь врет же, врет, окаянный, нахально врет в глаза своему начальнику! И Пуллинен придумал для него суровое наказание. Хейно устал, ноги у него, конечно, стерты. И младший сержант, злорадствуя, заорал:

— С винтовкой и с полной выкладкой бегом вокруг казармы, пока не скажу: стоп — марш, марш!..

Хейно напрягся, как будто вот-вот бросится на Пуллинена, но потом все же повернулся, вскинул рюкзак на плечи и направился к двери. У выхода он сказал, не повернув головы:

— Войтто, Яска и Виено, потерпите, ребята, постарайтесь. А я больше не могу.

Дверь хлопнула, и слышно было, как он зашагал по коридору. Пуллинен бросился к двери и распахнул ее настежь.

— Я сказал бегом марш! Волочит ноги, как косарь на лугу!

Хейно побежал трусцой. Он выбежал за ворота, обогнул угол казармы и посмотрел на окна. Шторы затемне-

ния были везде плотно закрыты. Значит, никто за ним не следит. Он тихо опустил рюкзак на землю и пошел, прихрамывая, по направлению к железнодорожной станции.

* * *

Майор Вуорела был взбешен, когда ему доложили о смерти солдата на марше. Что это такое? Подложить ему такую свинью! И именно во время ночного похода, которого по уставу не положено устраивать. Впервые он попытался восстановить дисциплину не по правилам — и тут, на тебе, какой-то солдат умирает, как назло. Что это за Нисула? Почему он не пошел умирать в лазарет? Лучше бы уж не брали таких в армию. Ведь смотрела же его призывная комиссия! Или там не врачи, а коновалы? Проклятье! Мало того что в первом же увольнении понапивались вдрызг, избили преподавателя до полусмерти, так давай еще помирать!

Майор в полосатой пижаме и ночном колпаке расхаживал взад и вперед по своей спальне. Ему позвонили по телефону домой, не дожидаясь утра. Теперь он ругал на чем свет стоит врачей, сестер, санитарок и всю медицину, не говоря уж о преподавателях и «железных егерях — истребителях танков». Ну, разве не паразиты? Принесли присягу и тотчас нарушили ее! Ведь клялись повиноваться начальству, неукоснительно выполнять приказ командира, отдать за родину всю кровь, до последней капли. А сами, мерзавцы, проливают кровь своего начальника, плюют на запреты и у первого же аптечного киоска выпивают весь иллодин, который там нашелся!

Майор Вуорела присел на край кровати. Он уже хотел было вызвать командиров рот на совещание, как вдруг заметил, что еще ночь. Так какого же черта они меня подняли среди ночи? Хотели, наверно, услышать, как майор задыхается и хрипит, когда ему невмоготу. Этого им и нужно! Так и ждут, чтобы освободилось место начальника! Старый инвалид, на что, мол, армии такой. Именно так все они и думают!

Майор задыхался. Культия руки начала болеть, и воздуха не хватало. Он открыл вентиляционный отдушник. И тут снова зазвонил телефон. Майор снял трубку, выслушал доклад и выругался. Сбежал какой-то егерь Хейно. Силы небесные! Да в учебном центре бунт!

В сердцах шмякнув трубку, Вуорела быстро оделся и вышел.

В это время в учебном центре творилось и впрямь что-то непонятное. Казарма второго взвода второй роты была пуста, и другие казармы тоже понемногу опустели. То и дело дверь приоткрывалась, и в щелке показывались чьи-то глаза, быстро пробежавшие взглядом коридор из конца в конец. Затем из двери выскальзывал парень в нижнем белье и быстро на цыпочках шел в уборную.

Там был полный аншлаг. Второй взвод находился в окружении.

— Кто убежал?

— Хейно.

— Елки-палки, что же с ним теперь будет?

Ниеминен, Саломэки и Хейккиля сидели на соседних стульчаках, угрюмо молчали и слушали. Саломэки был, кроме всего прочего, еще зол. Он нашел «босняка», который прихватил его башмаки. И хотя подменивший натерпелся из-за этого на марше, пожалуй, не меньше его, все же они чуть не подрались.

— Чертов разбойник! Надо же, сволочь, стырить чужие ботинки!

Саломэки пытался теперь надеть отобранные у захватчика ботинки, но они не лезли на распухшие ноги. Чуть не плача, он клял все на свете:

— Этого прапора задушить мало!.. Не позволил, черт, сбегать переобуться. Видите, ребята, не лезет, хоть ты тресни... Слушайте, ребята, как же Пена?.. Что с ним будет?

— Если попадется, посадят в тюрьму.

— И много за это могут припаять?

— Кто их знает?..

Салсмэки наморщил лоб, задумавшись о чем-то. Потом он вдруг заявил:

— А давайте-ка и мы наострим лыжи. Смоемся, как Пена.

Друзья заулыбались, и он рассердился:

— Вы боитесь! Струсили! Ах, святая Сюльви, ну что за жалкие... Эй, парни! — крикнул он другим ребятам из своего взвода. — Удеремте домой всей компанией!

Нет, они не клюнули. Посмеивались только, как будто слышали забавную шутку. Саломэки начал честить всех, обзывать трусами несчастными. И никто не заметил, что кака-то тень отделилась от толпы и скользнула в дверь

ротной канцелярии. Вскоре дверь отворилась, и дежурный громко выкликнул:

— Егерь Саломэки, в канцелярию!

Майор Вуорела собрал для беседы ротных командиров и уже успел выплеснуть на них все свое возмущение. Особенно много горьких слов выслушал капитан Оваска, огромный, похожий на скотобойца командир второй роты, из которой шла вся эта чертовщина. Конечно, майор знал, что капитан тут ни при чем, и никакого отношения не имеет к тому, что произошло, но на ком-то надо же было отвести душу. И вот опять новый повод для огорчения. Среди солдат появились подстрекатели! Егерь Куусисто пришел и доложил об этом. Теперь он стоял перед майором навтыяжку и просил разрешения удалиться.

— Почему? — спрашивал майор. Он окидывал Куусисто гневным взглядом. Его, конечно, следовало поблагодарить за сообщение, но майору это претило. При всем своем безусловном уважении к дисциплине майор не выносил донощиков.

— Почему? — строго повторял он, видя, что солдат медлит с ответом.

— Господин майор, они прибьют меня, если узнают...

— Кто «они»?

— Ребята, господин майор.

— Какие ребята?

Куусисто тревожно косился на дверь. Сейчас войдет Саломэки, увидит его здесь и сразу все поймет. Куусисто бросило в пот.

— Не знаю, господин майор... Вообще наши ребята, все.

Майор презрительно усмехнулся:

— Что вы за человек? Егерь вы или дитя малое? Взбучки боитесь! Что же вы будете делать на фронте? Там бьют покрепче, чем свои ребята. Ну, егерь, что же вы...

Дверь отворилась и, хромя на обе ноги, вошел Саломэки с ботинками в руках. Он встал смиренно.

— Господин майор, егерь Саломэки по вашему приказанию...

Он заметил Куусисто и тотчас догадался, что тот наядничал. «За это он получит», — пронеслось в мозгу, когда майор гневно рявкнул:

— Что за вид? Как вы являетесь к командиру!

— Господин майор, ботинки не лезут,

- Как не лезут?
- Ноги стертые, господин майор!
- Покажите.

Саломэки снял шерстяные носки и приподнял штаны. Ноги его были в кровавых волдырях.

Майор встал.

- Где же это вы так?

Саломэки ответил. Он сказал и о том, что просил разрешения переменить ботинки, но прапорщик Сеппэ не отпустил его. Майор, казалось, не слышал его объяснений. Он все смотрел на стертые ноги егеря, словно любуясь ими.

- Когда вы это почувствовали? В начале похода?

- Так точно, господин майор!

— А вы все шли и шли дальше? Не пожаловались никому? И не просили, чтобы вас подобрала санитарная машина?

- Никак нет, господин майор!

Вуорела торжественно посмотрел на присутствующих.

— Господа офицеры! Вот перед вами образец железного солдата, настоящего егеря! Кто из нас смог бы маршировать с такими ногами!

Майор выпрямился и продолжал торжественно:

— Я всегда говорил, что финское упорство и егерь финской армии — это нерасторжимые понятия. Егерь Саломэки!

- Слушаю, господин майор!

— Вы вели себя как подобает солдату. За проявленную воинскую стойкость я награждаю вас трехдневным отпуском, считая с воскресенья!

- Рад стараться, господин майор!

- Хорошо, можете идти.

Когда Саломэки ушел, Куусисто вновь обратился к майору:

— Господин майор, ведь это тот самый Саломэки, который подговаривал солдат, чтобы, стало быть, всем вместе бежать.

В сухом взгляде майора на миг мелькнуло замешательство, но его сразу же сменило раздражение. Он в самом деле забыл, что собирался посадить этого Саломэки на гауптвахту. Но разве мог он, майор, начальник учебного центра, признаться в подобной забывчивости! И майор Вуорела не на шутку разгневался:

- Егерь Куусисто! Вы были на марше?

— Никак нет, господин майор! Я был дневальным.

— Сидели за столиком. А егерь Саломэки маршировал, хотя на его ноги и смотреть-то больно. И вы смеете критиковать мои приказы!

— Я не критикую, господин...

— Молчать! Кто вам позволил перебивать начальника?.. Капитан Оваска!

— Слушаю, господин майор!

— За недостойное солдата поведение егерь Куусисто наказывается двадцатикилометровым маршем с винтовкой и в полном снаряжении!

— Есть, господин майор!

— Егерь Куусисто, можете идти!

Куусисто вышел из канцелярии, пошатываясь как пьяный. Вышел в коридор казармы и остановился. Там стояла группа солдат и среди них Саломэки. Губы Куусисто задрожали, и он чуть не разрыдался.

* * *

Саломэки уехал в отпуск, хотя никто во взводе не хотел этому верить. Он получил у каптера почти весь новый комплект обмундирования и огромные разношенные сапоги, потому что другие не налезали на его стертые ноги. Ниеминен был мрачен. Он невольно завидовал товарищу, который мог хоть на миг вырваться отсюда. Когда наступит его черед? Только в феврале. Тогда-то, наверно, должны отпустить на побывку, ведь у него родится ребенок.

— По-настоящему этот отпуск следовало дать Хейно, — сказал он почти что серьезно. — Ведь это он заставил тебя маршировать, когда ты хотел попроситься в машину.

Саломэки рассмеялся, несмотря на боль в ногах.

— Берегись, берегись высказывать вслух такие мысли. Может Куусисто услышать и опять побежит доносить... Но майор-то наш оказался честным парнем! Заставил проклятого лахтаря двадцать километров топать. Будет знать, как ябедничать. Потом он еще и от меня получит в морду.

Саломэки проводили всей гурьбой до главного выхода. Он с трудом доковылял до середины двора и оттуда еще помахал им рукой.

— Эй, парни! Угадайте-ка, что ваш друг Саломэки будет делать нынче ночью? Лийсуука и не представляет, какая радость ей приготовлена!

Провожающие грустно смотрели ему вслед, пока Саломэки не скрылся за воротами.

— Вот повезло босяку, — вздохнул кто-то.

— И не говори!

Они вернулись в казарму, досадуя на то, что им не «повезло».

С полудня начались допросы относительно побега Хейно. Допросы вел сам майор Вуорела. В конце концов он страшно напустился на младшего сержанта Пуллинена:

— Вы оскорбляли чувства солдат, вторгаясь даже в их интимный мир! Какое безобразие!

Все во взводе говорили об этом настолько единодушно, что сомневаться в правдивости их показаний не приходилось. Но, может быть, Вуорела не так бы сильно рассердился, не будь эта история упреком ему самому: оказывается, он вовсе не такой глубокий знаток людей, каким себя считал. Но майор не желал сознаваться в этом.

— Я всегда говорил, что воспитатель солдат обязан иметь психологическое чутье и уважать в своих подчиненных чувство справедливости. А вы! Вы потеряли уважение солдат! То главное, что сплачивает всю армию в единое целое! У нас впереди, возможно, очень тяжелые времена. Чего вы ждете в таком случае от этих егерей? Они возненавидели вас, а в вашем лице и всех своих начальников. Можете идти, младший сержант.

На следующий день Пуллинена в казармах уже не было. Кто-то слышал, что его будто бы отправили на фронт. Позднее это подтвердилось. Таким поступком майор Вуорела, по-видимому, надеялся поднять свой авторитет среди солдат. И он не ошибся. Второй взвод был просто в восторге: «Вот это правильный мужик!»

На другое утро роты строем повели в гарнизонный госпиталь для врачебного осмотра. Солдат Нисула умер на марше от разрыва сердца. Такое не должно было повториться. Проходили медосмотр повзводно. Оттуда шли с вытаращенными глазами.

— Ну и чертовщина! Они и тут муштруют. Заставили присесть и скакать на корточках.

Их испытывали с нагрузкой для того, чтобы обнаружить возможные пороки сердца. Но ребята этого, конечно, не понимали и были в высшей степени возмущены. Ведь раньше ничего подобного на медосмотрах не бывало. На призывном пункте лишь наскоро выслушивали легкие

и сердце да спрашивали, не болен ли чем. И редко кто жаловался. Казалось чуть ли не позором, если вдруг на призыве «забракуют». Такой же осмотр им устроили потом, по прибытии в учебный центр. И с теми же тощими результатами. Ведь поначалу никто из них еще не знал, что за место этот учебный центр. Только потом начались жалобы и «болезни», но было уже поздно жаловаться, поскольку врачи в каждом видели симулянта. Теперь же провели основательное обследование, и его результаты оказались поразительными. У этих «здоровых телом и духом» молодых парней нашлось столько изъянов, что майор Вуорела стал приходить в отчаяние. Несколько человек пришлось сразу же отправить на лечение, многих послали на перекомиссию, чтобы уволить из армии или по крайней мере признать ограниченно годными. Но для Вуорела было утешением, что оставшиеся во всяком случае достаточно здоровы, чтобы выдержать меры по восстановлению дисциплины.

Вечером всем ротам объявили перед строем, что всякий, кто станет нарушать воинскую дисциплину или по своей медлительности и нерасторопности будет опаздывать в строй и задерживать других, — останется в учебном центре на второй срок.

Это произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

— Что это значит? — тревожно спрашивали друг у друга.

— Эй, что это он сказал насчет второго срока?

— Балда! То и значит, что, если ты не будешь ходить по струнке, так и останешься вечным рекрутом. И если заболеешь — один черт.

Майор Вуорела придумал хитрый способ восстановления дисциплины. Ведь он и сам когда-то был рекрутом в таком же учебном центре и прекрасно помнил, как нетерпится каждому поскорее выбраться вон из этого котла. На завтра уже никто не добивался на прием к врачу.

В тот день не было внеурочной муштры и вечер прошел спокойно. Преподаватели получили, по-видимому, увольнение. Обучаемые ходили из одной казармы в другую, бродили по коридору или писали письма. Кто знает, когда еще представится такая возможность.

Поздно вечером вернулся из отпуска Саломэки.

— Э, хряки, глядите-ка, у него глаз подбит и морда

распухла! — заметил кто-то. — Неужто Лийса его так приветила?

Саломэки промолчал. Швырнул только в угол пустой свой рюкзак и грузно сел на койку Ниеминена. Все тотчас обступили его.

— Ну, принес водки? — наседали с вопросами, и кто-то уже схватился за рюкзак. — Елки-палки, пустой! Ни одной бутылки!

— Понюхайте хвост! — окрылся Саломэки. — Водки вам подавай! Как это вы еще не спрашиваете, не принес ли я вам девушку в рюкзаке!

— Ха, чего ты, собственно, раскричался?

— Оставьте человека в покое! — вступился Ниеминен. Ему повиновались без возражений. Кулаки его здесь пользовались известностью. По всему учебному центру до сих пор еще ходили рассказы о том, как он в вагоне расправился с тремя парнями.

Но Виено Саломэки никак не желал успокаиваться. С черно-лиловым синяком на глазу и со вспухшей, треснувшей губой, он был страшен и кидался на всех с остервенением:

— Сейчас я вам рожу вина! Разевайте рты пошире!

Ниеминен пытался его успокоить, и тот уж было притих, но, когда сам же Ниеминен неосторожно спросил, как прошел отпуск, Саломэки опять взорвался:

— Попробуй угадать, что́ было и как!

Ниеминен смотрел изумленными глазами то на Саломэки, то на Хейккиля.

— Чего же мне отгадывать?.. Хорошо небось... встретился с Лийсой...

Саломэки вдруг помрачнел, посерел лицом и выбежал в коридор.

— Что с ним стряслось? — недоумевал Ниеминен.

— Ему крепко набили морду, — сказал Хейккиля встревоженно.

— Может, у него сотрясение мозга? Он как будто помешался. Пойдем-ка за ним.

Они нашли Саломэки в уборной. Он сидел на стульчаке и яростно курил огромную самокрутку. Вошедших как будто не заметил. Ниеминен посмотрел на него, наморщив лоб, и потом начал издали:

— Слушай, Виено, ты завтра же пойдешь к врачу на прием насчет своих ног. Назначат какое-нибудь лечение.

Никакого ответа.

— А так ведь недалеко и до заражения крови.

— Пусть хоть сифилис!

— Ну, как знаешь.

Помолчали. Наконец заговорил Хейккиля.

— Ты что, дрался или упал?

— И то и другое! — Лицо Саломэки исказила гримаса. — Я был у одной шлюхи в спальне, получил по зубам и скатился по лестнице. Хватит с вас? Довольны?

Тут уж Ниеминен задышал тяжело. Он разозлился так, что готов был ударить. У приятеля невеста, с которой он обручен, а он ее обманывает, едва лишь случай представился! Сам Ниеминен был образцом верности и не понимал такого скотства. Поэтому он и возмутился:

— Правильно сделали, что дали по зубам! Мало только дали, надо было врезать посильнее!.. Я от тебя этого не ожидал! Бедная Лийса, связалась с таким козлом!

Но Саломэки, по-видимому, нисколько не раскаивался. Вдруг он засмеялся. Правда, как-то странно: не то смеялся, не то плакал. Потом простонал, как раненый олень:

— Бедная Лийса! О, святая Сьюльви, ну и болван же ты!.. Так у нее, у бедняжки Лийсы в спальне мне рожу-то и расквасили! У нее там был какой-то хмырь!

* * *

Служба в учебном центре продолжалась. Но было заметно, что внеурочной муштры стало значительно меньше. Настроение поднялось уже и оттого, что строевая подготовка закончилась, и теперь начиналась собственно специальная — противотанковая подготовка. И снова они были полны надежд:

— Теперь пойдут игрушки, ребята. Начнем заниматься пушечкой.

— Ах ты простота! Попробуй потаскать эту пушечку по лесам да по сугробам, так узнаешь, какие это игрушки.

— Нет, черт возьми, когда же все кончится? Я бы полжизни отдал, чтоб только попасть уже на фронт.

— И не говори!

Попасть на фронт, какое это было счастье! Там тебе свобода, там регулярные отпуска — по очереди! И ты приезжаешь домой и можешь травить баланду, как фронтовик, мол, там «снаряды визжали точно поросята, но наши парни только почесывались». Каждый из них читал и слы-

шал рассказы о фронтовой жизни. И большинству эта жизнь представлялась в романтических тонах. Дескать, там иногда ты стоишь на посту, и на тебя, как по заказу, прет танк противника. Ты его тут же, конечно, уничтожишь, а потом снова в отпуск. Правда, случалось иной раз, что кто-то там погибал геройской смертью, но это «миг один, боли не почувствуешь» — так об этом говорили бахвалы.

Но пока еще отправка на фронт была лишь мечтой. Сперва предстояло научиться расправляться с врагом. И тут опять их ожидало разочарование. Они воображали, что противотанковая подготовка легче пехотной. Однако ползание с винтовкой по сугробам показалось им детской забавой в сравнении с тем, что теперь им надо было еще таскать на себе пушку. Промокшие до нитки и совершенно разбитые, возвращались они с учений, вяло ругались и с ужасом думали, что завтра начнется все сначала. Дни были на редкость красивые, ясные и морозные, а по вечерам сияла луна. Но любоваться природой было некогда. Да и не до того. Только развспоминаешься, душу разбередишь. И вообще было не до чего. Если, бывало, кому-то попадалась на глаза газета и он начинал рассказывать что-нибудь об отступлении немцев, слышался чей-нибудь раздраженный голос:

— Ну и пусть отступают, сатана им в зад! Сразу и у нас бы тут заварушка кончилась.

Единственная новость, которая вызывала интерес, — это сообщение о том, что отпускникам разрешили самим покупать водку в магазинах Алко. Но и эта радость была недолгой: ведь тут держат без отпусков!

Иногда, правда, пускали в увольнение по вечерам. Но что в этом проку? Возвращаясь в казармы, они ругались на чем свет стоит.

— Господа начальство, черт их побери совсем, знай себе наслаждаются. Водят своих девок в ресторан, угощают допьяна. А солдат — ходи да облизывайся.

Однажды вечером по ротам объявили, что егерь Хейно осужден за дезертирство на полгода тюрьмы.

— Елки-палки, ребята!.. Значит, он попался.

Приговор казался чудовищным.

— Полгода — за что? Он же ничего не сделал!

— Кажется, можно сократить, если на хлебе и воде?

— Можно. Тогда тридцать шесть суток.

— Да, да, но он же снова попадет сюда рекрутом на второй срок.

Этого они боялись больше всего, это было как смертный приговор. Что угодно можно выдержать, но только не это. Армия выложила на стол козыри, против которых все бессильно. Понутив головы, они сдавались. Теперь из них можно сделать таких солдат, какие армейскому начальству и требовались.

В один прекрасный день Куусисто упал в обморок в строю. Его уже несколько дней лихорадило, но он не хотел идти к врачу. Потом кто-то говорил, что он висел на волоске между жизнью и смертью. Но едва ли кто-нибудь его пожалел. На медицинском осмотре у Куусисто нашли какой-то изъян и отправили было его на перекомиссию. Но Куусисто решительно отказался и вернулся обратно в строй. При этом он нажил себе новых врагов.

— Проклятый военный маньяк! Оставили бы его здесь в рекрутах, раз он такой любитель муштры.

Во втором взводе второй роты мало-помалу стала восстанавливаться прежняя дисциплина. Близкий друг и приятель Пуллинена, капрал Линтунен, начал драть глотку и командовать. Он был преподавателем того же типа, что и младший сержант Пуллинен, да к тому же еще, по-видимому, и подражал ему. Но тут совершенно неожиданно произошла перемена. Однажды, когда взвод штудировал «онежские волны», в казарму вошел незнакомый сержант. Линтунен поспешил отдать рапорт по форме, но сержант махнул рукой, нахмурился и спросил:

— А чем это вы занимаетесь?

— Это «онежские волны», господин сержант!

Сержант звучно прокашлялся и окинул капрала долгим внимательным взглядом.

— Э-э, того... а ты сам-то видал эти волны?

— Никак нет, господин сержант!

Весь взвод, не дыша, стоял навтыяжку, точно шест проглотивши. В этом сержанте было что-то странное, непривычное. На нем была старенькая шинель с «лычками» на погонах, а не на петлицах, как у преподавателей учебного центра. К тому же он был весьма немолод и казался усталым и больным. Что он за человек, в самом деле?

Сержант снова прокашлялся.

— Э-э, я-то вот их видел и даже плавал на этих волнах. Так что могу и тебя поучить. Ну-с.

Капрал смотрел на сержанта ничего не понимая и пытался изобразить на своем лице улыбку.

— Э-э, я не успел сказать, что меня к вам назначили помощником командира взвода. Понятно?

— Так точно, господин сержант, — подтянувшись, выпалил Линтунен.

— Ну, а раз понятно, так я для начала и покажу тебе эти «онежские волны». Ну живо, марш, марш!

В тот же вечер весь учебный центр уже знал, что во втором взводе второй роты появился новый помкомвзвода. Что он был ранен на фронте, несколько месяцев пробыл в госпиталях. А тут начал с того, что на глазах у взвода целый час мушгровал капрала. И самое удивительное, новый сержант сказал, что, пока он здесь, во взводе не будет ни «онежских волн», ни тому подобной бессмысленной муштры. От этого, мол, на фронте проку нет.

— Черт побери, ребята, вот бы и нам такого сержанта! Каждый взвод мог только мечтать об этом.

* * *

Налетели метели, земелька завьюжена.
Ийта-молочница нынче простужена.
А мы, хайдули-хайдули, песни поем,
Нам, хайдули-хайдули, все нипочем!

Было воскресенье, и во втором взводе второй роты — настоящий выходной день. Раньше воскресенье значило непрерывную гонку, а с тех пор, как пришел сержант Мюллюмэки — отдых. Другие преподаватели тоже расходились кто куда, так что опасаться надо было лишь дежурного офицера. Поэтому в коридоре всегда кто-нибудь стоял на стреме, чтобы подать знак о приближении «тучи». Некоторые ребята валялись на койках, с разрешения сержанта разумеется. «Только смотрите, чтобы койки были в порядке, если начальство нагрянет».

Ниеминен играл с Мюллюмэки в карты. Он уже проиграл несколько раз, и это его страшно удручало. Взорвавшись, он крикнул парню, который лежал в углу и горланил песню:

— Замолчи ты там! Ишь разошелся...

— Пускай себе поет, — добродушно сказал сержант, довольный выигрышем. — Ну, ходи.

Дверь приоткрылась, и «караульный» подал сигнал:

— Подъем! Туча находит!

Все пришло в движение. Приводили в порядок койки, наскоро обувались. Сержант Мюллюмэки застегнул крючки воротника и обругал «караульного»:

— Кричит так, что в городе слышно!..

Он быстро проверил порядок в казарме и направился к двери, чтобы отдать рапорт. В тот же миг дверь распахнулась, и Мюллюмэки с изумлением уставился на вошедшего солдата.

Тот доложил:

— Господин сержант! Егерь Хейно прибыл...

— Фу, черт побери, Пена приехал! — воскликнул Ниеминен и бросился к товарищу.

Тут поднялся шум, возникла целая свалка, потому что все кинулись встречать вошедшего. А он недоверчиво косился на незнакомого сержанта, ведь у него сохранилось прежнее представление об унтер-офицерах. Кто его знает...

Но вскоре, глядя на всех, и он успокоился немного. Мюллюмэки, конечно, понял, кто это. Он слышал историю, которая произошла здесь. И сказал с усмешкой:

— Это вы, позор полка, да? Ну, как там кормежка? Меню запомнилось? Не слишком жирно, но разнообразно?

— Так точно, господин сержант! — ответил Хейно, и грустное лицо осветила слабая улыбка. — Утром вода и хлеб, днем — хлеб и вода, а вечером и то и другое.

— Оно и по лицу видать, — с жалостью воскликнул Ниеминен. — Скулы торчат.

Хейно и раньше был худощав, а теперь стал и вовсе как тень. Кто-то из ребят сказал почти серьезно:

— Тебе, Пена, на полесвые ученья выходить опасно: можешь провалиться в дыру, прорытую дождевым червяком.

— Брось трепаться! Достань лучше хлеба кусок, у меня от голода в глазах темнеет.

— Э-э, в самом деле, — сержант обратился ко всем, — дайте-ка солдату поесть. А я пойду по делам.

— Кто это такой? — спросил Хейно, когда сержант вышел.

— Да вот, некто Мюллюмэки, наш помкомвзвода.

— Да ну, брось врать! — воскликнул Хейно. В тюрьме его словно подменили. Глаза светились ненавистью, и губы сводила горькая гримаса. Он-то ведь знал, какие бывают помощники командира взвода. Но когда все напере-

бой стали уверять его, Хейно наконец улыбнулся уголком рта.

— Ну, если так, то я и впрямь у вас останусь.

Вскоре на столе появилась домашняя еда, ведь посылки от родных приходили чуть ли не каждый день. Весь взвод обступил голодного.

— Глядите-ка, братцы, как свинина-то в ход пошла. Так и тает!

— И масло! Надо бы дать ему согреться немножко.

— Пришлось ли за все это время хоть понюхать масла?

— Давали нам как-то по маленькому шарикун маргарина, но его хватило бы разве что глаза смазать.

Ниеминен смотрел на Хейно с болью в сердце. И вдруг, вспомнив о чем-то, дотронулся до картуза Хейно и тотчас отдернул руку. Все ясно. Не зря же этот картуз у него на голове словно гвоздями прибит, даже за столом он его не снял.

Ребята тоже заметили жест Ниеминена, и тут наступило долгое молчание. Может быть, только теперь они по-настоящему поняли, что такое тюрьма. Голова Хейно была обрита, пышной шевелюры как не бывало. Можно, конечно, жить на хлебе и воде, и даже долго. Человек может многое вытерпеть. Но лишиться волос — это просто ужасно. Для Хейно это было несчастьем вдвойне, потому что он собирался в скором времени жениться, и даже день венчания был назначен.

Мало-помалу разговор завязался снова. Расспрашивали о тюрьме и о прочем, и Хейно кое-как успевал отвечать, отрываясь от еды.

— Черта с два бы они меня поймали, — говорил Хейно с полным ртом. — Но я задремал.

— Где же они тебя схватили?

— В Рийхимэки. Я проснулся оттого, что кто-то потянул меня за ногу. Смотрю — военная полиция.

Хейно рассказал, как он побежал из казармы прямо на станцию. А там, как по заказу, пришел пассажирский поезд. Он незаметно влез в вагон и забрался под лавку.

— В купе ехали солдаты-отпускники. Они, конечно, заметили меня и переглянулись. Но солдат солдата всегда поймет. Я старался держать глаза открытыми, чтобы не заснуть, но ведь и прошлую-то ночь не пришлось глаз сомкнуть, как на грех. И я задремал. Наверно, я потом вытянулся, так что ноги показались из-под лавки. Они увидели,

проходя по вагону, и хватя меня за ногу. Из-за меня чуть драка не вышла. Все фронтовики мне сочувствовали и хотели помочь. Чуть было не разорвали меня пополам. Полицейские тянут меня с одного конца, а фронтовики — с другого. Но все напрасно. Полицейских набежало как муравьев. Так меня, голубчика, и потащили.

— Решился бы ты бежать еще раз?

— Если они тут опять начнут измываться. Но тогда уж я не просплю.

Они продолжали беседовать и после отбоя, когда улеглись на койки. Живший с ними в казарме капрал еще не вернулся из увольнения. Койки Саломэки, Хейккиля, Хейно и Ниеминена стояли рядом, так что они могли разговаривать даже шепотом.

Хейно рассказывал:

— Фронтовики в поезде были отчаянный народ: не стеснялись и не боялись никого. Они говорили прямо, что господа собираются воевать до последнего солдата, все время твердят об этом, а сами-то уже укладывают чемоданы, чтобы успеть драпануть в Швецию, если приспичит.

Ниеминен посмотрел на Хейно с возмущением.

— Кто распространяет эти слухи? Я во всяком случае таким сплетням не верю.

— Ты можешь не верить, — ответил Хейно, — а только так оно и есть. Ты, конечно, газет не читасшь. Я насчет того, что в Харькове недавно судили многих немцев — военных преступников. И повесили. От этого, знаешь, и других военных шакалов бросает в дрожь. Сосед-то ведь прет и прет, как паровой каток, и немец ничего поделать не может. А теперь, видишь ли, сосед обвиняет Финляндию, что, мол, она тоже захватила его территорию, вместе с немцами Ленинград блокировала и даже бомбила его. Это, слышь ты, Яска, скверным пахнет. Как Ваня-то попрет — тут все затрещит. А наши господа до последнего ждать не станут.

Ниеминен даже привстал и долго смотрел на Хейно в упор, а потом саркастически рассмеялся.

— Я вижу, что ты в эту поездку нахлебался коммунистической пропаганды. Неужели, по-твоему, мы не имеем права забрать назад наши собственные земли?

— Да-а, ка-ак же, — ехидно протянул Хейно, — да еще с процентами! Разве и Ухта и Олонек тоже наша собственность, что мы и их заграбастали?

У Ниеминена желваки заходили на скулах, но он не знал, что сказать. Он никогда не задумывался над такими вопросами. Вообще вся эта война не особенно его занимала. Он был из тех людей, которые не умеют раздвигаться. Когда начал заниматься боксом — так это захватило его целиком. И в газетах он читал только то, что касалось спорта. Отец Яакко был машинным мастером на большой бумажной фабрике. Такие специалисты составляют своего рода «рабочую аристократию». Помимо сравнительно высоких заработков, они имеют и множество других привилегий. Разумеется, он не состоял в профсоюзе и вообще держался в стороне от политики. Сын во всем старался походить на отца. Правда, он занимался в спортивном обществе и секции бокса, которая входила в ТУЛ¹, поскольку в их местности других спортивных обществ не было. В шюцкор он, однако, не вступил, да и не хотел вступать. Все, кроме спорта, было ему безразлично. Но все же насмешливый, скептический тон Хейно настолько задел его за живое, что он просто не мог промолчать и начал обороняться:

— Там живет народ финского племени. А на войне, знаешь, как в боксе: если противник двинет тебя по роже, то ты стараешься ответить ему вдвойне. Русские ударили нас первыми, затем пришел наш черед.

— Ну, а что, если теперь они нам ответят вдвойне? — сказал Хейккиля, прыская со смеху, до того забавным показалось ему сравнение.

— Ну так, известно же, в боксе побеждает тот, кто лучше умеет обороняться. Я во всяком случае не думаю, что наша армия сейчас слабее, чем когда мы наступали. Да и успели же понастроить дотов, бункеров разных, так что не больно-то он тут разбежится.

— Не знаю, много ли от них проку, от бункеров, — заговорил Саломэки. — Небось он, немец-то, тоже успел кой-чего понастроить, а теперь улепетывает со всех ног. Все линии свои выпрямляли. Довыпрямлялись вон уже почти до Латвии.

Хейно рассмеялся, прикрывшись одеялом.

— Вот-вот, растолкуй ты этому военному шакалу...

Ниеминен приподнялся на локте и прошипел сквозь зубы:

¹ ТУЛ — Рабочий спортивный союз.

— Попридержи язык, Пена. Договорись, что я тебе нос расквашу!

У Хейно вырвался резкий, злой смешок:

— Вы послушайте этого Яску! Он так и рвется в бой. Скоро он ринется на Урал и на Ленинград. Ударит раз, ударит другой — и крышка! Он же у нас чемпион района, вы не шутите!

Ниеминен вскочил с койки, но тут же снова лег и спрятался под одеяло, потому что запахнулась дверь и вошел капрал. Разговоры тотчас прекратились. Но Ниеминен еще долго не спал и сердито ворочался с боку на бок. «Я военный шакал! Ах, нечистый дух! Я его заставлю взять эти слова обратно!»

Сон все не шел. Где-то в душе тлело беспокойство: «Что если русские и впрямь попрут в наступление? Чем это в конце концов обернется? Если не выдержат укрепленные линии, что же тогда станет с Финляндией?»

* * *

Наступил новый год. В январе грянули редкостной силы морозы. Война продолжалась. Мир пылал в огне. Газетные заголовки делались все тревожнее:

«Берлин эвакуируется!», «Русские перешли границу Польши!», «Граф Чиано и другие фашистские руководители казнены в Вероне!»

Но в учебном центре все шло по-прежнему, словно мировые события не имели к нему никакого отношения. Егеря-бронейщики учились поражать вражеские танки. Очевидно, дело для них найдется, ибо Финляндия поклялась «сражаться в одиночестве, до конца». Газеты вновь и вновь склоняли на все лады «чудо зимней войны». Эйзенхауэр перенес свою ставку в Лондон.

— Вот будет шуму, ребята, когда американец ударит в барабаны!

Но в «барабаны» начали бить совсем в другом месте. Русские перешли в стремительное наступление на Ленинградском фронте, прорвав оборону немцев.

— Это, значит, ребята, что скоро настанет очередь Финляндии, — сказал Саломэки. — А следовательно, и нас выпустят из этой клетки на фронт.

Взвод только что пришел с обеда и готовился к вечерним учениям, ждали, что сам майор будет показывать, как

надо поражать танк бронейным снарядом. На полигоне был для этого приготовлен старый, разбитый советский танк.

Строиться было еще рано, и взвод пока отдыхал у себя в казарме. От слов Саломэки сержант помрачнел и пасунился. Наконец он сказал с расстановкой:

— Не спешите, ребята, на фронт. Там ведь тоже не сладко.

— По крайней мере там не будет никто помыкать да без конца командовать, не будет этой чертовой муштры.

— Да, там, конечно, посвободнее. Но дай только соседу подняться в атаку — так сразу маму вспомнишь.

Саломэки хотел было возразить, что «настоящий мужчина духом не упадет и по матери не затоскует ни при каких обстоятельствах», но это приняли бы за хвастовство, и он сказал:

— Это, конечно, дело другое. Но я имел в виду, что пока там все спокойно.

— Да, если бы все было спокойно, — вздохнул Мюллюмэки и встал. — Давайте-ка собираться. Скоро эта «муштра» снова начнется.

Взвод стал не спеша собираться. С приходом Мюллюмэки всякая излишняя суетливость исчезла. Прапорщик Сеппэ сначала косо поглядывал на нового сержанта, удивляясь его либерализму, но вмешиваться не стал. Человек все-таки был на фронте в ту и в эту войну, был трижды ранен, имеет кучу орденов. Сам же Сеппэ только что окончил офицерскую школу. Так что он вообще махнул на взвод рукой и все свободное время посвятил «заботам» о своей Рийтте. Да и с чего ему было тревожиться? Судя по всему, эти мерзавцы усваивали науку неплохо, хотя их и не жучили так, как других.

На плацу майора еще не было. Он пришел только после того, как увидел из окна, что роты построились. Все должно было происходить как положено, по уставу, сначала — рапорт, потом — приветствие. Ответ на приветствие прозвучал сегодня недостаточно громко, и Вуорела сердито нахмурился.

— Здравствуйте, молодцы! — крикнул он снова.

Ну, слава богу, на этот раз вышло получше. И майор направился к танку.

— Солдаты, егери-истребители танков! Вы знаете эту машину. Это вражеский танк. Вполне возможно, что вам

представится случай поразить танк составным зарядом из гранаты и пачки толовых шашек.

Майор прошелся взад и вперед возле танка и продолжал:

— Как это делается, вы сейчас увидите. Прошу принести составной заряд.

Когда ему подали требуемое учебное пособие, Вуорела начал показывать и объяснять:

— У всякого танка имеется так называемый мертвый угол, который изнутри машины не просматривается.

Он подошел к строю.

— Подойдите, вот вы, егерь, вы будете мне помогать... А, это вы, тот самый Салохарью?..

— Саломэки, господин майор!

— Так-так, Саломэки. Это вы маршировали со стертymi ногами?

— Так точно, господин майор! — выкрикнул Саломэки. — После чего был отправлен в отпуск.

Конец прозвучал чуть ли не с укором, и майора это несколько смутило. Действительно, Саломэки был даже зол на майора за этот отпуск, хотя и понимал, что если его там отколотили, а его Лийсуукка была в объятиях другого, то уж командир-то тут ни при чем. Майор хотел было снова похвалить этого егеря за доблестную стойкость и упорство, проявленные во время марша, но промолчал, смущенный тоном ответа. Он протянул Саломэки ручную гранату.

— Идите в танк и ведите наблюдение за местностью. Если увидите меня хоть краем глаза — открывайте люк и бросайте гранату.

Саломэки колебался и медлил с ответом.

— Господин майор, я боюсь, попаду.

Вуорела усмехнулся.

— Не беспокойтесь. Приказ ясен? Выполняйте.

Саломэки взобрался на танк, открыл тяжелый люк и скрылся из виду. Майор обратился к ротам:

— Прошу внимательно следить, с какой стороны я буду приближаться к танку.

Он обогнул танк с тыла и лег на землю. Затем он стал подползать к танку. Ползти ему, одnorукому, было довольно трудно, но все-таки он полз, как-то странно, боком. Люк танка все время оставался закрытым. Вуорела оглянулся на роты, стоявшие строем, и кивнул головой в сторону танка, вот, мол, смотрите, как это делается... На самом деле он

вовсе не был в восторге от того, что прием этот входил в программу обучения. Конечно, он понимал, что вряд ли кто-нибудь из этих парней сможет таким образом приблизиться к вражескому танку и остаться живым. Ведь и у противника есть глаза, и танки чаще всего находятся в движении. Кроме того, новые танки противника имеют такую прочную броню, против которой составной заряд почти бессилён. Но мало ли что может случиться на войне! Так что, на худой конец, неплохо изучить и такой прием. Майор подполз совсем близко к танку и уже хотел было привстать, как вдруг люк открылся, и граната, описав красивую дугу, угодила майору прямо в лоб.

Затем из люка выглянула радостная рожа Саломэки, но в следующий же миг глаза его расширились от ужаса. Майор лежал ничком, и снег у его головы окрасился кровью. Саломэки нырнул в люк, и крышка захлопнулась. Офицеры бросились к майору Вуорела и подняли его. На лбу майора зияла рана, и кровь заливала лицо. Но он оттолкнул в сторону тех, кто пытался ему помочь, и обратил к танку свой пылающий взор.

— Егерь Саломэки! — взревел он.

В ответ ни звука. Вуорела рывкнул на столпившихся кругом него офицеров:

— Откройте люк! Приведите этого... солдата... сюда!

Офицеры взобрались на танк, но люк не поддавался их усилиям.

— Господин майор, он заперся изнутри!

У майора задрожал подбородок.

— Егерь Саломэки! — прохрипел он, задыхаясь от ярости. — Откройте люк!

Молчание. Майор весь трепетал, точно язык адского пламени. И тогда из танка донесся жалкий, испуганный голос:

— Господин майор, я боюсь. Меня посадят. Майор так сердит, я же вижу.

Вуорела закусил губу и приложил ко лбу носовой платок. Кровотечение утихло, а вместе с ним прошел и гнев.

— Ну, вылезайте, — сказал он уже спокойнее. — Ведь это я приказал вам бросать. Вы не виноваты.

Люк медленно приподнялся, и выглянула на свет посеревшая физиономия, на которой торчали выпученные от испуга, недоверчивые глаза.

— Вылезайте, вылезайте, — подбодрил его майор. — Я хочу знать, где я допустил ошибку.

Саломэки слез с танка и подошел ближе. Он стоял, опустив глаза и не смея взглянуть майору в лицо.

— Так, значит, вы видели меня? Как же вы меня видели? Всего, целиком, или только частично, мельком?

Саломэки проглотил стоявший в горле комок.

— Господин майор, я никак не видел! Я догадался.

— Догадались? — майор Вуорела превратился в вопросительный знак. — Не понимаю...

— Тут, видите ли, какая штука, господин майор. Я следил за их лицами. — Саломэки кивнул на переднюю роту. — А больше ничего и не требовалось.

Лицо майора вновь исказилось. Потом его взорвало:

— Я же приказал вам наблюдать за окрестностью, а не за ротами! Вы должны были бросать гранату только в том случае, если увидите меня.

— Я не понял, господин майор! — простонал Саломэки. И он ухватился за последнее средство защиты: — Вы же сами, господин майор, сказали, что я не виноват!

Майор Вуорела чуть было не крикнул: «Взять его! В карцер! Под суд, мерзавца!» Но он понял, что окажется тогда в очень неприятном положении. Ведь он же недавно представил этого губошлепа образцом, с которого все должны брать пример. Наградил отпуском, негодяя. Что же теперь, если он посадит под арест этого «железного егеря-истребителя танков»? И майор отступил, сохраняя достоинство:

— Хорошо. Видимо, я плохо объяснил. Во всяком случае, вы проявили наблюдательность. Станьте в строй!

Майор Вуорела скользнул взглядом по строю, выбирая подходящего человека. И наконец указал на Ниеминена:

— Вот вы. Вы займете место в танке и будете вести круговой обзор, как я сказал. Выполняйте!

Дальше все происходило как и в первый раз, с той лишь разницей, что граната не была брошена. Майор был очень доволен и сиял как победитель, когда, подойдя к танку, велел Ниеминену выходить.

— Не видели меня даже мельком?

— Никак нет, господин майор!

Майор Вуорела, торжествуя, обвел взглядом строй и прочел пространную лекцию насчет этого «мертвого угла», который каждый егерь должен знать с закрытыми глазами. Когда они вернулись с учений в казарму, Ниеминен усмехнулся и сказал своим друзьям:

— Конечно же, я видел. Но гранату бросать не стал. Ну его к лешему, еще закатает в тюрьму.

* * *

Идут на фронт солдаты,
и песни вдалеке летят.

Наконец-то настал день, которого они ждали с такой горячей надеждой. На службу призывался новый возраст, а их — солдат предыдущего призыва — построили и повели в городок, в центр пополнения личного состава. Значит — на фронт. Тут не могло быть сомнений. Обучение закончено, и все, что им положено знать и уметь, они усвоили. Вершиной явились боевые учения, которые прошли настолько успешно, что майор Вуорела даже проследил за ними. Он опять произнес перед этими «здоровыми духом и телом» егерями, на которых с надеждой обращены взоры всей нации. Они знали, что они пужны. Во всяком случае, второй взвод второй роты знал это. Потому что Хейккиля прочел в газете комментарии к условиям мира, предложенного недавно Финляндии.

«Согласившись на выставленные нам условия, мы бы заключили позорный мир. Но, сражаясь, мы даже если погибнем, то по крайней мере с честью».

Хейккиля посмотрел с усмешкой вокруг и сказал прощикновенно, как пастор:

— Да воздастся хвала этому упрямству, ибо в нем спасение народа финского. Аминь.

Фразу эту он вычитал как-то в газете, только «аминь» добавил от себя. Потому-то он и сделал на этом слове особенное ударение.

— А знаете ли вы, что значит «аминь»? Это значит: «воистину, воистину так да свершится». Стало быть, нам, ребята, предназначено погибнуть с честью.

— Один хрен, лишь бы только отсюда выбраться поскорей.

Ниеминен опять был в отчаянном настроении. Он только что вернулся из дому с крестин своего первенца. И теперь его так тянуло обратно, домой, что, кажется, бросил бы все и убежал. Только там, в отпуску, он понял, как сильно люди хотят мира. Даже отец говорил с беспокойством о том, что заключение мира оттягивается. «Останемся мы одни, сынок. Америка требует, чтобы мы кончали вой-

ну. А теперь и Швеция тоже. Германия уже ни на что не способна».

— А с нами-то что же будет?..

— В Сибирь небось... По крайней мере, тех, которые лезли на рожон и заварили всю эту кашу...

Ниеминен все глядел на ребенка не отрываясь. Он почувствовал, как что-то сдавило ему горло.

— А если все-таки заключат мир?

— Кто его знает... Придется убраться за старую границу.

— Значит, вся война была зря?

— Похоже на то.

Все это мучило Ниеминена, не выходило у него из ума. А теперь этот прочитанный Хейккиля комментарий встревожил его не на шутку.

До чего все это доведет? Неужели нас везут просто на убой? «Погибнуть с честью...» А разве нельзя жить с честью? Все-таки это лучше. Нет, он не хочет умирать, хоть и сказал «один хрен». Жизнь отдать вовсе не пустяк. Да если еще не знаешь даже, умираешь ли ты для блага родины или во вред ей. Но ведь у него я не спрашивают. Марш-марш — и все тут! Нет, черт возьми, лучше не думать, а то ум за разум зайдет!

Товарищи, похоже, гораздо меньше задумывались. Даже Хейно. Хейно беспокоило другое. Он боялся, что из-за тюремной отсидки его могут оставить в учебном центре.

— Если они меня оставят, я не вынесу.

Но то были напрасные опасения. Никого не оставили. С каким же облегчением парни вздохнули, когда колонна вышла за ворота казармы. Остались позади все муки, забыты были мучители, даже Пуллинен. Мысли обратились к будущему. Когда допели песню, Саломэки страстно прошептал:

— Теперь, босяки, надо скорее подавать заявление насчет отпусков!

Но в городе их ждал неприятный сюрприз: им стали выдавать одеяла.

— Чертова бабушка, что же это значит? Не потащим же мы на фронт постели?

Лица у них совсем вытянулись, когда их выстроили на плацу и объявили, что служба будет продолжаться в том же порядке: строгое исполнение устава, дисциплина и прочее.

— Господин капитан, разрешите обратиться! — из строя выступил вперед Хейно. — Неужели нас не пустят на фронт!

Капитан усмехнулся:

— Надо прежде научиться воевать.

— Господин капитан, мы уже достаточно обучены.

— А вот посмотрим.

Как только капитан ушел, все сразу загалдели. Хейно горько воскликнул:

— Я этого больше не вынесу! Я удеру ко всем чертям!

— А если военная полиция опять схватит тебя за ногу? — хихикнул смешливый Хейккиля.

— Пусть хватают, но здесь я не останусь!

— Давайте посмотрим денька два. Наедемся сперва как следует. Чтобы силы были.

Утром был подъем, как обычно. Но только не было пресловутых «двух минут» и постоянного понукания и крика. Утренняя зарядка тоже свелась к простой формальности.

— Все-таки тут совсем другое дело, чем в рекрутах, — говорили они между собой.

По ротам роздали противогазы.

— Елки-палки! Что еще такое? Мы же истребители танков!

Хейно долго разглядывал противогаз, наконец попробовал надеть его. Но вскоре сорвал с себя маску.

— В этой штуке задохнешься. Не дай бог еще маршировать заставят. Нет, я никак не могу понять, на что это нам?

— Зато с ним, наверное, хорошо нужники чистить, — смеялся Хейккиля.

— Ну разве что.

Ниеминена вызвали в канцелярию. Он вернулся оттуда мрачнее тучи.

— Меня посылают в командировку. Вестовым к какому-то полковнику.

— Да ну, брось! И далеко?

— Километра два отсюда. Там какие-то офицерские курсы ближнего боя.

— А что это за штука?

— Эх ты, простота! Лотты от офицеров отбиваются.

Ниеминену не хотелось включаться в это соревнование пересмешников.

— Вы еще можете смеяться, ребята, а я выть готов. Вы

все-таки хоть иногда освобождаетесь от начальства, а я прикован намертво.

Ниеминен явился на следующий вечер. На нем был мундир и брюки «с искоркой», щеголеватая пилотка и сверкающие сапоги. Рота только что вернулась в казарму после марша, все потные, усталые, потому что марш был в противогазах. Разумеется, столь «шикарное появление» встретили недружелюбно.

— Ах ты пижон чертов! Тебе лафа! А другие корячатся при последнем издыхании.

Ниеминен был в таком хорошем настроении, что даже пе стал отвечать. Он достал из кармана пропуск.

— Что это? Ага, пропуск для свободного хождения вечером!

— И постоянный.

— Фу, черт! — Хейно внимательно исследовал пропуск.

— Так и есть. Смотрите-ка! Везет же парню...

— И не нужно возвращаться к восьми часам, — добивал их Ниеминен. — Кивеля говорит, валяй хоть до утра, лишь бы только утренний кофе был сварен вовремя.

— Какой Кивеля?

— Полковник. Такой, знаешь, свойский парень! Сразу мне сказал, чтобы я других никого не слушал и что, мол, главное, что я должен делать — приносить жратву из офицерской столовой. И жить у полковника на кухне.

— Лакей, значит, — усмехнулся презрительно Хейно. А Хейккиля все улыбался:

— Стало быть, и ты теперь начальство. Раз ты можешь никого не слушать, кроме полковника.

— И не слушаю! А иначе просто невозможно. Там же, знаешь, начальство кишмя кишит! Все сплошь капитаны да лейтенанты, только несколько прапорщеният затесалось.

— Какого же черта их столько нагнали в одну кучу? — заинтересовался Хейно.

— Я же сказал. Изучают ближнюю оборону.

— Ха! Офицеры? — притворно изумился Саломэки. — Ведь их дело натиск. Пусть лучше бабенки от них обороняются.

Ниеминен бросил на него презрительный взгляд:

— Они, видишь ли, офицеры, а не такие хамы, как ты.

— Ну, небось они не мальчишки из воскресной школы, — буркнул Саломэки, разглядывая пропуск. — Да, пропуск

постоянный, не шутите. Теперь тебе, Яска, надо завести в городе любовницу, а то зря пропадает пропуск.

Ниеминен выхватил у него пропуск и спрятал в нагрудный карман. Он собрался уходить, решив, что товарищи завидуют ему.

— Потерпите уж, как подобает рекрутам, — сказал он, словно в отместку за их насмешки. Они с досадой смотрели ему вслед. Ниеминен ловко устроился, если только не врет. У Салмомэки же были некоторые сомнения на этот счет, и он предложил:

— Я знаю, парни, что надо сделать. Давайте в первое же увольнение пойдем и посмотрим за Яской. Я подозреваю, что он нас просто дурачил.

Увольнение удалось получить только на воскресенье. Всю неделю обучались военному делу. Конца этому не было видно. К счастью, «сверхурочных» занятий не было. Ниеминен попался им навстречу. Вид у него был весьма жалкий. Глаза красные, набрякшие, глядели вкось.

— Ай, мать Христова, — воскликнул Саломэки. — Яска пьян!

— Нне... Не пьян, а с похмелья, — сипло возразил Ниеминен, криво улыбаясь. — Вчера вечером пришлось н-немного вкусить...

— Да, конечно, с полковником? — иронически ухмыльнулся Хейно.

— Да, и с ним. И с целой компанией. Теперь надо бы раздобыть опохмелиться.

— Себе?

— Да нет же, полковнику.

Ребята смотрели на Ниеминена, не переставая изумляться. С чего вдруг он стал таким? Ведь раньше он, кажется, никогда не пил? Хейккиля и сейчас не верил, думал, что притворяется, разыгрывает. И подойдя вплотную потянул ноздрями воздух.

— В самом деле перегаром песет, — подтвердил он. — Ну, что мы с ним будем делать?

— Давайте все вместе набьем ему морду, — предложил Хейно почти всерьез. — Он стал господским лакеем.

— Понюхай вот это! — озлился Ниеминен. — Дайте же я объясню. Эти курсы рассчитаны на неделю. Вчера был прощальный ужин. Привезли из Сортавалы сотню бутылок водки. И я их все приправлял — добавлял фруктовой эссенции и сахару. И так как я должен был все время про-

бовать, чтоб, видишь ли, понравилось и бля... женщинам, так оно в башку-то и ударило.

Ниеминен причмокнул пересохшим ртом, потом зачерпнул рукой снегу и, пососав его, продолжал:

— Но теперь уж я знаю, что они не пай-мальчики из воскресной школы. Вы бы только посмотрели! Девки голые! Один капитан на столе плясал — тоже в чем мать родила... А потом, ночью! Я слушал, и меня рвало. Ни за что бы не поверил...

— А про меня ты верил, — вставил Саломэки, подмигнув остальным.

— Ну, ты другое дело, а они!.. У меня до сих пор в голове все путается. Одна бабенка даже ко мне в кровать лезла, — глаза Ниеминена расширились от ужаса, — голая! Говорит, что те все, мол, ей не соответствуют! Ни на что, мол, уже не способны...

— Ну, а ты, ты-то как? Соответствовал? — нетерпеливо спросил Саломэки.

Ниеминен бросил на него уничтожающий взгляд:

— Я же не ты! Я ее выгнал. А утром подал заявление, чтобы меня отпустили в часть. Но полковник даже читать не стал. Ну скажите, братцы, что мне делать?

— Я знаю! — мгновенно сообразил Саломэки. — Поменяемся местами! Ах, святая Сюльви, я бы им дал такого дрозда!

Ниеминен только рукой махнул и посмотрел на часы:

— Мне пора. Полковник отпустил только на час. Пойдемте, ребята, поговорим по дороге.

Они пошли за ним. Разговор не клеился. Ниеминен все сосал снежный комок. Наконец он заговорил, как бы сам с собой:

— Я всегда думал, что офицеры должны быть чуточку культурнее других. Больше я так не думаю. Такого разврата я вовек не мог бы себе представить. А ведь из этих господ большинство, наверное, жепаты.

— Ну, одно другому не мешает, — сказал с ухмылкой Саломэки.

Пришли в городок. Ниеминен зашел в ресторан и тотчас вернулся с поллитровкой в кармане.

— Только показал записку полковника, и сразу — будьте любезны! А нашему брату ни за что бы не дал. Ну почему так? Чем солдат хуже?

Хейно толкнул Хейккиля в бок и сказал со смехом:

— Слышь, Войтто, что говорит этот баламут? Он же набрался коммунистической пропаганды.

Хейккиля рассмеялся, а Ниеминен обиделся:

— Ну, знаешь, если мои слова коммунистическая пропаганда, так, значит, я сроду коммунист!

Они проводили его еще немного и пошли назад. Саломэки все не мог успокоиться:

— Ах, святая Сюльви, этот Яска не видит своей же выгоды. Я бы, кажись, полжизни отдал, чтоб побывать на его месте.

Они весь вечер бродили по боковым улочкам, чтобы не наткнуться на начальство. Идти, собственно, было некуда, поскольку в карманах пусто. Только в двенадцать они, продрогшие, вернулись в казармы и доложились дневальному. В казарме было, по крайней мере, тепло и можно было согреться, но раньше времени возвращаться в неволю им не хотелось.

В шесть утра снова подъем — и все как обычно. Господи, когда же конец? Они боялись даже говорить об этом. Ведь уже столько раз они ошибались. Но в глубине души у каждого теплилась надежда, что, может быть, сегодня объявят:

— Обучение закончено. Завтра отправляетесь на фронт.

* * *

— По вагонам!

Команду подали спокойно. Никого не нужно было подгонять. Всякий понимал, что, если замешкаешься — получишь худшее место. Поэтому все дружно бросились к теплушкам. У дверей образовалась страшная давка. Саломэки успел первым ворваться в вагон и орал, как ошалелый, дико вращая глазами:

— Эй, парни, сюда! Пена, Яска, Войтто — сюда живо!

Он захватил ближнюю к двери скамейку и сталкивал с нее всех чужих.

— Здесь занято! Ты что, не слышишь, балда стоеросовая!

Куда-то их отправляли. Конечно, никто не знал, куда именно. Но одно, во всяком случае, несомненно: обучение закончено. Пару месяцев тому назад, правда, тоже так думали, и ошиблись. Но теперь ошибки быть не может. Все роты получили новенькое оружие и финское армейское

обмундирование. Теперь они уже не повички в армии, а настоящие «заслуженные солдаты».

Весна чувствовалась во всем. Солнце ярко сверкало и пригревало совсем по-летнему, хотя на земле еще лежал снег. На станционном дворе, мощенном булыжником, было совсем сухо. У входа на станцию стояли несколько военных и с ними женщины. У Саломэки глаза тут же разгорелись.

— Ах, святая Сюльви, неужели в этом городишке были такие крали! Вы только посмотрите, бродяги, воп та брюнетка — какова? Какая фигурка!.. Фу-ты ну-ты!.. Хороша!

Ниеминен посмотрел и залился краской.

— Я ее уже видел. Это она тогда лезла ко мне.

— И ты, болван, прогнал ее!

Саломэки просто рассвирепел.

— Да тебя за это расстрелять мало! Ох, святая Сюльви, надо ж быть таким идиотом!

— Гей, ребята, гляди! — Хейккиля встал в дверях и замахал руками кому-то показавшемуся из-за угла станции. — Мюллюмэки идет!.. Эй, Мюллюмэки!

Сержант подошел.

— Что, отправляют вас? Понятное дело.

— А ты тоже с нами едешь? — обрадовался Ниеминен.

— Еду, но не с вами. На Свирь. — ответил сержант, и глаза его стали как-то особенно серьезными. — Я подал заявление. Вышли трения с начальством.

— Из-за чего?

— Э-э, все из-за того же. Привезли новых рекрутов. Тогда, как вы-то уехали. Ну, и говорят, я не обучал их как следует.

— Не муштровал?

— Ну да.

Мюллюмэки смотрел на длинный состав.

— Вас везут, наверно, на Карельский перешеек?

— Да никто ничего не знает.

— Э-э. Я смотрю, что паровоз глядит в ту сторону.

Сержант помолчал и закурил сигарету. Немного погодя он сказал, понизив голос:

— Э-э, я боюсь, там скоро туго придется. Вы только не особенно храбритеесь и не входите в раж. Я, видите ли, посмотрелся на таких вот ура-патриотов, которые целиком полагались на рвение и энтузиазм солдат. Кончалось все

очень плачевно. Обстановка такова, что, если начнется серьезное дело, никакой энтузиазм не поможет.

Он замолчал, заметив приближение какого-то офицера. Когда офицер прошел мимо, Мюллюмэки заговорил снова:

— Э-э, я не к тому говорю, чтоб вы при первой опасности бросились удирать. Это еще хуже, чем просто сидеть на месте. Я только хочу вас предупредить, чтобы вы не безумствовали. Ведь может случиться, что вы окажетесь все вместе — одна зеленая молодежь, и с вами не будет никого постарше, поопытнее.

— Постараемся запомнить, — сказал Ниеминен. — А хорошо бы и ты поехал с нами.

— Э-э, у меня там уже есть своя компания. И потом ведь простому сержанту выбирать не дают.

Паровоз дал протяжный гудок, и поезд, дернувшись с лязгом, медленно двинулся вперед. Мюллюмэки шел рядом с вагоном и наспех пожимал руки знакомым.

— Ну, будьте же здоровы! И помните, что я вам говорил!

— Будем помнить! Даст бог увидимся.

Поезд набирал скорость. Прогрохотали стрелки, промелькнули будка стрелочника и несколько домиков. Стук колес стал равномерным.

— Это был единственный порядочный человек, который встретился нам за все время обучения, — вздохнул Ниеминен.

— Самый жалкий трус! — бросил кто-то сзади, и Ниеминен мгновенно обернулся на голос.

— А! За эти слова ты заплатишься!

Куусисто с гордым видом отвернулся. Он знал, чем славился Ниеминен. Больше он никого не боялся из этой компании. Но ко всему еще этот Ниеминен дружит с Саломэки, который тоже грозил... Это просто счастье, что он попал тогда в больницу. А то действительно с ними недолго и до беды.

— Слушай, ты! Мюллюмэки был там, где человек кровью своей доказывает, чего он стоит, а ты, чертово семя, смеешь еще вякать, — продолжал Ниеминен, все больше распаляясь. — Заткнись и помалкивай, пока сам пороху не нюхал.

— Нюхать-то он нюхал, — усмехнулся Хейно. — И в русских стрелять насобачился в своем шюцкоровском тире.

— И доносить, ябедничать тоже насобачился! — воскликнул Саломэки. — Но этого тебе, парень, мы не забыли. Так что ходи, знаешь, да оглядывайся!

Куусисто презрительно скривил губы. Мол, не унижусь до того, чтобы еще вступать с вами в разговоры. Но если сказать по совести, он испугался. Не к месту вырвалось у него насчет этого сержанта. Но что же он, в самом-то деле, за агитацию развел. Чуть ли не на дезертирство подбивал! По меньшей мере, странно слышать такие наставления от сержанта финской армии!

Если бы Куусисто не так боялся их кулаков, он бы попросился, чтоб его назначили в орудейный расчет вместе с ними. Тогда бы стало видно, что они за герои. Сейчас, конечно, каждый может болтать, что угодно. А вот что они запоют, когда все будет всерьез!

Поезд бежал, монотонно постукивая колесами. Дорога вела, судя по солнцу, почти прямо на юг.

Кто-то сказал:

— Знаете, ребята, нас везут в Выборг!

И Саломэки сразу воодушевился:

— Эх, дали бы побыть там хоть две ночи! Вот где бабенки-то, ребята! Мы же с вами сроду не имели дела с такими...

— Но если нас там снова начнут муштровать?

— Типун тебе на язык, чтоб тебя!..

— Бросьте, ребята, на Карельский перешеек нас везут.

Из соседнего вагона долетела песня:

В чужедальные страны,
в голубые края...

— Эй, ребята, споем и мы! — загорелся Куусисто. — Походная песня Силлашпэе. Ну!

Он уже взмахнул рукой, отбивая такт, как вдруг Саломэки заревел, как нарочно, и не в такт и не в лад, только что громко:

Пролегла сквозь туманы
путь-дорога моя,
в чужедальные страны,
в голубые края...
Не пугает усталость,
нет томленья в груди,
только счастье осталось
где-то там, позади...

И вот уже весь вагон подхватил и запел песню, не обращая внимания на Куусисто, который так и застыл с поднятой рукой, прикусив губу с досады.

...И крученою пряжей
думы тянутся вспять,
в край, где домик на крыже
и озерная гладь.

Мимо проносились березовая роща, кружась в стремительном, нескончаемом танце. Белая кора деревьев влажно поблескивала в лучах солнца. Потом поезд миновал деревушку и с гулом въехал в густой еловый лес. Здесь в тени деревьев еще лежал снег. Но на лапчатых ветвях он уже стоял, и там-сям висели прозрачные, плакучие сосульки. Эхо возвращало гудок паровоза и грохот вагонных колес. Песня кончилась, и наступило молчание. Ниemiнен не пел, а только шевелил губами, повторяя вместе со всеми слова песни. Он стиснул зубы, и пытался не думать о доме, который песня так живо напомнила ему, но слова все время отдавались где-то в глубине сердца и неслышный внутренний голос вновь и вновь повторял:

...только счастье осталось
где-то там. позади.

* * *

— Елки-палки, что за наваждение! Это же казарма!

— Фу, черт... И не говори! Нас, бродяги, опять одурачили...

Они стояли потрясенные и понуро глядели в раскрытую дверь огромной казармы. Оправдывались их худшие опасения. «Это опять начнется муштра!»

Вечером эшелон прибыл на станцию Выборг и оттуда — маршем сюда. При виде этого мрачного, почерневшего, допотопной постройки кирпичного здания, и особенно внутренней его обстановки, у кого угодно волосы могли встать дыбом. В залах стояли двухэтажные койки и тумбочки — точно такие же, как в учебном центре. Даже входить было жутко, но задние напирали, и передним деваться было некуда. Зал начал заполняться, груды рюкзаков росли на полу. Саломэки обошел кругом огромный зал. Его пухлые губы дрожали:

— Ясно как штык, бродяги! Тут мы застряшем надолго. Это казарма — как дважды два.

— Ну, это же и слепому видно! — буркнул Хейно.

Хейккиля молча улыбался.

— Слушайте, босяки, тут же может снова пачаться эпидемия свинки.

Недели через две после того, как они поступили в центр пополнения личного состава, им объявили, что должны начаться занятия по строевой подготовке. На другое утро врачи гарнизонного госпиталя пришли в ужас. Чуть ли не половина сгерей явилась на прием. И у каждого — распухли шея и щеки. Очевидно, эпидемия свинки. Больных отправили в армейский госпиталь. А на следующее утро признаки болезни исчезли, и все «свиночные» выглядели так же, как и прежде. Старшая сестра госпиталя вытаращила на них глаза и побежала докладывать начальству. Вскоре она вернулась и, едва сдерживая смех, сообщила:

— Главный врач обещал, если будете вести себя хорошо, то через две недели выпишетесь и получите отпуск для поправки.

Но все же с отпуском дело не вышло. В армии эта «эпидемия» начала распространяться столь широко, что отпуска выздоравливающим отменили. Об этой «эпидемии» Хейккиля теперь и вспомнил. Хейно сразу же воодушевился:

— Верно! Пошли добывать дрожжей!

— Надо прежде все-таки спросить, надолго ли нас сюда, — сказал Ниеминен. — Есть же тут какая-нибудь канцелярия.

Он ушел и довольно скоро вернулся, улыбаясь во весь рот:

— По крайней мере, здесь мы не останемся. Я встретил одного сержанта, он говорит, что тут у них как постоянный двор. Одни уходят — другие приходят.

— Ах, святая Сюльви! — обрадовался Саломэки. — Так пошли скорее в город. Надо же хоть посмотреть, какие они, карельские девочки!

— А если остальные тем временем уедут на фронт? — сказал Хейккиля.

В этот момент у дверей крикнули:

— Кто желает получить увольнение в город — пусть явится в канцелярию.

Мигом в зале стало пусто. Кто же пропустит такой слу-

чай! Ведь, может быть, это их последнее увольнение в город.

И вскоре мост у Выборгской крепости заполнился гуляющими солдатами.

Хейккиля, Хейно, Саломэки и Ниеминен шли четверкой в ряд и рассуждали о том, куда бы податься. Город был им незнаком.

Саломэки предложил раздобыть «девочек», но других это не увлекло.

— Я слышал, тут есть такая круглая башня, — проговорил Хейно, жевавший по обыкновению кусок хлеба. — И там наверху ресторан. Пошли туда, поужинаем как следует. Черт его знает, когда еще представится возможность пожрать от пуза.

Перед отъездом им выдали суточные, курево на дорогу и сухой паек. Паек этот был уже съеден, но деньги оставались. Ниеминен, однако, был против такого транжирства. Насчет денег он был очень аккуратен, экономил каждое пенни и все отсылал жене. «Положи в банк, — писал он ей. — Как только вернусь отсюда, начнем строить дом».

— Ведь это очень дорогой ресторан, — проговорил Ниеминен, помявшись. — Да и неизвестно, открыт ли он сейчас. Может, зря протопаем. А пойдемте лучше на вокзал. Там ты тоже можешь налопаться до отвала. А я за компанию выпью лимонаду.

Пошли на вокзал. Навстречу то и дело попадались офицеры и унтера. Офицеров, конечно, приветствовали. Сперва стали было приветствовать и унтеров, но, услышав за спиной смех и язвительные замечания, мол, смотрите, как их вымуштровали, Хейно буркнул:

— Нет, к чертям! Мы ведь уже не рекруги, в самом-то деле! Я больше не буду козырять младшим офицерам.

Сначала это было непривычно, неловко, но приятели быстро освоились и вскоре вообще перестали замечать унтеров. Однако и офицеры попадались навстречу так часто, что друзья, как по уговору, свернули в какую-то боковую улочку. Там дышалось свободнее. Но Саломэки наконец взорвался:

— Вы просто жалкие твари! Ведь мы же договорились идти на станцию...

— Да ну, и тут какая-нибудь обжорка найдется, где можно подзаправиться.

— И девочки найдутся, конечно, — сказал Хейккиля,

подмигнув Саломэки. — Ну правда, на станции можно выбрать посмазливее да пофасонистей.

— Да, но там скорее можно подцепить и заразу, — наставительно заметил Ниеминен. — Этот Виено заведет нас... Его так и тянет в страну порока.

— Понюхай собачий хвост! — огрызнулся Саломэки и, резко повернувшись, пошел обратно. — Идите, пай-мальчики, а то мама заругает!

Они остановились и смотрели, как он смешно шагал на своих коротеньких ногах.

— А ведь он раздобудет себе какую-нибудь шкуреху, — сказал Хейно. — Я только не понимаю, что женщины-то находят в этом коротышке.

— Не знаешь разве, чем меньше козел, тем он бодливее, — заржал Хейккиля.

Вскоре они нашли маленькую столовую. Хейно и Хейккиля заказали по несколько порций разной снеди, которая выдавалась без карточек. И даже Ниеминена уломали «разориться» на одну порцию. Ведь неизвестно, доведется ли еще когда-нибудь посидеть в столовой.

Потом еще долго они шатались по городу, пока усталость не загнала их обратно в казармы. Вечерней молитвы здесь не было, и никто не командовал спать. Только теперь до них стало доходить, что обучение действительно было уже позади. Забравшись под одеяло и пытаясь распрямить свои длинные ноги, Хейно говорил:

— Теперь все как будто пошло на человеческий лад. Но ведь чудо, что и я здесь, с вами.

Постепенно и другие солдаты возвращались в казарму. Кого-то притащили под руки и уложили на койку «совсем тепленького».

— Черт возьми, его развезит от одного запаха!

— Где вы достали вина? — спросил Хейно, привстав.

— У спекулянта, где ж еще! Продал бутылку почти что чистой воды, сволочь этакая! Мы его потом искали целый вечер. Удрал, подлец. У другого достали получше.

Пришел и Куусисто и, с трудом лавируя, добрался до своей угловой койки. Кто-то из товарищей успел все-таки заметить его распухшее лицо.

— Эй, ребята, вояка получил в рыло!

— Да ну? — обрадовался Хейно. — Скажи, хорошо хоть дали-то?

— Вся рожа распухла.

— И у тебя бы распухла, доведись тебе одному против целой шайки, — огрызнулся Куусисто. — Хотели ограбить, мерзавцы.

Он разделся и укрылся с головой. «Поверили или нет?» — тревожно думал он. Но общее внимание перенеслось уже на другой объект. Кто-то распахнул дверь и с порога заорал благим матом:

— Завтра отправка! Я встретил лейтенанта, который привел нас сюда со станции. Он сказал, что утром. И прямо на передовую!

Вся казарма возбужденно загудела. Вот это была новость! Даже Куусисто чуть было не вскочил, но, вспомнив о своем раздутом лице, снова забился под одеяло. «Еще пристанут, начнут расспрашивать». Он получил сильную взбучку от какого-то ненормального сержанта. Тот был немного на взводе и лез с разговорами. Хвалился, мол, ему здорово повезло, что именно сейчас получил отпуск. Потому что там, говорит, как раз начинается заваруха. У соседей по ночам, слышно, идет такая работа, что никаких сомнений быть не может. Скоро оттуда придется драпать, поджавши хвост.

— Это нам-то?

— А кому же еще?

Куусисто смотрел на сержанта с презрением. «Совсем как тот Мюллюмэки, — промелькнуло в мозгу. — Такой же точно жалкий трус... Разве это финн? Нет, он недостоин называться финном!»

Куусисто всегда был образцом дисциплинированности, но тут уж он не сдержался, выказал сержанту свое неуважение.

— Это бред паникера, — сказал он ему. — За что тебе только дали нашивки? — и повернулся, собираясь уйти, но сержант схватил его за рукав.

— Ах ты, мальчишка, молокосос, учить меня вздумал! — взревел сержант, и глаза у него налились кровью. — Я получил нашивки в зимнюю войну и в эту — во время наступления. А ты где тогда обретался? Ты же передо мною щенок.

Сержант схватил его за грудки и приподнял над землей.

— Из-за таких пустоголовых, как ты, мы там годами в грязи, в болотах, платимся жизнью. А вашего брата на передовой не видно!

И не успел Куусисто даже охнуть, как рухнул от удара кулака на тротуар. Он попытался вскочить и убежать, но разъяренный сержант налетел, схватил его, поставил на ноги и снова ударил. Бог знает, чем бы все это кончилось, если бы не подоспел случайно какой-то капитан, который стал успокаивать сержанта и призывать его к порядку. А Куусисто тем временем поспешил улизнуть. «Ну его. Просто сумасшедший какой-то», — думал он.

Боковыми улицами вернулся в казарму. Но и сейчас его трясло. «Ведь убил бы, проклятый, если бы не капитан!»

Гул разговоров в зале начал понемногу затихать. Там-сям уже слышался храп. Только Хейккиля и Ниеминен не спали, они писали письма. Ниеминен исписал уже несколько листков, но еще о многом надо было сказать жене. Хейккиля кончил свое коротенькое письмо и перечитывал его.

«Здравствуйте, мама и отец!

Мы едем на фронт! Сейчас находимся в Выборге. Это красивый город. Не пишите мне, пока не пришлю вам нового адреса полевой почты. Как там дома? Здоровы ли вы? Я живу безбедно. Я бы мог отослать отцу мой паек курева, но тут товарищи вечно клячат, и отказать невозможно. Ну, пока! Приветы знакомым.

Войтто».

Хейккиля докурил сигарету, затянулся в последний раз и погасил окурок о дно консервной банки, заменявшей пепельницу. И вдруг он толкнул Ниеминена в бок:

— Эй, смотри, Виено явился!

Саломэки улыбался во весь рот.

— Парни знай себе строчат письма, — сказал он, — хотя на свете столько прелестных девочек!

Ниеминен презрительно усмехнулся, а Хейккиля расплылся в улыбке.

— Ну как? Получил, что хотел? — поинтересовался он. Саломэки сел на койку и стал закуривать.

— Хотя бы съездили ему опять по морде, — буркнул Ниеминен, — чтоб меньше очаровывался.

Саломэки смешил этот «страж морали».

— Ты, Яска, умрешь от собственного яда... Но в самом деле, ребята, девочка — просто блеск! Опа, правда, не карелка. Откуда-нибудь из Пори или из Раума. Говорок у

нее такой. — Он улыбнулся про себя и продолжал: — Я по тому заключаю, что она говорит немножко отрывисто, а не нараспев, как здешние. «Я столько пережила, что мне все равно. Во мне не осталось никаких чувств, я так одинока!»

Хейккиля начал трестись от смеха. И Ниеминен улыбнулся, но потом сказал серьезно:

— Конечно, чувств у нее нет! Хотя она и одинока, но ты-то у нее не первый и не последний.

Наконец они улеглись. Ниеминен долго еще смотрел невидящими глазами в потолок и с тревогой думал о будущем. Друзья шептались между собой. Хейккиля все заливался смехом. Видимо, Саломэки рассказывал ему о своих похождениях. Потом Хейккиля сказал громче:

— Вот черт, совсем забыл! Мы завтра отправляемся на фронт, ожив лейтенант сказал.

— Ай, святая Сюльви, неужели правда! — обрадовался Саломэки. — Значит, я тотчас подам заявление об отпуске на побывку! Чтoб начало действовать с первого же дня.

Ниеминен сердито повернулся на другой бок:

— Вот сатана! Он ни о чем другом и думать не может!

* * *

Грузовик трясся и прыгал по расхлябанной весенней дороге. В кузове сидели солдаты, подложив под себя рюкзаки, зажав вытковки между колен и вцепившись руками в борт. Здесь была и четверка друзей. Утром их погрузили в Выборге на поезд. В Райвола роты перетасовали. Всех солдат распределили по разным частям. Те, что ехали в грузовике, попали в отдельный армейский артиллерийский дивизион. Это придавало им гордости:

— Отборная часть, ребята!

— И самая ответственная. Ее, значит, всегда бросают на самые трудные участки, где ту же всего приходится.

Послеполуденное солнце пригревало почти по-летнему. По сторонам дороги было сухо, и кое-где уже проступала зелень. Но этого теперь как-то не замечали. Дивизион находился на передовой, так и сказал водитель перед отъездом, и лица у них немножко вытянулись, стали серьезнее. Конечно, они давно туда стремились, но теперь, по мере приближения к цели, их все больше охватывало волнение.

До сих пор им везло. Все четверо оказались в одном дивизионе. Теперь же они волновались, так как было не-

известно, попадут ли они в один орудийный расчет или хотя бы даже в один взвод.

— Я знаю, бродяги, — сказал Саломэки, — что сказали командиру батальона. Говорят, что, мол, надо установить в части родственный дух между начальством и подчиненными.

— Это чтобы все были как братья, — рассмеялся Хейкиля.

Ниеминен бросил взгляд на Саломэки.

— Я, по крайней мере, не согласен называть этого Виено своим братом. И даже дух его у меня родственных чувств не вызывает.

— И я думаю точно так же, — отразил выпад Саломэки. — В моем роду, например, никогда не было ни одного зануды-моралиста.

Хейно не участвовал в их перепалке. Он поглядывал на молчаливого юношу с тонкими чертами лица, который давно уже сидел рядом, но в разговор не вступал. Он молчал всю дорогу и лишь задумчиво смотрел на проносящиеся пейзажи. Хейно чудилась в нем какая-то барственная изнеженность. И кожа-то как у девушки. Странно, столько времени пробыли в одном учебном центре, а даже не познакомились. Наконец в Хейно победило любопытство.

— Ты в какой роте проходил подготовку?

— Это же Фимма из третьей роты, — поспешил вставить слово Юсси Леппэнэн. Он, как обычно, говорил без умолку и во все совал длинный нос. Этого болтуна из Тампере Хейно уже знал, вместе с ним и первый выходной вечер потеряли. Так что он едва взглянул на него. А Юсси продолжал:

— Его папаша, видишь ли, на гражданке большая шишка. Но яблочко от яблони откатилось чертовски далеко.

Юсси засмеялся, тряся своим огромным носом.

— Он даже школу бросил. Отцу сказал, что в начальство, мол, не стремится. Мы вместе с ним работали по электромонтажу. И даже в школу младших офицеров не захотел идти. Свой в доску, бродяга!

Хейно начал уже другими глазами присматриваться к соседу.

— А чего, в самом деле, не пошел? Надо было идти. Стал бы в конце концов офицером.

Нежная детская улыбка осветила лицо соседа.

— Что у Саула общего с пророками?

— А? — Хейно так и остался с разинутым ртом. А Юсси Леппэнэн заржал как жеребец.

— Он тебе сроду не ответит по-человечески!

Но Хейно не сдавался. Он сердито толкнул своего соседа в бок:

— Говори толком! Какого черта ты мне это куриное дерьмо мелешь? Я же не понимаю.

— Я оставляю трудные вопросы на завтра, — снова ответил тот серьезно, хотя детская улыбка не сходила с его лица.

Все захохотали. А Хейно густо покраснел. «Этот бродяга делает из меня посмешище!» Он хотел было сказать что-то резкое, но в это время Саломэки закричал:

— Ребята, деревня!

Все встали в кузове, держась за борта. На этом пути они уже видели много деревень, в некоторых даже останавливались, но теперь интерес достиг высшей точки. В этой деревне находился штаб дивизиона «Черепная коробка», как сказал им водитель.

— Такие же развалюхи, как и в других деревнях!

Их поражала серость здешних деревень. Большинство домов было из бревен, чаще всего ничем не обшитые и не окрашенные. Лишь изредка попадались дома выкрашенные в красное с белым, как в их родных краях. Им это казалось очень странным. В деревне было лишь несколько дворов. Но кое-где торчали почерневшие и обвалившиеся печные трубы.

— Э, бродяги, здесь когда-то были бои!

— Эй, глядите-ка, речка! Это же, наверно, Раяйоки!

— Да просто какой-то ручеек!

Машина остановилась у старого бревенчатого дома, и водитель открыл дверцу.

— Приехали, ребята! Заходите и располагайтесь, как дома. А я поеду дальше.

Все пососкакивали на землю, и в тот же миг взревел мотор машины.

— Черт побери! Надо было его спросить, зачем он нас тут оставил.

— Тише! — зашикал Куусисто, глядя на другой берег реки. — Послушаем. Передовая может быть где-то недалеко.

Они прислушались, сдерживая дыхание. Кругом стояла

такая тишина, что становилось страшно. Невольно заговорили вполголоса.

— Если это Раяйоки, то и передовая должна быть совсем близко, — сказал Саломэки. — Я помню, что вроде бы от границы и до Ленинграда недалеко.

Они стояли, притихшие, и всматривались в даль, через реку. Справа был голый, без единого деревца бугор, на котором торчали к небу печные трубы сгоревших домов.

— Если это Раяйоки, то та сгоревшая деревня была на русской стороне, — сказал кто-то.

— Бог с ней, — промолвил Хейно и вскинул рюкзак на плечо. — Пошли в дом. Небось за нами пришлют, если кому-то нужно будет.

В доме была одна-единственная большая комната. Старозаветная огромная печь стояла в углу, у стены — несколько двухэтажных коек. Саломэки быстро обследовал помещение. Он заглянул и в раскрытое, зияющее устье печи, а потом, взобравшись на приступку, поглядел и на печь.

— О, братцы, это чудесная штука. На этой печи можно спать вдесятером. Всяких хреновин тут понаделали. Окошечки маленькие, как отдушины в погребке. Я думаю, парни, что это был хлев.

— Балда! Как же ты сюда коров затащишь? Дверь-то какая низенькая. Но где же начальство? Водитель говорил, что и командир дивизиона живет в этой деревне.

— Да, и хоззвод, — сказал Хейно с голодным блеском в глазах. — Пойдем-ка, ребята, поищем. Ведь пора бы уже и подзаправиться.

Оставили рюкзаки и винтовки в углу и вышли на улицу. Саломэки заглянул мимоходом в сарай и радостно взвизгнул:

— Парни! Пушка! Ай, святая Сюльви, глядите, какая!

Всей гурьбой ввалились в сарай. Пушка была в самом деле странного вида. Приземистая и короткоствольная, по сравнению с немецким 75-миллиметровым орудием, из которого их в последнее время учили стрелять.

— Это, ребята, тоже семидесятипятимиллиметровка, — с изумлением признал Саломэки. — Интересно, что за штука такая?

Пушку обследовали долго и основательно. Ниеминен смотрел в оптический прицел и приговаривал:

— Да, ребята, тут можно метить в зернышко. Я думаю,

что это орудие специально рассчитано для мобильной обороны. Во всяком случае оно гораздо легче.

Вошел Хейно. Он успел уже кое-что разведать.

— Вон там кухня. И гороховый суп варится. Скоро, говорят, мы сможем похарчиться. А наш комдив, ребята, оказывается, очень большая шишка. Он возглавляет противотанковую оборону на всем Карельском перешейке.

— Елки-палки, так тебе и поверили! Он же всего-навсего капитан.

— Ну, во всяком случае снабженцы мне так сказали! — обиделся Хейно. И добавил с издевкой в голосе: — А нас, бродяги, опять будут муштровать. Они говорят, что нас тут сперва будут обучать стрельбе из этой пушки. Это, я вам скажу, пушка! Стреляет — зверски! Специальными снарядами. Начальная скорость каких-нибудь четырехста метров в секунду, но проходит любую броню насквозь. Взрывной силой.

— Как это взрывной силой?

— Очень просто. Снаряд, уткнувшись в броню, взрывается, и изнутри вылетает меньший снаряд, который пробивает броню, как картоп. Так мне говорили.

— Черт побери, ребята, вот это да!

Пушку разглядывали с восхищением. Но у Хейно были в запасе и другие потрясающие известия.

— Потом нас еще научат стрелять противотанковым ужасом и фаустом.

Настушила тишина. Накопец Саломэки спросил в изумлении:

— А? Чем, ты сказал?

— Так ты же слышал.

— А что это такое?

— Почему я знаю. Наверно, новое немецкое оружие.

— Ну! — воскликнул Куусисто, присвистнув. — Накопец-то! Значит, ребята, русскому Ивану придется драться в Сибирь.

— Смотри, как бы тебе не пришлось драться в Швецию.

— Я знаю, что это за штуки, — сказал Ниеминен. — Я видел рисунки там, на офицерских курсах ближней обороны. Я убирал комнату полковника, и случайно мне попала на глаза бумажка с красным штампом — «секретно». Я успел ее просмотреть. Потом я слышал, как господа офицеры толковали об этом.

— Смотрите-ка на него! Он там вынюхивал военные гайны. Ты бы еще копню снял да продал врагу. Получил бы хорошую цену.

Ниеминен лишь бросил презрительный взгляд и продолжал:

— Этот «фаустпатрон» вроде как кусок трубы с набалдашником на конце. А «ужас» — это такая длинная жестяная труба. «Фауст» бьет только на тридцать метров, «ужас» — на восемьдесят.

— Елки-палки, кто же будет стрелять этим «фаустом»? Не успеешь прицелиться, как танк тебя гусеницами разтюжит.

— Или из пулемета прострочит. Кажется, ребята, мы попадем в кашу.

Лица у всех стали серьезнее, только Хейккиля улыбался по-прежнему.

— Во всяком случае, парни, это геройская смерть. И можно спокойно слушать в могиле, как шепчутся над тобой ели.

Но товарищи не поняли такого юмора. Фронт был слишком близко. И Хейно угрюмо буркнул:

— Черт возьми, никаких ты шорохов не услышишь, когда над тобой насыпят два метра земли.

Юсси Лешпэнэн произнес с напускной торжественностью:

— Красива и почетна смерть за родину!

— Катись ты, ко всем чертям! — воскликнул Хейно. — Смерть никогда не бывает красивой, а насчет чести тоже бабушка надвое сказала.

Из сарая выходили молча.

* * *

Хейккиля проснулся в четыре. Он все еще не мог избавиться от довоенной привычки вставать так рано. Дома надо было в это время отправляться в хлев и на конюшню. Не позже семи плотно завтракали, а потом — на поля или в лес на работу. Теперь все это позади. Хейккиля лениво потягивался на койке, прежде чем встать. Яркое солнце ворвалось в комнату через маленькие оконца. Под потолком жужжали мухи. Кто-то бормотал во сне. Губы Хейккиля растянулись в улыбке. «А что, если сейчас взять да и закричать «подъем»?»

Он надел сапоги, вышел во двор и направился спокойным крестьянским шагом за угол дома. Сделав свое дело, он стал смотреть за реку. Где-то там была линия фронта. Но как далеко? Ведь оттуда ничего не слышно. Каково там сейчас?

На минуту лицо Хейккиля сделалось серьезным, но затем обычная улыбка вернулась к нему. «Ничего, как-нибудь наладимся».

Он уже поднялся на крыльцо, как вдруг заметил подле сарая солдата с книгой в руках. «Это же Юссин приятель».

Станный этот тип заинтересовал Хейккиля, и он, как был в белье, подошел к нему поближе. Заглянул в книгу и вскинул брови.

— Это что, русский язык? Ты собираешься перебежать на сторону противника?..

— Ньет,— ответил парень по-русски, не отрывая глаз от книги. Хейккиля сел рядом на завалинку, искоса поглядывая на тонкое лицо парня, на его по-девичьи мягкий подбородок и густые ресницы, тоже словно взятые взаймы у девушки.

— Юсси говорит, что твой отец важная персона. А чем он занимается?

— Всем понемногу, а в общем-то — ничем.

Улыбка Хейккиля исчезла. Эти обтекаемые ответы казались настолько возмутительными, что даже добродушный Хейккиля начал сердиться:

— Ну что-нибудь же он все-таки делает? Хотя бы деньги свои пересчитывает, если уж ничего другого не умеет!

Глаза парня так и не отрывались от книги. Только губы шевельнулись в улыбке, и в уголке рта блеснул золотой зуб. Хейккиля подождал еще немножко и встал, подтягивая подштанники.

— Ну и дерьмо же ты, парень!

— Да-а,— проговорил тот снова по-русски.

— «Та-а, та-а»,— в сердцах передразнил его Хейккиля и пошел в дом, покраснев от досады. Там он подошел к окну и с минуту глядел во двор. Потом направился к койке Юсси Леппэнена, чей нос выводил в это время рулады, не хуже церковного органа. Хейккиля вдруг ухватил храпуна за нос и тихонько скомандовал:

— Подъем!

Юсси вскочил с койки, точно оса ужалила. Хейккиля схватил его за плечи и уложил обратно, а сам сел на край койки.

— Твой приятель сидит там во дворе и несет страшную околесицу. Что он за тип такой?

— Фимма?.. Да никакой он не тип. А что?

Хейккиля рассказал, о чем они только что беседовали, и спросил:

— Верно, что его отец большая шишка? Отчего же он, в самом деле, не говорит по-человечески?

Юсси широко зевнул и пошарил под койкой сапоги.

— Его отец оптовый торговец. Богат как Крез. Разозлился на сына, что не захотел идти тем же путем. Чудак парень! Денег мог иметь хоть купайся. Но не пожелал. Поступил работать к нам.

Юсси натянул сапоги и поплелся, шаркая ногами, на двор. Вернувшись, он продолжал:

— В общем-то, мне мало что о нем известно, но котелок у него варит, это точно. Несколько языков ведь знает. И бегаёт здорово. На соревнованиях стометровку всегда выигрывал.

— Теперь он зубрит русский, я видел,— сказал Хейккиля с усмешкой.— Чудно! Ну, учился бы, раз была возможность. Я бы хотел учиться, да на какие шиши?

— Всякий по-своему с ума сходит,— хмыкнул Юсси и забрался под одеяло. Вскоре он уже сопел во всю мощь своего громадного носа. Хейккиля принялся одеваться. Одна мысль никак не укладывалась у него в голове: «Какая все-таки ерунда получается: одному дано все, а ему плевать; другому же — ничего, хоть как бы хотел. Не успел я его спросить, как зовут-то этого Креза».

Он снова разбудил Юсси. Тот окрысился:

— Ах, чтоб тебе пусто было. Его зовут Финн Пауль Сундстрём. Но если ты еще раз меня разбудишь, я тебя застрелю, как поганую собаку!

— Что, он швед?

— Спроси его самого, и отстань!

Хейккиля вышел на крыльцо, закурил, и все поглядывал на этого парня со странным именем, а сам думал с досадой: «Та-а, та-а, ньет, ньет! Теперь вот он зубрит, а не тогда, когда нужно было».

Солнце поднялось уже довольно высоко. Стена была черпа от мух. Лужайка во дворе ярко зеленела. Прямая,

как линейка, дорога пересекала широкое поле и скрывалась в лесу. Там исчезла вчера и та машина, что их привезла. Значит, где-то там был фронт. Хейккиля напряг слух, но кругом по-прежнему стояла тишина. Он воротился в дом и растянулся на койке. Рядом спал Куусисто. Его одежда была аккуратно сложена у изголовья, как следует «по форме». Точно так же, как в учебном центре. Хейккиля презрительно усмехнулся и перевернулся на бок. Незаметно он уснул. Немного погодя встал Куусисто. Он посмотрел на разбросанное кругом солдатское обмундирование, на спавшего в одежде Хейккиля и возмущенно пожал плечами: «Как лесорубы на привале! Вот бы капитан вошел».

Куусисто куском газеты почистил сапоги и вышел из избы. Он тоже смотрел в сторону фронта и вслушивался в тишину. По-прежнему не доносилось ни звука. Но Куусисто вдруг почувствовал странный холодок, пробежавший у него по телу. Мысль об отправке на передовую теперь уже не казалась приятной. «Надо было все же идти в унтер-офицерскую школу, когда предлагали», — подумал он.

В то время Куусисто искренне хотел поскорее попасть на фронт. Теперь он уже начал жалеть об этом. Близость передовой действовала, хотя он даже самому себе не хотел в этом признаться.

Куусисто тоже заметил Сундстрёма, сидевшего с книгой у сарая, и обрадовался. «Это по крайней мере культурный человек. И, говорят, даже из богатой семьи».

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Куусисто.

— Бог подаст, — было ему ответом.

Куусисто заглянул в книгу.

— О, вы изучаете языки, — сказал он с уважением, невольно переходя на «вы».

— Да, — ответил Сундстрём, нахмутив брови. Затем он вдруг захлопнул книгу и пошел прочь. Куусисто молча проглотил обиду. «И этот нос воротит!»

Он вошел в сарай и принялся разглядывать пушку. Вчера к ней было не подступиться, а толкаться в толпе он не хотел. Еще начали бы острить насчет увлечения оружием. Сейчас он осмотрел все орудие, даже замок открыл. «Так и есть, полуавтомат. Серьезная штука! Ни один танк не пройдет, если такое оружие — да в руках настоящих солдат».

Все еще спали, когда Куусисто вернулся в избу. Он аккуратно заправил койку и сел у окна. В это время во двор въехала легковая машина. Дверца распахнулась, и Куусисто вскочил, как на пружине. «Черт возьми, сам капитан!»

Он хотел было сразу объявить подъем, но сделал это лишь после того, как капитан вошел в избу.

— Докладывайте,— сказал капитан, когда Куусисто подошел к нему, чтобы отдать рапорт.

Капитан смотрел на сонных парней, которые после неожиданной побудки глядели ословело и безуспешно старались вытянуться по стойке «смирно». Капитан был видный мужчина, высокий, стройный и красивый. Темные, острые глаза, казалось, видели все насквозь. Из-под пилотки виднелись коротко стриженные черные волосы. Гладко выбритое лицо было необычайно смуглым. Щеки и подбородок сильно отливали синевой. На груди — два ряда орденских планок. Вообще, капитан был похож скорее на иностранца-южанина, чем на финна.

— Здравствуйте, бойцы,— произнес он, сверкнув белыми зубами. Ответ прозвучал невнятно, вразброд, потому что все еще боролись со сном и не могли прийти в себя от неожиданности.

— Я ваш командир дивизиона,— продолжал капитан.— Моя фамилия Суокас. Надеюсь, что мы с вами поладим. Но сразу же ставлю вам одно условие. Подъем в шесть ноль-ноль. Затем — уборка помещения. Сейчас это цыганский табор. Сегодня начнете изучать новое оружие. Овладеете — и на передовую.

Капитан принялся расхаживать взад и вперед, заложив руки за спину и почему-то надувая щеки. Вдруг он подошел к Хейккиля:

— Из каких мест?

— Из Суониemi, господин капитан!

— Там что, все спят не раздеваясь?

Хейккиля бросило в краску.

— Никак нет, господин капитан! Разве что днем после обеда прилягут.

— Здесь после обеда не ложатся и в одежде не спят. Ясно? Ну, ладно. А вы из каких мест?

Расспросив всех, откуда кто, капитан на мгновение задумался.

— Значит, вы все из окрестностей Тампере. Хорошо.

Стало быть, всех — в один взвод. Во взводе два орудия, французско-немецкие полуавтоматические пушки. Личное оружие получите перед отправкой. Вопросы есть?

— Господин капитан,— угрюмо спросил Хейно.— Обучение продлится долго?

— Нет, всего несколько дней.

У Хейно вырвался вздох облегчения, отчего даже по каменному лицу капитана скользнула улыбка.

— Господин капитан,— обратился Куусисто, щелкнув каблуками.— Есть ли там на передовой трудные места?

— Нет, пока что все спокойно. Но что с вашим лицом?

— Пытались ограбить, господин капитан. В Выборге. Суокас бросил на него острый взгляд, но не стал больше допытываться.— Кто у вас за старшего?

— Мы не знаем, господин капитан,— поспешил ответить Куусисто.

— Будете исполнять обязанности старшего по казарме,— сказал капитан и направился к выходу.— Продолжайте!

В дверях он натолкнулся на Сундстрёма.

— Это что? Кто такой?

Сундстрём отрапортовался, и капитан обратил внимание на книгу.

— Учитесь?

— Так точно, господин капитан. Русский язык.

Глаза капитана сверкнули.

— И другие языки знаете?

— Немного, господин капитан. Английский, французский, немецкий, шведский и латинский. Еще немного итальянский.

Капитан поднял брови. Потом он спросил по-немецки, как звать и откуда родом, а получив ответ, перешел на английский:

— Где изучали языки?

— Дома говорили по-французски и по-шведски, господин капитан. Остальные — в школе, а в основном-то самостоятельно.

Ответ прозвучал так чисто по-английски, что капитан был поражен. Потом он спросил еще по-шведски, почему Сундстрём теперь изучает русский язык. Тот задумался на миг и ответил:

— Господин капитан, будущий мировой язык стоит знать.

Глаза капитана опять сверкнули.

— Не забывайте, что вас зовут Финн,— сказал он по-немецки.— Прошу вас помнить об этом всегда, когда будете говорить с другими солдатами. Это отдельный дивизион, и бойцы здесь отборные. Преклонения перед врагом не потерпим. Продолжайте!

Капитан вышел и укатил в машине. Все обступили Сундстрёма.

— О чем вы говорили? Что тебе сказал капитан?

Сундстрём улыбнулся и пошел к двери. Ступив на порог, он оглянулся и сказал:

— Мы говорили о всевозможных вещах, и еще кое о чем.

Дверь захлопнулась, и было слышно, как он сбежал по ступеням крыльца. Все были ошеломлены. Наконец Хейно проговорил:

— Ах ты сатана, его надо отдубасить.

В углу раздался смех Юсси. Он был единственный, кого ответы Сундстрёма позабавили и развлекли.

* * *

Занятия продолжались лишь два дня. Дивизионный инструктор рассказывал на своем тягучем наречии, как надо обращаться с «ужасом» и с «фаустом», как ставить прицел на различные дистанции, объяснил также особенности пушки и сказал:

— Все. Утром поедете на передовую.

— Даже ни разу не дал выстрелить, шут бы его побрал,— ворчал про себя Куусисто, возвращаясь с последнего занятия. За эти дни Куусисто еще больше отдалился от остальных ребят. Как старшему по казарме, ему приходилось требовать порядка, а это, конечно, им не нравилось. И вот по вечерам, когда все уже спали, он подбирал разбросанные как попало вещи и складывал аккуратными стопками на табуретки, подметал и драил полы, приводил помещение в божеский вид— а утром все начиналось сначала. Но теперь, слава богу, с этим будет покончено.

Вот и сейчас он шел, как всегда, один. Остальные сзади, переговариваясь.

— Ну, вот и конец, «слиот», как говорят шведы,— слышен был голос Хейно.— Завтра уж так вольно во весь

рост не походишь. А то Ваня с той стороны враз тебе пулю влепит.

«Хоть бы он тебе и влепил», — подумал Куусисто и ускорил шаги, словно боясь, что Хейно прочтет его мысли.

Вечером изба опустела. Каждый искал спокойное место во дворе, чтобы написать письмо. Хейно и Хейккиля сидели рядом у стены сарая. Хейккиля писал медленно, помогая себе языком. Хейно уже давно закончил письмо. Оно вышло не слишком-то длинным.

«Здравствуй, отец. Мы утром уходим на передовую. Тут у меня все в порядке. Как у тебя? Черкани когда-нибудь».

Пена».

Отец Хейно тоже был в армии, где-то на медвежьегорском направлении. Матери у него не было, она умерла, когда Пентти еще без штанов ходил. Вдвоем с отцом жили они, как придется. Отец был разнорабочим, и сын мотался за ним повсюду. Последние годы сын жил один, пока не настал и его черед перейти на армейские харчи. Они редко писали друг другу. А когда писали, то немного, несколько строк — и хватит, чего там особенно расписывать!

Вечернее солнце пригревало так, что стена сарая стала горячей. Лето приближалось молодецкими шагами. За каких-нибудь два дня все кругом зазеленело. Скоро уж первомай.

Хейно откинулся назад, прислонился затылком к стене и закрыл глаза. Надо бы написать и Каарине, невесте, но почему-то не хотелось. Он до сих пор еще даже не заполнил бумаги для оглашения в церкви, хотя Каарина ему их прислала уже давно. По правде говоря, ему что-то расхотелось жениться. Да и сама Каарина в последнем письме о браке не упоминала. «Наверно, нашла себе другого».

Невдалеке, под кустом одичавшей малины, лежа на животе, Саломэки писал письмо приятелю:

«Здорово, бродяга!..»

Родных у него не было, по крайней мере, он о них ничего не знал. Просто однажды на крыльце общинного дома призрения оказался новорожденный младенец. Поскольку не обнаружилось, кто его подбросил, мальчика

отдали на воспитание в рабочую семью. Но приемный отец погиб в зимнюю войну, а вскоре умерла и приемная мать. Виено вновь остался один как перст. И так же нищ, как при своем появлении на свет. Приемные родители не позаботились о том, чтобы законно усыновить его, поэтому явились родичи, и все забрали. Спасибо, хоть оставили одежду, которая была на нем. К счастью, деревенский кузнец пустил его жить в баню и сделал своим помощником. Года через два помощник стал требовать платы за труд, и кузнец прогнал его. «Мало тебе, что учишься у меня ремеслу!»

Виено поступил на работу в ближнем городке, начал зарабатывать, нашел свою Лийсу. Но потом она тоже с ним «расплатилась», и вот он опять один. Тогда Виено даже поклялся не знать больше женщин. Но — «плоть слаба». В Выборге он встретил «девочку», воспоминание о которой теперь бесило его. И Виено дрожащей рукой писал приятелю:

«И пришли заодно шприц. Потом я как-нибудь верну тебе затраты любым способом».

Здесь он не смел никому даже заикнуться о своей беде. «Довольно они зубоскалили тогда насчет Лийсууки. Ах, святая Сьюльви, отчего мне так не везет! Провалиться мне, если я еще хоть раз в жизни посмотрю на женщин!»

На носу у него выступили капельки пота. «Если еще будет врачебный осмотр, я совсем пропал!»

Напрасные опасения. Утром они набились в кузов грузовика и поехали на передовую. Лица у всех вытянулись. Только Хейккиля улыбался, как всегда. Он смотрел на притихших товарищей и не узнавал их. Наконец он сказал с чуть заметной смешинкой в голосе:

— Видно, и в самом деле улыбки застыли, хотя до зимы еще далеко.

Сундстрём улыбнулся, показав золотой зуб:

— Гениальные способности развиваются в тиши, характер — в сутолоке мирской.

Это заставило расхохотаться Юсси Леппэнена, и остальные вроде немного оттаяли, но Хейно бросил на Сундстрёма сердитый взгляд:

— Уж, видно, там, куда мы едем, придется развивать характеры. Я думаю, сосед не даст нам времени развивать гениальные способности.

— Гей, бродяги, Раяйоки! Вот мы в первый раз за границей! Я по крайней мере, — сказал Саломэки.

Через реку перемахнули так быстро, что многие этого даже и не заметили. Некоторое время дорога шла прямо, потом свернула куда-то в сторону, а вместо нее началась бревенчатая гать.

— Ох, черт, ребята! Пришлось-таки попотеть финскому саперу!

Ниеминен встал, чтобы взглянуть на дорогу и сказал как будто про себя:

— И чего они сюда перли? Тут же сплошное болото.

— К Ленинграду здесь ближе, — усмехнулся Хейно.

Проехали противотанковые рвы, потом миновали новую бревенчатую постройку, по-видимому — театр, и дорога стала лучше. На обочинах стояли предупреждающие таблички: «Осторожно! Минное поле».

Наконец машина сделала крутой поворот.

— Гей, смотрите! — воскликнул Ниеминен. — Землянка и две зенитки!

Машина остановилась. Водитель выскочил из кабины.

— Слезай, приехали!

Из землянки вышли солдаты.

— Пополнение? Откуда, ребята, из каких мест?

Куусисто озирался по сторонам. На маленькой горюшке стоял четырехствольный зенитный пулемет, а чуть подальше — площадка аэростата. Он немного успокоился. Судя по всему, передовая не может быть очень близко.

Из землянки вышел рослый, костлявый сержант. Щурясь от света, он посмотрел на прибывших и сказал:

— Половина из вас поедет к другому орудию. Это в двух километрах. Договоритесь между собой.

— Эй, бродяги! — воодушевился Саломэки. — Мы остаемся здесь! Войтто, Яска и Пена. И еще двое. Юсси и кто-нибудь еще.

— Фимма, конечно! — сказал Леппэнен. — Мы с ним вместе еще с гражданки.

— Папа высказался, вопрос решен, — сказал Сундстрём и улыбнулся по-детски.

— Господин сержант! — обратился Куусисто. — А далеко ли рюсся?

— Вон с той высотки его видно, — ответил сержант, указав рукой на безлесый невысокий кряж, находившийся в нескольких сотнях метров. — Кстати, у нас тут без господ.

Я просто командир орудия. Можешь звать по имени — Эйно, или по фамилии — Лайне, как тебе больше нравится.

Куусисто услышал насмешливое хихиканье за спиной и густо покраснел.

— Так точно!..— привычно вырвалось у него, и чуть было снова не сказал «господин сержант», но вовремя спохватился и поспешно спросил: — А эта пушка далеко?

— Нет, недалеко, за землянкой. Мы только строим там на высоте орудийную позицию и блиндаж. Эта землянка зенитчиков. Мы у них временные квартиранты.

Сержант усмехнулся и обратился к остальным:

— Ну, как? Договорились? Так я провожу к другому орудю.

— Господин сержант! — снова обратился Куусисто.— А другое орудие прямо на передовой?

— Почти. А что? Хочется на передовую?

Куусисто опустил глаза под прямым взглядом сержанта.

— Да, туда бы, конечно,— с трудом выдавил он из себя, и тут же добавил: — Но все же я лучше здесь останусь. Тут все свои, земляки. Не хотелось бы расставаться.

— Да ведь это не дальний свет,— усмехнулся сержант, потом обернулся и сказал одному из своих солдат, выглянувшему из землянки: — Ты не сходишь к первому орудю? Проводил бы этих новеньких.

— Это можно,— беспечно ответил тот.— Не все ли равно, где время-то убивать.

Он спустился в землянку и через минуту вновь вышел оттуда с рюкзаком на плече и с автоматом под мышкой.

— Пошли, доблестные воины!

— А вы, доблестные воины, ступайте-ка выбрать себе постели,— сказал сержант остающимся.

Землянка оказалась большой и просторной. Знакомые двухэтажные койки. На некоторых еще спали. В железной печке горел огонь. Сверху на ней стояли в ряд солдатские котелки. На столбе, поддерживающем кровлю, была полочка, на которой стоял старенький приемник, работающий от батареек. Над ним висел карбидный фонарь. На задней стене — полка, вся заставленная красками и лаками в банках и прочими материалами, необходимыми для того, чтобы в свободные вечера мастерить всевозможные поделки. Следом за новичками вошел сержант.

— Если у кого-нибудь в рюкзаке есть съестное, постарайтесь убрать так, чтобы крысы не распорядились. А то их тут до черта.

Кто-то из спавших проснулся и, жмурясь, пытался разглядеть вошедших.

— Пополнение, что ли? Какого года?

— Двадцать пятого.

— Ой, елки-палки! Не успеет молоко обсохнуть, как их уже сюда тащат...

Когда распределили койки, сержант повел новичков к пушке. Это было точно такое же орудие-полуавтомат, как и то, с которым их познакомили вчера. Возле пушки лежал часовой. Он приподнялся на локтях и с некоторым недоумением уставился на приближавшихся.

— Здорово! — сказал сержант. — Привел ребят познакомиться. Вот это наш стрелок. — Он кивнул на часового. — Знакомьтесь с господином капралом. Зовут его Рейно Кауппинен, двадцать четвертого года, на гражданке был воспитателем скаутов, увлекается собиранием листовок, которые разбрасывает неприятель. Что они там пишут сейчас?

У капрала в руке была авиалистовка, напечатанная в два цвета: черным и красным.

— Все то же, что и прежде. Хотя это старая листовка. Несколько солдат из части Пярми перебежали через линию фронта и сдались в плен, а теперь приглашают и нас поступить так же. Обещают возвращение домой, когда война кончится.

— Да брось! Тогда, стало быть, ребята, можете спокойно отправляться! — засмеялся сержант, обнажив большие лошадиные зубы.

Кауппинен даже не улыбнулся. Он спокойно приглядывался к новичкам. Это был очень красивый парень. Наверно, не одна девушка лишилась из-за него сна и покоя.

— Ну, что ж, добро пожаловать, — сказал он. — А то у нас половины людей не хватает. Разъехались в отпуска, на сельскохозяйственные работы. А капитан вообще перестраивает свой дивизион. Выберите из ваших наблюдателя и помощника стрелка.

— Ты, Яска, можешь быть помощником стрелка, — сказал Ниеминену Хейккиля. — Всегда стрелял в яблочко.

— Ладно, один хрен. Все равно где помирать. А ты тогда будь наблюдателем.

— Нет, это дело больше подходит Виено. Он у нас самый глазастый, всюду так и зырит.

Саломэки покраснел как рак.

— Попохай хвост! Ничего я больше не зырю!

Он заявил это решительно и серьезно, но все-таки его сделали наблюдателем, потому что сержант сказал:

— Годится! К тому же он ростом мал, так что враг его даже в лупу не разглядит.

— Ясно,— сказал Кауппинен.— Теперь еще установите очередь дежурства, и все будет ол райт.

— Де-юре,— сказал Сундстрём, чем сразу привлек к себе внимание капрала.

— Что я слышу?. Эдце хомо! Оставайся на карауле со мной, поговорим.

— Сказанные слова уносит ветер,— сказал с улыбкой Сундстрём, но все же подсел к капралу. Остальные пошли обратно к землянке. Хейно ворчал:

— Теперь этих хомиков уже двое! Надо же, и среди нас лопочут на своей проклятой неметчине, черти!

Этот день они наслаждались свободой. Варили эрзац-кофе на костре, обследовали землянку-баню и ходили в ближнюю фронттовую лавочку. Стояла полнейшая тишина. Как будто они гуляли где-то у себя в родных местах, а не на фронте, возле самой передовой. Они вернулись и были в нескольких шагах от своей землянки, как вдруг оттуда стали выскакивать солдаты. Кто-то крикнул:

— Скорее в укрытие! Сосед летит на нас, сейчас будет бомбить.

Обе скорострельные зенитки были в тот же миг приведены в боевую готовность. Зенитчики заняли места у четырехствольного пулемета. Откуда-то послышался рокот самолета. Руководитель огня начал давать отсчет. Новички укрылись под козырек своей землянки. Вдруг все кругом зазвенело от грохота зениток. Ниеминен не выдержал и выглянул из укрытия. Русский самолет летел довольно низко. Трассирующие снаряды зениток чертили свои пунктиры далеко позади него. «Да эти лопухи не умеют стрелять, черт бы их побрал!» — выругался Ниеминен.

Стрельба прекратилась, самолет скрылся из виду. Все вышли из укрытия. Только Куусисто не показывался. Он сидел в землянке, забившись в угол, бледный как полотно. Сердце билось так, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Понадобилось изрядно времени, прежде чем он решился

выглянуть из блиндажа. Но и там, у выхода, он еще долго прислушивался, пока не убедился, что угрозы больше нет.

«Какое счастье, что никто не заметил,— подумал он, с трудом сдерживая дрожь.— Что это со мной? Какой позор!.. Нет, больше это не должно повториться!»

Куусисто в самом деле было ужасно стыдно. Он сам не понимал, как он спрятался в землянку. Какой-то необъяснимый ужас овладел им. И хоть он старался оправдывать себя тем, что, мол, не привык еще к фронтовой жизни, но где-то глубоко в душе было мучительное чувство, которому он не находил названия. «Неужели я такой жалкий трус? Нет, черт возьми, больше я не побегу, хоть земля провалится!»

Ниеминен, пылая от возмущения, подошел к сержанту, который руководил огнем:

— Вся стрельба пошла к черту! Даже близко не попали. Может, у вас пушки не в порядке?

Толстый, добродушного вида сержант окинул его долгим взглядом и усмехнулся:

— А что, разве надо было попасть?

— Так небось для того и пальбу подняли!

Сержант ничего не ответил, а отвернулся и стал что-то писать. Ниеминен заглянул через его плечо. Сержант писал отчет об обстреле самолета, об израсходованных боеприпасах и о результатах. «Разрывы снарядов были видны возле самой машины. Очевидно, самолет получил повреждения».

Ниеминен так и ахнул. Сержант оглянулся на него и тихо сказал:

— Благодарю судьбу, что не попали. Ты это еще поймаешь, герой.

Ниеминен пошел прочь, шипя от злости. Хейккиля, Хейно и Саломэки сидели на крыше землянки и смотрели на пушки, торчавшие по обеим сторонам.

— Они стреляют с чертовской скоростью. И калибр порядочный — сорок миллиметров, наверно. Из таких если дать прямой наводкой, соседу жарко придется.

— О чем ты там с сержантом толковал? — полюбопытствовал Хейккиля, когда Ниеминен подошел к ним.

— Черт знает,— процедил Ниеминен, задыхаясь от возмущения.— Я думаю, что эти зенитчики просто гады.

Он рассказал, что ему ляпнул сержант, и презрительно плюнул:

— Боятся шопасть! Ну, черт возьми, если так воевать... Хейккиля смотрел на Ниеминена с улыбкой.

— А может, оно и лучше, что не попали? Хоть кофе сварим спокойно.

Ниеминен сердито хмыкнул и пошел в землянку. Хейно поглядел ему вслед и сказал:

— Теперь у него снова начнется припадок военной горячки.

Хейккиля не отвечал. Он подобрал сброшенную с самолета листовку и разглядывал ее.

— Тут много имен. Что это за часть Пярми? Я к тому, что если из одной части перебегает столько народу...

— То, стало быть, все сплошь коммунисты подобрались,— усмехнулся Хейно.— Так, по крайней мере, Яска считает.

Хейккиля положил листовку в нагрудный карман.

— Думаешь, понадобится? — спросил Саломэки.

— Кто его знает. Пусть будет, на всякий случай. Может, хоть не сразу убьют, если попадешься им в руки.

Саломэки встал и пошел по тропке за землянку.

— Куда направился? — окликнул его Хейно.

— В сортир! Брюхо схватил!

Он скрылся в дощатой будочке, а Хейно сказал Хейккиля:

— Ишь ты, как его разобрало. Что-то у парня, видно, прохудилось. Ты заметил? Он же там и днюет и ночует.

Хейккиля так и прыснул:

— Конечно, человеку столько страдать приходится, что и не удивительно.

Он вспомнил разговоры Саломэки в Выборгской казарме и засмеялся так, что его пухлые щеки стали пунцовыми и заколыхались, точно малиновый мусс. Ниеминен высунул голову из землянки.

— Идите кофе пить. А потом спать. Ночью пойдем рыть окопы, сержант сказал.

Вышли в сумерках. Сержант шел впереди и объяснял обстановку.

— Он там все видит, не забывайте об этом ни на минуту. У него там наблюдатели постоянно дежурят у стереотрубы и следят за каждым нашим движением. И стреляют без промаха. Днем там ничего сделать невозможно. Да и ночью не больно-то. Он лупит с железной дороги, из двенадцатидюймового.

Сержант посмотрел на часы.

— Чья очередь дежурить?

— Сейчас там Юсси Леппэнен. Ты же должен его сменить.— Хейккиля кивнул на Куусисто.— Что же ты не выдержишь распорядок?

— Забыл совсем! Так я, значит, бегу и останусь на дежурстве!

Куусисто оставался с великой охотой, потому что от слов сержанта у него все холодело внутри. «Лупит из двенадцатидюймового! Это же снаряды — как поросята!»

У пушки они сперва не нашли никого. Потом услышали в кустах посапывание. Юсси спал так крепко, что насилие его добудились. Лайне вскипел:

— Мальчишка! Молокосос! Что бы ты сказал, если бы нагрянула проверка? Или разведчики противника? Проснулся бы по ту сторону фронта. Чтоб это было в последний раз!

Юсси, зевая протянул свой автомат Куусисто.

— Я думал только ноги вытянуть, а потом не заметил, как заснул, и забыл что на свете война.

— Господин сержант! — спросил Куусисто, озираясь по сторонам.— Неужели русские сюда заходят?

— Заходят и подальше. Будь осторожнее. Однажды утащили часового среди бела дня.

Они пошли дальше. Куусисто остался на посту возле пушки, держа под мышкой автомат. Потом он спрыгнул в окопчик и, осторожно поднимая голову над бруствером, вглядывался в темноту. Где-то впереди раздался слабый выстрел, и в небо взвилась осветительная ракета. «Неужели эта линия так близко?»

Он спрятался в своем укрытии и принял к земле. Кругом опять было тихо. Но от этого делалось еще страшнее. Может быть, именно сейчас, в эту минуту где-то рядом пройдет русский разведчик. Так и есть! Откуда-то послышался шорох, что-то хрустнуло. Опять! Лоб Куусисто покрылся крупными каплями пота. Он отвел предохранитель автомата и поглядел в ту сторону, где скрылись товарищи. Закричать? Позвать на помощь? Нет, он не может сразу открыть огонь!

Опять зашуршало, теперь уже совсем близко. Куусисто съезжился в окопе и, стуча зубами, ждал своей участи. И вдруг он чуть не взвыл от ужаса — кто-то шлепнул его по спине. Он так и вскочил.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем Куусисто смог осознать, что он один и рядом никого нет. На дне окопа что-то шевельнулось, и он, нагнувшись, пошарил рукой. «Ч-черт, лягушка, чтоб ей...»

Тем временем остальные добрались уже до высоты. Сержант Лайне шепотом предупредил:

— Молчите, чтоб ни звука, если не хотите вызвать огонь на нашу голову. Он бьет прямой наводкой, у него тут бункеры довольно близко. И лопатами не лязгайте. Все слышно.

— А далеко отсюда до самой-то передовой? — спросил Ниеминен.

— Вон там она, почти под горой. А сосед окопался дальше, метрах в двухстах.

— А почему наши не остались тут, на горе? Оттуда, снизу, жутко трудно будет выбираться, если приспичит.

— Намерение-то было, видимо, продвинуться дальше, да не пустили, — сказал сержант. И шепотом добавил: — А теперь — молчок. Скоро будем на месте.

Ночная темень сгустилась, но местность еще проглядывалась довольно далеко вокруг. Согнувшись, они прошли последние метры и, присев на корточки, ждали сержанта, который пошел проверить видимость. Он вернулся.

— Подождем еще маленько. Видно издали. Лопаты там, в кустах. Если пустят ракету, сразу ложись.

Сели и стали ждать. Далекая вспышка озарила край неба, потом долетел глухой звук.

— Ложись! — крикнул сержант. — Опять начинается.

Они долго ждали, распластавшись ничком, пока не донесся тихий свист. Он быстро приближался и стал оглушительно резким, и в тот же миг что-то вспыхнуло и грохнуло почти рядом. Огромный, метров на сто земляной кулак поднялся к небу. Кругом посыпались комья грязи.

— Неужто он увидел нас? — спросил Ниеминен в полный голос.

— Да нет, обычный беспокоящий обстрел. Теперь можно потихоньку начинать.

Орудийная позиция и котлован для блиндажа были уже отчасти открыты. Земля здесь была мягкая, сырая, почти как на болоте, хоть и место высокое, гора. Осторожно набирали лопатой землю и тихо выкладывали ее на бруствер. Время от времени поглядывали в сторону противника и прислушивались. На передовой все было по-

прежнему тихо. Но откуда-то издалека, из-за линии фронта слышался непрерывный рокот моторов.

— Это уже давно там у них рокошет,— шепотом объяснял сержант.— И авиаразведка доносит, что он сосредоточивает войска. Мы можем не успеть вырыть все это...

Вдали полыхнуло снова, и долетел уже знакомый, страшный грохот. Не дожидаясь предупреждений, все бросились на землю. Вой нарастал, и сержант поспешно крикнул:

— Идет близко, прямо на нас! Лежите на местах!

Вой вдруг оборвался, и совсем рядом раздался странный шлепок. Они все еще лежали, оцепенев от ужаса, когда сержант поднялся и сказал:

— Сапожник!.. Это бог нас мпловал, а то бы не знаю что было.

Едва сказав это, он опять бросился на землю, потому что на той стороне взмыла в небо осветительная ракета. На миг стало светло как днем, потом ночная темнота снова сомкнулась над ними.

— А вдруг это был не «сапожник»? — сказал Хейккиля, вставая.— Может, она с дистанционным взрывателем?

Все разом прильнули к земле, но сержант успокоил их:

— Нет, он таких ни разу не применял. Обычно он бьет фугасными, нащупывает доты, блиндажи. Давайте начинать снова.

Следующий снаряд разорвался далеко в стороне. Но тем не менее страх все сильнее овладевал ими. Пушка стреляла так равномерно, что Саломэки сказал:

— Я думаю, ребята, что Ваня-парень сидит там с секундомером в руке.

— Это ж какая-то чертовщина! — со стоном вырвалось у Ниеминена.

Он напрягал всю силу воли, чтобы не вскочить и не броситься наутек. Видимо, и другие испытывали такое же чувство. Жутко было слышать далекий выстрел и знать, что снаряд летит сюда, может быть прямо на тебя. Осторожно работали лопатами, но все чаще и чаще останавливались, молча всматривались в горизонт и слушали. Когда долго не было выстрела, Хейно занервничал:

— Какого черта они не стреляют! Этой пытки никто не вынесет.

Он даже перестал жевать сухари, которыми были набиты его карманы: хруст мешал слушать.

Сержант усмехнулся через силу:

— Вот они и проверяют нашу выносливость: то грохают всю ночь тютелька в тютельку через равные интервалы, а то вдруг меняют ритм. У них там, наверно, кто-то очень умно высчитал, как лучше сделать, чтоб у финских ребят поджилки затряслись и пятки зачесались.

Вдруг с той стороны донеслось странное шипенье и хрип. Потом сипловатый, надтреснутый голос заговорил по-фински:

— Солдаты финской армии! Разделайтесь со своими фашистскими офицерами и сдавайтесь в плен советским войскам! Вам будет гарантирована жизнь и возвращение домой после конца войны!

— Сосед просвещает,— сказал сержант.

— Ну, таким способом они мало кого просветят!

Громкоговоритель щелкнул, и наступила тишина.

— Иногда они заводят надолго свои проповеди. То начнут грозить, то приманивать, но слабовато это у них получается. Такой метод на нашего брата не действует,— тихо говорил сержант.

Тут громкоговоритель опять зашипел, но голос его потонул в грохоте, начавшемся где-то сзади, на финской стороне.

— Наши батареи выдают свою контрпропаганду! — прокричал сержант. Его слов почти не было слышно из-за воя летевших над головой снарядов. Потом у противника начало полыхать и грохать.

— ...ради вашего фашистского правительства гибнете...— доносилось временами, но снова, заглушая все на свете, гремели пушки за спиной. Вдруг полыхнуло совсем близко, и взрывная волна ударила точно кулаком. Земляные комья посыпались градом.

— Задело кого-нибудь? — Голос сержанта прозвучал тревожно.

Ответили не сразу, потому что долго не могли перевести дух от потрясения. Однако все были целы.

— Спрячьте лопаты в кусты,— сказал сержант.— Надо уходить. Следующий снаряд может жахнуть сюда.

Повторять приказ не пришлось. Все были мигом готовы, и вот цепочка потянулась в обратный путь. У орудия волнение несколько улеглось, кто-то даже засмеялся. Ока-

зывается, Куусисто вырыл свой окоп на такую глубину, что скрылся с головой, стоя во весь рост. Саломэки не упустил случая излить старую обиду:

— Глядите, что задумал этот бродяга! Он роет себе туннель в Америку.

Сзади опять грохнуло, и казалось, что это именно там, на орудийной позиции, откуда они только что успели уйти.

— От слов к делу, — со смехом сказал Сундстрём.

Ему никто не ответил. Только, прибавив шагу, инстинктивно пригибая голову, двигались дальше. Куусисто остался дежурить в своем окопе. Был момент, когда он чуть не бросился бежать следом за остальными. Но потом все-таки остался и продолжал усиленно копать окоп.

Недели две они ходили так по ночам рыть орудийные позиции и котлован для жилого блиндажа, но все никак не могли закончить работу. Русские вели беспокоящий обстрел каждую ночь, так что обычно они только успевали приступить, как приходилось убираться.

Сержант Лайне докладывал по телефону обстановку командиру дивизиона и так все расцветчивал, что в конце концов и сам начал верить в свою версию о «непрекращающемся концентрированном артогне» противника. Командир дивизиона не приезжал еще ни разу, командир взвода был в отпуску. О нем говорили, что он постоянно бывал у первого орудия, находившегося почти на передовой. Вообще о нем рассказывали много. Он глубоко религиозен и в гражданке служил каким-то нештатным проповедником. И здесь он часто устраивал общие молитвы. О нем рассказывали легендарные истории. В зимнюю войну он якобы совершал просто чудеса, выходил один на один против танка и прочее. Благодаря личной храбрости он дослужился тогда до старшего сержанта. На этой войне его произвели в фельдфебели.

Фельдфебель, говорят, был знакомый командира дивизиона. Поэтому-то, вероятно, он здесь и командовал взводом — обычно на этой должности были прапорщики. Фельдфебель появился у них в землянке рано утром. Он был сухощав, бледен, держался прямо и величественно. Светлые волосы под пилоткой сильно отливали рыжиной. У фельдфебеля были новые шикарные сапоги-пьяксы, новая летняя гимнастерка со множеством орденских планок на груди. В землянке еще спали. Фельдфебель разбудил командира орудия.

— Поднимай новеньких. Я буду ждать у пушки.

Он вышел, осторожно ступая, потому что его пьексы пели, как мартовские кошки. Сержант начал расталкивать спящих.

— Подъем! Койвисто пришел.

Фельдфебель ждал их возле пушки, беседуя с дежурным Ниеминеном. Когда подошли остальные, он указал на землю.

— Садитесь, потолкуем.

Окинув каждого долгим, испытующим взглядом, он продолжал:

— Положение таково. Капитан торопит со строительством новых позиций и блиндажа...

— Там их и черт не выкопает, — успел вставить слово сержант.

По лицу Койвисто скользнула усталая улыбка.

— Если понадобится, выкопать, конечно, можно. Но я лично того мнения, что сперва надо привести в порядок вот эти позиции. Скоро мы получим новый тягач. Для этого надо подготовить укрытие. Каждый должен сделать себе хороший индивидуальный окоп. Хорошо бы также прокопать ход сообщения к землянке. Если останется время, будем окапываться и там, на горе.

Фельдфебель сорвал травинку и теребил ее в зубах.

— Новые позиции расположены неудачно, место плохое. Сосед расколошматит их прямой наводкой сразу же вдрызг. А кроме того, там у подножья горы остается мертвый угол. Мы можем стрелять только вдаль. Заметив издали приближающиеся танки, мы, может, и успеем выстрелить по ним раз-другой, но потом они скроются из виду и вынырнут так близко, что мы и не охнем, как сами окажемся под гусеницами. Я говорил об этом капитану, но он...

Койвисто махнул рукой. Потом продолжал, чуть понизив голос:

— Напрасная смерть, это, по-моему, предательство. А там, на горе, она совершенно бессмысленна. Здесь мы хоть сколько-то выстоим, а может, еще сумеем подбить один-другой танк. Так что сперва надо наладить эти позиции.

Фельдфебель бросил обкусанный стебелек и встал.

— Все это, конечно, между нами. И еще одно дело. Если что случится, орудие не бросать. Этого нам никогда не простят.

Он сделал знак сержанту и отошел с ним в сторону. Ос-

тальные смотрели им вслед. Наконец Хейно нарушил молчанье:

— Ну и чудной мужик, не подумал бы, что шибко верующий. Но вот чего я в толк не возьму. Выходит, мы эту пушку должны беречь как какую-то священную корову. А по мне, так вовсе не важно, простят ли нам что-нибудь или не простят.

Ниеминен наморщил лоб.

— Я, конечно, ничего не знаю, но одно мне ясно, что этот фельдфебель готов наострить лыжи. Я, ребята, считаю, что если на ту гору начнут прорываться танки, то надо постараться превратить их в свалку железа, чтоб неповадно было.

— Или от нас еще раньше останутся клочья под теми кустиками, — сказал Хейккиля с улыбкой.

«Да они все жалкие трусы!» — подумал Куусисто. Сам-то он кое-как научился справляться со своим страхом и мог слушать вой снарядов почти спокойно. В словах фельдфебеля ему почудилось что-то знакомое. Да, конечно же, так рассуждал и сержант Мюллюмэки и тот фронтовик, которого он встретил на улице Выборга.

Он видел сам готовые противотанковые рвы, эскарпы, слышал, что линия обороны хорошо укреплена, и был уверен, что отсюда отступать не придется. Поэтому он сказал:

— Яска совершенно прав. И я думаю, что здесь нам делать будет нечего. Их еще там, на линии успеют превратить в металлолом. Фельдфебель просто трус.

— Ты лучше на себя посмотри! — вспыхнул Саломэки. — Давно ли ты подкапывался под Америку?

— Не говори, — усмехнулся Хейно. — Он еще себя покажет героем.

— Мы еще посмотрим, кто как себя покажет! — воскликнул Куусисто, покраснев, и пошел в землянку. Другие тоже поднялись и стали расходиться. Сундстрём улыбнулся и сказал:

— Всякая теория, дорогие друзья, сера. Но зелено прекрасное дерево жизни!

— Да катись ты к черту! — взорвался Хейно. Его уже давно злили подобные изречения. Главным образом потому, что он не понимал их смысла.

В следующие ночи они копали понемножку котлован для блиндажа и возвращались обратно довольные. А днем лениво рыли окопы и укрытие для тягача-бронетранспор-

тера. Укрытие не успели еще закончить, как прикатил и сам тягач.

— Черт возьми, ребята, новенькая машина!

Все собрались полюбоваться машиной. Открылся люк, и оттуда показалась голова водителя.

— Что за черт! Укрытие еще не готово?

Водитель вылез из люка и встал на гусеницу тягача. Сержант поспешил успокоить его:

— Не горячись. Замаскируем, прикроем ветками, так что видно не будет.

— Ветками, ветками, но вы ответите капитану, если сосед разбомбит машину.

— Гей, ребята, станковый пулемет! — увлеченно воскликнул Куусисто, разглядывавший машину со всех сторон. — И броня какая толстая! Прямо как у танка!

— Да, у них тоже броня в полсантиметра, — хмыкнул Хейно, но затем добавил с довольным видом: — Теперь мы можем удирать спокойно. Я к тому, что не надо будет тащить пушку на своем горбе.

Тягач замаскировали и продолжали с прохладцей земляные работы. На передовой было все время тихо. Фронтальная газета «Бей наотмашь!» посвящала свои столбцы, главным образом, успехам финских снайперов. И лишь как бы между прочим сообщалось, что по данным авиаразведки, противник все время продолжает стягивать войска. Также и немецкие сводки с восточного фронта в газете были такими обтекаемыми, что из них мало что можно было понять. Говорилось об «эластичной» тактике немцев, о частях и группах войск, «ощетинившихся подобно ежу». А отступление называли «спрямлением линии фронта», которому «враг не смог помешать!» В землянке смеялись над этим властью.

— Чего только не придумают, сволочи!

Зенитчики, занимавшие другую половину землянки, были, как правило, люди старших возрастов, поэтому молодые артиллеристы с ними почти не общались. У тех и других была своя жизнь.

Ниеминен начал восстанавливать утраченную спортивную форму. Рано утром он делал пробежку, потом тренировался с мешком, занимался гимнастикой и словно забыл обо всем на свете, кроме своего бокса. Хейккиля стал увлекаться девушками. У него было уже около сорока подруг, с которыми он переписывался. Со всеми он познакомился

благодаря журналу, где печатались адреса. Все свободные вечера он строчил письма. Конечно, на это требовалось время, но головы он своей не утруждал нисколько. Дело в том, что Хейно написал для него готовый образец письма, с которого можно было делать копии. Письма, правда, выходили одинаковыми, как блины. Но что за важность? Лишь бы только не перепутать имя адресата. Итак, Войтто строчил письма одно за другим:

«Мой боевой фронтовой привет с энского направления!..»

Хейно сочинил поистине блестящий образец. В письме говорилось и о жестоких сражениях, и о потрясающих разведывательных рейдах в тыл врага, и об изнуряющей душу скуке. Была и просьба о свидании во время следующего отпуска и деликатный, чуть завуалированный намек на зародившуюся любовь. А в конце скромная просьба: «Я бы писал чаще, но здесь трудно достать бумагу и конверты. Не можешь ли ты прислать мне хоть несколько штук!»

Когда Хейккиля это прочел, он почувствовал неловкость:

— Ну, это же явная липа! Чего-чего, а бумаги в нашей лавочке хоть отбавляй.

— Балда! — презрительно оборвал его Хейно. — Они-то почему знают? А тут, понимаешь ли, — стратегия. Если девушка пошлет тебе конвертов, она же просто не сможет этим ограничиться. Уж, конечно, она соберет какую-то посылку. И когда ты ее получишь, меня не забудь. Идея ценится дорого.

Пока что, правда, «идея» эта принесла лишь ругательное письмо: «Несчастный попрошайка!..»

Хейккиля допустил ошибку. Он написал трем девушкам в одну деревню. Они, разумеется, прочли письма друг другу и тотчас заметили их полнейшее сходство. Ну и, конечно, отправитель получил вместо посылки выговор. Больше ему из той деревни писем не писали. Но что за беда, в журнале постоянно печатались новые объявления с адресами девушек, желающих переписываться.

Саломэки и Хейно изоцрялись в борьбе с крысами. Они мастерили самые хитроумные приспособления, чтобы ловить крыс живыми, и устроили крааль. Часами они лежали рядом и, покатываясь со смеху, наблюдали за крысиными боями.

— Смотри, смотри, как Роопе чехвостит этого Кассу!

Однажды ночью какой-то из этих Роопе или Кассу проделал в ограде дыру, и наутро весь крысятник был пуст. Крысоловы рассердились и начали стрелять в крыс из автоматов. Правда, стрелять не разрешалось, но жажда мести презрела запрет.

Саломэки то и дело отлучался в отхожее место, сидел там подолгу и возвращался с мокрыми от слез глазами. «Я эту девку повешу, как только получу отпуск!»

Сразу же по прибытии на передовую он подал заявление об отпуске. То же сделали и все остальные, кроме Хейно. Тому было не до отпуска, поскольку волосы отрастали ужасно медленно и торчали на голове во все стороны, как иголки у ежа.

Однажды артиллеристов повели копать противотанковый ров. Это циклопическое сооружение — огромной глубины и ширины — раньше, видимо, рыли, да бросили. Копать его лопатами казалось делом настолько безнадежным и даже наивным, что сержант разозлился.

— Видно, они там совсем сдурели! Давайте, ребята, копнем немножко для блезиру, и айда в лес отдохнуть.

Так и отдыхали весь день, полеживая да покуривая, выставив для верности пост, чтобы начальство не нагрнуло нечаянно.

Когда они вернулись в землянку, зенитки вдруг словно с цепи сорвались. Самолет летел так низко, что даже летчик был виден совершенно ясно. Над их землянкой самолет наклонился на крыло, и летчик помахал рукой.

— Елки-палки, видали? — в изумлении воскликнул Ниеминен. — Рюсся машет им рукой, как старым знакомым!

Куусисто был просто потрясен.

— Об этом, ребята, надо заявить! Эти зенитчики, должно быть, и сами рюсся!

— Ух ты, ух ты! — вскипел Саломэки. — Наш-то сыщик опять учуял измену!

Куусисто пошел прочь, и Хейккиля сказал шепотом:

— Он может пойти доносить о чем угодно. При нем лучше помалкивать.

Зенитчики со смехом возвращались в землянку.

— Наверно, это тот самый парень, что сбросил нам тогда пачку листовок. Веселый, приятель!

— Вот бы он бомбу на вас сбросил, — проворчал сердито Ниеминен. — Ей-богу, ребята, они коммунисты! И сейчас

они могли бы легко его сбить, но они даже не пытались! Вы же видели!

Сердитый, он отправился на свою вечернюю пробежку, чуть не плача от злости и обиды. Во время этих ежедневных тренировок он делал изрядные крюки в тыл и видел там столько всякой артиллерии, что нечего было бояться наступления противника. Если вся эта махина заработает, то из сотен жерл хлынет на врага стальной шквал, который сокрушит любую силу. Но если у всех орудий стоят такие же вот, вроде этих зенитчиков, что тогда? «Веселый, приятель!» Какой же у них моральный дух, если враг им приятель!

Ниеминен сам не заметил, когда стал таким горячим патриотом. Он даже о своем отце не мог думать без негодования. «Рассуждает так, словно война уже давно проиграна!.. Хотя как знать. Слухи там распространяет всякие... Надо написать домой, что мы отступать не собираемся. Надо только еще сходить на передний край, увидеть своими глазами, что там построено».

Когда Ниеминен вернулся в землянку, по радио сообщили о том, что жителям побережья Франции было сделано строгое предупреждение: «Вы должны уйти сегодня! Немедленно!»

— Неужели англичане и американцы высадят десант? — проговорил кто-то из зенитчиков.

— Да уж, видно, пора, — ответил другой. — Или вернее сказать, просто необходимо. Иначе русские будут там раньше их.

— Но долго ли нам здесь оставаться? Боюсь я, что когда там высадится десант, так и у нас начнется бег на длинную дистанцию по всему Карельскому перешейку. Кто его знает, где мы тогда остановимся?..

— Конечно, русские дойдут и до Хельсинки, если от них будут драпать, — не выдержал Ниеминен. — Ну, а если мы не побежим, так что они сделают?

В землянке раздался взрыв хохота. Ниеминен густо покраснел. Он был так возмущен, что хотел броситься на всех с кулаками и тут же набить морды подлецам. Но рассудок все же подсказал ему, что один он со всеми не справится, и он выбежал вон из землянки. Его проводили дружным хохотом.

— Оси, дьяволы, все тут предатели!

По радио часто крутили песню, особенно популярную на Карельском перешейке. Многие в землянке знали ее наизусть. Любая другая песня могла надоесть, а эта — не надоедала. Саломэки чистил сапоги и напевал себе под нос. Время от времени он проверял критическим взглядом блеск сапога и снова принимался работать щеткой.

...Где у бродяги подруга?..
Сердцу приходится туго...

сипело радио, потому что батарейки уже начали садиться. Саломэки последний раз прошелся щеткой по сапогам и подмигнул Хейно.

— Как по-твоему, ничего? Понравится Эмми?

— Отлично. Да она на сапоги не посмотрит.

Хейно давно уже дал приятелю адрес Эмми, и Саломэки завел с нею переписку, причем в первом же письме намекнул на «серьезные намерения». Эмми отвечала ему в таком же роде, и Виено быстро распалился. Теперь он собирался в дорогу, сгорая от нетерпения. Хейно следил за его сборами, улыбаясь с ехидной искоркой в глазах, но, как только Виено бросал взгляд на него, он тотчас делал серьезную мину.

— Так не забудь же привезти от нее муки для лепешек, хоть пять кило,— сказал Хейно.— Ей ничего не стоит взять на мельнице.

Хейно говорил, что Эмми работает в конторе мельницы. Все это, конечно, была выдумка, но ничего, пусть парень к ней сходит. Эмми по крайней мере здорова.

Саломэки вскинул на плечи рюкзак. Ему надавали кучу заказов. Одного вина просили больше, чем он мог принести. Но не хотелось огорчать ребят отказом.

Отпускника посадили в машину, и у всех защемило сердце, когда стали махать ему вслед. Хейно еще крикнул на прощанье:

— Смотри, без муки не приезжай, а то морду набью!

— Не беспокойся! Я ведь и купить могу, у меня деньги есть.

Когда машина скрылась из виду, Хейно расхохотался до слез.

— Ты что, разыграл его? — догадался Ниеминен.

— Да еще как! — выговорил Хейно сквозь смех.— Это

вовсе не Эмми, а Эмма, и вовсе не молодая, а старая, как небо, и работает не в конторе, а уборщицей...

— Елки-палки! Ну, теперь он тебя убьет, когда вернется!

— За что? Он свою выгоду получит. И мы тоже получим муки. Эта старушка уж непременно постарается отблагодарить.

Хейккиля хохотал всласть. Он уже представлял себе эту встречу. Как Саломэки ахнет, когда увидит свою Эмми!

Не спеша они вернулись в землянку. Ниеминен поднялся на бугор, где стоял дальномер. В сильную трубу было хорошо видно одно место за русскими линиями. Примерно в восьми километрах стояли два больших здания, очевидно казармы. Во дворе их ходили солдаты, а недалеке висел в воздухе аэростат наблюдения. В корзинке аэростата и сейчас торчал человек. «Елки-палки, сбили бы его наши! Он же оттуда все видит!»

Ниеминен не мог понять, почему финские истребители не сбивают аэростат. Раз он даже сказал об этом сержанту, руководителю огня. Тот с усмешкой ответил:

— Видишь, сколько там у соседа зениток понатыкано? Вот поэтому мы туда и не суемся.

Ниеминена зло брало. Тут как нарочно собрались одни трусы! Он уже обдумывал, как бы самому ликвидировать этот аэростат. «Пустили бы меня в разведку, уж как-нибудь я бы его уничтожил! Надо в самом деле попроситься в рейд. И вообще, может, лучше в пехоту».

Ему стала надоедать эта тихая жизнь. Как человек экономный и хозяйственный, он уже подсчитал и то, во сколько обходится, например, содержание одной лишь их батареи. И ему делалось не по себе от этих подсчетов. «Мы лежим, а деньги-то идут! А эти охламоны не желают делать даже того, что необходимо».

Действительно, работы продвигались со скрипом. Противотанковый ров не становился длиннее, на оружейных позициях успели закончить только укрытие для тягача, а к ходам сообщения еще и не приступали. Строить жилой блиндаж больше так и не ходили. «Где же наш капитал запропастился? Даже и посмотреть не приехал ни разу!»

На возвышении студеный ветер пробирал до костей, и Ниеминен спустился вниз. Погоды стояли осенние.

Из бани вышел кто-то из зенитчиков, и Ниеминен демонстративно отвернулся, он просто презирал этих людей.

В бане у них варилась бражка. Близился день рождения Марски. Тогда будут выдавать по бутылке водки на пять человек. Конечно, для настоящих питоков это пустяк — только на затравку. Ниеминен к их числу не относился, но тем не менее уже откупил у четырех человек их долю. Таким образом, он получит целую поллитровку и, когда поедет в отпуск, повезет ее домой как гостиницу.

За землянкой, укрывшись от ветра, собрался весь расчет противотанковой пушки. Одни играли в карты, другие просто так валялись. Кауко Нюрхинен, долговязый, сутулый верзила, хрюкал от удовольствия. Ему везло, он сегодня выигрывал. Где-то, в какой-то аварии, он лишился зубов, и у него были вставные челюсти. Он щелкал ими при разговоре, а когда садился есть — вынимал их и прятал в карман. И очень сердился, когда над ним смеялись за то, что он, мол, «инструмент бережет».

— Хорошо вам, джъяволы яжыки чешачь, а ешли я подавлюшь моими жубами?..

Обыкновенно Кауко в карты не везло, но он постоянно ввязывался в игру, вечно просил в долг и был всем должен. Уже давно он проиграл часы. Пайковый табак он проигрывал вперед. Теперь он продал свое одеяло и играл на вырученные деньги. Первый кон он выиграл, и вот, посмеиваясь и потирая руки, он говорил:

— На похороны тут уже хватит. Теперь надо выиграть еще на поминки.

Ниеминен не интересовался игрой и составил компанию лежавшим. Хейно, поджав свои длинные ноги, жевал хлеб и рассказывал:

— Прежде он был здоров как бык, но, как началась война, у него сразу нашли порок сердца и признали негодным к службе в армии.

— Кто это? — спросил Ниеминен.

— Один фабрикант.

Хейно откусил еще хрустящего хлеба, пожевал, проглотил, и продолжал рассказ:

— Директор-распорядитель фабрики пошел в зимнюю войну добровольцем. Чтоб другим пример показать. И потом всю войну жил в отеле «Таммер», в самой роскошной гостинице Тампере. Туда ему возили свежую свинину и телятину целыми тушами, он, видишь ли, должен был давать пиры и банкеты для других важных господ. А как началась эта война, он тоже сразу стал таким недужным,

что еле-еле хватало силы чеки подписывать да деньги получать. Уж они-то, аспиды, умеют о себе позаботиться! И доктора, понимаешь, находят у здорового человека любую болезнь, хоть сифилис, если только повертеть у них перед носом хрустящей бумажкой.

Хейно зло рассмеялся.

— У моего отца очень сильный ревматизм. Временами он совсем не мог двигаться. Но старика взяли, и он теперь где-то там, под Медвежьей горой, в землянке, со всеми своими болями. И бесполезно ходить к врачам за помощью, у них для простого солдата и лекарства нет.

Хрустящий хлебец потрескивал у него на зубах, кадык ездил вверх и вниз, и рассказ продолжался:

— Перед войной старик нигде не мог найти работы. Всюду, в каждой фирме требовали членский билет шюцкора. Тогда бы и работа нашлась. Но старик сказал, что нет и не будет у него этой книжки никогда. Дескать, уморили голодом в лагере отца-красногвардейца, так уморите же теперь и сына его и внука!

— А мой отец получил во время красного восстания осколок в висок,— включился в разговор Хейккиля.— Так теперь он почти совсем слепой. И не получает ни пенни ниоткуда. Если бы не собственный клочок земли, одна дорога — в богадельню. Ни на какую работу он не годится. Пахать может, на это его зрения хватает. Мама ведет хозяйство, на ней одной теперь весь дом держится, пока я тут защищаю их «счастье».

Ниеминен нахмурил лоб.

— Брось, Войтто, говорить ерунду! Вот если бы русси пришел, тогда бы ты узнал, что такое «счастье»! Они бы все забрали.

— Верно! — воодушевился Куусисто.— И Хейно с отцом не пришлось бы тогда искать работы. Всех бы погнали работать в колхозы.

Хейно язвительно рассмеялся.

— Послушайте-ка этих двух болванов! Ни тот, ни другой, видно, не знает, что значит, когда куска хлеба в доме нет. Тогда не думаешь, не разбираешь, куда, на какую работу — лишь бы только тебя взяли, лишь бы хоть какой-нибудь заработок. И я не верю, когда рассказывают о колхозах всякие ужасы. Я думаю, в армии у соседа, наверно, есть эти самые колхозники. И если бы они в самом деле тяготились своей участью, то разве они бы так воевали?

— Воюют, потому что их гонят в бой насильно! — выкрикнул Куусисто. — Говорят, у них сзади стоят пулеметы. Иди в атаку, а не то получишь очередь в спину. Потому они так и прут.

У Хейно вырвался иронический смешок, но Ниеминен принимал все всерьез.

— Ну, насчет того, чтоб насильно гнали в атаку, я сомневаюсь. И я думаю, что у нас о них вообще говорят много такого, чего нет на самом деле. Но я считаю, что несправедливо отнимать у человека все то, что он с огромным трудом заработал.

— Да, как наши фабриканты, например, — перебил Хейно. — Ведь они, бедные, столько трудов положили, чтобы приобрести в собственность свои заводы и фабрики. Или помещики-землевладельцы — они пахали землю до изнеможения, гнули спину, несчастные, зарабатывая свои богатства!

— Но даром-то никому ничто не доставалось! — воскликнул Куусисто, выходя из себя. А затем добавил, как бы для большей верности: — По крайней мере нам, нашей семье. Пришлось-таки потрудиться на совесть, пока не наладили хозяйство как следует.

— Да, и особенно потрудились батрачки и батраки, — ухмыльнулся Хейно. — Но ты спроси-ка вот у Войтто, как они трудились на своем клочке. И все-таки им частенько приходилось облизывать сухую ложку.

Куусисто запнулся, но потом сказал:

— Надо было прикупить больше пахотной земли!

Хейккиля и Хейно так и прыснули, и Куусисто густо покраснел. Чувствуя сам, что сказал глупость, он бросил со злостью:

— Ну, если в России, по-вашему, такой рай, так и проваливайте туда! У Хейккиля вон уже давно и пропуск в кармане.

Он встал и пошел прочь. Вдогонку ему Хейно крикнул:

— Вот они, такие-то, и воевали бы сами, коли охота! Им есть что защищать. А у меня — ничего, кроме пары вонючих портянок, и я должен...

— Ну, ты опять заладил одно и то же! — перебил Ниеминен, начиная сердиться. — Разве у тебя нет Родины?

— Родина, видишь ли, она — кому как. Одним она мать, а другим — вроде злой мачехи.

Ниеминен хотел сгоряча сказать еще что-то, но сидевший невдалеке Сундстрём встал и, уходя, произнес:

— Как говорили римляне: «Уби бене, иби патриа» — «Где хорошо, там родина».

— А ну, катись ты!.. — гаркнул в сердцах Ниеминен. — Ты тоже... паршивая овца в нашей армии!

— Каков король, таковы и подданные, — послышался смешок, и Сундстрём скрылся в кустах. Юсси Леппэнэн заржал, по обыкновению, а Ниеминен, разозлясь, пошел прочь.

— Нет, с этими цыганами и говорить не стоит!

* * *

День рождения Маннергейма порадовал солнцем и теплом. После долгих холодов вдруг словно наступило лето. Утром, как только рассвело, прогремели залпы своих батарей. Дневаливший у входа в землянку Хейккиля прислушался и ждал, когда прозвучат разрывы снарядов на русской стороне. И вдруг точно небо треснуло. Хейккиля бросился под навес. «Шрапнель, черт!..»

Он подождал немного, но, так как ничего больше не было слышно, снова вышел наверх. И вновь полыхнуло, прямо чуть ли не над самой головой. Вокруг задокали осколки, от ложа автомата отскочила щепка. Хейккиля прыгнул в укрытие. «Из чего он бьет, что выстрелов не слышно?»

У входа в землянку, под навесом, на стене траншеи висела стальная каска. Согласно приказу, ее должен был надевать часовой, но она ржавела себе на гвозде. Хейккиля взял было ее, но повесил обратно и пошел посмотреть, что творится наверху. Надо было становиться на пост — Хейккиля честно выполнял свои обязанности. Но тут он колебался. «Попадет осколок в башку, и вся недолга». Он осмотрел ложе автомата. Изрядный кусок откололся. «Полчерепа снесло бы».

Где-то на линии загрохотали взрывы. Потом опять громыхнули свои батареи. Из землянки выглянул Куусисто в нижнем белье.

— Что это? Русся шпарит?

— С обеих сторон. Отмечают, видно, день рождения Марски.

Хейккиля уже улыбался. Он показал Куусисто свой автомат.

— Видишь, чуть из меня не сделали героя. Красиво было бы погибнуть сегодня.

Где-то поблизости рвануло снова, и осколки зацокали над траншеей. И тут в траншею соскользнул Сундстрём. Он дежурил у пушки, осколком ему оцарапало ухо, и он решил лучше убраться в укрытие. Рана была пустяковая, но кровь текла довольно сильно. Сундстрём зажал рану носовым платком и беззвучно смеялся.

— Хомо хомини люпус эст.

— Чего? — Хейккиля уставился на него, разинув рот. — Ты оставил пост. Разве ты не знаешь, что за это тебя могут расстрелять.

Сундстрём поднял брови:

— И ты, Брут?.. Столько шуму из-за одной запеканки. Тут и Хейккиля взорвался:

— Неужели ты, чертова запеканка, не можешь говорить по-человечески! Ты плохо кончишь со своей ученостью. Кто-нибудь попросту тебя пристрелит!

Сундстрём ничего не ответил. Он выглянул из траншеи. Наверху снова было тихо, и он пошел на свой пост. Кюусисто клокотал:

— Надо ему всыпать! Это какой-то провокатор, черт возьми! Вот увидишь, он переметнется к русским. Недаром он и язык их зубрит.

Хейккиля промолчал. Он поднялся по лестнице наверх и прислушался. Ему было неловко за свою вспышку, ведь и сам-то он оставил пост. А Сундстрём вовсе не трус. Он и сейчас не казался испуганным, хотя и был на волосок от смерти. «Но какого же черта он никогда не говорит толком, как человек! Поди пойми его!»

Хейккиля дошел до землянки-бани и снова прислушался. Все было спокойно. Только где-то на линии раздавались отдельные выстрелы. Наверно, снайпер поймал кого-то на мушку. Хейккиля присел на пенек возле бани и принялся читать полученные от девушек письма. «В чем же дело, почему ни одна не шлет посылки? Надо, видимо, что-то вкрутить им получше, чтоб подействовало».

Где-то вдали рванули один за другим два снаряда. Потом грохнуло возле самого котлована, что они рыли, и в воздух взметнулся огромный столб грязи. Тут же снова загрохотала своя артиллерия. Хейккиля на всякий случай спустился в траншею перед входом в баню.

Утром солдат повели на богослужение.

Сначала какой-то офицер из отдела просвещения сделал доклад о жизни и деятельности маршала Финляндии. Потом была проповедь. Священник говорил о Давиде и Голиафе, но так шаблонно, что вряд ли убедил кого-нибудь. Потом спели хором «Господь наша крепость», и на этом торжество закончилось. Солдаты поспешно разошлись по своим землянкам, где должны были раздавать обещанную водку.

Хейно, Хейккиля и Ниеминен бежали вприпрыжку за остальными, боясь опоздать к раздаче. Хейно тоже договорился с непьющими ребятами о покупке их доли. Теперь он говорил друзьям:

— Вы постарайтесь достать и на свою долю. У меня будет только пол-литра.

— Я тоже получу поллитровку,— сказал Ниеминен.— Но я тут пить не буду, а отвезу ее домой, когда поеду в отпуск.

— Ну так значит, весь праздник пошел псу под хвост!

Свои батареи опять произвели огневой удар. Затем откуда-то издалека донесся странный глухой гул.

— Это, ребята, тяжелая артиллерия заговорила,— сказал Ниеминен.— Теперь сосед пусть поглубже прячется в свои щели.

— Ложись! Сатана!..

Хейно бросился в канаву, туда же нырнули Ниеминен и Хейккиля. Над ними со свистом пронесся самолет, оба крыла которого горели, оставляя дымный след. Вдруг раздался крик:

— На помощь! Помогите! Рука перебита, помогите кто-нибудь!

Ниеминен бросился на зов. Но там уже собралась целая куча народу. Кто-то перевязывал руку раненого, и было видно что-то ужасное, кровавое, торчавшее из обрезанного рукава. Раненый начал оправляться от испуга, хотя бледное лицо его было искажено от боли.

— Этот Голиаф, черт, видать, не сражен еще. Ишь как больно дерется!

— Не болтай зря языком, ступай скорее на перевязочный пункт!

Раненый пошел, размахивая здоровой рукой.

— Ну, бывайте здоровы, счастливо праздновать! А я пошел пировать в другое место.

— Дойдешь один?

— В эту сторону я не то что без руки, а и без ног дошел бы.

Показались Хейно и Хейккиля. Ниеминен скорчил насмешливую рожу.

— Откуда явились, голубчики? Кажется, вам очень понравилось дно канавы. Даже Пена прильнул всем сердцем к земле отечества.

— Ты тоже целовал ее горячо,— проворчал Хейно.

Возле бани собралась группа зенитчиков. Они еще вчера соорудили тут нечто вроде стола для пирушки на свежем воздухе, но теперь этим не воспользуешься, когда кругом свистят осколки. Ниеминен сказал не без злорадства:

— Вот уже Ваня и не «добрый приятель», не дает даже поспрашивать спокойно.

— Гей, водку везут! — крикнул кто-то, и все бросились к приближавшей телеге.

— Не забудьте же спросить насчет лишних порций,— напомнил Хейно.— А то куда нам такая капля.

Вскоре они уже были на опушке, у ближнего болота. Хейно собирал хворост для костра и рассуждал вслух:

— Здесь мы и останемся. Тут можно устроить костерик для варки кофе так скрытно, что и сосед ничего не увидит.

Ниеминен осторожно опустил на землю свою хлебную сумку. Ведь в ней было общее вино всей компании. Немного его было, потому что если кто и продавал свою порцию, то заламывал безумную цену. Пришлось долго торговаться, и вот в конце концов выходило по полбутылки на брата. Та поллитровка, что Ниеминен купил для себя, была спрятана у него под матрасом. Он раскрыл свою хлебную сумку и стал выкладывать колбасу, копченую свинину и масло. После некоторого раздумья он достал сахар и еще какой-то маленький кулечек.

— Тут вот, ребята, немного настоящего кофе.

— Иди ты! — Хейно прервал сбор хвороста.— Колбаса и сало! Выходит, ты у нас настоящий буржуй и стяжатель!

Ниеминен стыдливо улыбнулся.

— Это все отец купил на черном рынке. А кофе привезли из Швеции. Ну, зажигай костер. Только сырых веток не клади, а то задымит — и получим прапнель на голову. Смотри там, Войтто, чтобы зараза Куусисто не явился.

Им пришлось тайком удирать из землянки, потому что

Куусисто прямо-таки набивался в компанию. Хейно и Хейккиля терпеть его не могли. Ниеминеп же думал о своих съестных припасах. Да и он тоже недолюбливал Куусисто. Уж одно то, что доносчик. Этого Ниеминен не одобрял.

Было тепло почти по-летнему. У ног раскинулся цветочный ковер. Птицы щебетали наперебой. И во всем — тишина и покой. Казалось невероятным, что где-то рядом — передовая.

Хейно вышел на край болота и вдруг закричал:

— О, тетерева!.. Да много! Эх, черт, не захватили винтовки. Была бы дичь! Сюда, ребята, надо прийти поохотиться!

Они нарушили приказ о том, что оружие всегда должно быть с собой. Хейккиля смеялся.

— Теперь хоть понятно, для чего надо ружье таскать с собою повсюду. Можно добывать дополнительное продовольствие.

Ниеминен думал о другом.

— Удивительно, что даже здесь, в полосе военных действий, есть всяческая живность. Я третьего дня видел даже зайца. А однажды наткнулся на лосиный след. По мне ребята, это чудо: кругом пушки палят, а они не боятся.

— Конечно, и они бы испугались, если бы их задело, — размышлял Хейккиля. — Я слышал, что и человек начинает бояться, когда его ранит.

— Кто его знает. Кажется, и так-то страшно, хоть и не ранило еще.

Хейно пришел с охапкой хвороста.

— Сварим сначала кофе или сперва поедем?

— Один хрен. Но когда же мы зелье-то будем пить? За него, черт подери, так дорого заплачено, что надо пустить его в первую очередь, то есть на пустой желудок. Тогда все-таки больше почувствуешь.

Решили выпить водку натошак. Ниеминен достал бутылки и кружки, расставил их на пне.

— Кто будет делить? Ты, Войтто? Давай-ка, ты вроде бы честный парень.

Хейккиля разлил водку по кружкам и покачал головой:

— Тут, ребята, вино на восьмерых! Видно, Марски не больно-то высоко себя ценит, раз выдал так мало.

— Ха! Ты думаешь, он на свои угощает? — воскликнул Хейно. — Конечно же, из кармана государства...

Ниеминен поднял кружку:

— Ну, выпьем. Киппис! За Марски!

— Нет! — Хейно спрятал свою кружку за спину. — За это я мою скудную порцию вина не отдам. Давайте-ка выпьем за то, чтоб нас кормили получше.

— Да, и за то, чтоб нам вернуться отсюда живыми домой, — добавил Хейккиля.

— Ну, все равно, поехали!

Они чокнулись кружками и выпили. Хейно громко чмокнул.

— Эх, черт возьми! Вроде воды! Когда они успели разбаландить?

— Да нет же, они не разбавляли, я все время не спускал глаз, — сказал Ниеминен. — Выпьем сразу и остатки. Так, может, все-таки будет чувствительно.

Они допили до дна и молча ждали. Минуту спустя Хейно заметно порозовел.

— Маленько все-таки шибает в голову... Яска, ты мог бы еще принести свою бутылку. Мы бы ее распили, хотя бы в твою честь.

— Нет! — Ниеминен решительно потрянул головой. — Ее мы разопьем дома, в честь моего отпуска... Но кто это идет сюда? Сундстрём прется, черт бы его побрал!.. Спрячем это все поскорее, пока он не заметил!

Хейно все же встал и помахал рукой:

— Эй, языковед! Подь сюда!

И, обратившись к товарищам, он шепнул:

— Смотрите, у него в карманах по полной бутылке! И сам уже явно на взводе!

Сундстрём, подойдя, лихо взмахнул рукой и воскликнул по-русски:

— С праздником, товарищи!

— Катись ты к черту со своими товарищами, — буркнул Ниеминен.

Но Хейно бросился встречать гостя, и Хейккиля встал с места, улыбаясь во всю ширь своей круглой физиономии.

— Ты уже говоришь по-русски! Что значит это «раасникком»?

— Поздравление с праздником, — улыбнулся Сундстрём. — Сегодня торжественный день нашего величайшего полководца. Капитанеус Финландиэ становится старше...

Сундстрём достал из карманов две бутылки и поставил их на пень.

— Разрешите предложить по случаю торжества.

— Бог ты мой, где же ты раздобыл? — Хейно как зачарованный смотрел на бутылки, на этикетках которых была изображена голова негра. — Настоящий ямайский ром! Ты что, спер где-нибудь?

Сундстрём сделал оскорбленный вид:

— Смею заметить, что вы задеваете мою воинскую честь! Я вполне законно купил их на валюту Финляндской республики у армейских снабженцев. Впрочем, я полагаю, что они-то действительно «сперли» сей алкоголь полупулегалльным способом из бочек, принадлежащих солдатам славной финской армии.

— Что? — Хейно в недоумении уставился на Сундстрёма. — Так это та же водичка, которую и нам выдавали?

— Та же самая, сударь. Только чуточку погуще. Из той, которую выдавали, градусы маленько повыветрились в мировое пространство.

Сундстрём усмехнулся и присел на кочку. Он объяснил, что, как он слышал, вино привезли в военную лавку в бочках, откуда потом раздавали по подразделениям. И, конечно, раздатчики пользовались. Сообщение это привело Хейно в бешенство.

— Будь они трижды прокляты! Надо бы взять пулемет и всех перестрелять к черту! Вечно кто-нибудь грабит. На гражданке с тебя дерут община, государство, церковь, ироды господá, а тут — свора снабженцев!

— Успокойтесь, почтеннейший. — Сундстрём поднял руку. — Не дадим гневу ослепить нас в этот торжественный день, но выпьем эти бокалы в честь славного тезоименитства.

Он налил в кружки, достал и свою из кармана и, наполнив ее, поднял тост:

— Выпьем же это вино, отпущенное нам из государственных запасов. Ибо в вине есть истина. Наш возлюбленный духовный отец и очиститель религии Мартин Лютер некогда высказал одну из мудрейших мыслей: «Вино, женщины и песня суть радости человеческие. Кто их не любит, тот на всю жизнь останется в дураках». Выпьем же, братья!

Хейно и Хейккиля охотно последовали его примеру, а Ниеминен смотрел исподлобья, этот тип раздражал его.

Ведь сколько раз этот книжник смеялся над всем, что для Ниеминена было свято. Да и сейчас в каждом его слове сквозила издевка, Ниеминен чувствовал это.

Сундстрём обратил внимание на неприветливость боксера и поднял свои девичьи, шелковые брови:

— Что же вы, сударь, не желаете почтить торжественный день барона Карла Густава Маннергейма, маршала Финляндии и достославного нашего Главнокомандующего?

— А ты считаешь?

— Обязательно, сударь. Вынужден. Иначе просто невозможно. И к тому же я уважаю львов, а они украшают воротник нашего барона. Правда, я, конечно, полагаю, что не ряса делает монаха.

— Слушаешь тебя, и сам сатана не разберет, что у тебя на уме! Ты до того весь извертелся, излукавился, что и слова в простоте не скажешь.

— Да не лезьте же вы, дьяволы, сразу в драку! — прикрикнул Хейно. — Сундстрём свой парень. А ума у него в голове больше, чем у всех нас вместе взятых.

Сундстрём поклонился.

— Благодарю вас, сударь. Почтенный отец мой утверждал нечто обратное. И вообще он называл меня не иначе, как *enfant terrible*, что значит ужасный ребенок.

— Чем же ты ему так досадил? — с усмешкой спросил Хейккиля.

— Н-да. Вопрос, собственно, неправильно сформулирован. Следовало спросить: почему? Но это долгий разговор. Выпьем лучше еще. На сей раз я предлагаю выпить за знаменитый меч нашего маршала. А потом я, может быть, и расскажу.

Смеясь, они чокнулись и выпили. Только Ниеминен опять не поддержал компанию. Ворчал что-то про себя. Сундстрём улыбнулся, обнажив золотые зубы.

— Вы, дорогой друг, видимо, не желаете оказать уважения даже мечу, который наш маршал поклялся не вкладывать в ножны.

— Понюхай дерьмо! — выругался Ниеминен и даже повернулся спиной к насмешнику. Но Сундстрём продолжал как ни в чем не бывало:

— На чем мы остановились, товарищи?.. Ах да, вы спросили, почему? Главным образом, по соображениям военно-политическим. Мой почтенный отец не знает силы нашей армии. Он был готов удовлетвориться захватом

Ленинграда и освобождением Восточной Карелии от Олонца до Поморья. Но это же недооценка нашей боеспособности! Нам следует освободить уж заодно и Поволжье, где тоже живут родственные нам народности — мордва, удмурты, марийцы. Эстонию следовало взять штурмом, опередив немцев. На севере Швеции и Норвегии также живут наши соплеменники. Разумеется, они тоже должны войти в Великую Финляндию. Вот, видите ли, в чем суть наших разногласий.

— Ну, слушай, ты уже просто пьян! — сказал Хейно, выпучив глаза. — Неужели ты не понимаешь, что это дело нам не под силу?

Он уже настолько опьянел, что едва не падал с места, но все же, напрягая всю свою волю, старался сидеть прямо.

— Не думал я, парень, что ты такой завзятый лахтарь... — проговорил он, икая.

— Лахтарь! — презрительно процедил Ниеминен сквозь зубы. — Не лахтарь он, а сущий коммунист!

— Нет, сударь, не коммунист, а реалист, — смеясь возразил Сундстрём и вылил в кружки остатки вина. — Выпьем-ка еще за славного коня нашего дорогого и любимого Карла Густава. Я очень уважаю хороших коней.

Хейно, растопырив пальцы, несколько раз пытался взять свою кружку, но она никак не попадалась ему в руку. Хейккиля сидел красный как вареный рак, но больше ничем не выдавал своего опьянения. И улыбка его была совсем обычной, когда он сказал:

— За коня — охотно! Я тоже люблю коней.

Ниеминен вдруг обернулся и схватил свою кружку.

— Давайте выпьем. Но только за то, чтоб стоять здесь насмерть, нерушимо, и не отступить ни на шаг!

Хейно уставился на него мутнеющим взглядом и вдруг прыснул со смеха. Кружка, которую он поймал наконец, выпала из пальцев и покатилась. Он хотел снова ухватить ее, но пошатнулся и упал ничком. Хейккиля хотел было поднять и усадить его обратно, но Хейно повалился назад. Сундстрём посмотрел на него с усмешкой и сказал:

— Акта эст фабула, спектакль окончен. Жаль, с ним было бы приятно потолковать.

Хейккиля попытался было еще поднять Хейно, но потом оставил его в покое.

— Он слишком худой, вот его и развезло, — сказал Хейккиля, как будто оправдываясь.

Тут он и сам пошатнулся и поспешил сесть на место.
— А ром-то, действительно, неразбавленный. Я смотрю, ноги меня не слушаются.

У Ниеминена тоже зашумело в голове. Он сидел, обхватив руками колени, и неотрывно смотрел на Сундстрём. Потом сказал все так же мрачно:

— Ты тут нам болтал всякую чушь. Скажи прямо, что ты за человек? Ты издеваешься над Маннергеймом и над всей этой войной. Ты бы, наверно, хотел, чтобы нас разбили!

Сундстрём повалился на бок, но тут же встал и начал трясти головой.

— Ой, как же я пьян, друзья мои! А поскольку сказано, что истина в вине, то пусть оправдается мудрое это изречение.

Он посмотрел на Ниеминена долгим, внимательным взглядом. Потом прозвучал его короткий смешок.

— Вы правы, сударь. Я говорил сейчас чужие слова. En personne, как говорится, лично я убежден, что мы проиграем эту войну, что бы мы ни предпринимали. Отцы нашей республики обладают удивительнейшей, беспрецедентной может быть во всей мировой истории, способностью садиться не в свои сани. Нам, собственно, подарили независимость, но наши правители, по-видимому, не способны ее удержать.

Лицо Ниеминена исказила насмешливая гримаса.

— Ты что, считаешь меня за дурачка, который не знает фактов, ничего не ведает о войне за освобождение?— зло спросил он.

— Простите, сударь, но тут именно факты против нас. Нам дали независимость в конце семнадцатого года, а эта наша «война за освобождение» началась уже после того — в начале восемнадцатого.

— Это верно! — сказал Хейккиля и ткнул в Ниеминена указательным пальцем.— Ты, видно, ничего не знаешь. Наши господа ездили в Питер просить независимости у России.

Ниеминен скривил рот.

— Ничего такого я не знаю, но зато прекрасно помню, как Россия покушалась на нашу независимость. Ты что, забыл зимнюю войну?

Где-то неподалеку от землянки опять разорвался снаряд, и Ниеминен кивнул в ту сторону:

— Вот что нам дала Россия, даже с избытком. И ничего больше.

Сундстрём грустно улыбнулся.

— Вернемся еще, сударь, в год семнадцатый анно домини. Кто заставлял Россию дать нам независимость? Могучая финская армия? Нет, конечно, ведь ее тогда еще просто не существовало. Германия? Нет, сударь. Германия, так же как и другие державы, отказалась признать независимость Финляндии, пока этого не сделала Россия. И Россия сделала это. Но наши «короли» вместо благодарности организовали — део эт виктрицибус армис, с божьей помощью и вооруженной силой — военный поход в Россию.

Ниеминен ахал, охал и вертелся, как будто его припекали горячими угольками. Он никогда не слышал ничего подобного. И в школе об этом рассказывали совершенно не так. Финляндия завоевала свою независимость, вот как это было. «Но я еще проштудирую все это дело», — решил он про себя.

— А теперь, сударь, перейдем к так называемой зимней войне, — продолжал Сундстрём. — Разрешите заметить, что нам предлагали обмен территорий. И мы теперь видим, что причины были достаточно веские. Поднимитесь вон на ту высотку, сударь, и взгляните в горизонт. Там почти видны пригороды Ленинграда. Что, если бы наша славная армия могла начать наступление в сорок первом году со старой границы? Глупцами были бы советские руководители, если бы заранее этого не предусмотрели. Но наши мудрые отцы страны не пожелали понять исторической неизбежности и снова влезли в чужие сани.

Хейккиля начал хихикать. Вино только сейчас ударило ему в голову. Какая-то мысль его рассмешила, и он все твердил:

— Не отступили ни на дюйм, ни на дюйм. Я помню, как Таннер заверял, что «ни на дюйм».

Ниеминен прикусил губу. Конечно, он отлично помнил предвоенные события и начало войны. Но только он никогда так не думал.

— Результат нам известен, — продолжал Сундстрём. — Но наши «короли» и тут ничему не научились и слова полезли в чужие сани. Поэтому нам скоро придется воскликнуть: «Финис Финландиэ!» Скоро нам выпят а-ля русс, по-русски.

Вокруг землянки один за другим разорвалось несколько снарядов. Потом на горе взметнулся огромный земляной столб. Сундстрём встал и сказал:

— Господа, не сходить ли нам вновь разведать обстановку у бочек в военной лавке? У меня еще имеется валюта Финляндской республики.

Ниеминен отвернулся. Хейккиля смеялся, кивая головой.

— Ну, так пойдем? — повторил Сундстрём.

— Довольно, анфан териипли,— проговорил Хейккиля, икая. Затем он повалился на бок, вздохнул и тотчас захрипел. Сундстрём, казалось, совсем не захмелел. Он усмехнулся и помахал рукой:

— До свиданья, товарищи!

И зашагал прочь, время от времени оступаясь и пошатываясь. Ниеминен выругался и встал.

— Вот кто, оказывается, проклятый руссия!

Издали доносился голос Сундстрёма, который напевал что-то без слов. Потом он вдруг громко запел:

Это есть наш последний...

Ниеминен так и взвился:

— Интернационал распевает!

Он сапогом пнул под зад Хейккиля, затем таким же манером и Хейно:

— Вставайте и жрите, пьяницы сопливые!

* * *

Хейккиля расхаживал по двору перед входом в землянку и посмеивался про себя. «Анфан терибль» это значит ужасный ребенок. «А ле комансман дэ ля фэн...» черт, что же это-то значило?»

Его занимала манера Сундстрёма говорить загадками. Но все-таки было интересно, когда Сундстрём хотя бы немного объяснял что к чему.

Хейккиля опять стоял на часах у землянки. Его вахта была с двух до четырех. Как раз в это время сильнее всего хотелось спать. Правда, погода теперь такая холодная, что не задремлешь. Но какая-то удивительная лень одолевала. Работа с каждым днем становилась все противнее. «Как же я потом-то буду справляться с делами, на гражданке? Конечно, если я вообще когда-нибудь вернусь домой. И буду цел».

На днях произошла наконец высадка десанта союзников на побережье Франции, о чем давно уже было много толков. После этого известия в землянке были слышны разговоры: «Ну теперь наша очередь. Сосед на нас тут долго смотреть не будет. Начнется прорыв и сквозное бегство по Карельскому перешейку».

Хейккиля забавляло это выражение: «сквозное бегство». И он подумал, что надо спросить Сундстрёма, как это называется «по-ученому».

Солнце поднялось и начало уже приятно пригревать. День, наверно, будет жаркий. Небо ясное-ясное, ни пушинки облачка в его синеве. По ту сторону линии фронта привязной аэростат все время мячал в воздухе. «Интересно было бы знать, что там Ваня делает»,— подумал Хейккиля и поднялся на холм. Тут он на миг остановился в нерешительности, потому что при поднятом аэростате наблюдения нельзя было показываться на открытом месте. Но, поскольку нарушать этот запрет было привычно, Хейккиля снял с дальномера чехол и стал смотреть, что творится на той стороне. Все словно вымерло. Даже там, вдали, возле казарм — никаких признаков жизни.

— Дрыхнут себе всласть,— подумал Хейккиля, и уголки рта у него задергались от смеха.— Вот если бы тут был телефон на ту сторону, я бы устроил им побудку. Ух, они бы и ругались потом!

Он направил трубу дальномера на аэростат, и вдруг у него мурашки по спине побежали. Человек в корзине аэростата был виден так ясно, что, казалось, его можно коснуться рукой.

Хейккиля поспешно зачехлил дальномер и спустился с холма. «Что, если он меня заметил? Сейчас как жажнут оттуда шрапнелью!»

Он бывал вместе с другими на карауле в дневное время и поднимался на гребень, с которого русские дзоты были отлично видны. «Выглядывать», конечно, запрещалось, но любопытство брало верх. Хотелось посмотреть на Ленинград — кто-то уверял, что с высоты видны его пригороды. Потом, в отпуску, можно будет похвастать, что, мол, «мы сражаемся на окраинах Ленинграда». На самом деле, однако, никаких пригородов не было видно, даже в бинокль. Спускались с горы разочарованные, но потом все же повторяли такие вылазки. «А вдруг удастся разглядеть, когда день такой ясный».

К счастью, они не попались на прицел снайпера во время этих «вылазок».

Хейккиля опять начал ходить взад и вперед между землянкой и баней. Мысли пережеслись домой. «Только бы вернуться на гражданку. Я бы продал халупу со всем барахлом и устроился куда-нибудь на работу. Уж как-нибудь я и отца с матерью прокормлю. Неужели нет. Надо в самом деле поговорить с ними, когда поеду в отпуск.

Куусисто вот уехал вчера вечером. Саломэки должен завтра вернуться. Достал ли он муки для лепешек? Или опять приедет с набитой мордой?»

Кругом шныряли крысы. Хейккиля подумал, что надо бы подстрелить хоть одну из этих нахалок. А то ведь с ними беда, в землянку лезут без всякого зазрения. Однажды ночью крыса забралась на длинную полку и повалила оттуда бутылки с лаком и скипидаром прямо на головы спящим. Поднялся переполох, когда кто-то заблажил с перепугу дурным голосом. Все похватали одежду и винтовки и бросились на двор. Долго вспоминали потом эту крысиную панику.

Хейккиля взглянул на часы и оставил крыс в покос. Скоро его дежурство кончится, и он может спуститься в землянку, разбудить зенитчика, а Халме послать на пост к орудию. За минуту до четырех он разбудил их обоих и быстро разделся. Улегшись, он закурил и с улыбкой поглядел на фотографии голых красоток, висевшие по стенам. Его койка была в углу. Стена была обклеена газетами. Одна статья — обведена красным карандашом, и отдельные места помечены большими восклицательными знаками. Хейккиля раньше не обращал на это внимания. Он стал читать отмеченные места.

«Почему финны вообще оставили русским Поволжье, хотя они — народ лучших в мире воинов — могли бы сами владеть этими территориями и вырасти в великую культурную нацию...»

Хейккиля отложил сигарету в пепельницу и стал читать другие подчеркнутые места. Он вспомнил разговоры Сундстрёма в день рождения Марски и оглянулся, не проснулся ли тот случайно. Нет, Сундстрём крепко спал, как и все остальные. Скоро Ниеминен должен вернуться с поста. Вот кому надо это прочесть! А то он больно горячился тогда...

Хейккиля искал на газете дату и поразился.

— Это написано осенью прошлого года! Но ведь уже тогда Германия была поставлена на колени! Какой же сопляк писал такие вещи?!

«Два года назад речь могла идти лишь об одном: война до полного разгрома русских. Тогда только и разговору было, что вот-вот займут Сороку и Питер...» — писала дальше газета, и Хейккиля начал сердиться:

— Черт, где же этот Яска загулял... ведь уж пора прийти! Пусть посмотрит, кто чьи земли хотел захватить.

И он читал дальше:

«...Если мы трезво и с финской хозяйственностью проанализируем нынешнее положение дел, то мы увидим, что действительной угрозы для нас нет и нам не на что жаловаться. Надо спокойно выждать. Время, конечно же, все устроит, и жертвы наших воинов будут по заслугам вознаграждены: Олонец и Беломорье наши, и только наши!»

Хейккиля так нетерпелось показать это Ниеминену, что он готов был встать и пойти ему навстречу, когда тот наконец явился. Прочтя статью, Ниеминен густо покраснел.

— Ты что, думаешь, что и я такой же?..— шепотом спросил он, и губы его дрогнули.

— Не совсем, но я просто вспомнил твои слова.

Ниеминен сел на койку и стал тереть ладонями лицо. Потом он устало сказал:

— Я как раз думал там, на посту, что, если бы мне дали сейчас свободу, я бы подался домой. У меня такое чувство, что должно произойти что-то ужасное. На той стороне, у русских все стихло, не слышно больше ни звука. Это, знаешь ли, тишина перед бурей. Значит, у них уже все готово.

Хейккиля перестал улыбаться.

— Ты думаешь, начнется сквозное бегство?

— Нет, не то чтоб... но покойников будет много.

Ниеминен сдержал зевоту и пошел к своей койке.

— Давай, знаешь, спать. Пока еще можно поспать спокойно.

Он разделся, проверил, на месте ли бутылка водки, спрятанная под матрасом, и улегся. Вскоре он уже спал сном праведника. А Хейккиля еще долго ворочался. Только теперь он подумал о том, что им предстояло, и ему

стало не по себе. «Скоро начнется что-то ужасное... Покойников будет много...» — повторял он про себя зловещее предсказание Ниеминена. «А, может, все-таки не будет? Если они в конце концов заключат-таки мир? То есть, успеют, пока еще не поздно? Надо полагать, они там должны немного подумать и о нас. Хотя для них, видно, солдатская душа пустяк...»

Наконец Хейккиля кое-как уснул. Вдруг он проснулся от того, что вся землянка, казалось, покачивалась. С потолка сыпался песок, на полке подпрыгивали, позвякивая, банки и склянки. Окошко землянки вдруг треснуло и грохнулось на пол. Тогда он, вскочив с постели, заорал:

— Подъем! Черт побери, вот оно началось!

Призыв был напрасен, потому что все уже повскакали. Наверху гремело и грохотало, как будто там бушевала страшная гроза. Кругом все металось и, бледные, впопыхах натягивали на себя одежду. В землянку ворвался часовой, на нем не было лица:

— Самолеты! Сотни самолетов! — кричал он в иступлении. — Одна зенитка уже взлетела в воздух!

— Противотанковый взвод — сюда! — рявкнул сержант Лайне. — Выходи!

Взмахнув пистолетом, он бросился по траншее на выход, а остальные, цепочкой, последовали за ним. Но не успел сержант пробежать и десяти шагов по открытому месту, как что-то зарычало, зарокотало и с ревом пронеслось над самой головой. И он упал. Остальные инстинктивно попятились и скрылись в траншее.

— Штурмовик! Сержант остался там! Что делать?

— Назад, в землянку! — скомандовал Кауппинен, который был теперь старшим по званию. На груди у него был автомат, а на поясе висели запасные обоймы к нему и пистолет. На голове каска. Красивое лицо этого тихого, скромного парня было тоже бледно, но голос звучал спокойно и твердо, когда он стал отдавать приказания:

— Ниеминен и Виртанен, надеть каски, взять оружие и несколько связок гранат. Всем остальным быть в укрытии. Бесполезно идти всем сразу. Одному быть на карауле, чтобы неприятель не захватил врасплох. Сержанта Лайне надо сейчас же вынести оттуда. Хейккиля, ты крепкий парень. Каску надень.

Хейккиля прислушался к грохоту разрывов. В землянке уже стояла такая густая пыль, что едва можно было

дышать. Несколько мгновений он боролся со страхом, но затем взялся за каску.

— Ну, ладно! Если я отдам концы, вы отошлите домой хотя бы часы. Они отцовские.

Он протиснулся через толпу, сгрудившуюся у выхода, и остановился, шагнув за порог. Снаружи воздух тоже был мутным от пыли и дыма. В горле запершило от жженой земли и пороховой гари. Сержант лежал там же, где упал, в той же позе. «Он отдал концы. И я отдам, как только сунусь туда за ним»,— подумал Хейккиля. И в тот же миг наверху заревело, зарокотало. И там, на открытой площадке перед землянкой завертелись клубы пыли и земляных комьев. Рядом с лежавшим сержантом вдруг появилась небольшая воронка. А подальше — еще и еще. «Ух ты, черт! У него пушки на самолете!.. Однако идти за сержантом все-таки надо...»

Хейккиля стиснул зубы и ринулся вперед. Он как раз добежал до сержанта, когда за его спиной послышался рев моторов и выстрелы. Вокруг все трещало, землей сыпало в глаза, но Хейккиля уже схватил сержанта за ноги и поволок его. Самолеты проносились один за другим, но каким-то чудом разрывы снарядов и пулеметные очереди обходили Хейккиля, не задевая его. В ушах стоял визг осколков, земля и камни сыпались градом. Хейккиля втащил сержанта как мешок в траншею и только тут осознал это чудо, что он все еще жив и невредим. Улыбка расплылась по его широкому, пухлому лицу.

— Зря ты старался, геройствовал! — в сердцах сказал один из зенитчиков. — Он же мертвый, голова разможена совсем.

Сержанта внесли и положили на его койку. Капрал Кауппинен взглянул краем глаза на сержанта и отвернулся.

— В порядке ли тягач, на случай, если придется отходить? — спросил он у водителя.

— С вечера был в порядке, а сейчас не знаю. — Да и кто на нем поедет в такую заваруху?

Снаружи все ревело и грохотало. Вдруг вся землянка подпрыгнула, и люди в ней попадали от удара воздушной волны. Из угла валило облако дыма, сквозь него пробивался свет.

— Бомба! Отходите все к той, дальней стене, — крикнул кто-то,

— Бежим отсюда, пока нас не прихлопнуло,— раздался чей-то визгливый, надрывный крик, но Каушпинен гневно рывкнул, стараясь перекрыть его:

— Стой! Никто не выходит! Это гибель!

Он крепко сжимал свой автомат.

— А теперь, Ниеминен и Виртанен, за мной!

Ниеминен кивком подозвал Хейккиля.

— У меня тут тоже часы и кольцо. Ты понимаешь? Если что... если ты сможешь, постарайся их забрать. То есть не оставляй их тут...

Хейккиля кивнул головой. Он заметил, какого труда стоило Ниеминену говорить так спокойно, и понял, что тот чувствовал. Поэтому он сказал только:

— Если сам останусь жив. Но ты тоже не очень геройствуи. И следи все время за небом.

Ниеминен щелкнул предохранителем автомата и вышел. Сундстрём необычайно серьезно сказал как бы про себя:

— День гнева настал. Сейчас мы увидим, господа, что значит а-ля русс.

Хейккиля, услышав это, улыбнулся.

— Я успел уже попробовать. Трам-тарарам, осколки сыпались как град, железо кругом свистело и плясало, а мне хотелось бросить все и дать деру домой!

Землянка дрожала по-прежнему, и из разбитого окна сыпались на пол мелкие стеклянные осколки. Из траншеи один за другим вбежало несколько солдат в землянку, потом Ниеминен и Виртанен втащили Халме, который был на посту возле пушки.

— Лассе! — вырвалось у Хейккиля. — Неужели его убило?

Только тут он заметил, что у Халме вовсе не было головы. Он невольно отвернулся. Труп Халме был так ужасно изуродован, что кто-то из зенитчиков не выдержал и закричал:

— Тащите его прочь! Бросьте его где-нибудь там, на дворе... Вон! Слышите?!

Ниеминен запыхавшись, говорил:

— Он бросил пост и хотел, видно, удрать в землянку. Наверно, снаряд угодил ему в голову, потому что мы не могли ее нигде найти. Положи куда-нибудь, а нам надо идти. Гей, Войтто, положи, слушай, эту мою бутылку водки на всякий случай к себе в рюкзак.

Хейно отдышался немного и крикнул Хейккиля:

— Иди, Войтто, помоги же... положим его рядом с сержантом! Нельзя же все-таки бросать его на дворе!

Хейккиля не мог заставить себя взглянуть на труп. Дрожащей рукой он сунул себе в рот сигарету, но так и забыл зажечь ее. Хейно, вероятно, заметил в Хейккиля что-то странное, потому что крикнул другим:

— Ну, чего вы рты разинули! Головы нет, только и всего! Подходите, беритесь!

Наконец Сундстрём взялся помогать. Они подняли и уложили тело Халме на его койку. Хейно проверил карманы убитых. У сержанта оказались часы и бумажник. У Халме было только несколько марок да игральные карты.

— Кто возьмет это? Надо будет написать родственникам при первой возможности.

Никто не отвечал. Снаружи стоял такой грохот, что бутылки падали с полок. Песок с потолка уже лился струями. Хейно сунул вещи убитых себе в карман.

— А теперь давайте, надо кому-то стать у входа и поглядывать, а то Ваня в два счета окажется у нас на крыше.

В это время Ниеминен, Кауппинен и Виртанен ползком, метр за метром пробирались к оружейной позиции. Обстрел был такой сильный, что отдельных разрывов ухо не различало, они сливались в непрерывный одуряющий грохот. Штурмовики проносились низко-низко, почти задевая верхушки деревьев. Они сбрасывали бомбы, палили из пушек, строчили из пулеметов. Своих же самолетов не было и в помине. Ниеминен чуть не плакал, кусая себе губы: «Жалкие трусы! Почему они не дают отпора!»

Он прижался к земле, прикрыл голову руками и оледенел от ужаса. Огромные моторы ревели и выли над самой головой, скорострельные пушки заливались чудовищным лаем, от которого раскалывался череп, земля становилась дыбом. Ниеминен с отчаянием схватился за обгорелую траву. «Ну, сейчас убьет!»

Ужас так и поднимал его с земли, но Ниеминен бормотал онемевшими губами: «Нет, я не побегу, не побегу, нельзя бежать, это верная гибель!.. Но куда же, к черту, провалились эти зенитчики? Что они не стреляют?!»

Конечно, в глубине души он понимал, что ни один зенитчик не остался бы в живых, если бы сейчас они

были у своих пушек, но его бесила и приводила в ярость эта беспомощность перед всеподавляющей силой. Разом исчезла надежда даже на то, что удержится линия обороны. «Как можно выдержать это? Все будут похоронены в окопах».

Когда рев самолетов на мгновение стих, Ниеминен, скорчившись, рванулся вперед и пробежал несколько метров. Он успел заметить, что и Кауппинен сделал такую же короткую перебежку, но тут земля снова стала рваться вокруг него, и злобное жужжание осколков резало уши. Ниеминен поднял голову. Кауппинен привстал на четвереньки и странно мотал непокрытой головой.

Ниеминен бросился к нему. Глаза капрала заливала кровь. Его стальная каска отлетела далеко в сторону.

— Что, сильно задело? Дай я перевяжу! — крикнул Ниеминен.

Но капрал его не слышал. Ниеминен достал перевязочный пакет и стал разрывать его. Кауппинен замотал головой и тоже закричал:

— Где Виртанен? Я ничего не вижу... из-за этой крови!..

Ниеминен оглянулся назад и стал накладывать повязку.

— Вон он. Бежит сюда к нам!

Тут водитель тягача подбежал и, растянувшись пичком рядом с ними, закричал:

— Ложись! Воздух!

Снова завывли моторы, и земля затряслась от взрывов. Бомбы рвались именно там, где была их противотанковая пушка.

— Они засекли позицию! — заорал Виртанен. — Не надо ходить туда, иначе нам крышка!

— Беги, заводи тягач! — Кауппинен приподнял голову и носовым платком вытирал залитые кровью глаза. — Чтоб был готов к отправке! Пушку оставлять нельзя!

Виртанен пустился короткими перебежками и вскоре скрылся из виду. Ниеминен наконец закончил перевязку.

— Шумит еще в голове?

— Немного! Пошли!

Вокруг пушки все было изрыто, но сама она стояла целая и невредимая. Кауппинен сорвал чехлы и скомап-довал:

— Заряжай бронебойным! И осколочные приготовь, чтоб были под рукой. Следом за танками может пойти пехота!

Он направил ствол орудия на гребень холма и прильнул глазом к оптическому прицелу. Прибежал водитель тягача и плюхнулся наземь возле лафета.

— Тягач разбит! Больше ездить на нем не придется!

— Ах, черт! — всполошился Ниеминен. — Как же мы тут встроим?!

— Сообщить ребятам! — крикнул Кауппинен, не поднимая головы. — Чтобы были готовы прийти нам на помощь! Мы им позвоним.

— А если линия оборвана?

— Пусть они время от времени сами поглядывают. Ну, пошел, живо!

— Я, что ли? — спросил Ниеминен.

— Нет, Виртанен.

Когда настало очередное короткое затишье, они услышали где-то сзади похожий на кашель звук миномета.

— Где же наша артиллерия?! — возмутился Ниеминен. — Прежде она грохотала даже и без надобности!

Он не знал, что большая часть орудий была уничтожена на своих позициях, а остальные не могли открыть огонь из-за сильного артобстрела и бомбежки.

Вдруг впереди послышался странный грохот, как будто на пол из развязанного мешка посыпалась картошка.

— В окоп! — закричал Кауппинен.

И тут земля заходила ходуном. Огромные языки пламени и разрывы снарядов заплясали по предполью, быстро приближаясь, и вот уже кругом забушевало разъяренное море огня и вздыбленной земли. От соединившихся, нахлестывающих друг на друга ударных волн захватывало дыхание даже в окопе. На голову сыпались комья грязи с камнями. Невыносимо визжали осколки. Ниеминен зажал уши руками. «Это смерть!»

Когда опять стало потише, он приподнялся, чтобы оглядеться. Кауппинен напряженно смотрел назад.

— Проскочил ли Виртанен?

— Не знаю. А что это за чертовщина была?

— Гектарная пушка, или хрен ее знает, что это такое по-настоящему. Пойти мне, что ли, по его следу?

— Я пойду! — крикнул Ниеминен как-то отрешенно и все еще дрожа от ужаса.

Он кинулся в сторону землянки, делая короткие перебежки. Слух его больше не различал все пролетавших снарядов, а только этот странный дробный звук выстрелов и какой-то визгливый рев.

Возле дорожки лежал сапог. «Это же Виртанена!» — с ужасом подумал Ниеминен. В сапоге была нога.

Он повернулся вокруг на четвереньках, ища Виртанена, но нашел лишь окровавленные обрывки одежды. Ничего больше, видимо, не осталось от человека, который только что здесь пробегал. Ниеминен вскочил и, выпучив глаза, бросился очертя голову к землянке. С разбегу нырнул он в траншею, потому что опять услышал этот ужасный дробный звук, с навеса, прикрывающего вход в землянку, посыпался песок, когда он распахнул дверь и ринулся внутрь. Все обитатели землянки собрались на другой половине, потому что напротив входа между стеной и накатом образовался уже просвет в полметра.

— Что, уже идут?

— Атакуют? Идут в атаку?

— Да что ты, гром тебя разрази, рта раскрыть не можешь?!

Ниеминен только мотал головой как глухонемой.

Его усадили на койку.

— Что, как там?

— Где остальные?

— Нога,— выговорил наконец Ниеминен.— Я нашел от Виртанена только ногу.

* * *

Когда «Русский оргán» снова начал свою «музыку», Кауппинен бросился на дно глубокой щели, которую когда-то выкопал Куусисто. Опять море огня, опять земляной град и каменный дождь, и опять минуты тоскливого страха — накроет или не накроет? Когда земля перестала колебаться, он встал, чтобы оглядеться, но тотчас забился обратно в щель, потому что надвигалась новая волна штурмовиков. Когда самолеты промчались, Кауппинен стал смотреть в бинокль на гребень холма. За облаками дыма и пыли ничего не было видно. «Если пойдут танки, удастся ли взять их на прицел?» В это время на холме что-то задвигалось. Двое солдат бежали оттуда. Что бы это значило?

Двое постепенно приближались, делая перебежки, и вскоре в бинокль уже были хорошо видны их искаженные страхом лица. «Беглецы! Они даже оружие бросили!»

Кауппинен отвел предохранитель своего автомата и заорал:

— Стой! Вы куда?!

Бледные, обливающиеся потом дезертиры испуганно остановились, когда увидели направленный на них автомат.

— Вы куда?! — снова закричал Кауппинен.

— Ту-туда,— пролепетал один, указывая рукой в ту сторону, куда он бежал.

— Почему оставили линию? А ну, поворачивай живо назад! — Кауппинен нажал на спуск автомата и дал очередь ему под ноги. Пули подняли фонтанчики пыли.

— Не уйдешь! Поворачивай, а то пристрелю.— У Кауппинена все клокотало внутри.— Бросили товарищей на произвол судьбы!

— Нет там уже никого! Все полегли! — закричал беглец.

— Врешь! Назад!

Приближалась новая волна штурмовиков, и Кауппинен лег в укрытие. Когда опасность миновала, беглецов и след простыл. «И пусть драпают! Туда им и дорога...— буркнул себе под нос Кауппинен.— Все равно толку от них никакого».

Обстрел продолжался, не ослабевая. Над линиями с рокотом волна за волной, пронеслись бомбардировщики, вокруг которых сновали быстрые истребители. Штурмовики перенесли свои удары на коммуникации. Кауппинен взглянул на себя и увидел, что был весь в пыли с ног до головы. Он закрыл дуло и замок пушки чехлами, обмотал носовым платком замок автомата. Тут на позицию броском влетел и плюхнулся рядом с ним запыхавшийся Ниеминен.

— Телефоны не работают!.. Вторая зенитка тоже накрылась! А зенитчики убежали! Что будем делать?

— Подождем!.. Ты сказал ребятам, чтоб держали связь?

— Сказал, они обещали, по крайней мере!.. Виртанена убило! Я нашел от него только ногу!

Кауппинен закусил губу и снова стал смотреть на отдаленный гребень. Там тоже непрерывно вспыхивали разрывы. Прошел час. Они вслушивались, не донесется ли среди общего грохота звук пулеметных очередей. Это озна-

чало бы, что началась атака. Но грохот стоял такой, что мог заглушить и пулеметы. Кауппинен крикнул:

— Иди в землянку и пришли кого-нибудь вместо себя. Будем меняться через каждый час.

— Иди ты, теперь твоя очередь! — прокричал в ответ Ниеминен. — Надо и тебе передохнуть!

— Нет, иди ты!

Приказ был настолько категоричен, что Ниеминен пошел без возражений.

На смену Ниеминену к пушке пришел Хейно. Кауппинен по-прежнему оставался на месте. Он не соглашался уйти от орудия. Вдруг они заметили, что сосредоточенный огонь переносится к ним в тыл. Со стороны противника донесся треск пулеметов и какой-то странный звук, перекатывающийся волнами: «Ура-а-а-а! Ура-а-а-а-а!»

— Ну, вот оно и началось. Чехлы снять! Бронебойные и фугасные снаряды готовы!

Кауппинен вдруг почувствовал себя спокойнее. Этого он и ожидал. Расстегнул кобуру, чтобы пистолет можно было сразу достать, снял носовой платок с казенной части автомата и положил автомат рядом с собой. Затем приказал Хейно дать сигнал тревоги. Хейно дернул проволоку сигнального звонка. Проволока тянулась чересчур легко: она была оборвана. «Перебита! Что же теперь?»

— Беги, сообщи туда, живо!

Но сзади, от землянки, к ним уже ползли ребята. Они тоже заметили перенос огневого вала и слышали крик «ура». В это время пулеметы застрочили с вершины холма. Оттуда донесся нарастающий рокот моторов. Потом мощные орудийные выстрелы разорвали воздух.

— Черт возьми, ребята, это они стреляют из танков! — крикнул Ниеминен.

— Все по местам, заряжай бронебойным! —скомандовал Кауппинен и сам стал к орудию. — Приготовить связки гранат! Ниеминен, на место! Русские танки провались!

Он был совершенно спокоен, когда взялся за штурвалы наводки. Вдруг из-за перевала показался длинный ствол пушки, а за ним и башня танка. Кауппинен прицелился спокойно, как на учебных стрельбах. Несмотря на пыль, танк все же отлично просматривался. Как только он весь поднялся на гребень, Кауппинен выстрелил. В башне танка что-то вспыхнуло, и танк остановился. Ствол его пушки

вдруг опустился книзу. Ниеминен и все остальные заорали во всю глотку:

— Попал! Елки-палки, в десятку! Один есть!

— Заряжай! Быстро!

В этот миг на позицию ввалился откуда-то командир взвода. Он запыхался после бега, на щеке чернела длинная царапина с запекшейся кровью. Командир видел, как они подбили танк, срывающимся от волнения голосом он прокричал:

— Хорошо, ребята! Только черт вас возьми, не сбивайтесь же все в кучу у самой пушки!

Он поспешил к Кауппинену.

— Что?.. Ранен?.. Сильно?..

— Оцарапало немножко! Как там, на первом?

— Вдребезги.

Фельдфебель посмотрел в бинокль на танк.

— Не загорелся. А где же Лайне?

— Убит. Выбежал прямо под пулеметную очередь «ИЛа». Халме, этот новый, тоже погиб. И Виртанен.

Фельдфебель проглотил подступивший комок.

— А кто еще может управлять тягачом?

— Тягач тоже накрылся.

— Командиру дивизиона доложили?

— Связи нет. Обрыв на линии.

Койвисто выругался.

— Кто-нибудь, бегом, доложить капитану! Пусть пришлют хотя бы грузовик! Ступайте вы, как вас?

— Хейно.

Хейно прожевал хлеб и сказал:

— Туда очень-то быстро не добежишь.

— Хватайте попутную машину. Марш, марш, надо спешить!

И Хейно пошел. Рюкзак у него был с собой «чтоб не доставалось добро соседу». Хейккиля поглядел ему вслед и сказал Сундстрёму:

— Так же вот он убежал из казармы в Коухнамэки.

Взводный снова стал смотреть в бинокль. На гребне все время стреляли. Потом началась сильная пальба с фланга, и опять там пошли с криком в атаку, но теперь уже кричали немного иначе: «Хурр-аа-аа-аа, хур-раа-аа-аа!»

— Наши контратакуют! — радовался Ниеминен.— Смотрите, вот там!

Слева у лесочка замелькали бегущие фигурки. Они скрылись из виду, но затем показались вновь, теперь уже на гребне, и скрылись за ним. Оттуда еще долго долетал треск пулеметов. Потом все стихло.

— Высыпали им все-таки! — радовался Ниеминен.

Койвисто сухо усмехнулся.

— Дело еще только начинается. По-моему, их вылазка была только пробная. Разведка боем... Айда, ребята, в землянку, в укрытие! Сейчас тут снова начнется молотьяба. Испытание выдержки!

Когда все ушли, Кауппинен спросил, что было с первым орудием. Фельдфебель, помолчав, сказал сдавленным голосом:

— Прямое попадание. Сразу погибли наводчик и заряжающий. Двоих ранило.

— Из новых ребят погиб кто-нибудь? — спросил Ниеминен.

— Кивиниеми и...

Взводный не договорил, потому что с той стороны снова донесся могучий грохот, и Кауппинен закричал:

— Гектарная пушка! Скорее в укрытие! Ложись!..

В воздухе грохотало и свистело, как будто над головами мчался скорый поезд. От взрывов заколебалась земля.

* * *

Саломэки и Куусисто забились в щели, наспех вырытые лишь сегодня утром во дворе КП дивизиона. Здесь тоже стоял непрерывный гул и грохот, хотя особенной опасности пока не было. Самолеты-штурмовики били, главным образом, по дорогам и артиллерийским позициям. Но и тут парни натерпелись страха: в двух шагах от них находился склад боеприпасов. «Если туда угодит, мы все взлетим на воздух!»

Саломэки накануне вечером вернулся из отпуска свирепый, точно геральдический лев. «Я этого Хейно убью! Пристрелю, как крысу!»

Когда он приехал в село, то сразу отправился на мельницу, где работала девушка, с которой он познакомился по переписке. В конторе дверь ему открыла старушка уборщица, и, когда он спросил ее о своей «Эмми», она вдруг несказанно обрадовалась и разахалась: «Ах, ах! Это ты, мой миленький! Ах! Я тебя так ждала, так ждала!..»

Тогда Саломэки все стало ясно, и он пустился наутек от сумасшедшей старухи! Вот тебе и мука для лепешек, и «красавица Эмми», которую так расписывал ему Хейно. К счастью, встретилаь потом и другая, помоложе, так что отпуск, в общем-то, прошел неплохо. «Но все равно я этого бродягу Хейно еще проучу! Я ему отомщу!»

Штурмовики снова приближались, и Саломэки забился поглубже в щель. «Ах, святая Сюльви, только бы не попали в этот пороховой погреб!»

У Куусисто от страха все мысли смешались в голове. Он лежал ничком на дне земляной щели и, как в бреду, повторял обрывок молитвы:

— ...господи, помилуй и спаси!.. господи, помилуй и спаси!..

Еще вчера вечером Куусисто чувствовал себя героем, ведь он счал в отпуск с передовой — было чем похвастать! Но утром, когда вдруг налетели штурмовики и все отпуска отменили, его геройство как рукой сняло.

Самолеты давно промчались, а Куусисто все лежал, оцепенев, в своем укрытии, не в силах шевельнуться. Саломэки заметил его и усмехнулся. Подойдя ближе, он вздохнул полной грудью и крикнул:

— Руки вверх!!

Вся финская армия знала эту русскую команду. Куусисто вскочил, выпучив глаза, и, только увидав Саломэки, понял, что это была лишь злая насмешка. Он пришел в ярость:

— С-сатана, я убью тебя!

Он вскинул было винтовку наперевес, но тут заметил приближающегося командира дивизиона. Оба встали на вытяжку.

— Вольно, — сказал Суокас. — Отправляйтесь к себе на батарею. Связь оборвана. Прикажете фельдфебелю Койвисто явиться ко мне. Сами останетесь у орудия.

По дороге мчались санитарные машины. По кюветам брели раненые. Капитан крикнул:

— Солдаты, из какой части?

— Из особого взвода покорителей Ленинграда! — насмешливо крикнул кто-то, добавив ругательство.

Суокас побагровел, он хотел остановить и арестовать зубоскала, но потом все же сдержался.

— С передовой идете? — спросил он.

— Оттуда, — протяжно, со вздохом ответил кто-то.

— Ну, как там? Атакуют?

— Да ему и атаковать не надо, просто идет себе, да и все. Наш брат, финский парень, похоронен в своих окопах.

Капитан махнул рукой и вернулся к Саломэки и Куусисто.

— Если вы не найдете своего орудия на прежнем месте, оно должно быть у противотанкового рва. Отправляйтесь.

В это время с проезжавшей машины соскочил Хейно и подбежал к капитану Суокасу:

— Фельдфебель послал такие приветы, что надо бы, дескать, хоть какой ни то грузовик, потому как тягач пошел ни за понюшку табаку.

— Что? — изумился капитан.— Новый тягач! Значит, он не был укрыт как следует. А где же водитель? Немедленно подать его сюда!

— Невозможно. Мы нашли от него одну ногу.

Капитана как будто передернуло, но он продолжал свое:

— Ну а сержант, командир орудия! Он мне ответит...

— Ему снесло затылок,— перебил Хейно и вынул из кармана часы и бумажник сержанта. Почему-то ему доставляло удовольствие видеть растерянность капитана. Столь же охотно он подал капитану и вещи Халме: — Вот это осталось от Халме. Ему оторвало всю голову напрочь. На первом орудии многих убило, а от самой пушки мокрого места не осталось. Остатки орудийного расчета добираются сюда на своем тягаче.

Хейно не приветствовал командира как положено, даже не сказал «господин капитан», и стоял перед ним не по стойке «смирно». Все это делалось с умыслом: Хейно решил «экспериментировать». Капитан Суокас, по-видимому, не обращал внимания на все эти формальности, он смотрел куда-то в сторону и кусал губы. Хейно заметил, что у капитана не было орденских ленточек на груди и знаки различия перешли с петлиц на погоны. «Эге,— подумал он,— капитан-то, должно быть, трусит!»

— И еще наши ребята остались там без жратвы,— продолжал он все так же дерзко.— Лошадь там, я видел, лежит, задрал ноги, и котлы с кашей разорваны в клочья. Кучер, наверно, подался в лесную гвардию, нигде поблизости его не было видно...

Капитан сверкнул глазами, но в это время его позвали к телефону, и он крикнул уже на ходу:

— Останетесь пока здесь!

— А капитан-то наш содрал ленточки с груди и петлицы спорол,— промолвил Хейно.— Улыбка на лице застыла, прежде чем Ладогу льдом прикрыло...

— Это был приказ сверху,— возмущенно воскликнул Куусисто.

— Ну так, стало быть, они там все трясутся от страха,— сказал Хейно.— Но что же мы? Попли поищем кухню!

Саломэки пошел с ним, а Куусисто решил дожждаться капитана. Хейно рассказывал:

— Вдоль дороги, по обочинам столько здоровых драпают! Дезертиры. Все побросали к черту и чешут! Я видел там среди них даже одного лейтенанта! Хотел было и сам соскочить с машины и присоединиться к их компании, но не хватило совести. Если бы еще кто-нибудь меня завел, тогда другое дело. Да и неохота, чтоб трусом считали.

Саломэки, смеясь, рассказал про свою шутку над Куусисто. Хейно воодушевился:

— Слушай, давай его разыграем еще крепче! Надо так его напугать, чтобы он в штаны наложил. Ей-богу же, он дерьмо! Строит из себя невесть какого героя, а как только до дела дошло, так первый в кусты.

— А все-таки, знаешь, не все лахтари трусы,— сказал Саломэки.

— Ну, конечно, может, и среди них найдется кто-нибудь храбрый,— согласился Хейно.— Вот хоть бы тот же Кауппинен. Он ничего не боится. Но, постой, что я вижу! Они уже собираются драпать?

На пункте питания, под густыми елями, несколько кашеваров грузили пожитки на машину. Хейно расстроился, опасаясь, что теперь останется без еды. С мрачным видом он подошел к одному из кашеваров.

— Привет! Мы тут с передовой и целый день не жравши. Нельзя ли чего-нибудь порубать?

— Нет. Ступай обратно на передовую, там покормят.

Хейно и всегда-то ненавидел снабженцев за то, что они мухлевали с солдатскими нормами, но тут он расвирепел окончательно:

— Накормят, на передовой накормят! Фугасками там кормят! Каша вся на земле!

И он опять с каким-то непонятным для него самого злорадством рассказал о разбитой повозке и закончил язвительно:

— Теперь твоя очередь везти кашу на передовую. И твое жирное брюхо будет отличной мишенью для соседа!

Снабженец, однако, был так потрясен, что даже не заметил оскорблений, а закричал своим товарищам:

— Лошадь убита, фронтовой обед на земле, Кески-Витikka пропал без вести. Надо бы разузнать. Кто поедет посмотреть?

Саломэки дернул Хейно за рукав:

— Пошли! Тут нам ничего не перепадет!

Навстречу им с криком выбежал Куусисто:

— Скорей! Где вы там квохчете? Тягач отправляется за нашей пушкой, и вас ждут! Капитан ругается!

Возле тягача, однако, капитана не оказалось. В кузове тягача-бронетранспортера сидели незнакомые солдаты. Наверно, это были отпускники, только что вернувшиеся с побывки или возвращенные с полпути. Саломэки и Хейно вскочили в кузов и едва успели сесть рядом с Куусисто, как мотор зарычал и машина тронулась. Водитель выглянул из люка:

— Дайте знать, если появятся самолеты!

С передовой доносился непрерывный грохот канонады. Солдаты прислушивались, угрюмо глядя по сторонам. Тягач-транспортёр двигался по дороге, а навстречу мчались санитарные машины и простые грузовики, полные раненых. Легкораненые шли пешком. Въехали в лес. Вблизи дороги виднелось несколько бараков, и около них много солдат. Очевидно, это был резервный батальон. Вдруг Куусисто крикнул: «Воздух! «ИЛы!»» — и на ходу выпрыгнул из машины.

Поздно. Кругом уже рвались бомбы. Бараки походили на развороченный муравейник. Люди метались, каждый спешил укрыться. Самолетов было три. Они развернулись и атаковали снова. За бараками гулко забила зенитка. Трассирующие снаряды, казалось, лизали бока крылатых машин. Самолеты, в свою очередь, стали обстреливать зенитку. Они не бомбили ее, так как, очевидно, уже сбросили весь бомбовый груз. Вдруг одна из машин загорелась и упала в лес. Оттуда повалил черными клубами дым. Другой самолет скрылся, а третий поднялся выше и стал описывать широкие круги над зениткой. Никто не выхо-

дил из укрытий, потому что самолет мог вновь открыть огонь. Вскоре послышался новый мощный рокот.

— Теперь нам всем крышка! — кричал кто-то. — Три, пять, семь «Илов»!

Самолеты с ревом пронеслись над самыми верхушками деревьев. Хейно лежал в канаве, чуть ли не на голове у Саломэки, и кричал:

— Бомбы! Пригнись вниз!

Вся окрестность мгновенно стала адом. Зенитка замолкла. Крыша барака взлетела к небу, а по стенам побежали языки пламени. Самолеты все кружили над головой, сбрасывая бомбы и стреляя из пушек.

Саломэки пытался глубже втиснуться в дно канавы, бормоча: «Ой, святая Сюльви, ой, святая Сюльви!..» Хейно навалился на него сверху. Вдруг он чуть не взвыл от ужаса, когда что-то стукнуло его по шее. Оглянувшись, он увидел окровавленную руку. Хейно схватил ее — она была теплая, — и он с содроганием отшвырнул ее прочь.

Куусисто отбежал за большую каменную глыбу и, притаившись в каком-то оцепенении, слушал грохот разрывов. Судорожно съежившись, он стоял на четвереньках и не раз порывался вскочить и бежать без оглядки из этого пекла, но всякий раз самолеты снова пролетали над ним и бомбы рвались опять и опять. От взрывов ломались ветки деревьев, камни сыпались градом. Куусисто закрыл лицо руками. Что-то тяжелое упало рядом. Открыв глаза, он увидел, что это человеческое тело. Голова моталась из стороны в сторону, губы шевелились, в глазах еще была жизнь. Потом рот раскрылся и так застыл.

Осколки стучали о грань каменной глыбы, высекая искры, но Куусисто забыл, что нужно прятаться. Он вскочил и побежал опрометью, вытаращив невидящие глаза, крича благим матом и не слыша самого себя.

Наконец самолеты скрылись. Бараки пылали, но никто не гасил их. Все пространство вокруг было полно изувеченных трупов и раненых. Те, кто уцелел и пришел в себя, старались оказать помощь пострадавшим товарищам. Стоны и крики разрывали воцарившуюся вдруг неправдоподобную тишину. Кто-то хрипел так, точно его медленно душили.

Артиллеристы, ехавшие на тягаче-транспортере, стали собираться возле своей машины, едва соображая, на каком они свете. По счастливой случайности машина была цела,

и все они как будто были целы. По команде водителя быстро вскочили в кузов. Надо было скорее убираться отсюда — кто знает, воздушный налет мог и повториться! После долгого молчания кто-то выругался:

— Чертова зенитка, высунулась, вздумала тыкать в них! Наверно, полбатальона полегло из-за этого.

Они успели уже далеко отъехать, когда Саломэки заметил наконец, что Куусисто нет с ними.

— Остановите! Наверно, его там ранило!

Водитель даже не сбавил скорость, хотя ему и кричали, и стучали, чтоб остановился.

Кто-то ругнулся и сказал:

— Ладно, поехали. Что, в самом деле, из-за одного Куусисто... Где мы его там будем искать?.. Да подберут и без нас, если есть что подбирать.

Навстречу шла артиллерия. Тяжелый миномет устанавливали возле дороги, спешно оборудуя позицию. Хейно забеспокоился:

— Неужели линия прорвана? Как там наши ребята?

Никто ему не ответил. Снова раздался крик: «Воздух», — и транспортер, не сбавляя ходу, перемахнул через канаву и скрылся в лесу.

* * *

Куусисто лежал ничком под кустами и плакал как малый ребенок. То им снова овладевал страх и хотелось бежать дальше без оглядки, а то стыд подавлял все остальные чувства. «Куда я денусь теперь? Что скажут ребята? А капитан?.. Убежали, бросили товарищей! Под трибунал!.. Или просто пристрелит меня на месте?»

Куусисто всего трясло, как в лихорадке. «Что скажут дома, если узнают?» Больше он не думал о родине, о подвигах, о повышении «за личную храбрость». Все мысли были о том, как выпутаться, как выбраться отсюда.

Где-то все еще рокотали самолеты, кругом стоял грохот. С дороги доносились крики и конский хrap. Далеко в стороне к небу вздымалось дымное облако. Там все еще горели бараки. У Куусисто мурашки побежали по спине. Где-то там должны быть и свои ребята, если они живые. «Что, если они ждут меня?»

Он встал и прислушался. Штурмовников не было слышно, и канонада была настолько далека, что можно было

спокойно идти. Но куда? «Что, если пойти к капитану и попроситься в школу младших офицеров? Или пойти сказать, что я болен? Скажу, что меня контузило и я потерял сознание от удара взрывной волны!»

Куусисто даже повеселел от этой мысли. «Этому он поверит! И меня могут даже отправить в госпиталь. Да, но где же моя винтовка?»

Как ни искал он, винтовки не было и в помине. Страх настолько отшиб память, что он даже приблизительно не мог вспомнить, как оказался здесь. Каким путем, через какие места он бежал? «Винтовка, наверно, осталась у той каменной глыбы. А если там ребята все еще ждут меня? Нет, нет, туда я не пойду! Не пойду! «ИЛы» могут налететь снова. Я скажу, что мою винтовку разбило снарядом!»

Куусисто стал пробираться к дороге, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Со стороны фронта по-прежнему слышался грохот канонады. Казалось, он приближался.

Куусисто все прибавлял шагу и в конце концов пустился бегом. Выбравшись на дорогу, он бежал по обочине, пока не кончился лес. А там уже была видна знакомая деревня. Раненые брели по кюветам вдоль дороги.

С минуты Куусисто колебался, стараясь побороть подступающий к сердцу страх, но потом решил и, очертя голову, побежал в деревню. Перед командным пунктом дивизиона стояли шеренгой солдаты, и капитан расхаживал перед строем. «Это ребята с первого орудия. Наверно, они отправляются снова на линию. И я могу попасть в их компанию».

Беглец лег и прижался к земле. В это время в воздухе снова заревели моторы. Самолетов было много, и новые вылетали из-за леса как шмели. Они пронеслись низко над головой, но не стреляли. Потом где-то дальше, в тылу загремели разрывы бомб. Куусисто поднял голову. К командному пункту дивизиона подъехал грузовик. Ребята с первого орудия быстро вскочили в него, и машина рванулась с места. Сзади на крюке моталась и подпрыгивала пушка. Куусисто, пригнувшись, побежал к деревне. Едва он вбежал во двор дома, капитан Суокас вышел на крыльцо.

— Что такое? Где остальные?

— Господин капитан! — выпалил Куусисто, подтянувшись и щелкнув каблуками. — Я не знаю. Я потерял со-

знание, когда рядом упала бомба. Когда я очнулся, все они куда-то исчезли.

В это мгновение послышался нарастающий вой снарядов. Куусисто бросился на землю. Но он сразу вскочил, когда капитан гаркнул:

— Стоять смирно, когда говорите с командиром!

Невдалеке раздался взрыв, но Суокас и глазом не моргнул.

— Столько солдат и транспортер вдруг исчезли?! Вы лжете! Это вы сбежали! Никаких объяснений! Думаете я не знаю, что бывает, когда бомба падает рядом? Я видел, как люди теряют сознание при взрыве! У них совсем другой вид!

Куусисто задрожал всем телом, даже коленки заходили. Вид капитана не предвещал ничего хорошего. «Он может сам расстрелять меня тут же на месте!»

— Господин капитан,— забормотал он, но Суокас взорвался:

— Молчать! Как вы смеете перебивать командира! Смотрите, на кого вы похожи! Вас надо отдать под трибунал и расстрелять за дезертирство перед строем!.. Но я вас прощаю, с условием, что вы немедленно вернетесь к своему оружию. И будете при нем. Ну, что еще? Вы не знаете, где ваше оружие? Я этого тоже не знаю. Ищите и найдите его!

Шофер капитана, подошедший в эту минуту, сказал:

— Оно, наверно, на прежнем месте или ближе сюда — по этой дороге. Так что иди, пока не наткнешься.

Снова раздался свист. Теперь и капитан бросился на землю, снаряды стали рваться совсем близко. Осколки зацокали по стене дома и по крыльцу.

Когда все стихло, капитан скомацдовал: «Встать!» — видя, что Куусисто словно прирос к земле и никак не может от нее оторваться.

— Отправляйтесь сию минуту. И скажете фельдфебелю Койвисто, что снарядный погреб надо опорожнить. Поторопитесь!

Куусисто побежал. В душе он уже прощался с жизнью. С передовой доносился неумолкающий гул канонады, а сзади рвались бомбы и били скорострельные пушки самолетов.

Слезы навернулись на глаза Куусисто. «Это неминуемый конец!»

Вечерело. В воздухе толклись тучи комаров. Массированный артобстрел прекратился. На шоссе творилось что-то невообразимое. Конии, полевые кухни, минометы, пушки,— все, без чего не обходится на войне армия, медленно ползло по дороге, останавливалось, сталкивалось друг с другом и со скрипом и скрежетом, понукаемое криками и бранью, двигалось дальше. Шло общее отступление по фронту. Все шоссе, насколько хватало глаз, было запружено людьми и снаряжением. Сзади оставались прикрывающие части, которые должны были обеспечить «планомерную смену позиций».

Солдаты ничего не знали о планах. Усталые и все еще охваченные страхом, они лишь старались унести ноги прочь из этого пекла и боялись, как бы не началось все сначала. Многие не имели даже представления о своих частях. Ибо части эти были либо разбиты, либо вовсе уничтожены.

— Черт побери, если бы сейчас налетели «ИЛы», ужас, что бы они тут натворили! — сказал Ниеминен, глядя на проходившие мимо войска. — Что же это такое, нет ни малейшего порядка!

— Это спрямление линий, — ответил Хейно. Рот у него был как всегда полон, на этот раз он ел мясные консервы. Они все набрали консервов в рюкзаки. Снабженец у дороги раздавал проходящим: «Берите, сколько хотите. А то все равно они здесь останутся, дальше везти не на чем».

Их пушка стояла на новой позиции. Надо было задержать продвижение противника и обеспечить отход своих войск. Боялись, что противник может двинуть по дороге танки. Тягач-транспортёр оставили за ближайшим бугром. Он был исправен, хотя и сильно изрешечен осколками. Целые сутки они находились под непрерывным артобстрелом и теперь ждали, что вот-вот из-за горы начнут атаку танки.

На следующее утро русские начали генеральное наступление. Противотанковый расчет принял их вначале за своих; столько было поднято пыли и дыма, что человеческие фигуры едва проглядывались, как в густом тумане. Ниеминен долго настраивал бинокль и вдруг закричал:

— О, господи, это же русские!

— Еще чего! — недоверчиво усмехнулся фельдфебель и взял у него бинокль. — Оттуда же еще свои должны сперва...

И сразу вскочил.

— Быстро тягач сюда. А то тут и останемся!

Пушку прицепили к тягачу и помчались. А снаряды забыли. Фельдфебель вспомнил об этом только потом, когда уже были далеко. Он приказал остановиться и послал туда людей. Но они вскоре вернулись ни с чем.

— Туда не подойти. Они уже заняли нашу землянку. Юсси Леппэнен ранен.

— Тяжело?

— Наверно, не очень, потому что он бежал как олень. Небось он уже в Тампере.

За противотанковым рвом опять заняли позицию. Фельдфебель послал Хейккиля к капитану доложить обстановку и попросить снарядов. Хейккиля пошел и пропал. Ни его, ни снарядов. Зато неожиданно явился пропавший Куусисто. Он долго сидел в кустах у дороги, приглядывался и наконец, заметив, что это своя пушка, поспешил объявиться.

— Господин фельдфебель! Капитан приказал снарядов не жалеть!

И тут впервые Койвисто вышел из себя.

— Где вы прятались? Хейно и Саломэки давно уже прибыли! — Куусисто собирался было повторить историю, сочиненную для капитана, но лишь улыбнулся неловко и сказал:

— Господин фельдфебель, я не заметил, когда транспортер ушел.

— А где находится кузья, вы заметили? — В голосе фельдфебеля прозвучала издевка. Но, понимая, что ругаться бесполезно, он только махнул рукой, затем он вызвал двоих солдат и приказал: — Раздобудьте снаряды где угодно и тащите сюда хоть на руках!

Но потом, когда послышался могучий рокот моторов бесчисленного множества танков и финская пехота начала поспешно отступать, им опять пришлось сниматься и отходить, не выстрелив ни разу. У них остался один-единственный бронесбойный снаряд, которым они зарядили пушку перед отходом с первоначальной позиции. Фельдфебель был просто в отчаянии. Наконец он принял решение:

— Ниеминен и Саломэки, пойдете со мной. Постараемся достать снарядов. Остальные держитесь тут, пока сможете. Если же придется отойти, остановитесь у следующей деревни.

Трое скрылись в ночном сумраке. По шоссе нескончаемым потоком двигались люди и техника. Какой-то капитан «потерял» свою роту. Он говорил:

— Я не пашел на позициях ни одного человека. Там ни души. А я ведь им сказал, чтобы ни на шаг...

Куусисто все время сторожко озирался, как пугливая лошадь.

— Что, если нас окружают? Может, они уже обходят...

У него теперь был автомат. Он снял его с убитого, у дороги.

— Это очень хорошая штука, — сказал Хейно. — Ты еще всех нас будешь защищать.

Однако ироническая интонация ему на этот раз не удалась. Страх и напряжение были настолько сильны, что уж тут не до шуток. Впрочем, Хейно не унывал, настроение было скорее возвышенным. Все-таки они пока что целы и невредимы и сыты сверх обычного. Еще и рюкзаки нагрузили консервами.

Кауппинен и Сундстрём лежали за пушкой и тихо разговаривали по-шведски. Сундстрём ножом выскреб из консервной банки остатки мясного желе и сказал по-французски:

— *Ce n'est que le ventre qui gouverne le monde.*

— Что? — переспросил Кауппинен, и Сундстрём, смутившись, поспешил перевести:

— Это значит, миром правит желудок. Сейчас это особенно можно ощутить. Кажется, Наполеон говорил, что армия марширует животом... Впрочем, важно знать еще: куда? Мне начинает казаться, что все это похоже на конец.

Кауппинен глубоко вздохнул:

— Да, — он посмотрел на непрерывно движущиеся по шоссе отступающие войска, — но надо надеяться на лучшее. Там; позади, говорят, есть еще главная линия обороны. Если она не выдержит, то...

— *Finis Finlandiae*, — сказал Сундстрём. — Давид метнул свой камень, но легенда всего лишь легенда... Впрочем, я того мнения, что мы напрасно воюем, напрасно воевали и погибнем напрасно.

Кауппинен хлопнул себя по шее и раздавил комара.

— Ну, это кто как понимает,— сказал он сухо. Потом, помолчав немного, он продолжал уже мягче: — Может, все это и в самом деле безнадежно. Но ведь у нас нет иного выбора, немцы не дадут нам выйти из войны. Так я думаю. Пришлось бы воевать еще и против них.

— То есть, из огня да в полымя? — грустно усмехнулся Сундстрём.

— Совершенно верно. На этом-то фронте нам туго приходится, а вдруг еще появится другой,— там, где у нас нет никакой защиты, где мы ничего не подготовили, да и не могли готовить.

Сундстрём отшвырнул прочь пустую банку и спрятал нож. Он, видимо, собирался сказать еще что-то, но заметил офицера, идущего к ним со стороны шоссе.

— Капитанеус,— шепнул он и замолчал.

Это действительно был капитан Суокас. Следом за ним шли фельдфебель, Нисминен и Саломэки. Суокас встретил их на полпути и вернул. Бодрым шагом он подошел к орудию.

— Поздравляю, капрал! Фельдфебель мне рассказал, что вы уничтожили танк!

Он крепко, двумя руками пожал руку Кауппинена.

— Это значит «виртути милитари» первой степени,— продолжал он,— а может быть, и повышение в звании. Поздравляю вас. И благодарю также всех остальных за мужество.

Капитан повернулся было к солдатам, собираясь, видимо, что-то сказать им, но на глаза ему попался Куусисто, и он молча отвернулся, потом жестом подозвал к себе фельдфебеля. Отойдя на несколько шагов, они сели, и капитан раскрыл планшетку.

— Положение сейчас примерно такое,— начал капитан, понизив голос, чтобы остальные не слышали.— Наши линии обороны прорваны сегодня утром почти на всем этом пространстве. Теперь мы отходим с боями на главный оборонительный рубеж. С этого места вы отступите и займете позицию вот здесь, на гребне, у этой деревни. Потом отойдете к следующей деревне. А дальше уж Сийранмэки и главная линия обороны. Вот тут для вас хорошая оружейная позиция. Отметь это все на своей карте.

Когда фельдфебель сделал у себя пометки, капитан продолжал:

— У нас больше нет ни пупек, ни тягачей. Поэтому их необходимо беречь и охранять как зеницу ока.

Койвисто устремил на капитана внимательный взгляд.

— Это ты можешь сам сказать ребятам.

Суокас уловил горечь в голосе фельдфебеля и поспешил сгладить тяжелое впечатление.

— Я хотел сказать, что надо всячески постараться, чтобы пушку сохранить и не бросить. Скоро вы получите нового командира орудия... Кстати, вы вывезли тело сержанта?

— Нет,— фельдфебель плотно сжал губы.— Хорошо еще, что мы сумели вывезти пушку. Это ведь самое важное.

Капитан рассмеялся и хлопнул Койвисто по плечу.

— Да что ты завелся? Действительно, без пушки вы как голые. Ну, мне пора. Машину пришлось оставить далеко, у развилки. Ближе по шоссе было не пробраться.

Он встал, одернул гимнастерку и сказал:

— Постараюсь достать вам еще «фаустов». О чем ты думаешь?

— Да вот о питании. Ребята уже стосковались по горячей пище. И потом — снаряды.

— Снаряды будут, насчет кормежки не знаю. Кухни находятся далеко. На дороге, видишь, что творится. Я-то вот пробраться не мог. А начнется опять бомбежка, что тогда будет? Но я постараюсь сделать все возможное.

Он протянул руку.

— Значит, договорились. Пушку вы не бросите.

— Посмотрим,— ответил фельдфебель, неохотно подавая руку и глядя куда-то в сторону.— Так ты постарайся. Мы ведь немного просим. Если нашу пушку засекут, из нее сделают железный лом. Да, кстати, ты ничего не сказал о первом орудии. Я поставил его подальше, чтобы оно нас прикрывало. Ребята там еще очень пугливые, необстрелянные.

— Правильно. Пусть прикрывают, пока не будет другого приказа. Ну, пока!

Койвисто ничего не ответил, а только смотрел угрюмо вслед удаляющемуся капитану. Потом он быстро отошел за кусты, встал на колени, сложил руки перед грудью ладонями и стал молиться. Он молил бога спасти эту страну, дать людям силы, чтобы выстоять и мужественно пройти свой путь до конца.

— А если ты призовешь кого-нибудь из нас, позови меня! Пощади молодых! Проведи их невредимыми через все испытания.

Фельдфебель встал. Все вокруг как-то странно переменялось. Потом он понял: на шоссе было совершенно тихо. Он поспешил к орудию.

— Ребята, теперь гляди в оба. Расставить посты. Дозоры вперед.

Сам он пошел на предполье с пистолетом в руке. Где-то вскрикнула ночная птица. Потом раздался леденящий душу хохот совы.

Куусисто вскочил. Теперь не было слышно ни звука. И от этого становилось не по себе. Куусисто привстал, вслушиваясь. Он не мог выдержать этой пугающей тишины. «Остались ли еще свои там, впереди?» — подумал он. И губы сами забормотали:

— Они окружают нас, окружают.

— Тише ты! Пригнись, не маячь! — прикрикнул на него Ниеминен.

— Слушайте,— продолжал Куусисто.— Что-то хрустнуло!..

Ниеминен в один прыжок подскочил к нему и двинул кулаком. Куусисто отлетел в кусты, только ветки затрещали. Ниеминен вернулся и лег на свое место.

— Чертов паникер. Теперь он по крайней мере хоть немного помолчит.

* * *

На складе боеприпасов дивизиона тоже переживали напряженные минуты. Уже белел рассвет, а обещанного капитаном грузовика все не было. Хейккиля, Нюрхинен и Вайнио лежали на покатоj дерновой крыше склада и все смотрели на дорогу. От Раяйоки в сторону фронта то и дело проходили небольшие группы солдат.

— Ну, теперь, видно, начнем обороняться по-настоящему,— сказал Вайнио.— Дадим отпор как следует. Сунем ему кость в глотку, чтоб подавился. Тут ведь уже все-таки Финляндия.

— Думаешь, отсюда бежать не придется? — сказал Хейккиля и бросил презрительный взгляд на размахиваю-

щего руками верзилу. Вайнио был старше на несколько лет и поэтому считал, что Хейккиля не способен правильно оценивать обстановку.

— Я сказал, кость в горло! Сейчас подойдет подкрепление. Но, конечно, если мы будем драпать, высунув язык до самого пояса, как вчера, то тогда уж нам ничто не поможет.

Хейккиля хотел было съязвить, что, мол, мы еще посмотрим, и у тебя тоже, наверное, пятки зачешутся, но сдержался — Вайнио не казался грусом.

Нюрхинен дремал. Его ничто в жизни не интересовало, кроме карточной игры. Собственно, о нем никто ничего не знал, он даже не говорил, откуда он родом. Когда кто-то поинтересовался, он ответил довольно грубым словечком и прибавил:

— Откуда и все мы, грешные.

Во время бомбежки и артобстрела Нюрхинен проявил просто невероятную храбрость и только все время бормотал какие-то мрачные присказки:

— Смерть такого рода для нас слаще меда... Колокол погребальный лучше музыки бальной... Смерть разборчивая невеста, для меня у нее нету места...

Он словно заигрывал со смертью.

Но теперь он мгновенно проснулся и вскочил, когда Хейккиля крикнул:

— Самолеты летят! Смотрите, сколько... Точно комары!

Над горизонтом действительно показались бесчисленные точки, которые быстро увеличивались. Они были уже совсем близко, когда долетел грохочущий звук артиллерийского залпа.

— В укрытие! — закричал Хейккиля и скатился с крыши в траншею перед входом в склад боеприпасов. Следом за ним и другие попрыгали туда же. Гром громыхал, и молнии сверкали в небе и на земле. Начинаясь новый боевой день. Они сгрудились у двери снарядного погреба и тщетно пытались справиться со страхом, который все больше разрастался и одолевал их. Они уже готовы были выскочить из своего укрытия и броситься врассыпную, как вдруг к ним в траншею свалился еще кто-то. Все как будто онемели, и прошло некоторое время, прежде чем Хейккиля смог наконец выговорить:

— Яска, ч-черт!..

Ниemiнeн едва мог перевести дух, потому что ему при-

шлось бежать под обстрелом через открытое поле. Но вот к нему наконец вернулся голос:

— Что вы тут выживаете! Койвисто кроет вас на чем свет стоит — снарядов-то нет и нет!

Хейккиля не успел ответить, в траншею попрыгали еще несколько человек. Это были прибежавшие откуда-то с дороги пехотинцы. Стало тесно.

— Отворите же, черт побери, дверь! Спрячемся в блиндаж!

— Туда не влезешь! — заорал в ответ Хейккиля. — Это склад, там полно снарядов и противотанковых гранат!

Пехотинцы бросились наутек и исчезли еще быстрее, чем появились, хотя огненная метель бушевала по-прежнему.

— Бежим и мы! — крикнул Ниеминен. — В этом укрытии не поздоровится!

Штурмовики пролетели, и Ниеминен выглянул наружу.

Вскоре он завопил:

— Идет грузовик! Елки-палки, ну и жмет!

Грузовик действительно несся как на крыльях. Он с ходу развернулся перед складом, и водитель выскочил из кабины.

— Давайте грузить, живо! Противник уже там, на бугре!

— Где же ты пропадал? — горячился Ниеминен. — Погибнем из-за тебя!

— Шина лопнула. А потом пришлось отвозить раненых. Давай поднажмем, ребята!

Началась лихорадочная погрузка. Снаряды были тяжелые. Больше двух за раз не понесешь. Тут уж сил не жалели, работали не щадя себя. Смерть стояла рядом и командовала, страх придавал силы. Машина была нагружена лишь наполовину, но водитель сел за руль.

— Поехали! Довольно, не будем рисковать больше!

Кто вскочил в кузов, Нюрхинен успел забраться в кабину к шоферу, а Ниеминен еще бежал сзади с парой снарядов. Но ему пришлось бросить их на землю и догонять машину, которая уже тронулась с места. Едва он успел схватиться сзади за борт, как машина понеслась. Хейккиля втащил товарища в кузов, и они, судорожно цепляясь за борта, старались подползти ближе к кабине водителя. В это время впереди раздался взрыв, но водитель нажал

газ и, вильнув, объехал свежую воронку. Взрывы раздавались снова и снова — то сзади, то сбоку, то спереди. Ниеминен показал на холмистую гряду по ту сторону Раяйоки и крикнул:

— Он оттуда стреляет прямой наводкой! Елки-палки, теперь нам крышка!

Хейккиля не мог произнести ни звука, от страха у него отнялся язык. Осколки хлестали по бортам машины, высекая из них щепки. В кабине водителя со звоном вылетело боковое стекло. Но грузовик мчался с такой скоростью, что артиллеристы не могли пристреляться. Они били по машине и по дороге, не целясь. Но вот наконец машина въехала в лес и остановилась. Водитель открыл дверцу.

— Ранило кого-нибудь?

— Нет, вроде...

— А тут вот какая ерунда!

В это время Нюрхинен шепеляво чертыхался:

— Чертов рющца! Выбил у меня жубы ижо рта! Шамый ценный инштрумент!..

Из уголка рта у него текла кровь. Осколок, видимо, вошел в этом месте и вылетел прочь вместе с зубами.

— Ой, ша-атана! Я напишу им шчет!..

На щеке у него тоже асла кровь, но то были лишь неглубокие порезы от осколков стекла. Все закурили. Ниеминен протянул дрожащую руку к сигарете, которая дымилась в зубах у Хейккиля.

— Дай, и я затынусь разок.

Он затынулся так, что выкурил сразу чуть ли не полсигареты. Голова у него закружилась, он закашлялся и едва не потерял сознание. В это время они увидели пехоту, отступавшую от Раяйоки. Они немедленно двинулись дальше. Когда добрались до своей пушки, фельдфебель выскочил им навстречу. Казалось, у него камень с души свалился.

— Я уж боялся самого худшего. Думал, вам каюк!

Его даже не особенно огорчило, что снарядов привезли мало.

— Хватит нам и этих. Хорошо, что сами добрались.

Пушка была уже готова к отправке. И тут Койвисто заметил, что Нюрхинен ранен.

— Ранены? И не перевязались!

Нюрхинен скривил рот.

— А, чего еще там перевязиватьшя!.. Подлая шмерть, обманщица! Лучше бы жижнь вжяла, чем жубы!.. Чхорт, я же чшеперь как обежъяна!

Фельдфебель невольно улыбнулся, но потом лицо его вновь стало серьезным.

— Не надо шутить насчет смерти. Она придет, когда час настанет.

Сказав это, Койвисто отвернулся и, глядя в сторону, отдал приказ отправляться. Пушку прицепили к грузовику, потому что тягач ушел раньше, с первым орудием. Проехали несколько километров и остановились. Возле небольшого озерка происходило что-то непонятное. У самого берега стояло несколько грузовиков и с них солдаты сбрасывали в воду тяжелые мешки.

— Ребята, это же пшеничная мука! — изумился Хейно. Потом он воскликнул: — Этих типов надо всех перестрелять! Люди голодают, а они, черти, швыряют хлеб в озеро!

— Вот где можно бы, наверно, получить муки на лепешки, которой Виено не привез, — засмеялся Хейккиля и ткнул Саломэки в бок. — Ты так и не застрелил этого Пену, хоть и грозился.

— Что мне руки марать, он свое получит от противника.

Машины опорожнились и на полном газу помчались куда-то, очевидно, за новым грузом. На опушке леса виднелось какое-то большое строение, перед которым расхаживал часовой. Один из ребят сказал, что это продовольственный склад, где полно масла и сахара.

— Пошли поглядим, может, и нам что-нибудь перепадет, — сказал Хейно и спрыгнул с машины. Саломэки и Хейккиля последовал за ним. Они не без опаски подошли к часовому, но тот замахал руками, приглашая потопиться.

— Идите же сюда, скорей! Вы с передовой?

— Оттуда.

— Что, сосед уже близко?

— Да уж почти что, можно сказать, за углом, — ответил Хейно. — А что этот склад-то, пустой?

— Не-ет, там еще масла очень много, — сказал часовой и поглядел за угол. — Ты, парень, наверно, врешь! Не слышно ничего.

— Ну, не за этим, конечно, углом, но все же очель

близко. А не найдется ли там масла и на нашу долю? Который день воюем не жравши.

— Спросите у начальства. Оно там, на складе, сейчас.

— Подождите меня здесь, я пойду спрошу,— сказал Хейно и пошел на склад. Там ящики с маслом стояли огромными штабелями. В щели между ними как раз в это время саперы закладывали взрывчатку. Два офицера следили за работой подрывников так внимательно, что даже не заметили появления Хейно. Он покашлял-покашлял у дверей, а потом подошел прямо к ящикам и взвалил один себе на плечо. Ящик был хоть и тяжелый, но на плечо уместился. И вот уже Хейно вышел из дверей склада.

— Разрешили? — спросил часовой.

— Конечно! Думаешь, я стал бы без спросу?..

— Да мне-то что. Скоро вообще все полетит к чертям.

Хейно быстро зашагал на своих длинных ногах, боясь, как бы его не окликнули. Хейккиля и Саломэки бежали за ним трусцой, стараясь не отстать.

— Может, ты сто спер, что так торопишься? — проговорил Хейккиля.

Хейно не ответил. Когда несешь на плече двадцатипятикилограммовый ящик — не до разговоров. Но про себя он все-таки подумал: «Там масла хватило бы на целую армию, но скоро оно взлетит на воздух. Почему они не раздают его солдатам, так же, как те мясные консервы?»

Товарищи в машине встретили их радостными взглядами. Только Кауппинен недоверчиво покосился на ящик.

— Вам выдали?

— А как же иначе! — Хейно сделал вид, что возмутился. — Они бы и больше дали, но нам ведь этого вполне достаточно.

Кауппинен быстро взглянул на Хейно, усмехнулся и вскочил в машину. Ящик поставили в кузов и поехали дальше. Каюта затихла. Они приехали в маленькую деревню. Пушку поставили на позицию, на бугре у дороги. Кауппинен добровольно остался на посту, а все пошли в дом делить масло.

В домике была лишь одна комната. На столе стояла немытая посуда. Жильцы, очевидно, покинули дом в спешке. Пока Хейно делил масло, Саломэки тщательно обследовал помещение. Он вернулся, держа на весу старые валенки.

— Здесь, ребята, жил какой-то голодранец, потому что

во всем доме ничего путного не осталось. Это вот еще куда ни шло. Я прихвачу, на всякий случай.

Саломэки закинул валенки в свой рюкзак. Потом, подойдя к окну, он вдруг заахал:

— Ах, святая Сюльви, что я вижу! Не мерещится ли мне? Смотрите, ведь это женщина!

Он выскочил на крыльцо. По дороге действительно шла женщина и гнала корову. Тут и дележка масла прервалась, потому что все бросились смотреть на такое диво. В самом деле женщина. И даже молодая, пышногрудая, со смешливыми глазами. Это было как сон!

Саломэки уже подъезжал к ней с разговором. Он даже pilotку снял, чтоб девушка заметила его вьющиеся кудри.

— Неужели вы не боитесь, барышня?.. Разрешите проводить вас! А то вдруг вражеский дозор. Я могу поднести ваш рюкзак, барышня, он тяжелый.

Девушка улыбнулась. Она была просто красавица. Стройная, гибкая, с высокой грудью.

— Проводи, коли время есть.

— Ну, так пойдемте, скорей! — Саломэки заторопился и поскорее снял мешок со спины девушки.

— Эй, не ходите! Постойте! — послышались сзади крики и топот ног. Тотчас и девушка с коровой, и Саломэки оказались в кольце.

— Разве вы не знаете, что фронт скоро будет здесь? — сказал Ниеминен.

— Знаю.

— Так уходите же прочь, пока не поздно.

— Мы и уходим! — вставил слово Саломэки, отбирая у девушки хворостину. — Но-но, Звездочка, пошли.

Корова взмахнула хвостом и оглянулась на Саломэки. Потом она зашагала степенно, и все двинулись следом. Саломэки занервничал и покраснел.

— Исчезните, братцы! Корова пугается. И вообще мы вдвоем прекрасно доберемся. Правда, Лийса?

— Меня зовут Лилья, а не Лийса.

Саломэки покраснел еще больше. Он хотел показать приятелям, насколько близко он успел уже познакомиться. Ребята переглядываются. Что если они начнут отпускать свои шуточки?

Саломэки вытянул корову хворостиной, а норовистая возьми да и брыкни, чуть что не в самый лоб! Недостав-

ло ему еще коровьей отметины! Девушка рассмеялась. Словно весенний ручеек зажурчал. Саломэки в пот бросило.

Постепенно все же ребята отстали. Лилья помахала им шлатком и пожелала, чтоб не подкачали в бою. И они обещали держаться крепко. А то как же иначе? Но потом Хейккиля серьезно сказал:

— Ужасно, ребята, что вот и они должны страдать. Хоть бы она успела выбраться из фронтовой полосы, пока мы не начали снова драпать.

Ниеминена беспокоило другое.

— Боюсь я, ребята, за девушку. Одна с этим жеребцом Саломэки... Ведь он теперь может что угодно с ней сделать.

Хейно загоготал.

— А ты за нее не бойся. Виено-парень уж постарается, чтоб она осталась довольна! Пошли, бродяги! Надо же нам разделить и раздать масло!

Они так объелись, что к вечеру всех замучила отрыжка. Они копали окопы на оружейной позиции. С каждым наклоном Хейно чувствовал, как масло подступает к самому горлу. Он постарался, налег и на мясные консервы. «Кто знает, может, завтра меня разнесет в клочья. И останется закуска неизвестно кому...»

Саломэки вернулся лишь затемно. Он хотел было проскользнуть в избу тихонько, но это ему не удалось. Стоило одному заметить его, как тотчас все обступили гуляку, глядя с любопытством и завистью.

— Смотрите, да он никак дрался с дикой кошкой!

Пухлые губы Саломэки задрожали, хоть он и пытался сделать вид, что очень доволен прогулкой.

— Это корова угодила копытом, когда я хлестнул ее покрепче.

Никто, разумеется, не поверил. Только посмеялись. Мол, никогда еще у коров не видали таких острых ногтей. Раньше у них были лишь парные копыта на всех четырех ногах.

Саломэки с досады чуть не плакал. И устал ведь, как собака. Тяжелый мешок пришлось тащить несколько километров. И лицо распухло и зудело. «Провалиться мне, если я еще хоть раз в жизни посмотрю на женщину!» И он постарался поскорее перевести разговор:

— Вы разделили масло? Где моя доля?

— Тебе решили ничего не оставлять, — сказал Ниеминен. — Оно действует возбуждающе на таких, как ты.

Саломэки завелся:

— Нет, вы послушайте! Святая Сюльви, умеет же человек представляться невинным голубком! А вы видели, как у него глаза горели, когда увидел девочку!

— У меня-то не горели. Мне довольно одной, а ты хотел бы иметь гарем. Тебя надо изолировать от общества, как опасный элемент. У тебя нездоровые наклонности.

Пришел Кауппинен и прекратил перебранку.

— Надо установить дежурства у орудия, а всем свободным — спать.

Начались пререкания. Никому не хотелось идти на дежурство. Наконец Ниеминен оборвал дебаты, взяв свой автомат.

— Ложитесь спать. После меня пойдет Куусисто. Пусть еще постоит на часах да потрясется от страха. А то уж он забыл, что это такое.

Куусисто покраснел. У него больно ныл подбородок, распухший от удара Ниеминена. Теперь он так боялся Ниеминена, что поспешил сказать, заискивая:

— Яска, не ходи, я пойду.

Но тот, если уж решил, так решил.

— Я сказал, значит, я пойду. Твое от тебя не уйдет.

Все пошли в избу спать. Саломэки залез на печь, Хейно и Хейккиля последовали за ним. Хейно тут же заснул, но Саломэки не спал и не давал заснуть Хейккиля. Он все охал и вертелся с боку на бок, вспоминая свою неудачную прогулку.

— Ах, святая Сюльви, какая шикарная девочка! — шептал он. — И угораздило же меня полезть и все испортить! Но я никогда не думал, что у прелестного создания может быть столько силы. Ты слушаешь?

Хейккиля издал невнятное мычание, и Саломэки продолжал:

— Но удивительно, что она казалась такой веселой, хотя ей пришлось бросить дом и бежать. Все-таки эти карелы удивительный народ.

Ответом ему был храп, и Саломэки тоже закрыл глаза, стараясь заснуть. Но и сквозь нахлынувшую дремоту ему мерещилась Лилья: «Ах, святая Сюльви, угораздило же меня сделать такую ужасную ошибку! И девушка-то какая! В жизни не видал такой красоты!»

Спавшие на печи вскоре проснулись. Хейно зажег спичку и ахнул — все кругом кишело клопами и тараканами.

— Трам-тарарам, скорее прочь отсюда!

Они выбежали во двор, разделись догола, хотя тут же на них налетели тучи комаров, и принялись неистово трясти белье. В довершение всего они увидели, что кто-то быстро идет к их дому.

— Слушай, это не фельдфебель?

— Он! Ах, мать божья, наверно, опять нам уходить!

Койвисто вошел во двор и с изумлением смотрел на голых солдат.

— Что это за представленис? — И, не дожидаясь ответа, приказал: — Будите всех. Мы уходим.

— Куда? На передовую?

— Нет, дальше в тыл. Где Кауппинен?

— Там он, в избе. Я разбужу.

Хейно вбежал в избу. Сообщение фельдфебеля настолько пришлось ему по душе, что он весело крикнул:

— Подъем! Рюсся окружил наш дом!

Только тут он понял — рискованно было так шутить. Слава богу, он первым успел выскочить во двор. Все ринулись вон — только двери затрещали. Нюрхинен вскочил с пулеметом и уже хотел было открыть огонь, но в последний момент разглядел, что кругом свои. Фельдфебель сделал Хейно выговор:

— Чтоб это было в последний раз! Такими вещами не играют. Может случиться, объявите всерьез, а вам не поверят.

— Его надо казнить на месте! — кричал Куусисто, дрожа всем телом. Он был в одних носках и без автомата. И даже рюкзак оставил в избе. Фельдфебель заметил это и сухо сказал:

— Где ваше оружие? Пойдите за ним. Что, если бы в самом деле противник обошел нас? Криком да голыми руками вы бы стали воевать?

Он отвел Кауппинена в сторону и раскрыл планшет с картой.

— Мы отходим до следующей деревни. Там оборудуем крепкие позиции. Смотрите внимательно. — Койвисто показал место на карте и закончил: — Оттуда уже не уйдем, пока не будет распоряжения.

— А если вынудят?

— Отходить нельзя. Это приказ. Новый командир ору-

дия прибудет туда. Младший сержант, бывший эсэсовец, кавалер железного креста. Вопросы есть?

— Чего уж там. Тягач останется у первого орудия?

— Да. Я пришлю его, если потребуется. Держи связь со мной.

— Попытаюсь, конечно, но если попрут...

Кауппинен подошел к своим солдатам.

— Поехали дальше. Бег продолжается...

* * *

Вскоре показалась деревня: несколько домиков прилепилось у подножья песчаного бугра.

— Позицию сделаем там на горке, — объяснил Кауппинен. — Таким образом, мы хотя бы первое время сможем почевать в домах.

— Ты собираешься ночью копать окопы? — спросил Хейно. В руке у него был кусок хлеба, густо намазанный маслом.

— Успеем, наверно, вырыть и утром. Но как мы без тягача втащим туда пушку?

— Ты бы лучше спросил, как мы ее оттуда стащим, если придется драпать.

У домов какой-то военный делал им знаки, чтоб остановились. Когда они подъехали, у борта показалось румяное, по-барски холеное лицо.

— Люди капитана Суокаса?

— Они самые, — ответил Кауппинен. — А вы новый командир орудия?

— Точно.

— Я догадался по ленточке железного креста.

На младшем сержанте было новенькое финское обмундирование с петлицами, на груди сверкала ленточка железного креста. Он говорил подчеркнуто дружеским тоном, но затем голос его вдруг зазвучал повелительно:

— Слезайте все! Мы втащим пушку на высоту и начнем рыть позиции.

— Черта с два мы начнем! — хрипло ответил Хейно. — Мы несколько суток не спали. Утром посмотрим.

Младший сержант сверкнул очами.

— Кажется, было сказано, что я новый командир орудия. Могу и по фамилии представиться, Саарела.

— Будь хоть кто угодно, но я все-таки пойду спать.

Хейно подхватил свой рюкзак и спрыгнул на землю. Остальные последовали его примеру.

— Пойдем хоть в эту избушку. Если там нет клопов.

У Саарела задергались уголки рта. Кауппинен поспешил вступиться:

— Солдаты устали. Пусть поспят, а утром возьмемся. Мы с вами можем пойти посмотреть позицию.

— Позицию я уже выбрал, — буркнул Саарела, неотрывно глядя на Хейно, который в это время входил на крыльцо дома. Потом набросился на Кауппинена: — Что за расхлябанность! Сперва надо окопаться, приготовить позиции, а потом — отдых! И вы тоже защищаете эту безответственность! Никакой дисциплины! Не диво, что неприятель продвигается вперед.

Краска залила щеки Кауппинена.

— Он продвигается, не спрашивая нас. Ребята вели себя мужественно, каждый на своем месте. А сейчас они выбились из сил.

Он направился к дому, но потом, обернувшись, тихо сказал:

— Вы были в Германии. Неужели и там не хватало дисциплины, что приходилось отступать?

И, не дожидаясь ответа, пошел в дом. Он был глубоко оскорблен за товарищей. И с этой минуты он возненавидел Саарела. «Как будто сам не финн, а сверхчеловек какой-то!»

В доме раздраженно переругивались. Хейно был зол, как раскаленные щипцы.

— Проклятый немец, теперь вот удрал сюда! Уж оставался бы там со своим Гитлером!

— Да не немец он, — отвечал Ниеминен. — Их ведь немало в свое время уехало от нас в Германию, в войска СС... А, и Кауппинен здесь! Не пошел, значит, смотреть позицию.

Кауппинен поставил оружие у двери и стал искать, где бы лечь.

— Видно, тебе он тоже не слишком понравился?

— Ну, пока еще рано судить.

Кауппинен улегся на полу, подложив шинель под голову.

— У пушки надо бы поставить часового... Ну да небось никто ее не украдет.

Младший сержант Саарела вошел в избу, но все, как

по уговору, сделали вид, будто крепко спят. Саарела постоял немного на пороге, потом стиснул тонкие губы и, грохнув дверью, вышел.

По дороге, рокоча и лязгая, мчался тягач-транспортёр с пушкой на прицепе. Саарела замахал руками, и тягач остановился. Из люка выглянул Койвисто, сидевший рядом с водителем.

— Это вы, Саарела? Суокас мне говорил о вас, — сказал он, вылезая из машины и протягивая руку. Саарела по привычке вскинул было правую руку для гитлеровского приветствия, но, тут же спохватившись, пожал протянутую руку фельдфебеля.

— Саарела, так точно. А вы, наверно, Койвисто. Капитан говорил. Оттягиваем силы?

— Да уж. Второе орудие, вижу, уже здесь.

— Присхали, — криво ухмыльнулся Саарела. — И прямым ходом спать, хотя я приказал прежде вырыть позиции. Даже часового не выставили.

Фельдфебель как будто ничего особенного в этом не нашёл.

— Да, ребятам крепко досталось. Пускай поспят. А утром надо поднажать.

Он обратился к своим солдатам:

— Устраивайтесь на ночлег. Поищите место в домах. Утром поедем на позицию.

У Саарела задергалась щека, и он повернулся, чтобы уйти. Он ждал, что фельдфебель окликнет его, воротит, скажет что-нибудь лестное насчет железного креста. Но ничего подобного не произошло. Младший сержант в сердцах выругался.

Утром солдаты проснулись поздно и принялись варить на кострах кофе-суррогат. Прибежал Саарела. Он всю ночь проторчал на позиции, планировал, где что будет.

-- Пейте же скорее! — закричал он. — И за работу!

Фельдфебель умывался у колодца. Тут он подошел и тихо сказал младшему сержанту:

— Зайдите в избу, дело есть.

В избе он долго примеривался, как начать.

— Видите ли, положение сейчас сложное. Позади тяжелые бои. Но самое трудное впереди. К личному составу надо относиться с уважением. Мелочная дерготня может только повредить. Я говорю это потому, что вы, очевидно, привыкли к другим людям и к другой армии. Кстати, это

приказ сверху. Хотя, по моему личному мнению, он пришел слишком поздно. Вопросы есть?

Саарела побагровел.

— Есть. Я хочу спросить, как мы будем воевать, если командира не уважают и приказы его не выполняют?

Фельдфебель смотрел куда-то, мимо младшего сержанта.

— Люди, безусловно, будут выполнять разумные приказы, если командир делом завоеует их уважение. Можете идти!

Когда Саарела ушел, Койвисто еще долго смотрел на закрывшуюся дверь, и лицо его было озабоченным и тревожным. «Этот человек еще столкнется с трудностями и нам доставит немало хлопот,— думал он.— Мне надо скорее вернуться сюда, как только мы наладим позицию первого».

Фельдфебель не ошибся. Едва только тягач с пушкой скрылись за бугром, Саарела начал командовать. Он указал, где кому рыть окопы, потом подозвал к себе Хейно:

— Вот здесь вы выкопаете окоп для меня и ход сообщения к нему.

Хейно вылупил глаза.

— Мне и со своим окопом работы хватит. Комай сам, не надорвешься!

И он побежал рыть свой ровик. Саарела еще вчера вечером так его разозлил, что теперь Хейно не стал бы стараться для младшего сержанта даже под страхом смерти.

Саарела несколько секунд стоял как каменный столб. Потом он закричал, с трудом сдерживая ярость:

— Я вам приказываю! Поторопитесь исполнять! Или...

Хейно заметил, что рука младшего сержанта потянулась к кобуре. Он схватил винтовку и щелкнул затвором. Кауппинен бросился между ними, крикнув младшему сержанту:

— Уходите сейчас же! Мы все сделаем, и позиция будет готова, только уходите!

Винтовка тряслась в руках Хейно, весь он дрожал от негодования. Ведь в учебном центре его считали человеком сугубо мирным, всегда избегавшим насилия. А теперь он был готов убить человека. Хейккиля тоже бросился к нему и вырвал винтовку.

— Не смей из-за такого дерьма себя губить! Погоди, вот как сосед попрет, тогда посмотрим.

Услышав это, Саарела позеленел от гнева.

— Вы слышали? Это бунт! Грозятся убить!

Он, видимо, совсем потерял самообладание и, расстегнув кобуру, выхватил пистолет. Ниеминен подскочил к нему и ударил, но промахнулся, потому что Кауппинен успел оттолкнуть его руку. И в этот момент Нюрхинен уткнул свой автомат в живот младшего сержанта.

— Шлушай, шмерть уже вчепплашь тебе в жадничу! Уберешьшя ты к черту, или хочешь, чтоб твои кишки по деревьям развешили?

Младший сержант быстро пошел прочь. Нюрхинен неожиданно захохотал, надрывисто и гулко, словно из бочки.

— Ах-хах-хах!.. Гитлер, шша-атана, улепетывает, трам-тарарам! Ну-ка, я его штрекану по пяткам!

Кауппинен остановил его.

— Ребята! Если капитан придет, именно по этому делу, так запомните: никто никому не угрожал. И если Саарела вернется — никто ни слова. Не троньте, пускай себе остается какой есть.

— Он уже не такой, как был! — вырвалось у Хейно. — Он хотел меня застрелить! Но больше не захочет!

— Нет, я знаю, парни, что надо сделать, — сказал Саломэки. — Если он вернется, привяжем его к дереву и оставим русским. Напишем еще записку, что вот, мол, вам последыш Гитлера. Гитлереныш.

— Нет, черта с два! Он так может удрать!

— Ну, довольно! — рассердился Кауппинен. — Давайте-ка за работу. А то вот-вот начальство явится.

Окопы были вырыты и пушка уже сгояла на подготовленной позиции, когда вернулся фельдфебель Койвисто. Он сразу же заметил отсутствие Саарела.

— Где командир орудия? Что тут у вас?..

— Пошел разведать тылы, — доложил Кауппинен, а затем отвел фельдфебеля в сторону и рассказал ему обо всем. Койвисто вернулся к солдатам, насупив брови.

— Плохо дело, ребята. Я, конечно, вас понимаю, но те, что выше, не поймут. Я попытаюсь как-нибудь все уладить, только с уговором, чтобы дальше это не повторялось. Саарела привык к другим порядкам. Постарайтесь это понять.

Хейно скривил рожу.

— Когда мужик хватается за пистолет, то тут, знаешь, рассуждать особенно некогда.

— Саарела поступил неправильно. Я ему это скажу.

Койвисто решил, что ему лучше остаться здесь. Он взял у Хейно лопату и стал копать вместе со всеми. Хейно оттаял. «Этот все-таки человек. А тот — проклятое гитлеровское отродье!»

Саарела вернулся лишь на другой вечер, вместе с капитаном Суокасом. Весь орудийный расчет был на местах, потому что незадолго перед тем здесь прошел вооруженный пулеметами патруль, и командир предупредил ребят:

— Разведывательный отряд противника перешел нашу линию обороны и должен быть где-то здесь недалеко. Смотрите в оба.

Капитан пришел один на позицию. Саарела остался ждать его под горой.

— Саарела останется командиром орудия, — сказал Суокас, взглядываясь в лица солдат. — Сейчас у нас нет времени на ссоры да раздоры. Неприятель скоро будет здесь. Эти позиции надо удержать любой ценой.

Он говорил нарочито спокойно, но по глазам было видно, как он возбужден.

— Вы, капрал Кауппинен, позаботитесь о том, чтобы ничего подобного больше не случилось. Вы также отвечаете за орудие. Саарела еще не вполне знаком с обстановкой.

— Господин капитан, означает ли это, что я должен выполнять распоряжения младшего сержанта?

— Разумеется... при условии, что вы признаете их правильными.

Капитан ушел и увел с собой фельдфебеля. Вскоре показался Саарела. Он обратился ко всем с вымученной улыбкой:

— Я тут немного наглупил, — сказал он сдавленным голосом. — Прошу не держать на меня обиды. Нервы, видите ли.

Никто ему не ответил. Саарела постоял некоторое время в нерешительности, потом взял лопату и принялся копать себе ровик. Вернулся фельдфебель Койвисто, посмотрел на младшего сержанта и переглянулся с остальными.

— Ну, так я пошел к себе на первое. Если что, сообщите мне туда.

Он замолчал и прислушался. Откуда-то доносились пулеметные очереди.

— Ага, ребята, вон они где! Отойдите в укрытие, в пес-

чанный карьер. Двоих оставьте у пушки. Держите связь. Пушку не бросать!

Фельдфебель побежал к первому орудью, которое находилось в нескольких сотнях метров.

* * *

В небе снова выли снаряды, и земля вздрагивала от разрывов. Какая-то артиллерийская батарея русских все время обстреливала этот песчаный карьер.

Ниеминен, Саарела и Кауппинен дежурили у орудия. Остальные отсиживались в песчаном карьере. Это была довольно глубокая выемка на тыльном склоне холма, представлявшая относительно безопасное место во время арт-обстрела. Младший сержант Саарела смотрел в бинокль из своего индивидуального окопа. За все время он не сказал ни слова. Но теперь он все же крикнул Кауппинену:

— Свои показались на опушке леса. Дайте-ка пару выстрелов, вон по той школе и по лыжному складу. Чтобы не оставлять их русским!

Далеко, на краю леса, стояла новая школа, а чуть в стороне — армейский лыжный склад. Кауппинен, однако, не спешил уничтожить их. Где-то за школой трещали пулеметы. Там шел бой.

— Не надо ли поднести еще осколочных снарядов? — сказал он Ниеминену. — Танков пока не видно.

— Могу сбегать, принести.

Ниеминен вскочил и, пригибаясь, побежал к песчаному карьере. На бегу он еще раз присмотрел путь для отступления. Каждый из них уже потихоньку примеривался: «Вот тут можно смыться так, чтобы сосед не влепил тебе пулю в зад».

Ниеминен спрыгнул с песчаного откоса.

— Будьте готовы, ребята, подносить снаряды! Я думаю, что скоро они понадобятся. Там в лесу идет чертовская трескотня.

Захватив пару снарядов, он вернулся на высоту. Кругом все время грохали разрывы.

Был уже вечер, смеркалось. Наконец стрельба прекратилась. Даже артиллерийская батарея противника умолкла.

— Что, если нам поспать немного? — сказал Кауппинен. — Один останется на посту и разбудит, если что. Как вы думаете, Саарела?

Младший сержант все смотрел в бинокль. Руки его дрожали.

— Идите. Я останусь дежурить. Но чтобы все явились немедленно, как только дам сигнал тревоги.

Ниеминен и Кауппинен ушли. В карьере никто еще не спал. Теперь, правда, напряжение немного спало и стала подступать дремота. Ниеминен быстро выкопал в откосе карьера нишу для себя и даже укрепил и укрыл ее бревнами, которые притащил из находившегося невдалеке сарая. На дно постелил сена. Товарищи, видя его хлопоты, посмеивались: ишь ты, Яска собирается надолго здесь поселиться! Но теперь они ему позавидовали, когда Ниеминен, закончив работу, хмыкал, довольный делом своих рук:

— Лодыри! Торчат под открытым небом, а я зато высплюсь, как дома.

Он забрался в свою «личную опочивальню» и моментально уснул. Остальные закутались в свои шинели и тоже заснули кое-как. Младший сержант Саарела дежурил у пушки, не смыкая глаз. Он все время дрожал в нервной лихорадке. Там, на необозримых полях Украины, он не знал, что такое нервы. Он чувствовал себя солдатом великой армии и действовал как солдат — четко, без рассуждений и сантиментов. А потом началось крушение. Лишь ценой крайнего напряжения сил он еще может как-то держаться и выполнять поставленную задачу.

Отец Саарела был машинистом паровоза. Сам он тоже собирался стать машинистом, но для этого надо было сперва не один год поработать кочегаром. Ему это надоело. В годы кризиса он пошел добровольцем в армию, потом остался на сверхсрочную, чтобы стать кадровым военным. Но ни с кем не мог ужиться. Он вступил в ряды ИКЛ¹, «смыливал» рабочих активистов. Потом его сделали полицейским. Во время зимней войны он служил в военной полиции. А когда вербовали добровольцев в финский батальон СС, он пошел туда. И вот теперь он здесь, неудачник с распатанными нервами. Жалкий младший сержант, которому чуть ли не плюют в глаза собственные солдаты.

На душе у него было горько. Он искал славы и почета. Железный крест в Германии чего-нибудь да стоил!

¹ И К Л — «патриотическое народное движение», фашистская партия, распущенная в 1944 году.

Здесь же и он, по-видимому, не имел никакого значения.

Вдруг Саарела замер, возле школы он заметил движение. Человеческие фигурки побежали через луга в эту сторону, к высоте, на которой стояла пушка. Саарела кинулся к песчаному карьере и закричал:

— Тревога! Они уже идут!

Все вскочили и, грохоча снаряжением и топоча так, что земля загудела, бросились бегом к пушке. Кауппинен занял место у пушки и скомандовал:

— Осколочным заряжай! Пехота идет!

Человечки бежали довольно густо. Их было много. Кауппинен быстро направил на них ствол пушки, но почему-то рука отказывалась дернуть курок. В этот момент Саломэки закричал, давясь от смеха:

— Ребята, это ж свои!

Пехота приближалась очень быстро. Потом у школы застрочили автоматы.

— Вот теперь пошел Ваня! — проговорил Саломэки.

Он что-то различал в бинокль, хотя было еще темно. Своя пехота взбежала по склону на высоту и заняла позицию вдоль гребня. Начали стучать пулеметы. Противник был уже на середине лугов. Кауппинен выстрелил осколочным снарядом в гущу наступающих. Яркая вспышка, и земляной столб. Кто-то упал, остальные бежали дальше, беззвучно, как призраки в предрассветной мгле. Еще не было слышно крика идущих в атаку.

Хейккиля подал в ствол новый снаряд. Выстрел. Пушка подпрыгнула. Опять зарядил. Он не видел, куда попадали его снаряды, да и не смотрел, не успевал. Пот лил с него ручьями. Другие подносили новые снаряды. Вдруг Хейккиля замер, пораженный: своя пехота отступала.

— Э, ребята, пехота смывается! Что теперь?

— А ну, все беритесь за оружие! Пошли назад! — скомандовал Кауппинен и первый схватился за ляжку.

Сни сдвинули и поволокли оружие, но тяжелая пушка тонула колесами в мягкой песчаной почве и почти не двигалась с места. Противник был уже так близко, что еще немного — и он достанет их огнем автомата.

— Связку гранат сюда! — крикнул Кауппинен. — Скорее! Под казенную часть!

Хейно подложил заряд, чтобы подорвать пушку, но тут Саломэки завопил:

— Гей, глядите, тягач прет! Бродяги, тягач идет за нами!

Это было потрясающее зрелище. Тягач-транспортёр мчался по лугу, чуть ли не перед самым носом у наступающего противника, лихо отстреливаясь из пулемета. Ствол пулемета так и ходил из стороны в сторону, захлебываясь трепещущим пламенем. Передний люк тягача был почему-то открыт. Вблизи тягача рвались ручные гранаты, но он все мчался дальше, подпрыгивая на кочках.

— Заряжай! — крикнул Кауппинсен. — Осколочным!

Хейккиля зарядил, и тотчас раздался выстрел. Новый снаряд. И еще. Атака стала захлебываться. Противник прижался к земле. Тягач с ревом взбирался по склону. Его броня искрилась от ударов пуль. Водитель был бледен и весь обливался потом. Он с ходу развернулся у пушки. Остальные отстреливались как могли из винтовок, потому что противник снова поднялся в атаку и уже начал взбираться по склону. Наконец тягач взвыл и рванулся с места.

А Ниеминен все спал как чурка в своих «апартаментах». Никто не успел, да и не подумал разбудить его, а он спал крепко. Накат из бревен и шинель, висевшая над входом вместо двери, приглушали звуки. К счастью, Хейккиля заметил отсутствие Ниеминена. Он недоумевал еще у пушки: чего-то вроде не хватает. И стремглав помчался к карьеру.

— Скорей! Противник уже на горе!

Ниеминен проснулся и выскочил из своей норы как опшаренный. Но, отбежав несколько шагов, он вдруг спохватился и кинулся назад. Хлебная сумка и рюкзак остались в яме. Хейккиля был уже далеко и кричал ему что-то, показывая на вершину холма. Там трещал автомат. Хейккиля скрылся в кустарнике. Ниеминен бежал за ним. Снова застрекотал автомат, и с куста упали перебитые ветки. Тягач ожидал на дороге. Быстро вскочили в него и помчались. Ниеминен держался за бок.

— Меня, кажется, зацепило! Я слышал, как что-то хрустнуло и ожгло меня по ребрам.

И тут он крепко выругался. Из хлебной сумки сочилась жидкость. Бутылка водки, которую он берег пуще глаза, была разбита вдреызг.

— Трам-тарарам! За это я им буду мстить! Разбили мою отпускную бутылку вина!

— Неужели лучше, чтобы тебе кишки выпотрошило?

— Уж не знаю!.. Нет, черт возьми, это просто ужасно!

Через некоторое время впереди показались два больших дома. Возле них хлопотали какие-то люди. И вдруг языки пламени, взметнувшись, стали лизать стены домов. Каупинен крикнул водителю:

— Сворачивай направо! И жми, пока не увидишь оружейную позицию!

Тягач свернул, прогремывал напрямик через пустырь и остановился. Все выскочили и стали осматриваться. Оружейная позиция была отличная, бетонированная, с хорошими ровиками для людей и для снарядов, но она не имела никакого пути для скрытого отступления.

— Та-ак. Это, ребята, мышеловка. Отсюда не выберешься. Рассчитано на смертников, — сказал Саломэки.

— Да, похоже, что здесь кончается наш земной путь! — признал и Хейно. — Отсюда уж точно никто не уйдет.

— А куда же тебе надо уходить? — презрительно усмехнулся Вайнио. — Это главная линия обороны, и тут мы скажем русским стоп!

— Давайте-ка устанавливать пушку, — сказал Каупинен. — Подходи берись.

Последние отступающие подходили в сумерках. Саломэки осматривал в бинокль предполье и вдруг так и присел:

— Там уже виден сосед! Скорее в укрытие!

Они спрятались и с замиранием сердца стали ждать. Только Нюрхинен спокойно сидел на виду и посмеивался.

— Шкоро шмерть придет и поштучитшя. Будьте любезны, не угодно ли отпавитьшя на тот швет!

Дома у дороги пылали. Они сыпали искрами в темнеющее небо, на котором уже зажглась одинокая вечерняя звезда. Дома ограничивали видимость, и поэтому их необходимо было уничтожить. В нескольких километрах еще торчала какая-то пожарная вышка. Саломэки посмотрел в бинокль из своего укрытия и воскликнул:

— Ребята! Теперь они полезли вон на ту башню!

— Надо выстрелить и свалить ее к черту, эту башню, — сказал Ниеминен.

Наступила тишина. Только огонь делал свое дело. Но все они понимали, что противник готовится нанести новый удар.

Когда совсем стемнело, напряжение достигло высшей точки. Дома догорели, оставив лишь груды тлеющих углей, и наступившая тишина казалась особенно жуткой. Где-то там, далеко на той стороне, слышался рокот моторов. На каланче все время виднелась человеческая тень. Стрелять запретили, потому что для подрыва каланчи была послана специальная диверсионная группа. Подрывники, наверно, уже добрались до места, но почему-то медлили.

Главная оборонительная линия замерла в ожидании. Орудие Кауппинена находилось в боевой готовности. Саломэки все время вглядывался в ночную темноту. Остальные притаились в своих окопах. В последний момент они вдруг заметили, что среди них нет Саарела и Куусисто. С каких пор их нет и куда они девались? Об этом никто не имел ни малейшего представления.

Первое орудие со своим расчетом тоже куда-то пропало. Водитель тягача говорил, что доставил их на главную линию обороны, но не мог сказать, куда именно. Водитель оставил тягач где-то тут, поодаль, а сам пошел на перевязочный пункт. У него была ранена рука. Вряд ли он вернулся. К тому же пушка стоит на таком плохом месте, что вывезти ее из-под огня противника совершенно невозможно. Позиция действительно подготовлена для смертников.

— Это, ребята, сделано нарочно, — шепотом говорил Хейно. — Господа начальство так все рассчитали, чтоб отступить было невозможно. Мы и не уйдем. Поляжем здесь все до единого.

— Зря ты это болтаешь!.. — вмешался Вайнио. — И так уж довольно отступали. Теперь пора наконец давать отпор.

Хейно с недоумением уставился на Вайнио. Но прежде чем он успел что-либо сказать, Сундстрём бросил с горькой усмешкой:

— Квем деус пердере вульт, дементат приус.

— Что? — Вайнио вскинул глаза на Сундстрёма. Тот, однако, молчал, и тогда Вайнио дернул за рукав Кауппинена: — Что это он сказал?

— Если бог захочет кого-нибудь погубить, он прежде отнимает разум.

Вайнио раскрыл рот, чтобы ответить, но Нюрхинен поднял его на смех:

— Шмотрите, шовшем бужумный! Шейчаш лопнет от бешенства!

Все прыснули.

— Тише, вы! — зашикал Саломэки, все время глядевший в бинокль. — Ваня смотрит на нас с каланчи. Куда же запропастились эти подрывники?

Прислушались. Рядом что-то хрустнуло и зашуршало. И вот на позицию приполз пехотный лейтенант.

— Хватит ли у вас, ребята, снарядов? Если он прорвется с танками, туго придется.

Никто ему не ответил, и лейтенант продолжал:

— С подрывниками что-то случилось. Вам надо уничтожить эту каланчу, как только станет светлее.

— В нее трудно попасть, — проговорил Кауппинен. — И мы сразу же раскроем наши позиции.

— Да он их и так знает. Во всяком случае, каланчу надо ликвидировать.

— Посмотрим.

Лейтенант скрылся, и Ниеминен зашептал Кауппинену:

— Ее надо было ликвидировать как только мы сюда пришли. А теперь поздно. За то время, что он там сидит и наблюдает, он уж, поди, успел пересчитать все наши ридинки!

Ниеминен впервые так цервничал. Это было хуже, чем страх. Страх проходит, если делом займешься. А нервность не проходит.

Ниеминен уже знал по опыту, какая огневая мощь у противника. А теперь они еще прибавят огня, учитывая, что тут бетонные укрепления. И он продолжал с дрожью в голосе:

— А впрочем, неизвестно, что лучше. Потому что все вообще ни к черту. Теперь, если быть поумнее, надо, вероятно, поступать так, как то гитлеровское отродье и наш прохвост Куусисто...

В это время на позицию приполз фельдфебель Койвисто.

— Как обстановка?

— Попробуй отгадать! — буркнул Ниеминен, взглянув исподлобья. — Скоро от нас тут одна кровавая грязь останется.

— Нет. Мы отойдем и будем в резерве. Сюда привезут другую пушку.

— Да брось ты! Ну, если это правда, тебе надо дать крест Маннсрейма!

Все радостно загалдели. Никому и в голову не приходило, что будет с теми, кого пришлют сюда, на их место. Начались лихорадочные сборы. Но фельдфебель охладил ребят:

— Стойте! Не надо суетиться, а то сосед увидит и сорвет все дело. Да мы и не можем сняться, пока не придет замена.

— Ну, так какого же черта они там мешкают?

Ждать пришлось долго, и нервы натянулись как струны. Был самый темный час июньской ночи. Вот-вот начнет светать, и тогда будет поздно. Фельдфебель пытался их успокаивать:

— Приедут, приедут. Кстати, Саарела и Куусисто явились на перевязочный пункт. Оба утверждают, что их оглушило взрывом снаряда. Кто-нибудь видел?

— Тут некогда было смотреть по сторонам, — проворчал Хейно. — Хорошо еще, что видели, куда драпали. Ног не чуяли под собой.

И вот наконец на позиции появился высокий, щеголеватый прапорщик.

— Забирайте-ка свою игрушку прочь. Мы привезли сюда настоящее оружие.

Он смотрел на их пушечку с откровенным презрением. Где-нибудь при других обстоятельствах они бы его отбрили как следует, уж они бы не полезли за словом в карман. Но тут никто даже не подумал обижаться. Пригибаясь до самой земли, чуть ли не ползком, они вынесли пушку из гнезда и быстро оттащили к дороге. Водитель тягача был уже новый. Как только прицепили пушку, мотор дал полные обороты. Каждому хотелось убраться отсюда поскорее.

Проехав немного, они увидели у дороги первое оружие. Фельдфебель сошел и остался при нем, а остальные продолжали путь. Лица их постепенно светлели, Хейно прямо-таки сиял.

— Так бы и ехать и ехать, до самого дома!

Но тут он вдруг насторожился, прислушиваясь. Даже привстал.

— Что я вижу, братцы!

В поле у дороги строчил автомат. Какой-то солдат гонялся за большущим боровом и пускал в него очередь за очередь, пока не застрелил. Хейно был в восторге.

— Теперь и мы попируем! Следующая свинья будет наша. Дай-ка мне свою трещалку!

Он взял у Ниеминена автомат и стал рыскать взглядом по полю.

— Как только покажется живность, остановите. Потом ведро на костер — и поедем с паваром!

За поворотом дороги увидели теленка, который прогуливался на лесной опушке. Машину остановили, и Хейно стал осторожно подкрадываться. Но теленок оказался пугливым. Он сначала бочком-бочком, а потом пустился вскачь и скрылся в лесу.

— Он подался прямо к каптерам, на продовольственный пункт,— сказал водитель.

Навстречу им по обочине бежал какой-то лейтенант.

— Вы не видели здесь теленка? Это наш, вырвался и убежал, когда моего отца тут эвакуировали. Телок-то ценный!

Лейтенанту показали, куда побежал теленок, и поехали дальше. Вскоре машина свернула в лес и, проехав немного, остановилась возле продовольственного пункта. Там двое солдат только что прирезали теленка.

— Елки-палки, да это же тот самый телок! — узнал Ниеминен. — Ну, будет скандал, если лейтенант увидит!

Лейтенант и в самом деле выбежал из лесу и прямым ходом — к палаткам. Увидев теленка, он поднял страшный крик:

— Гангстеры! Что вы делаете? Вы заплатите! Какая рота? Я заявлю на вас! Это незаконно!

Один из солдат, державших теленка, огромный и тучный ротный каптер, выпрямился, держа в руке окровавленный нож.

— Пошел ты ко всем чертям! Незаконно! Варить нечего, нет продуктов, чтоб на передовую везти. А тут насчет законности проповедуют!..

Он сразу же нашел в лице Хейно горячего сторонника:

— Люди там, на передовой, за все сполна заплатили! Шел бы туда, чем драть глотку понапрасну. Другие жизнь отдают, а этот свою собственность оберегает.

У лейтенанта задрожал подбородок. Видя вокруг недружелюбные взгляды, он отступил и побежал обратно. Отбежав на безопасное расстояние, он погрозил им кулаком.

— Вы еще заплатите! Это племенной телок! Гангстеры! Теленка разделали, и огонь заплескал в топке полевой кухни. В котле было полно мяса. Занималось утро. Со стороны передовой стал доноситься грохот, он приближался, и вскоре уже все кругом гремело и грохотало. Сосны ломались, как соломинки. Потом налетели штурмовики. Врытая в землю командирская палатка вдруг рухнула, и капитан Суокас, выбравшись из-под нее, юркнул в щель, выкопанную рядом. Он был в бешенстве:

— Вы обнаружили себя! Вот видите, чего стоит это мародерство! Погасите огонь в топке!

Суокас слышал перепалку из-за теленка, но не хотел вмешиваться: солдат нужно было накормить получше. Однако падо же было на ком-то сорвать зло. Начавшаяся артподготовка свидетельствовала о том, что противник успел уже подтянуть силы для нового штурма. А мы только отошли и даже мало-мальски не обжили заранее подготовленные позиции. И вновь оказываемся в таком же положении, что и прежде. Снабжение хромает, люди голодные, потери слишком тяжелы. Будет ли теперь наконец хватать снарядов? Если нет — нам не удержать рубеж. Горе, а не оборона. В армии отсутствует боевой дух, командиры частей все время жалуются на частые случаи дезертирства. А командование совершает ошибку за ошибкой. Огромные склады боеприпасов и снаряжения пришлось оставить противнику. Почему их своевременно не вывезли в безопасное место? И почему они вообще находились так близко от зоны военных действий?

Капитан анализировал положение и находил целый ряд причин, которые привели к поражениям и к отступлению. Но в конце концов он вынужден был признать, что ни одна из этих причин все же не являлась решающей, что-то еще ускользало от него. Главное же, он не видел достаточно действенных мер, которые могли бы изменить коренным образом ход событий. У противника слишком большой перевес в силе. Да и моральное превосходство на его стороне. Где теперь патриотический подъем времен зимней войны? От него не осталось и следа. Его нет даже у тех, на кого в особенности рассчитывали. Вон там забились в щель Саарела и Куусисто. Уж у них-то этот дух должен был быть; но оба первыми покинули позицию. И все же у него не поднималась рука отдать их под трибунал за дезертирство. Помимо прочего еще и потому, что смертный

приговор сейчас подорвал бы окончательно и без того слабый моральный дух части. А ведь впереди бои!

Капитан поднял голову. Под брезентом палатки жужжал телефон. Капитан вытащил его и взял трубку. Закончив разговор, он крикнул:

— Капрал Кауппинен!

Вызванный явился. Капитан заметил, что он, вопреки обыкновению, не вытянулся и не обратился по форме. Но теперь это было в порядке вещей.

— Возвращайтесь обратно! — приказал капитан. — Там прорыв. Танки в расположении пехоты.

Кауппинен только плотно сжал губы. Затем он, ни слова не говоря, повернулся и пошел к своим.

— Поехали! Собирай вещи!

— Никуда, к черту, я не поеду! — возмутился Хейно. — Только что ведь приехали. Пускай других пошлют.

Кауппинен ничего ему не ответил, а вскинул на плечи свой рюкзак.

— Возьмите и мясо с собой. Может, там где-нибудь удастся его доварить.

Промчались штурмовики, стреляя из пушек, и солдаты бросились на землю. Потом поднялся только один Вайнио, готовый отправляться, остальные переглядывались.

— Не пойдем! — сказал Саломэки. — Есть же другие! Сидят себе, черти, не слыхали даже, как снаряды воют.

Пришел Суокас и стал уговаривать, хотя ему хотелось кричать и ругаться.

— Другие тоже пойдут. Иного выхода нет. Если прорыв будет расширяться, все пропало. Саарела и Куусисто тоже поедут.

Снова показались самолеты. Лес трещал и стонал, но капитан и бровью не повел, как будто ничего не слышал. Он должен был проявить твердость и бесстрашие, только это могло повлиять на солдат.

— Я тоже приду к вам, как только устрою все дела здесь, — продолжал он. — Мы покажем врагу, что с нами шутки плохи.

Молча стали собираться. Кауппинен угрюмо наблюдал за погрузкой. На капитана он даже не взглянул. Тот, заметив это, молча отошел и занялся своей палаткой. Через минуту явились Саарела и Куусисто. Капитан выгнал их из щелей и приказал отправляться.

— И запомните, чтоб от пушки никуда! Я больше не поверю ни в какие контузии! — крикнул он им вслед.

Хейно тут же стал отводить на них душу.

— Контузило их! Проклятые военные шакалы!

Кауппинен сбегал за ведром.

— Мясо не забудьте!

— Скоро мы сами превратимся в рубленое мясо!

— Человечешкое мяшо оччень вкусное! — сказал Нюрхинен и расхохотался беззубым ртом.

— Да, ты-то ведь знаешь, — проговорил Хейно.

Нюрхинен однажды хвастал, будто бы ему во время зимней войны довелось попробовать на вкус человеческое мясо. Якобы он на спор съел кусок обгорелого мяса сбитого летчика и тем самым выиграл большое пари. Вообще, от него можно было ждать чего угодно. Бывало, все вскакивали из-за стола, зажимая рот от внезапного приступа рвоты, когда Нюрхинен вдруг среди обеда выплевывал на стол живую лягушку.

Хейно заметил, что Саарела и Куусисто скрылись за тягачом.

Он забеспокоился:

— Опять они хотят куда-то смыться!

Вскоре он нашел их. Саарела и Куусисто сидели по другую сторону машины.

— Я уж думал, вас опять контузило взрывной волной.

— Пошел ты к черту! — окрысился Куусисто.

Над самыми верхушками деревьев снова заревели моторы и загрохотали выстрелы. Хейно моментально бросился на землю под прикрытие транспортера. Но и лежа здесь, рядом с Куусисто, он не ушмался:

— К черту в пекло мы все сейчас и отправимся! Но и ты тоже с нами! И уж будь покоен, я позабочусь, чтобы ты не сбежал по дороге!

Когда самолеты пронеслись, солдаты погрузились на транспортер. Подошел и капитан. В руке у него был «фауст-патрон».

— На крайний случай, — сказал он, отдавая его Кауппинену. — Если подойдет чересчур близко.

Кауппинен взял «фауст» и, не говоря ни слова, полез в кузов тягача. Суокас сдвинул брови, однако и на этот раз воздержался от замечаний, а обратился ко всем:

— Хватит ли вам снарядов?

Поскольку никто не ответил, он сам проверил запас.

— Мало. Надо взять еще, сколько поместится.

Молча таскали они из погреба снаряды и грузили, хотя гораздо охотнее они их выбросили бы вон. Мало приятного находится в машине с таким грузом. Суокас понимал это и приказал им постоянно наблюдать за воздухом. Конечно, он знал, что они будут следить и без его указаний, но он хотел как-нибудь нарушить это угрюмое молчание.

— Солдаты, — обратился он к ним, видя, что все словно в рот воды набрали, — если противнику удастся прорвать наш главный оборонительный рубеж, положение станет крайне опасным. Ваша задача — помешать этому.

Он заметил, что кто-то иронически усмехнулся, но продолжал развивать ту же мысль:

— В войне не имеет решающего значения численный перевес в живой силе и вооружении. Всегда побеждало упорство и непреклонная воля. Вспомните массовый героизм времен зимней войны. Этот дух жив и поныне.

Он хотел сказать еще что-то для поднятия в солдатах боевого духа и готовности к самопожертвованию, но Кауппинен прервал его, крикнув:

— Ясно, давай заводи!

Заработал мотор тягача, и капитану пришлось поторопиться:

— Фельдфебель Койвисто проводит вас на позицию.

— Вперед, сыны отчизны! — воскликнул Сундстрём. — Хоть сил и нет, но воля готова делать чудеса!

Насмешка была такой явной, что капитан Суокас в конце концов потерял самообладание. «Сто-ой!» — закричал он. Но тягач уже рванулся вперед, и водитель не слышал приказа. Ветки трескали под гусеницами, мотор рычал, машина прыгала и раскачивалась, как на волнах. И среди всего этого треска и грохота отчаянно заголосил, запричитал, ламкая беззубым ртом, Нюрхинен:

— На смерть, на погибель брошает наш родина!..

Суокас инстинктивно схватился за пистолет, но затем выругался и пошел прочь. Полевой телефон настойчиво гудел в командирской палатке.

* * *

Из-за поворота долетали звонкие пушечные выстрелы. Там был танк. Когда орудийный огонь стихал или переносился дальше, рокот танка слышался совершенно отчетли-

во. Каждую секунду танк мог выглянуть из-за бугра. Поэтому Кауппинен и был все время начеку у пушки.

Рядом Ниеминен потел с лопатой в руках. Фельдфебель Койвисто пошел на разведку местности. Позиция была неудобна: слишком малая видимость. Но дальше продвинуться нельзя, потому что дорога и обочины заминированы. Ниеминен опустил лопату и утерся рукавом.

— Черт знает что такое! На каждом повороте надо рыть себе эти ямы! И чего мы здесь остановились? Танк ведь не поперет через минное поле! Каждый раз у нас не тем местом думают!

Он сделал еще несколько бросков лопатой и снова выругался:

— Нет, я забастую! Не пойду никуда и не ткну больше лопаты в землю. Во всяком случае, на такую позицию, как мы вчера вечером были — ни за что! Капитан тоже, проповедует насчет героизма. А по-моему, это же глупость — идти на убой, словно скотина.

Кауппинен не отвечал, и Ниеминен продолжал рыть яму. Земля была песчаная и осыпалась с лопаты, но он упорно копал, потому что надо же сделать укрытие хотя бы от осколков, если хочешь остаться в живых.

По дороге сюда уцелели просто чудом. Только выехали, как налетевшие штурмовики загнали в лес. А тут будто по заказу принялась молотить «гектарная пушка». К счастью, она не накрыла всего леса, а только край его, но можно было живо себе представить, что еще ждет впереди.

Рядом в карьере, где брали гравий для дороги, тоже вовсю работали лопаты, хотя выемка и без того была довольно хорошим укрытием, если только не случится прямое попадание. Куусисто уже по горло зарылся в землю, но все еще трудился. То и дело его голова выглядывала наружу, глаза устремлялись в небо, и он снова скрывался, как крот в норе. Один лишь Саарела не работал. Он сидел, покуривая, над окопом Куусисто и казался погруженным в глубокие раздумья. На самом деле все чувства его были настрожены. Как бывалый фронтовик, он рассчитал, что в случае опасности прыгнет в окоп Куусисто, где, конечно, вполне хватит места и для двоих.

Саарела привык не слишком утруждать себя работой, с тех пор как уволился с должности кочегара-практиканта. На его жизненном пути всегда встречались простак, которые вырочали его. Кроме последнего случая в Кскройла,

он и предположить не мог, что здесь не окажут уважения если не ему самому, то хотя бы его железному кресту. В следующий раз, если придется уходить, надо действовать умнее. Мысль об уходе не покидала Саарела. Остаться невозможно, и медлить нельзя. Иначе нервы не выдержат, он это знал. К капитану обращаться бесполезно. Больше он никаким объяснениям не поверит. Саарела ненавидел теперь командира дивизиона прямо-таки безумной ненавистью. Капитану повезло в жизни, а ему — нет. Капитан сохранил самообладание, а он сломался. Капитан его презирает, а он не может ответить тем же. Если бы продолжать войну среди своих, в батальоне СС. Но батальон расформировали. Саарела был теперь точно волк, изгнанный из стаи.

Он бросил окурок, проверил на ощупь запас провизии в хлебной сумке и усмехнулся. Он расстанется с этой шайкой, как только они выйдут поближе к передовой. Тогда никто не сможет загнать его обратно. А затем — курс на север. Там немцы.

Поблизости окапывался Хейно. Он все время старался быть недалеко от Саарела и Куусисто, чтобы присматривать за ними. «Теперь уж они у меня не удерут! Я позабочусь об этом».

Особенно подозрительно вел себя Саарела. «Что это он не зарывается в землю? Может ведь улизнуть так, что и не заметишь!»

Это так беспокоило Хейно, что он не выдержал и крикнул эсэсовцу:

— Берись-ка за лопату, пока не поздно! Или ты опять думаешь, что я тебе выкопаю щель? Если так, то ты жестоко ошибаешься!

В глазах Саарела вспыхнул огонек, затем он, улыбнувшись, кивнул на окоп Куусисто и ткнул пальцем себя в грудь. Дескать, вон на того я рассчитываю. Хейно хмыкнул и хотел было сказать что-то по этому поводу, но в это время на краю карьера появился фельдфебель.

— Пошли, ребята. Захватите с собою побольше снарядов. И «фауст» тоже. Пушку выкатим на позицию вручную. Пехотинцы нам помогут. Тягач останется здесь.

Злые, они вылезли из окопов. Опять напрасно трудились. Не в первый раз и, видимо, не в последний. Но что случилось, в чем дело? Хейно спросил:

— Где же эта позиция? Там, у пехоты, что ли?

— Да... — ответил фельдфебель уклончиво. — Вернее, даже несколько впереди. Хорошее место. Там мы господствуем над широким пространством.

Парни понурили головы. Только Сундстрём не менялся. Он улыбнулся знакомой детской улыбкой и произнес:

— Кто прошел путь, имеет что сказать.

Койвисто усмехнулся, а Хейно гаркнул:

— Катись ты ко всем чертям! Перед нами путь, о котором никто из нас, никогда ничего не расскажет!

Нюрхинен издал звук, похожий не то на храп, не то на ржание, однако не сказал ни слова. Он сильно изменился, стал странно молчаливым и серьезным. И тут, копя укрытие, он казался рассеянным, часто останавливался и стоял опустив лопату и уставясь куда-то в пустоту. Правда, сейчас на его странности никто не обращал внимания. Всем было не до того. Пошли за орудием. На полпути они вдруг услышали гул выстрелов «гектарной пушки». Фельдфебель едва успел крикнуть: «Рассыпья!» — как ракеты засвистели совсем близко. Заполыхало пламя. Воздух, сотрясаемый разрывами, бил в уши словно кувалдой. Огромные осколки вжикали, как косы на лугу. Песок, камни и целые кусты сыпались с неба на голову.

Куусисто попытался было вскочить, но Хейно схватил его за обе ноги и зарычал, оскалив зубы:

— Врешь, черт, не уйдешь! Я тебя раскусил, и ты не уйдешь, черт!

Саарела, который плелся в хвосте, успел броситься назад и спрятаться в окоп, вырытый Куусисто. Когда огонь перенесся дальше и стало тихо, из клубов пыли раздался вопль:

— Ребята, на помощь, скорее! Ай, святая Сюльви, сюда! Помогите!

Хейно, позабыв про Куусисто, бросился на крик. Он думал, что ранен Саломэки, но тот склонился над кем-то и судорожно разрывал индивидуальный перевязочный пакет. Ранен был Нюрхинен. Он лежал ничком, странно бормоча. Саломэки орал сквозь слезы:

— Бинтов! Давайте же, черти, скорее бинтов!

Бесполезно. Фельдфебель это сразу понял.

— Носилки! — крикнул он. — Быстро соорудите носилки! Отнесите на перевязочный пункт!

Прибежал Ниеминен с лестницей. Кто-то, наверно, уже пользовался ею вместо носилок, потому что на концах ее

были веревочные петли. Нюрхинена осторожно подняли и уложили на лестницу, лицом вниз. Он стал приходить в сознание и попытался подняться, но сразу обессилел и обмяк.

— Шмерть, чхорт... вчепилась... — выговорил он с трудом, пытаясь усмехнуться.

Хейно, Хейккиля и Ниеминен подхватили лестницу, но Нюрхинен вдруг взревел:

— Нет, чхорт, нечшего меня ташкать! Я шам пойду! — и он порывался встать, но фельдфебель уложил его насильно.

— Ты не дойдешь, у тебя бедро задето, — солгал он, делая знаки остальным, что раненого надо привязать к носилкам. Потрясенные, они не понимали, чего он хочет от них, и поэтому Койвисто привязал сам.

— Ну, ступайте! Знаете, где перевязочный пункт?

— Да, там на дороге есть указатель.

Противник продолжал сосредоточенный огонь. Им то и дело приходилось опускать носилки на землю и укрываться. Пот струился по лицам, но отдыхать было некогда. Кровь стала переливаться через край огромной рваной раны, и Нюрхинен очнулся. Он кусал губы, сдавленно стонал и ругался. Потом он вдруг сказал:

— Штойте, парни. Вшё это жря. Вшё равно шмерть. Доштаньте бумажник иж жаднего кхармана.

Товарищи быстро переглянулись. На месте задних карманов было сплошное кровавое месиво. Ниеминен все же наклонился и сделал вид, будто достал что-то.

— Ясно. Мы позаботимся обо всем. Но только ты зря. Сейчас доктора тобой займутся и будет полный порядок.

— Порядок, чхорт!.. Кхогда вше кхишки вышибло!..

Нюрхинен, несмотря на страдания, попытался было засмеяться, но что-то в нем захрипело, заклокотало, и они услышали тихие, как вздох, слова: «Шмерть пришла... умираю... И вы вше умрете, ешли не шмоетешь, пока не пождно».

Они несли его. Вот уже показалась стрелка, указывающая дорогу на перевязочный пункт. Они прибавили шагу, потому что страдания Нюрхинена усиливались. Он пробовал вырваться и бешено ругался. Потом голос его ослабел, и, когда они добрались до места, он уже не подавал признаков жизни. Ниеминен пощупал пульс.

— Он жив. Я побегу за доктором!

Кругом, под деревьями, между каменных глыб, на земле лежали раненые, отовсюду неслись крики и стоны. Ниеминен увидел капитана медицинской службы, направлявшегося к палатке, и бросился к нему.

— Идемте скорее! Мы принесли раненого, внутренности наружу!

Капитан даже не взглянул на него. Он делал кому-то укол, — может быть, морфия.

Палатка была полна раненых. Доктор мог освободиться не скоро. Ниеминен увидел, что снаружи, под деревом, какой-то человек перевязывал раненого. Он к нему — опять та же история. Тот даже не взглянул. Раненый был без руки, и врач останавливал кровотечение. Конечно, и этот раненый нуждается в немедленной помощи, но у Нюрхинена жизнь висит на волоске. Вне себя от отчаяния, Ниеминен прошипел:

— Ты пойдешь сию минуту, или я пристрелю тебя!

Доктор поднял к нему лицо, и Ниеминен заметил у него знаки майора на петлицах.

— Вы же видите, молодой человек, сотни людей ждут меня. Поищите кого-нибудь из медперсонала, чтобы оказал первую помощь. Я приду, как успею.

Лес гудел от рвущихся снарядов. Где-то с треском упало дерево. Осколки сыпались кругом, но врач, кажется, ничего этого не замечал. Ниеминен озирался в отчаянии. С дороги подносили новых раненых. Некоторые шли сами. Лошадь, громко всхрапывая, везла повозку, на которой навалом лежали мертвые тела. Тут Ниеминен заметил, что Саломэки бежит к нему и кричит что-то, но голоса не было слышно в общем грохоте.

— Поздно! Нюрхинен отошел! — крикнул Саломэки, подбежав ближе. — Какого черта ты тут застрял? Его можно было еще спасти!

Ниеминен не стал оправдываться. Где-то снова загрохала «гектарная пушка».

— Пошли, — сказал он дрогнувшим голосом. — Сейчас там наши попали в переплет. Это она лупит как раз по песчаному карьере.

* * *

Орудие все же успели оттащить достаточно далеко от песчаного карьера. Помогли пехотинцы. Фельдфебель послал Куусисто в песчаный карьер и велел дожидаться

там товарищей, которые унесли Нюрхинена, а когда они вернутся, проводить их на новую позицию, иначе они не сумеют найти своих. Во время передышки фельдфебель сказал Кауппинену:

— Установим орудие, и надо будет послать кого-нибудь к карьере. Куусисто выглядел таким испуганным, как бы он опять не удрал.

Койвисто вытер пот с лица. Он тоже тянул пушку вместе со всеми. Почва в лесу была мягкой, и несмотря на подмогу, двигались медленно. Мучила жажда. Пехотинцы нашли где-то ремень и поделились с артиллеристами. Все с хрустом жевали его, так что слезы брызгали из глаз. Помолчав, Койвисто добавил:

— Пожалуй, не надо было его оставлять там.

Кауппинен пожал плечами. Он вспомнил, как в начале отступления хотел расстрелять двух беглецов. Теперь же он понимал их.

— Кто его знает, — сказал он, — тут сам-то думаешь, какие надо иметь силы, чтобы не побежать. Настолько все кажется безнадежным.

Фельдфебель поднял брови. Уж от кого-кого, но от Кауппинена он этого не ожидал. Поэтому он сказал сухо:

— Исход войны еще не решен.

— В этом же уверял нас и Суокас, — ответил Кауппинен со вздохом.

— Хоть это и неправда, но все же хорошо придумано, — произнес Сундстрём, который шел рядом и задумчиво жевал ремень.

Койвисто покраснел от возмущения, но не успел ничего сказать — к ним подбежал прапорщик:

— Что вы тут возитесь! Русские танки вот-вот ворвутся на наши позиции!

Они снова потащили орудие к передовой, откуда все время слышались гулкие орудийные выстрелы. Где-то опять замолотили снаряды «гектарной пушки».

— Пригнитесь, — сказал прапорщик, — а то тут местность просматривается.

В это время Куусисто забился на самое дно своего окопа и обхватил голову руками. От ужаса он готов был бежать куда глаза глядят, прочь от этого страшного места, но не мог пошевеливаться, словно был прикован. В голове все время звучали слова капитана. «Он не пощадит. Он

действительно отдаст под трибунал... Ведь он, чуть что — спрашивает обо мне».

Почему-то Куусисто воображал, что стоит лишь капитану заметить его исчезновение, как все бросятся на поиски. И конечно, его схватят. «Почему они никак не заключают мир? Ради чего нас посылают на убой?»

Куусисто больше не стыдился подобных мыслей. Только подписание мира могло его спасти. Если еще не поздно.

Стало немного потише. Куусисто выглянул из окопа. Из леса показалась лошадь с возом мертвецов. Напротив карьера колесо попало в колдобину, и телега чуть не опрокинулась. Возница ухватился за колесо, закричал натужно и хлестнул вожжами. Лошадь испугалась и встала на дыбы. Солдат вскочил на телегу и, ругаясь, начал сбрасывать мертвых на землю. Куусисто в ужасе смотрел, как мертвецы падали наземь и оставались в диких, судорожно искаженных позах.

В воздухе опять зарокотало. Куусисто распластался на дне окопа и вдруг захрипел, потому что стенка осыпалась и завалила его. Он напрягал все силы, чтобы встать, и не мог. Нечеловеческий ужас охватил его. С трудом вырвавшись из песчаной западни, он пополз на четвереньках вдоль дороги. Впереди отчаянно билась лошадь, брюхо у нее было вспорото. Она безуспешно пыталась встать и дико ржала. Рядом лежало недвижимое тело возницы.

Куусисто любил лошадей. Он бежал к лесу и все время видел перед собой мученические глаза животного и слышал его предсмертный крик. Обезумевший, потерявший всякую власть над собой, он бежал и бежал все дальше в лес.

Когда Ниеминен, Хейно, Саломэки и Хейккиля подошли к карьере, они увидели лежавшую на дороге лошадь. Она была еще жива. Хейно прикончил ее выстрелом в голову.

— Не могу видеть страдания животного, — сказал он.

Вдруг Ниеминен заметил брошенный автомат и хлебную сумку.

— Ребята, это сумка Мартти Куусисто, и автомат его, — сказал он. — Я думаю, ни у кого другого не осталось столько масла. Он же со страха почти ничего не жрал.

Еще в сумке было полотенце, мыло и зубная щетка. И наконец, шюцкоровский нарукавный знак. В учебном центре было приказано отпороть эти знаки.

— А где же он сам? — недоумевал Ниеминен.

— Удрал! — воскликнул Хейно в сердцах. — Я как чувствовал. Проклятье, что я не устерег его!

— Да что ты, как же он мог убежать? — притворно удивился Саломэки. — Разве ты не помнишь, он еще в учебном центре всегда говорил, что вот, дескать, на передовой мы увидим, кто чего стоит. Я думаю, парни, он отправился в одиночку завоевывать Ленинград.

— Слушайте! — Хейккиля поднял палец.

Сосредоточенный огонь перенесся дальше к тылу, и они услышали боевой клич, с которым русские шли в атаку. Это было где-то очень близко. Потом треск автоматов и пулеметов заглушил его. И тут они увидели Сундстрёма, бежавшего из лесу им навстречу. Лицо его было необычайно бледным и серьезным. — Скорей, ребята! Русские жмут! Приказано принести патронов.

Они стали второпях набивать обоймы патронов в карманы и в хлебные сумки. Хейно взял автомат Куусисто и выбросил свою винтовку. Затем еще по паре снарядов под мышку — и бегом вперед, туда, где слышалась отчаянная трескотня автоматов и выстрелы танковых пушек.

— Там танки, ребята! Их много! — сказал Ниеминен.

— По крайней мере три, — уточнил Сундстрём. — Но мы их не могли обстрелять, потому что они пока еще далеко в лесу.

Лес кончался, и за ним открывалось поле. Добежав до опушки, Сундстрём присел.

— Теперь за мной по одному, господа, и «доминус во-бискум», как говорят католики. То есть господь с вами!

Пригибаясь к земле, он побежал через поле. Они поспевали за ним, с трудом переводя дух. Вот уже позади остались железобетонные купола пулеметных гнезд. Но все они были пусты, как мертвые черепа. Впереди и справа раскинулось широкое открытое пространство, за которым находился противник. Атака, видимо, была отбита, потому что стрельба стихла. Впереди, метрах в ста, виднелся неизвестно как уцелевший среди поля островок кустарника. Туда-то Сундстрём их и повел. Разрывы снарядов прижимали к земле, и они все начали выбиваться из сил. Сундстрём бросился животом на землю и, когда остальные, добежав, плюхнулись рядом, сказал:

— В обход можно было пробраться безопаснее, но надо спешить. Пушка вот там, в кустах.

— А где же пехота? — спросил Ниеминен, оглядываясь назад. — В тех пулеметных гнездах никого не видно.

— Там она где-то. Но ее мало. А скоро останется еще меньше, если не придет подкрепление.

Он побежал вперед, остальные за ним. Так, не замеченные противником, они добрались до своей пушки. Она была скрыта кустами. Расчет окапывался. Фельдфебель смотрел сквозь ветви в бинокль. Не повертывая головы, он спросил подошедших о Куусисто и, выслушав их ответ, со вздохом сказал:

— Этого я и боялся. А что Нюрхинен?

— Скончался. Врачи не успели даже перевязать.

— Да, они не управляют. И уж, видно, такова была воля всевышнего.

— Не знаю, — проворчал Ниеминен, — но только, я думаю, всякий помрет, если кровь из него хлещет, а помощи не окажут.

Он повернулся и подошел к Кауппинену.

— Чего мы тут залегли? Где атаковал противник?

— Они жмут справа и слева. Там короче путь по открытому месту.

Ниеминен посмотрел в обе стороны, потом оглянулся назад.

— Елки-палки, тут можно оказаться в кольце. Если только он доберется вон до тех окопов.

— Тогда, конечно.

Кауппинена все это как будто не очень интересовало.

Этот красивый парень в последние дни странно изменился и постарел. Вокруг глаз пролегли морщины, щеки ввалились и посерели. Взгляд часто устремлялся в пустоту. Однако Ниеминен этого не замечал, поглощенный своей заботой.

— Зачем пушку притащили сюда? Ведь можно было стрелять и оттуда, где пехота окопалась. А тут и не выстрелишь, потому что в кустарнике не сделали просвета.

Фельдфебель, видимо, услышал их разговор, так как оставил наблюдение и передал бинокль Саломэки.

— На, последи. Вон там три танка, за выступом леса. А сам подсел к Ниеминену и начал объяснять:

— Если бы мы встали на том или на другом фланге пехоты, мы смогли бы обстреливать лишь определенный участок местности. А здесь мы господствуем над обоими флангами. Если потребуется, мы можем внезапно выдвиг-

нуть пушку вперед. Это будет не так заметно, как расчистка кустов.

— Но все равно он нас заметит, — проговорил Ниеминен. — Кто тогда понесет раненых? И куда?

Койвисто посмотрел на Ниеминена долгим взглядом и встал.

— Надо думать о другом. Если танки прорвутся к позициям пехоты, положение окажется чрезвычайно тяжелым.

Фельдфебель вернулся на свой наблюдательный пост. Ниеминен снова посмотрел назад. Пока его взгляд выискивал безопасный путь для отступления, рассудок возмущался и бунтовал.

— Черт побери! Это опять мышеловка! Рюсся может обойти нас с обоих флангов! Если бы я знал, я не пошел бы сюда.

— Как будто ты мог свободно выбирать, — насмешливо хмыкнул Хейно. Он сидел на краю своего окопа и жевал хлеб. Губы и даже щеки его блестели от масла. — Этот фельдфебель и меня провел за нос. Я был уверен, что тут рядом окопалась пехота. Может, она тут и была, но смылась. Я тоже смоюсь. Я уже присмотрел дорожку. Вон там можно проскочить живьем, если бежать что есть духу, как стометровку бегают. Но если с пушкой — все поляжем.

Хейно говорил вполголоса, чтобы фельдфебель не слышал. Потом добавил шепотом:

— Я смотрю, наш Койвисто как нарочно выбирает такие позиции, чтобы наверняка все погибли. Но я не намерен отдавать жизнь за эту пушку. По мне, пускай уж лучше она останется здесь.

Ниеминен все-таки не мог думать так о Койвисто. Конечно, он понимал, что с точки зрения боя здесь пушка стоит лучше всего, и с этой позиции она может нанести наибольший урон противнику. И все же ум его восставал: «Ведь уже второй раз мы сами залезаем в мышеловку! И последний! Больше я в такую петлю не полезу!»

Они пошли разведать пути возможного отхода. В одном месте расстояние от кустов до опушки леса было метров пятьдесят. Хейно привел их туда и сказал:

— Вот здесь надо драпать. Можно проскочить, если мчаться как олень.

— Ну, а если сосед в это время уже занял окопы пехоты, так он и подстрелит тебя как оленя, — заметил Хейккля.

— Значит, надо удирать раньше, — уточнил Саломэки.

— Да, и лучше всего сейчас, не откладывая, — подхватил Хейно. — Давайте скажем Койвисто, мол, оставайся сам, если тебе так хочется поскорее в рай. А нам жить хочется.

Ниеминен кусал губы.

— Так все же не годится. Койвисто хороший мужик и ничего плохого нам не делал. Но можно ему сказать, что, если сосед прорвется в расположение пехоты, пушку мы вытаскивать не станем.

— Тише, — шепнул Хейккиля. — Он идет. Легко на помине.

Фельдфебель подошел хмурый и озабоченный.

— Что, ребята? Думаете насчет отступления?

Они смутились, как провинившиеся школьники. Наконец Хейно выжал из себя ответ:

— Смотрим. Вот тут можно проскочить живым, если дать хорошую скорость.

На щеках Койвисто пятнами проступил румянец. Он смотрел в глаза то одному, то другому и наконец воскликнул странно дрогнувшим голосом:

— И вы, значит! И вам собственная жизнь важнее, чем судьба Финляндии! Неужели вы, малые дети, не понимаете, что у нас нет иного выбора. Свобода или...

Он не договорил, чувствуя, что слово «смерть» просто не идет у него с языка, хотя прежде он в проповедях пользовался этим словом свободно и с эффектом. «В доме повешенного не говорят о веревке». Койвисто почувствовал спазм в горле. Он заговорил мягко, как бы жалея их, ибо в глубине души он ведь понимал этих молодых ребят. Но все же ему было больно за них. Пушка занимала такую позицию, что им, конечно, придется туго. От них потребуется беззаветный героизм, о котором так много говорилось и писалось. А у них-то его нет. Боязнь смерти в них сильнее любви к родине. Фельдфебель горько вздохнул. Надо было дальше убеждать их и заставить понять, почему необходимо самопожертвование. Сейчас на это уже нет времени. И он сказал:

— Пойдемте к орудию, ребята. Потом поговорим. Сейчас нам необходимо быть твердыми. Подумайте, что произойдет, если танки ворвутся в расположение пехоты. Там ведь такие же молодые ребята, как вы. И они ведь тоже свои, наши братья, финны.

Фельдфебель повернулся кругом и пошел не оглядываясь. Солдаты смотрели ему вслед. Наконец Ниеминен сказал:

— Пойдемте, парни. Ему тоже нелегко, этому Койвисто.

Они медленно побрели назад. Шли молча, повесив головы. Только Хейно бормотал про себя:

— Нет, говорит, иного выбора, кроме как свобода или смерть. Он это имел в виду. Но на кой черт эта свобода мертвому?

Это услышал Саломэки, шедший впереди Хейно. Он оглянулся и гневно прошептал:

— Как же ты не понимаешь! Свобода останется живым. Господа-то сами хотят выжить. Вот они и посылают нашего брата на смерть, чтобы самим потом жить припеваючи, пировать да развратничать в богатстве и роскоши.

Когда они подошли к пушке, фельдфебель уже смотрел в свой бинокль. Кауппинен дремал, сидя на краю окопа. Ниеминен подошел и растянулся рядом. Только тут он понял, как устал. Глаза слипались неудержимо. И стоило чуть прикрыть веки, как начинали плясать золотые искорки. Артиллерия противника все время обстреливала дороги. «Они готовятся к новой атаке, — думал Ниеминен в полусне. — Что же с нами будет? Неужели мы так тут и ляжем все?.. И что будет потом, если русские прорвут линию обороны и захватят всю Финляндию? Что тогда будет с людьми, со всем народом? Ведь говорили же и писали, что они половину перебьют, а остальных сошлют в Сибирь! Неужели дойдут до этого? Нет, черт побери! Койвисто все же прав! У нас есть лишь один выбор: свобода или смерть!»

Над головой кружилась, жужжала пчела. Рядом кто-то разговаривал вполголоса и слышалось сонное дыхание Кауппинена. «Что там дома сейчас делают?»

Ниеминен вздрогнул. Удивительно, он в эти дни стал забывать о доме. Даже о жене и о маленьком Эркки. «Как они там? Наверно, малыш уже умеет смеяться? И лопочет? И уже узнает маму? Только отца не знает. Тогда он еще ничего не соображал.»

Ниеминен почувствовал на ресницах влагу и зажмурился изо всех сил, до боли в глазах. Он не успел за эти дни написать домой, и оттуда не было писем. «Надо бы написать хоть несколько строчек, на всякий случай. И положить

в бумажник. Потом, когда-нибудь, прочтут вместе, когда Эрки станет уже понимать».

У него дрогнуло сердце. Не раз приходилось слышать рассказы о том, что человек иногда предчувствует смерть. «Неужели это предчувствие? Нет, черт возьми, что это я! Я ведь жив и невредим после таких передраг. Да вздор, не бывает никаких предчувствий. Разве Нюрхинен догадывался о чем-нибудь?.. Не считая того, что он вечно склонялся смерть на все лады».

Снова начался непрерывный грохот артиллерии противника, в котором отчетливо выделялись близкие выстрелы танковых пушек. Над головой появились штурмовики. Ниеминен скользнул в свой окоп. До него долетел крик фельдфебеля:

— Готовься, ребята!

Койвисто стал пробираться между кустами, чтобы лучше все видеть. Выбравшись на опушку, он лег с биноклем в руках. Он был спокоен, и руки его не дрожали. Можно было подумать, что этот сухопарый, бледный мужчина сосредоточенно рассматривает мирный пейзаж. Он не ведал страха, ибо жизнь ведь не могла зависеть ни от него самого, ни от врага, но всегда была в руках всевышнего. В это он верил непоколебимо. И все же он боялся, боялся за других. Как будто он верил в провидение всевышнего лишь применительно к себе.

Далеко у леса вспыхивали словно искорки пушки танков. Открывать огонь по ним было рано. Следовало подождать, когда они выйдут на открытое место.

Сосредоточенный огонь усиливался. Сзади, справа и слева, земля словно кипела от разрывов. Там были окопы финской пехоты. Враг, вклинившийся в этом месте, подошел уже почти вплотную к последнему рубежу главной оборонительной линии. Но там оставалось, по крайней мере, несколько железобетонных бункеров — укрытий для живой силы. Эти бункеры способны выдержать артобстрел любой силы. Обороняющиеся уцелеют в этих убежищах и могут быстро выйти из них, чтобы отразить атаку. Но если танки прорвутся в расположение пехоты, это уже почти верный конец. Этому надо помешать любой ценой.

Койвисто хотел было перевести и свое первое орудие на передовую, но не решился. Надо было прикрывать шоссе. Если они там прорвутся, то будут гнать до самой Вуоксы. Так Койвисто понимал сложившееся положение. Вообще,

он умел хладнокровно взвешивать факты и анализировать обстановку, и сейчас он боялся, что эта главная линия обороны может не выдержать. Но ведь там дальше еще есть водный рубеж Вуоксы, надо только успеть его подготовить и закрепиться на нем. Ну, а если и он не устоит? Этого Койвисто даже представить себе не смел. Тогда бы потеряло значение все то, во что он верил и ради чего жил.

Фельдфебель вовсе не был каким-то фанатичным патриотом, как не был он и религиозным фанатиком. Он никогда не старался насильно вбивать людям в головы «слово божие» и не говорил в своих проповедях о «богом данных новых границах Великой Финляндии», как делали многие священники. Но когда гибель грозила всему тому, что было для него свято и неприкосновенно, тогда в нем родился бесстрашный воин.

«Дом, отечество и вера» для иных служили высшим аргументом, к которому постоянно прибегали в самых различных ситуациях. Для Койвисто они были условием, без которого невозможна жизнь. Альтернативы для него не существовало. Значит, надо было бороться и верить, что всемогущий не отступится, не бросит эту страну и народ, не отдаст их на растерзание врагу.

Койвисто вдруг заметил, что туман застилает глаза. По щекам струилась влага. Он уже не в силах верить в спасение. Вот отчего эти слезы. Неужели господь все-таки покинул Финляндию и не слышит его немых призывов.

Фельдфебель вытер глаза и снова стал смотреть в бинокль. Если бы вся армия понимала, что сейчас решается. Но этого не понимают даже солдаты его взвода! С ними надо поговорить, объяснить им, снова подумал Койвисто. В это время у дальнего выступа леса танки подмяли кустарник и быстро устремились вперед. Койвисто бросился к пушке.

— Орудие на позицию — вон туда! Подносчики снарядов, обеспечить прикрытие со всех сторон! Враг атакует!

Земля сверкала молниями и грохотала, небо покрылось плотными облаками дыма и пыли и тоже гремело и пылаало. Деревья падали, камни рвались на куски, мох съежился и горел. Противник не жалел снарядов, он, видимо, готовился прорвать главную линию обороны. Казалось чудом, что под этим стальным шквалом человек еще мог оставаться живым. Человек, которому достаточно такой малости, чтобы погибнуть. И все-таки там еще была жизнь,

хоть смерть и трудилась не покладая рук. По лесам, по заросшим кустам канавы пробирались люди, даже через топкие болота тащили пушки, несли пулеметы. По разбитой бомбами дороге мчались, подпрыгивая и петляя между воронками, санитарные машины. Потери все росли. Убитых не успевали считать. Раненые и дезертиры пробирались в тыл. Все меньше и меньше солдат оставалось в ротах. И тогда танки противника пошли в атаку, а за ними устремилась пехота.

Фельдфебель Койвисто, отдав распоряжения, вернулся на свой наблюдательный пункт. Три танка вышли на край открытого поля и вели непрерывную стрельбу, как на учениях. Других пока не было видно, и он бросился помогать ребятам, перетаскивавшим пушку.

— Мы откроем огонь, вон из того прогала между кустами, — крикнул он Кауппинену.

Пушку протаскили между кустами вперед. Лишь конец ее ствола выглядывал из кустарника. Кауппинен смотрел в прицел и кричал фельдфебелю, какие ветки надо обломать, чтоб не мешали прицеливанию. Наконец он стал вертеть штурвалы наводки. Потом, оторвавшись от пушки, закричал фельдфебелю, который опять отправился наблюдать на свой пункт:

— Уходи оттуда! И других отведи подальше! Только Ниеминен останется здесь!

Фельдфебель оглянулся в изумлении. Кауппинен вовсе не имел обыкновения командовать, тем более старшим по званию, но тут он разошелся:

— Ты слышал, что я сказал! Я не буду стрелять, пока ребята не спрячутся в укрытие. На первый же выстрел нам ответят мощным огнем.

— Но ведь там и пехота идет! — нервно ответил Койвисто и показал на поле, через которое уже бежала пехота противника.

— Она еще далеко, а снаряды танков будут здесь в один миг! Ты что, не веришь? Тогда иди на мое место и стреляй сам!

Фельдфебель увидел по лицу наводчика, что препираться с ним бесполезно. Он бросился бегом от солдата к солдату и приказал всем отойти в укрытие. Сам же вернулся к орудию. Кауппинен даже не взглянул на него. Он говорил Ниеминену:

— Сейчас я выстрелю. Ты живо заряжай второй и кла-

ди третий снаряд сюда, чтоб был наготове, а сам беги в окопчик.

— А куда же ты?

— Выстрелю этот третий, если успею. Ну, готово?

Ниеминен не спускал глаз с Кауппинена, когда тот брал танк на прицел. Он действовал сосредоточенно и спокойно, но в лице не было ни кровинки. Вдруг пушка подпрыгнула и раздался выстрел, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки. Ниеминен привстал, чтобы посмотреть, но Кауппинен заорал:

— Да ну же, заряжай! Черт!.. Некогда ведь!

Ниеминен втолкнул новый снаряд на место, достал и положил наготове следующий и оглянулся. Теперь можно отбежать и укрыться, но что ребята скажут? Оставил пушку первым! Нет, не будет этого!

Кауппинен старательно прицеливался. Тут он увидел, что башня танка, по которому он только что стрелял, поворачивается в его сторону, словно выискивая что-то. Может быть, в танке не заметили, откуда по нему стреляли. «Сейчас он увидит», — пронеслось в мозгу Кауппинена, и он выстрелил.

В боку танка вспыхнуло, раздался мощный взрыв, и высоко взметнулся огненный столб. Сзади, из-за горящего танка, показались и другие машины, их пушки были направлены прямо на кустарник. И в следующий миг они сверкнули пламенем. Койвисто и Кауппинен едва успели броситься на землю, как снаряды уже разорвались — один перед самой пушкой. Кауппинен только теперь заметил Ниеминена, все еще стоявшего на месте, и заорал на него:

— Заряжай по новой, быстро!

Он вскочил и снова стал целиться. Танки ушли под прикрытие горячей машины. Он выстрелил, но опять мимо. Плотный земляной столб взметнулся позади танков.

— Снова заряжай!

Койвисто видел, что обстановка складывается крайне неблагоприятно. Противник может обстреливать их из надежного укрытия, так как из-за горящего танка видны только верхушки башен. Он побежал к ровикам и крикнул:

— На помощь! Орудие перенести в безопасное место!

В это время Кауппинен выстрелил четвертый раз и бросился на землю. У него опять получился перелет. Но и противник сделал перелет. Снаряды с воем пронеслись над головами. Пыль и черное пламя от горящего танка

ограничивали видимость и мешали прицеливаться. Ниemi-нен успел снова зарядить, но тут прибежал фельдфебель с остальными. Начали перетаскивать пушку. Вдруг у Хейккиля щека залилась кровью, и он упал на колени. Пехота противника была уже так близко, что могла обстреливать из автоматов. Койвисто бросился на свой наблюдательный пункт.

— Занимайте позицию здесь! Целью! Быстро! — кричал он звонким от волнения голосом и вдруг выругался, наверное, впервые в жизни, оттого что не подумал обзавестись автоматом. У него был пистолет «Суоми». Он только выхватил пистолет из кобуры, как снаряд танковой пушки разорвался у него внизу живота. Но этого фельдфебель Койвисто уже не успел осознать.

Все произошло мгновенно на глазах у ребят, но сейчас не было времени раздумывать над случившимся. Атакующий противник быстро приближался с криком «ура». За первой цепью, как волвы, следовали новые и новые. Кауппинен уже строчил из своего автомата. Потом Хейно нажал на спуск и стрелял, пока не опустошил весь диск. Отступление и бегство через открытое поле означало бы верную гибель. Поэтому они словно вросли в землю и встречали противника мощным свинцовым дождем. И противнику пришлось залечь. Танки больше не стреляли по кустам. Они устремились к финским окопам, ведя за собой пехоту.

Ниemi-нен склонился над Хейккиля и растерянно твердил:

— Ты доберешься один? Я не могу, понимаешь, уйти! Ну, попытайся ползти, а я должен вернуться!

— Иди, иди! — вскрикнул Хейккиля, зажимая ладонью раненую щеку.

— Иди, я сказал! — взорвался он, видя, что Ниemi-нен колеблется.

Хейккиля начал приходить в себя от удара, которым был оглушен, и видел, насколько положение серьезно. Никто из них не мог убежать отсюда. Волей-неволей надо драться. Ниemi-нен вернулся с автоматом на позицию. А Хейккиля прижался к земле, слыша, как над ним повизгивают пули. Потом он пополз по-пластунски, благополучно добрался до леса, а там вскочил и побежал, как будто за ним гнались. Навстречу попался незнакомый унтер-офицер с фаустпатроном на плече. Солдаты тащили немецкую

противотанковую пушку. Другие несли через лес тяжелый пулемет. Вид у Хейккиля был, наверно, довольно страшный, потому что все встречные испуганно оглядывались на него.

У пушки в это время ребята стояли насмерть. Автоматы трещали, винтовки стреляли взахлеб. Саломэки, укрывшись за камнем, лихорадочно заряжал автоматные диски и только бормотал:

— Ай, святая Сюльви, ай, святая Сюльви!..

Пули свистели над самым ухом, но Саломэки, как машина, распечатывал пачки патронов и наполнял диски один за другим. Кауппинен командовал.

Сундстрём лежал в ивняке с винтовкой и старательно прицеливался. Сейчас и он был серьезен. Первая волна атакующих прижалась к земле и вела стрельбу. Но за нею шли новые цепи пехоты. Сундстрём прицелился и выстрелил. В тот же миг по кусту хлестнула автоматная очередь. Сундстрёма оглушительно ударило по голове, и он упал ничком. Вскоре он, однако, пришел в себя и оцупал голову. Стальная каска была цела, только вмялась на затылке. Мало-помалу выражение испуга на его лице сменилось растерянной улыбкой. «Значит, я еще жив! Удивительно, но факт!»

Он ползком перебрался на другую сторону куста и старался не слишком поднимать голову.

Младший сержант Саарела занял позицию чуть в стороне от остальных и вначале стрелял из пистолета. Но когда непосредственная опасность миновала, он осторожно огляделся, достал из хлебной сумки кусок фанеры, зажал между рукой и дулом пистолета и выстрелил, стиснув зубы. Крик, вырвавшийся у него, был неподдельным, так как пуля раздробила кость и оставила большую рваную рану. Саарела пополз, показывая соседу по цепи, что ранен в руку. Но тут вдруг автоматная очередь пристрочила его к земле. Так кончилась попытка кавалера железного креста пробраться к «своим».

Это видел Хейно, который все время присматривал за младшим сержантом. «Куусисто смылся, но уж этого я не прозеваю!» — думал он. Теперь, когда больше некого стало караулить, Хейно вдруг почувствовал раскаяние. «На кой ляд мне все это нужно? Самого-то ведь подмывает драпануть хоть на край света!.. Но, правда, я же не вояка и никогда не был лахтарем».

Он лежал за большой каменной глыбой. Здесь пули не доставали, если не поднимать головы. Улучив момент, он быстро взглянул на предполье и снова приник к земле. Патроны кончались. Надо было беречь их на самый крайний случай.

Ниеминен и Кауппинен поступали точно так же. Саломэки только что крикнул, что он зарядил последний диск и больше патронов нет. Скоро им не останется ничего иного, как сдаться или умереть. Сзади на флангах шла непрерывная стрельба. Там неприятель подошел вплотную к окопам. Кауппинен прислушивался к шуму боя и думал, как бы суметь незаметно отойти к своим. Скоро уж не о чем будет и думать, когда противник ворвется в окопы с пулеметами. Тогда останется единственная возможность.

— Двоим с автоматами надо остаться здесь, для прикрытия, а остальным потихоньку отходить! Я остаюсь! Кто со мной? — крикнул Кауппинен. Долго не было слышно ответа. Наконец Ниеминен крикнул:

— Отходите незаметно! Я останусь с Реской прикрывать! Эй, Саломэки, все диски сюда!

И вдруг Саломэки отозвался с дикой радостью:

— Бродяги! Ай, святая Сюльви! Спасение! Идут к нам на подмогу! Пулемет, нет, два пулемета! Наша пехота прет сюда, братцы! Много пехоты!

Скоро они все увидели солдат, ползущих между кустов. Ниеминен почувствовал, как комок подступил к горлу, и оглянулся на Кауппинена, но перед глазами встала туманная пелена. Кауппинен лежал за кочкой, упершись в нее лбом, и беззвучно плакал, вдрагивая всем телом.

* * *

Среди тех, что подошли к ним на подмогу, был командир пехотного полка, полковник Ларко. Опираясь на палку и сильно хромая, он вышел почти на опушку кустарника и поднес бинокль к глазам. Это был коренастый крепыш, о бесстрашии которого ходили легенды. Говорили, что полковник никогда не кланялся, какой бы ни был артобстрел, и что он всегда был там, где труднее всего. На днях Ларко был ранен осколком в ногу, но не пошел на перевязочный пункт. Подоспевшему на помощь санитару, который хотел вынести полковника, пришлось тут же на месте извлечь у него осколок щипцами и наложить повязку.

Полковник руководил обороной. Он был вне себя, узнав, что взвод, который должен был удерживать эти кусты, бросил свое место. Его привело в ярость сообщение о том, что артиллеристы из противотанкового дивизиона, расположившиеся со своей пушкой в этом кустарнике, оказались на грани гибели. Командир взвода и его помощник сейчас сидели под арестом в командном блиндаже полковника. При мысли о них полковник ругался на чем свет стоит:

— Негодные труссы! Я им покажу мм... мм... Оставить такое место! Господствует над флангами!.. Но что это? Они собираются идти на прорыв!.. Солдаты, пулеметы приготовить к бою!

— Господин полковник, — сказал стоявший сзади лейтенант, — прошу вас укрыться. Противник на расстоянии броска.

— Вот оно что, они хотят провести нас за нос, — продолжал Ларко. — Старые, знакомые уловки, господа. Это мы уже знаем. Они хотят пройти вплотную за своим огненным валом. Сейчас начнется артподготовка. Солдаты! Когда начнется артобстрел, нужно быть начеку. Они пойдут в атаку, пока вы еще будете сидеть скорчившись в своих укрытиях.

Полковник опустил бинокль, висевший у него на груди и, ковыляя, подошел к пушке.

— Позовите командира орудия.

Кауппинен осматривал в бинокль предполье, на котором были видны лишь убитые. Он слышал предупреждение полковника и верил ему. От неприятеля можно ожидать чего угодно. Только что ведь попали под такой свинцовый град, а назад не откатились. Что, если они и впрямь появятся как кроты из-под земли!

У Кауппинена по спине побежали мурашки, хотя он и понимал, что это невозможно. Он слышал, как позвали командира орудия, но подумал, что речь идет о Саарела. На память пришел фельдфебель Койвисто. «Вот бедняга. Осталось ли от него хоть что-нибудь? Никогда было даже взглянуть».

Нервы были так напряжены, что слезы навернулись у него на глаза. Несколько минут назад он был готов к смерти, а теперь опять поманила надежда.

— Реска! Полковник зовет! Он ждет тебя, — толкнул его Ниеминен.

— Пусть идет Саарела, я наводчик, а не командир орудия.

— Саарела убит.

Кауппинен так и ахнул:

— Как? И Саарела?

Затем он пополз назад между кустами.

Полковник стоял, облокотившись на колесо пушки. Так и выслушал рапорт. Глядя на длинный свежий рубец на лбу капрала, он улыбнулся.

— Царашнуло?

— Так точно, господин полковник!

— Вы сражались как львы. Молодцы! А теперь вам надо сменить позицию. Вы мне еще понадобятся. Позовите ваших солдат. Два пулемета будут прикрывать ваш отход. Есть убитые и раненые?

— Двое убитых, господин полковник! Количество раненых пока не выяснил...

— Понятно, — прервал его полковник и прислушался. — Противник остановлен и в других местах, но сейчас он попытается атаковать снова. Вам надо успеть отойти на новую позицию. Здесь вас быстро уничтожат вместе с вашей пушкой. Этим рисковать нельзя. Так что действуйте, капрал!

Когда Кауппинен ушел, полковник сказал лейтенанту:

— Два «максима» должны обеспечить их отход. Прикажете вашим людям окапываться. Отсюда не уйдем.

Ребята снялись легко. Принесли тела убитых. Полковник по-прежнему был у пушки, он сосчитал собравшихся.

— Только восемь человек!.. Оставьте мертвых. Я прикажу, чтоб их переправили. Сможете ли вы тащить пушку? Ее придется тянуть в гору. — И, не дожидаясь ответа, он сказал лейтенанту: — Дайте еще кого-нибудь на подмогу, кто знает, где командный пункт. Позиция для пушки находится там же, но только выше по склону.

Они молча двинулись в путь. На убитых старались не глядеть. Слишком тяжело было видеть их изувеченные тела, понимая, что и тебя, возможно, ждет та же судьба.

Теперь кругом царил тишина. Зловещая тишина. Тянувшие пушку торопились, напрягая все силы:

— Сейчас опять начнут колошматить!

Предчувствие их не обмануло. Едва лишь они добрались до леса, началась пальба. И вот уже повсюду запылали разрывы. Оставшийся позади кустарник был весь

в огне. В лесу верхушки деревьев взлетали и падали с треском. Уродливо торчали расщепленные стволы. Попасть под обстрел на открытом месте было очень опасно, в лесу же это означало почти верную гибель, потому что снаряды рвались в верхах деревьев.

Ниеминен лежал под какой-то кочкой, прикрыв голову руками. Осколки выбивали из кочки мох и земляные комья. Вдруг по ноге словно поленом стукнуло. «Ну, вот и попало!» — подумал Ниеминен и приподнялся на локтях, чтобы посмотреть, но в этот миг взрывная волна подхватила его и бросила на кусты. И тогда все на свете стихло. Где-то еще беззвучно падали отсеченные ветки, последний осколок бессильно упал невдалеке на землю. И все прекратилось.

Кауппинен побежал к кустам. Он видел, как Ниеминен взлетел на воздух. Тот лежал ничком на земле и безуспешно силился вздохнуть. Кауппинен стал колотить его по спине. Наконец словно клапан открылся, и воздух с шумом ворвался в легкие. У Ниеминена по руке текла кровь, но сам он, по-видимому, был невредим и нога цела. Осколок попал в каблук сапога. Но он был словно помешанный, ничего не понимал и не слушал, что ему говорят, а все твердил, показывая на ногу:

— Перебита, елки-палки, видите, нога перебита! Я слышал, как она треснула!

Кауппинен отозвал Хейно.

— Яска не в себе. Надо отвести его на перевязочный. Его контузило.

Саломэки, вытаращив глаза, схватился за ширинку.

— Посмотрите, ребята, что со мной!.. Я сам не смею! Может, оторвало прочь!..

Ниеминен уже поднялся на ноги и, видимо, стал приходить в себя. Он рассказывал:

— Я только хотел посмотреть, как там нога, а меня вдруг ка-ак подбросит...

— Подумаешь, нога! — заржал Хейно. — Вон у Виено похуже, кажись, отшибло... Ну-ка, покажи!

Саломэки оправился от испуга и попытался усмехнуться.

Подошел полковник Ларко в сопровождении лейтенанта.

— Что?.. Пушка еще здесь?.. Пошевелись, ребята! Надо привалечь, а то они снова начнут... Все ли целы?.. Все ли в порядке?.. Хорошо. Ну, так потащим пушку в горку!

Полковник первым схватился за построшки. Некоторое время шли еще по ровному, а потом начался подъем. Силы стали сдавать, и Ларко скомандовал остановиться и передохнуть. Тут он заметил у Ниеминена кровь на руке.

— Оцарапало?.. Перевяжите.

Хейно посмотрел на полковника, как бы прикидывая, можно ли сказать. И наконец, решившись, он кивнул на Саломэки:

— Господин полковник, вот этого тоже задело. Его надо бы перевязать.

— Да? Задело? — Ларко внимательно посмотрел на парня. Тот покраснел как рак.

— Маленькая царапина, господин полковник.

— Перевязать. Попадет грязь, может быть заражение или даже столбняк.

Саломэки бросал отчаянные взгляды на товарищей, а те чуть не прыскали со смеху. Наконец он вымолвил:

— Я уже перевязался, господин полковник!

— Аккуратно? Ну-ка, покажите!

Полковник услышал сдерживаемые смешки, заметил выпученные от напряжения глаза Саломэки и, наконец, его руки, прижатые спереди. Он понял, в чем дело, и в уголках губ шевельнулась улыбка, но голос его прозвучал серьезно:

— С этим надо быть еще аккуратнее. Что станет с Финляндией? И так столько мужиков перебито, а тут еще с вами этакая беда... Идите перевяжитесь вот там, в кустах.

— Слушаюсь, господин полковник!

Саломэки исчез как сновидение. Другие все еще смеялись. Даже Ниеминен хмыкнул, подмигнув Кауппинену, который перевязывал руку:

— Сколько шуму наделал этот козел Виено со своим сокровищем... Лучше бы уж отсекло ему разом, чтоб успокоился наконец.

Кауппинен слабо улыбнулся и сказал серьезно:

— Надо бы спросить полковника, удалось ли им вынести тело Койвисто? И как там они вообще.

— Спроси.

Кауппинен заколебался, но потом все-таки спросил. Полковник, как будто ожидал вопроса, сразу стал объяснять:

— Они все-таки провели нас. Артиллерийский огонь служил всего лишь прикрытием для отхода пехоты. Разгадать их не так-то просто. В зимнюю войну у них был другой стиль. Плохой. Но с тех пор они научились. Теперь они действуют очень гонко. Значит... — Ларко встал, поморщась от боли, и распрямил раненую ногу. — Значит, мы должны быть начеку!

— Господин полковник! — обратился Хейно. — А что, если он все-таки пройдет, будь мы тут хоть трижды начеку?

— Нет! — сказал полковник твердо. — Не пройдет. У нас теперь есть сила. Между прочим, и эти ваши полуавтоматы. На нашем участке он не пройдет.

— Господин полковник, — решил напомнить Кауппинен, — но вы не ответили...

— Да, этого младшего сержанта, у которого железный крест, вынесли. А фельдфебеля придется еще собирать. Опять прямое попадание снаряда...

С горки бежал какой-то сержант и кричал:

— Господин полковник! Линия в порядке! И радиосвязь тоже налажена! Вас требует командующий армии!

Уходя, Ларко сказал лейтенанту:

— Покажи им позицию. Чтоб два человека всегда были у пушки, готовые открыть стрельбу. Остальным — отдыхать. Свяжитесь с капитаном Суокасом. Они ведь в распоряжении штаба армии. Я не могу передвигать их, как мне вздумается, без ведома Суокаса.

Кауппинен прошептал, понутив голову:

— Бедняга Койвисто. Даже после смерти нет ему покоя. Хороший был человек.

Ниеминен вздохнул.

— Да, но ему, по крайней мере, не пришлось страдать, как Нюрхинену. Я так думаю, что если попадет, то лучше уж разом. Чтоб не мучиться. И только бы не остаться калекой. Как-то там наш Хейккиля? Получил пулю прямо в лицо.

— То была не пуля! — вмешался Хейно. — Разве смог бы он сам отправиться на перевязочный пункт?

— Не знаю, но только это была пуля! Я видел его щеку.

Из кустов вышел Саломэки. Он нарочно задержался там, пока полковник не ушел.

— Ну, что, запаковал свое второе «Я»?

Саломэки вскинул винтовку наперевес и щелкнул затвором.

— Ну, сейчас небо примет еще одного героя! Прощай-ся с жизнью, Хейно!

В это время на русской стороне загрохотало. Лейтенант подскочил к пушке.

— Скорее, ребята, чтоб успеть в безопасное место!

Искорки смеха в глазах погасли. Ужас отразился на лицах. Кругом стали врать снаряды.

* * *

— Елки-палки, ребята, если у него найдется хоть один снайпер, он перещелкает всех нас по очереди!

Перед ними было небольшое открытое место, а за ним, примерно в сотне метров, безлесый кряж, на котором, как говорили, закрепился неприятель. Позиция для пушки была готова, ровики выкопаны, Саломэки с биноклем занял наблюдательный пост. Позиция была выбрана, по их мнению, неудачно. Просто плохо. Слева — кусты. Так что, появившись танк отсюда, по нему не успеешь выстрелить, как он на тебя наедет. Справа местность просматривалась далеко, а вперед — лишь на сотню метров. Пушка стояла прямо у пехотных окопов. Ходов сообщения не было, только ровики для укрытия. Сзади в нескольких метрах находились железобетонные бункеры — убежища для живой силы. Ближе всех — бункер командира полка. Единственное достоинство позиции состояло в том, что на крайний случай тут имелся путь для отступления, который почти не простреливался.

Кауппинен прильнул к окуляру прицела и стал вертеть штурвалы наводки. Повернув ствол влево до упора, он сказал:

— Разверните-ка пушку еще чуток... Хорошо! Если танк появится из-за тех кустов, можно стрелять.

— До него тогда будет от силы тридцать метров! — сказал Ниеминен, прикидывая на глазок дистанцию. — Думаешь, ты успеешь выстрелить?

— Успеешь не успеешь, а попытаться надо.

— У нас ведь еще «фауст» есть, — сказал Хейно.

— Есть один. Но им легко промахнуться, ведь поупражняться не довелось.

Надо было бы поднести снарядов. Склад боеприпасов находился в песчаном карьере, довольно близко. Но идти туда под артострелом было рискованно. Кауппинен решил дожидаться, когда прекратится огонь.

— Кто-нибудь пусть останется со мной дежурить, — сказал он, — а остальные ступайте спать. Ты тоже иди, — приказал он Ниеминену. — Будем меняться через два часа. Выбери себе напарника. Кто-то из нас двоих всегда должен быть у пушки.

— Эй вы, полковник идет! — шепнул Хейно.

Ларко приковылял один, опираясь на палку.

— Так-так, вы, стало быть, готовы! Противник воп на той высоте. Будьте все время начеку. И ночью. Они именно здесь попытаются прорваться. Но вы не тормозитесь, не паникуйте. Мы следим за каждым их движением. Залог нашей победы в том, чтобы успеть нанести удар первым.

— Господин полковник, — сказал Каушпинен, не становясь «смирно», — мы не можем стрелять влево, и мы даже не видим, что там происходит.

— Там есть другая такая же пушка. И еще подойдут люди с «фаустами». Если вы услышите там какой-нибудь шум, так знайте, что это танки взлетают на воздух. А теперь — марш спать. Дежурят только двое: наводчик и заряжающий. Но в случае тревоги — все немедленно к пушке. Вопросы есть?

— Господин полковник, мы уже не помним, когда в последний раз ели. И воды нет, — сказал Хейно.

— Я постараюсь связаться с вашим капитаном... А снарядов у вас достаточно?.. Вот это, и все?.. Нет, господа хорошие, этого, конечно, не хватит! А где ваш склад боеприпасов?

Слушая их, полковник непрерывно следил за грохотом артобстрела.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я пошлю моих солдат, чтоб поднесли вам снарядов. А вы позаботьтесь о себе, вы для меня дороже золота.

Когда он ушел, Ниеминен тихо сказал:

— По-моему, ребята, этот полковник больше всего ценит собственную голову. Я не хочу сказать, что он трус, но только нас он тут поставил защищать его командный пункт.

В это время по кустам застрочил пулемет, и Саломэки воскликнул:

— Вот дает! Ах, святая Сюльви, я уж подумал, что это снайпер!

— Ну, ступайте же спать, — заторопил их Каушпинен

и сам прыгнул в свой ровик. — Останься со мной, Саломэки. Только иди сюда.

— Нет! Я тяжело ранен! Меня надо скорее отправить на перевязочный пункт, а то болит и зудит чертовски. Не дай бог еще столбняк получится.

— Этот столбняк у тебя был всегда, — проворчал Ниеминен. — Так что ничего, оставайся. Тебе здорово повезло, ты легко отделался. Пошли, парни!

Убежище находилось глубоко под землей. Оно имело мощное перекрытие, по крайней мере метра в два толщиной. У длинной стены стояли двухэтажные нары. На них теперь лежали раненные, которых не успели эвакуировать из-за артобстрела. Поскольку места на нарах не было, артиллеристы улеглись на полу. На столбе посредине помещения висела керосиновая лампочка. В убежище пахло сыростью и свежим бетоном.

Некоторые из раненных стонали, кто-то просил пить, кто-то громко звал санитаров. С верхних нар ему отвечали, что санитар ушел за водой.

— А где здесь вода? — спросил Хейно, облизывая сухие, растрескавшиеся губы.

— В болоте. Да на ничьей земле есть ручей. Если хочешь попить да заодно и сдохнуть, так ступай, попробуй. А еще в полу тут есть буровая скважина. Там на дне вода, можешь лизнуть, если у тебя язык на сто метров высовывается.

— Ребята, — послышалось с нижних нар. — Не кончился ли артобстрел?

— Ничего не слышно.

Хейно вышел посмотреть и вернулся.

— Лупит чертовски! Скоро снова пойдет в атаку.

— А вы с противотанковой пушки?

— Да. Она теперь тут, почти что на крыше.

— Хорошо. Вчера вечером она грохотала там впереди. Вы только не драпаните отсюда. А то и другие удерут за вами, а мы останемся тут одни.

— Ну, уж первыми-то мы не побежим, — сказал Ниеминен, чтобы успокоить раненого.

Тихие жалобы все время слышались на нарах, кто-то опять просил воды, кто-то в углу страшно хрипел и задыхался. Эти люди вчера отбивали атаку противника. Многие теперь были при смерти. Может быть, их удалось бы спасти, попади они сразу в руки врачей.

Ниеминен закрыл глаза, пытаясь уснуть. Сон, однако, не шел, несмотря на усталость. Он слышал стоны, вздохи, проклятья. Потом пол задрожал под ним, как от подземных толчков. Пол вздрагивал все сильнее и сильнее. Гулкие удары слышались теперь уже сверху.

— Он перенес огонь на нашу линию, — сказал кто-то. — Теперь он попытается пройти вслед за огненным валом.

Послышалось лязганье и стук прикладов. Ниеминен открыл глаза. Многие стояли теперь с оружием в руках. Непрерывный гул доносился сверху через все перекрытия, а когда грохало сильнее, пламя керосиновой лампочки тревожно вспыхивало.

— Как там, ребята? — спросил Ниеминен. — Надо бы выглянуть.

Над головой грохнуло так, что пламя, вспыхнув, вырвалось из лампового стекла и лизнуло потолок коптящим языком. В помещении запахло гарью.

— Это бомба, — сказал Ниеминен, вставая. С потолка посыпались на голову бетонные крошки. — Я схожу, ребята, посмотрю!

— Напрасно только себя угробишь, — буркнул Хейно, но Ниеминен как будто не слышал и проскользнул в дверь, из которой долетели отголоски страшного грохота. Спустя некоторое время он вернулся, затыхавшись от бега.

— Живы пока еще, но не знаю, долго ли выдержат. Черт-те что творится! Снаряды сыплются бесперечь, и небо черно от «ИЛов»!

— Ты бы кликнул ребят сюда.

— Я говорил. Но Каушпинен и сам не идет и Виено не отпускает.

— Ну, так и бог с ними, пусть погибают. Я попробую хоть немного поспать.

Хейно перевернулся на другой бок и вдруг с изумлением увидел Сундстрёма.

— Смотрите! А этот дрыхнет! Вот дает! Не знает ни забот ни тревог!

Сундстрём действительно спал себе преспокойно, как в уютном номере гостиницы. И даже улыбка блуждала по его детскому лицу. В этом было что-то возмутительное. Какое право он имел быть таким спокойным? За что, в самом деле, ему такое счастье? И сны ему снятся приятные!

Тут общее внимание привлёк санитар. Потный и запы-

хавшийся, он притащил бидон с водой. Вода текла из дырочки, пробитой осколком. Со всех сторон потянулись кружки и котелки, но санитар сердито огрызнулся:

— Идите по воду сами! У меня только для раненых!

И он начал раздавать раненым буроватую болотную воду. Хейно просил хоть глоток, но санитар не дал ни капли.

— Я же сказал, только для раненых! Хорошо, если им хватит. В соседнем бункере тоже ждут, да не дождутся. Водонос стучится у врат небесных, просится, чтобы впустили. И мы все туда же отправимся. Скоро сосед опять пойдет на штурм.

Все замолчали, прислушиваясь. Даже раненые старались сдерживать стоны.

И тут над дверью зазвякал, задилинькал, заметался в панике колокольчик.

— Тревога! — Ниemiнен бросился к двери. — За мной, ребята, по одному!

— Не убегите, слышите, только не убегите! — закричал кто-то из раненых. — Не бросайте нас одних!

Наверху еще бушевала стальная метель. Но даже сквозь нее был слышен до ужаса близкий крик атакующих:

— Ура-а-а... ура-а-а-а!

* * *

За передовой линией было болото. Оно тоже тряслось и плясало от артобстрела. Фонтаны ила вздымались к небу, дождь грязной болотной воды поливал все кругом. Противник, очевидно, хотел перекрыть все пути снабжения, исключив возможность подхода подкреплений, даже через эту топь.

В болотном окопе барахтался Куусисто. Весь мокрый, в грязи, в тине, лягая зубами от холода и страха, он старался скрыться, закопаться в ил поглубже. Всякий миг, когда не было слышно воя снарядов, он отчаянно вычерпывал руками болотную жижу, пытаясь углубить свое гнездо.

Страх одолевал его. Теперь, кроме всего прочего, он боялся ареста и расстрела. Утром он увидел человека, сидевшего на корточках у самого края болота. Куусисто поспешил спрятаться от него. В другой раз ему показались между деревьями несколько солдат. И от них он шарханул-

ся. В помутневшем сознании была только одна мысль: «Они меня окружили! Если схватят — пристрелят».

На самом деле к болоту ходили по воду солдаты с передовой, но Куусисто это и в голову не приходило.

После того как он убежал из песчаного карьера, он мчался без оглядки, ног под собой не чуя, и спохватился лишь выбежав на дорогу. Впереди шел патруль военной полиции, и Куусисто повернул скорее назад. Ему представилось, что полиция ищет его. Действительно, полицейские ловили дезертиров. Кроме того, они патрулировали здесь, опасаясь, что русские могут забросить своих людей в тыл главной оборонительной линии.

От страха Куусисто был почти на грани помешательства. Воображение лихорадочно рисовало ему самые невероятные способы спасения. Ему хотелось, чтобы его ранило. Но он, услышав приближение снаряда, все же бросался в канаву. Он собирался было сам себя ранить, но не решился. И как ни искал Куусисто, нигде не было для него безопасного места, всюду что-нибудь грозило его жизни. Даже дома. Мог ли он спрятаться дома? Отец первый выдаст! «О, господи, боже мой, боже мой милостивый, куда же мне деться?»

Временами он уже хотел вернуться обратно, к своему оружию, и прямо признаться, что боится, что собой не владеет от страха. «По крайней мере, фельдфебель поймет и простит. Но капитан! Этот не простит никогда! Нет, я не дамся ему в руки!»

Обстрел продолжался. На болоте все-таки хоть осколочная опасность была минимальной. Снаряды рвались глубоко и всю свою силу отдавали на вертикальный всплеск. Но Куусисто боялся и самого грохота разрывов. Потом налетели штурмовики. Они не обстреливали болота, но Куусисто казалось, что всю свою ярость, всю мощь своего огня они направляют именно на него. Бомбы глухо взрывались, болото вздрагивало и ходило ходуном, Куусисто выл от ужаса и отчаяния.

Когда огневой шквал наконец перенесся куда-то дальше, вдруг совсем близко раздался раскатистый крик «ура». И нервы Куусисто не выдержали. Он вновь бросился бежать, с одной лишь мыслью, что враг гонится за ним по пятам. Сама смерть наступала его.

За болотом был лес. Он казался тихим. Куусисто думал, что наконец-то выбрался из прифронтовой зоны. Но

откуда-то сбоку вдруг долетела жаркая перестрелка, и беглец остановился. «Где это? Ведь только что бой был сзади! Неужели рюсся прорвался уже туда?»

Он побежал в другую сторону. Ему не пришло в голову, что он сбился с направления, сделал крюк и теперь двигается к фронту. Вскоре показалось озеро, и он остановился, чтобы осмотреться. На противоположном берегу было пустынно. Тут он заметил спрятанную в кустах лодку. Куусисто решил переправиться на ту сторону.

Вновь забрезжил лучик надежды. Может быть, все же посчастливится добраться до дому? «Если бы только отец простил и спрятал. Или мама. Она, конечно, поймет и поможет! А отцу я не покажусь! Только потом, когда война кончится...»

Куусисто осторожно приблизился к лодке, все время озираясь и пристально вглядываясь в противоположный берег. Затем он тихонько оттолкнул лодку и поплыл бесшумно, стараясь не плеснуть веслом. Он был уже далеко, когда его заметили. Посты на берегу стояли редко, потому что противник не делал попыток форсировать озеро. Куусисто случайно оказался между постами. Теперь наконец часовой заметил его и закричал:

— Стой! Ты куда? А ну, вернись!

Потом стали кричать и с другого поста.

Куусисто греб изо всех сил, он был уверен, что за ним гонятся. Сзади грянул винтовочный выстрел, и пуля брызнула водой ему в лицо. Он греб как безумный, отчаяние придавало ему силы. Снова раздался выстрел, и от борта лодки отскочила щепка. Но вот беглец уже скрылся за мысом. Он продолжал грести, пока лодка, шаркнув днищем, не встала на отмели. Дрожа как в лихорадке, он выпрыгнул на берег. И тут его встретил резкий окрик:

— Руки вверх!

Куусисто почувствовал, что у него подкашиваются колени. Из кустов вышли двое русских солдат с автоматами наперевес.

* * *

Когда налетели штурмовики, Кауппинен крикнул Саломэки:

— Теперь гляди в оба! Если пойдут в атаку, беги скорее в блиндаж заряжать диски!

Он съезжился в своем ровике. Самолет летел вдоль око-

пов, стреляя из пушек. Потом открылись бомбовые люки. Взрывная волна ударила и обожгла, осколки звонко застучали по пушке. Кауппинен вскочил и прежде всего проверил, не повредило ли прицел. Нет, слава богу, все в порядке! Он поднес к глазам бинокль, но тут словно небо обрушилось на него. Снаряды скорострельных пушек рвались совсем рядом. «Он засек пушку!»

Когда самолет пронесся над головой, Кауппинен посмотрел в бинокль и обомлел. На той стороне из-за гребня высунулся ствол противотанковой пушки. Кауппинен принялся лихорадочно крутить штурвалы наводки. Как только открылся взгляду щит вражеской пушки, Кауппинен выстрелил и тут же прыгнул в ровик. Все же он успел заметить, что попал в цель. Та пушка взлетела на воздух. Прошло еще какое-то время, прежде чем он осознал, что произошло. Противник опоздал всего на несколько секунд. Иначе то же самое было бы с ним.

Кауппинена охватила дрожь. Его трясло так сильно, что он не мог встать на ноги. Он хотел было крикнуть Саломэки, чтобы тот снова зарядил оружие, но из горла с трудом вырвался едва слышный сиплый звук.

Оглушенный неожиданным выстрелом, Саломэки был некоторое время в какой-то прострации. Когда он наконец пришел в себя и выглянул из укрытия, он вдруг закричал в испуге:

— Идут! Ай, святая Сьюльви, они идут!

Пехота противника уже спустилась с холма и быстро бежала сюда, без крика и без единого выстрела. Тут из кустов застрочил пулемет, и атакующие, видя, что захватить врасплох им не удалось, тоже открыли огонь и с боевым криком устремились вперед.

Из бетонных бункеров-убежищ высыпали по тревоге солдаты, чтобы отразить атаку. Завязался отчаянный бой. В воздухе замелькали ручные гранаты. Автоматы, легкие станковые пулеметы, винтовки и даже пистолеты заговорили разом. Можно было подумать, будто разбушевался огромный лесной пожар, такой стоял треск. Перекрывая все, то и дело грохало оружие. Кауппинен стрелял осколочными по пехоте, которая была уже в нескольких метрах от пушки. Ниеминен первым прибежал из бункера и подавал в ствол снаряд за снарядом. Остальные стреляли из своих окопов. Кауппинен после каждого выстрела кричал звонким от волнения голосом:

— Осколочным заряжай!.. Еще осколочным!

Атака захлебнулась. Атакующие залегли и стали отстреливаться. И тогда противник опять начал сосредоточенный артобстрел. На этот раз прикрывая отход пехоты. Противник откатился назад, отстреливаясь и делая короткие перебежки. Наконец стрельба стала реже и прекратилась совсем. Артобстрел еще продолжался некоторое время, а потом тоже утих. Наступила тишина, которую нарушали лишь стоны, доносившиеся с предполья.

Кауппинен сел, прислонившись к пушке.

— Теперь спать, ребята. А то утром он начнет снова. И мы должны быть как... как...

Он не договорил, оборвав фразу на полуслове. Ниemiнен испуганно бросился к нему, но вдруг с изумлением воскликнул:

— Спит!

Действительно, Кауппинен уже спал. Резкие морщины вокруг глаз и на лбу разгладились, землисто-серые щеки окрасил слабый румянец.

— Надо бы его разбудить, — сказал Ниemiнен. — Пускай пойдет в блиндаж и поспит. Я останусь при пушке. Кто еще со мной?

Все вдруг точно оглохли. Ниemiнена даже в краску бросило. Он разозлился и закричал:

— Ну, так проваливайте все! Пусть Реска здесь поспит!

Удивительно быстро «оглохшие» повыскакивали из своих окопов. Хейно тоже было махнул прямо в убежище, но, отглянувшись, окликнул:

— Эй, Каллио! Ты что, не хочешь на боковую? Или ждешь особого приглашения?

Ответа не было слышно. Но парень находился в своем ровике. Его каска выглядывала оттуда.

— И этот задает храпака, — решил Хейно. — Оставим и его тут.

Ниemiнен оглянулся. Что-то ему показалось странным. Винтовка лежала на бруствере с открытым затвором. Ниemiнен подошел ближе. Каллио сидел на дне окопчика, опустив голову на колени, как будто и правда спал. Но в позе было что-то такое, неуловимое, отчего у Ниemiнена мурашки побежали по коже. Он откинул голову Каллио и вдруг отпрянул, только успел заметить кровь на желтом, как воск, лице и открытые, помутневшие глаза.

— Ребята, живо сюда! Йоуко ранен!

Почему это слово сорвалось с языка? Ведь мертвый же Каллио, он это сразу понял. Товарищи мигом подбежали. Хейно вытащил убитого из ровика и только тогда понял, в чем дело.

— Да он же готов! Смотрите, две пули в лицо!

Ребята, взглянув, невольно отворачивались. Широко раскрытые глаза Каллио смотрели с немим укором: «Дали товарищу помереть!»

В руках у него был перевязочный пакет. Очевидно, собрав последние силы, он еще сумел достать пакет из кармана. Хейно вывернул все карманы убитого. В них нашлись только сломанная расческа, коробок спичек, несколько сигарет и винтовочных патронов. Хейно взял себе сигареты и спички, а остальное бросил.

— Не посылать же это ему домой... Но когда же он успел так схлопотать по роже? Я, помню, видел, что он высовывался из норы перед тем, как заварушка стихла.

— Беритесь-ка, ребята, — сказал Ниеминен. — Надо отнести его к дороге, там скорее вывезут.

— Какого черта мы будем с ним корячиться, вон он какой тяжелый! Да и что его тащить? Не все ли равно, где мертвому лежать! — огрызнулся Хейно.

— Ну, пусть все-таки в родную землю ляжет, — проговорил Ниеминен, и слеза блеснула у него в уголке глаза. — Не бросим же мы Йоуко здесь!

После недолгих колебаний они неохотно подняли мертвое тело и понесли его мимо бункеров. Ниеминен остался у пушки. Каушпинен все спал.

Незаметно стемнело и потянуло холодом. С предполя надвигался редкий, белесый туман. «Неужели мы пришли сюда нынче под утро? — думал Ниеминен. — Или это было вчера?.. Нюрхинен, Койвисто, Саарела. А теперь Йоуко. Если так пойдет, то скоро никого не останется».

Глаза закрывались, и Ниеминен стал растирать лицо, чтобы не заснуть. Заметив, что глаза влажны, он достал платок и вытер их. Но слезы наворачивались снова и снова. «Почему люди не могут жить в мире? Непременно надо убивать. Будь у меня власть, я бы просто запретил всякие войны. А попробовали бы какие-нибудь государства затеять войну, я бы послал правительства драться друг с другом. Дубинки в руки — и пошел! Небось тогда бы скорее подумали о мире».

Во рту было сухо, на зубах скрипел песок. Голод прошел. Опять вспомнился Каллио. «Некоторое время он был еще жив и, наверно, чувствовал боль... Когда дома откроют гроб, каково будет старикам увидеть такую страсть. Если и меня привезут так... Нет, черт возьми, я скажу ребятам, пусть лучше меня бросят здесь, если сильно исковеркает!»

От этих мыслей Ниеминена отвлекли долетевшие сзади голоса. Шел полковник Ларко, а за ним кто-то еще. У полковника голова была в бинтах. Видимо, крепко его «царапнуло», потому что он время от времени пошатывался, как будто терял сознание. Потом Ниеминен разглядел и второго: это был капитан Суокас. «Когда все стихло, он явился», — со злостью подумал Ниеминен.

— Ну, вот мы и дома! — сказал Ларко.

Несмотря на ранение, он был настроен бодро, хотя радоваться собственно было нечему. Полк понес большие потери, противник почти ворвался в окопы, положение выглядело довольно безнадежным. Атаку все же отбили, но дорогой ценой. Убежища личного состава полны раненых. Некоторые из солдат вовсе исчезли. Сбежали, очевидно. Теперь, однако, стало как будто немного светлее. Обещана помощь людьми. Раненых надо постараться этой же ночью вывезти. И с искренним восхищением Ларко сказал капитану:

— Твои люди настоящие львы! Командир орудия чудесный парень. Если так пойдет и дальше, то крест Маннергейма ему обеспечен... Но, ты смотри, он спит себе, как ни в чем не бывало!

Полковник достал бинокль и принялся осматривать местность.

— Они хотели провести нас. Завтра они снова попытаются это сделать, но мы будем начеку. Солдат, как ваша фамилия?

— Ниеминен, господин полковник!

— Ах, да, Ниеминен. Доставили вам снаряды?

— Вон, видите, снарядный ровик полон, господин полковник.

— Хорошо. А то, по правде говоря, я немного сомневался.

Ларко снова стал рассматривать высоту, на которой окопался противник. Суокас обратил внимание на сектор обстрела.

— Почему вы заняли именно эту позицию? — тихо спросил он Ниеминена.

У полковника, очевидно, был отличный слух, так как он тотчас обернулся и начал объяснять:

— Место это лучшее из возможных, господин капитан. Может быть, сектор обстрела и маловат, но психологически это место наилучшее. Солдаты здесь имеют возможность отдыхать, не опасаясь, что танк загрохочет у них над головой. Они стоят на месте, когда не боятся, что придут танки и все разутюжат своими гусеницами... Смотрите, однако, как близко они подходили! Даже здесь! Значит, их прозевали. Хоть я и предупреждал.

Суокас смотрел на кустарник, раскинувшийся слева.

— Было ли там прикрытие?

— Нет, — буркнул Ниеминен.

— Надо выставить, непременно! Взять туда связки гранат и «фауст».

Ниеминен молчал. У него слипались веки. Капитан продолжал:

— Завтра придет смена. Я уже сообщил ребятам из вашего расчета, сейчас мы их тут встретили. Ночью вам сюда доставят еду, табак и почту.

— Вот ведь еще, — сказал полковник, держа бинокль в руке, — воду забыли! Солдаты пьют воду из болота, могут быть желудочные заболевания. Сколько уж я ругался — и все равно воды нет. Солдат может драться без пищи довольно долго, а без питья от силы двое суток. Этим снабженцев надо бы пригнать самих сюда... Капитан, мне нужна еще противотанковая пушка.

— Больше нет.

— Есть. Я знаю, у вас вон там у дороги стоит пушка.

— Прикрытие.

— Ишь ты! Какое слово! Да толку-то в нем нет!

— Господин полковник...

— Не перебивать старшего! На что это прикрытие? Если танки будут там, наша пехота откатится к Вуоксе. Стало быть, тащи свое прикрытие уж прямо туда! Или давай его сюда, на этот рубеж.

В глазах капитана сверкнул огонек, но голос все же прозвучал спокойно и твердо:

— Господин полковник, бывают случаи, когда танки прорываются, но пехота все-таки остается в своих окопах и продолжает удерживать линию обороны.

Полковник опустил бинокль и сухо усмехнулся.

— Господин капитан, я знаю, что и такие случаи бывали. Но сейчас это может быть только во сне. Солдаты знают, что против них не бушмены с луками, а бесстрашная и весьма боеспособная армия. Если прорвутся танки, то по пятам за ними сюда ринется и их пехота. Здесь, на этом рубеже, решается судьба Финляндии. Если мы тут не устоим...

Ларко, не договорив, бросил взгляд на Ниеминена и ударил тростью по голенищу.

— Пора спать. Завтра нам предстоит тяжелый день. Рядовой Ниеминен, будьте начеку, не дайте себя провести!

Полковник и капитан ушли. Кауппинен открыл глаза и сказал, глядя им вслед:

— Полковник прав. Мы воюем не с бушменами. Только Суокас, по-видимому, никак не может в это поверить.

— Я думал, что ты спишь. Поэтому меня и злило, что они пришли и развели тут говорильню. А ты слышал, как Каллио унесли?

— Как унесли? Куда? — вздрогнул Кауппинен.

— Получил две пули в лицо. Никто не видел. А когда подошли, он уже готов.

— Так... Значит, на этот раз Каллио...

Кауппинен опустил голову на ладони и долго молчал. Ниеминен подумал даже, что он опять заснул. Но потом Кауппинен заговорил снова:

— Почему-то у меня такое чувство, что нужно скорей все бросить и уходить. Бессмысленно убивать, убивать и, наконец, самому погибнуть впустую...

Ниеминен бросил на товарища изумленный взгляд. «Неужели и он что-то предчувствует?»

— Знаешь, может быть, тебе просто надо выспаться, отдохнуть? — сказал он. — Может, поговорить с капитаном? Он еще не ушел, наверно. Я схожу посмотрю.

— Нет, не ходи! Ему на нас наплевать. Для него главное — пушка.

— А что, если все-таки пойти? Или, может, тебе отправиться на перевязочный пункт?

— Нет, Яска, не могу. Я же совершенно здоров. И дело не в усталости. Причина-то ведь в другом...

Кауппинен покачал головой и вдруг саркастически засмеялся:

— Разве я могу отсюда уйти! Забудь, что я сказал. Как

бы дома на это посмотрели! Руководитель скаутов, и убежал с фронта! Воспитывал в детях любовь к родине, жертвенность, смелость и отвагу... ненависть к русским... да, и это. А сам все забыл, когда туго пришлось...

Кауппинен вздохнул.

— Нет, Яска. Ведь никто не поверит, что у меня были какие-то серьезные причины, а не просто низменный страх. Но ты-то можешь мне поверить? Я уже перестал понимать, ради чего мы должны убивать и жертвовать жизнью, зачем нас посылают на смерть, если родине это все равно не принесет никакой пользы. Ведь тут речь идет уже вовсе не о защите отечества! Это просто массовое убийство и заклятие нашей армии. Ради чего?

Ниеминен слушал потрясенный. Это были ужасные слова! Если бы кто другой говорил это, а то Кауппинен! Он ведь не болтает что ни попадя, а, видно, всерьез так думает!

— Если нужно для блага Финляндии, я готов отдать жизнь хоть сейчас. Но теперь я не вижу никакого смысла в наших жертвах. Сундстрём сказал однажды, что независимость Финляндии не в пушках, а на кончике пера. И он попал в самую точку. Только нежелание взяться за перо уже стоило нам тысяч жизней. И мы готовы пожертвовать еще многими тысячами. А в конце концов и самой независимостью.

Ниеминен пристально вглядывался в лицо товарища.

— Я что-то не понял насчет этого пера... Он имел в виду подписание мира?

— Да, и это. Нам, то есть руководителям нашей страны, уже и со стороны пытались помочь. Швеция и Америка зывали к нашему рассудку, но все напрасно. Признаюсь, еще несколько дней назад и я думал, что мы не можем выйти из войны. Немцы, мол, нам не позволят. Только это пустое. Немцы практически уже разбиты. Может, они еще и попытаются наделать каких-нибудь гадостей, но силы-то уж нет. У них достаточно хлопот с русскими.

Они долго молчали. Наконец Ниеминен глубоко вздохнул и сказал:

— Ну и ну... Всего этого я, конечно, не знал, но и мне уже стало казаться бессмысленным и неразумным то, что мы делаем. Пока мы были там, в землянке зенитчиков, я был уверен, что наша оборона выстоит. А когда откатились сюда, я засомневался. Да и как не задуматься? Он

так колошматит, что редкий счастливчик тут уцелеет. Раньше я думал, что руссия это такой, в общем-то ничтожный, беспшашный мужичонка — такими ведь нам их изображали. Но они не такие! Я посмотрел, как они идут в атаку. Вовсе, знаешь, непохоже, чтоб их гнали в бой насильно, из-под пулеметов.

Он помолчал, ожидая, что скажет товарищ. Но тот ничего не ответил, и Ниеминен продолжал:

— Давеча я смотрел на убитых русских там, на предполье, и подумал, что человек все-таки безумен. Ведь мы их ни разу в жизни не видели, а убиваем. Говорят, жалость — это болезнь. А я все-таки жалею, не могу иначе. Я подумал, что у тех убитых тоже ведь есть и дом и близкие.

Кауппинен переменил позу.

— Знаешь, у меня такое же чувство. Когда я подбил тот танк и он загорелся, я вдруг подумал, что там же люди — люди, у которых есть дома родные, жены, дети... Я выстрелил, и вот они горят. Это я, я убил их, я убил людей! Ведь из-за меня они сгорели в танке...

Кауппинен шумно вздохнул и помотал головой.

— Ну собственно твоей вины тут нет, — попытался успокоить его Ниеминен. — Не ты бы выстрелил, так я или кто-нибудь другой из наших.

Пришел Саломэки с четырьмя котелками.

— Вот вам, бродяги, харч и вода!

— Да ну! А почта есть?

— Там ее разбирают.

— А ребята вернулись?

— Да. Бросили Каллио прямо на мертвецкие дроги. Капитан попался им навстречу. В блиндаже скоро будет посвободнее. Раненых эвакуируют.

— Принеси, слушай, почту. Если нам что-нибудь есть. И гони там, чья очередь, — ко мне в напарники. Реска должен отоспаться.

Кауппинен одним духом выпил бачок воды и принялся исследовать содержимое другого котелка.

— Не надо никого присылать, — сказал он Саломэки. — Лучше я сам еще здесь побуду... Но что же это на кухне думают? Одно мясо! Такую порцию сожрать после голодухи, будешь бегать в кусты целую неделю.

Он выпил только бульон. Ниеминен тоже проглотил разом всю воду и принялся было за мясо, но слова Кауппинена вовремя удержали его. После некоторых колебаний

он выпил наваристый бульон, а мясо хотел выбросить на землю, но Саломэки схватил его за руку.

— Ты что, спятил? Я навернул уже два котелка. А Хейно с десятком, наверно, и хоть бы хны. Давай сюда, я тебе покажу, как надо справляться.

— Понос прохватит.

— Горе невелико.

Саломэки взял кусок мяса рукой и запихнул себе в рот. Ниеминен стал гнать его прочь.

— Успешь набить себе брюхо. Иди, принеси раньше почту, а потом, по мне, хоть лопни!

Вскоре Саломэки вернулся. Рот его был набит мясом, которое он жевал до боли в скулах.

— На этих письмах нет штемпеля военной цензуры, — сказал он, разглядывая конверты. — А то Хейно получил письмо от отца, а там лишь начало и конец. Вот он и рвет на себя волосы да в десятый раз перечитывает: «Здравствуй, сын!» И потом: «Наверно, ты поймешь меня правильно. Будь здоров. Твой отец». И больше ничего!

— Ну, мне-то есть письмо? — первичал Ниеминен.

— Вот. Наверно, от твоей. Даже духами воняет, Может, там ее волосы? Соседка, бывало, своему мужику в каждое письмо локоп вкладывала...

— Отдай! — Ниеминен выхватил конверт и побежал в свой окопчик. Там он дрожащими пальцами разорвал конверт. В письме была фотография. «Эрки! Ах ты, маленький!» Плотненький малыш лежал с соской во рту. На обратной стороне карточки было написано рукою Кертту: «Папочка, где ты? Пиши! И скорее приезжай! Мы с мамой ждем!»

У Ниеминена задрожали губы и глаза заволокло туманом. Он нагнулся, чтобы вытереть слезы, мешавшие читать. Жена, видимо, плакала, когда писала, потому что буквы местами были размыты и чернила расплзлись по бумаге. В каждой строчке слышался крик тоски и страха. До жены дошли слухи, что весь орудийный расчет погиб, и она боролась с отчаянием: «Напиши, милый!.. Попробуйся хоть как-нибудь передать весточку, что это неправда, что ты все-таки жив! Я не могу поверить, что тебя нет! Не могу! Сердце не соглашается!»

Кертту писала о страшных минутах, пережитых домашними, когда они издали увидели священника. «Но оказалось, он шел к соседям, чтобы сообщить им о гибели

Вильо... Твой отец ходит каждый день на станцию, — писала она дальше, — он боится, что и ты... Потому что Паули Тойвонена привезли, а дома-то ничего и не знали, пока кто-то не прибежал сказать, что, мол, тело вашего Паули лежит на станции!»

Письмо заканчивалось воплем тоски, оттого что муж не пишет, никаких вестей от него нет. И опять жена писала, что не верит слухам, что сердце говорит ей другое: «Ты жив, не может быть иначе, ты вернешься домой, ко мне и к маленькому Эрки!».

— Ах, Кепа, Кепа, — шептал Ниеминен, — если бы ты только знала!..

Он снова и снова разглядывал фотографию сына, потом наконец вложил ее в конверт. «От мамы и от отца ни слова! Они, видно, поверили этим слухам».

Кауппинен прочел свое письмо и задумался.

— Из дому письмо? — полюбопытствовал Саломэки.

— Оттуда.

— У тебя, видно, и девушки-то нет, что только из дому письма получаешь?

— Не успел присмотреть.

— Кепа думает, что нас тут всех поубивало, — сказал Ниеминен. — До твоих тоже такие слухи дошли?

— Нет.

— А не пишут ли они тебе чего-нибудь насчет ми... насчет этого «пера»?

— Нет. — У Кауппинена дернулись уголки рта. — Все только о пушках!

Сказав это, он изорвал письмо и пустил клочки по ветру. Вскоре на той стороне, у противника, раздался мощный грохот. На этот раз артиллерия заговорила, не дожидаясь рассвета.

* * *

В убежище люди были начеку. Сидели с оружием в руках, готовые броситься по сигналу вверх, и вслушивались в непрерывный грохот. Когда кто-нибудь открывал дверь, в помещение врывалось облако пыли.

Расчет противотанковой пушки находился теперь в убежище в полном составе. Полковник Ларко пришел к пушке, как только началась артподготовка, и приказал:

— Этот обстрел надолго. Они хотят всех тут смешать

с земель. Но мы не доставим им такого удовольствия. И так, все в убежище! Наблюдение будут вести мои люди!

Ларко пошел вдоль передовой, опираясь на свою палку и ни разу не пригнувшись, хоть кругом свистели осколки.

— Он себя угробит! — пробормотал Ниеминен, озабоченно наблюдая за полковником.

Но Ларко скрылся из виду целый и невредимый. Противник мог бы, конечно, уничтожить его первым же выстрелом, если бы там на гребне у них был снайпер. Однако оттуда не открывали огня из стрелкового оружия, хотя финны показывались довольно свободно. Но ведь и вести наблюдение было опасно. Стоило там лишь высунуться кому-нибудь, его было бы отлично видно на фоне неба. А тут пулеметчик все время держал палец на спусковом крючке и глаз не сводил с гребня.

После приказа полковника прошло уже несколько часов, а канонада не утихала. Бойцы начали нервничать.

— Что, если они пошли на штурм в другом месте и теперь нас окружают?.. Если они застигнут наших дозорных врасплох?.. А может быть, дозорные погибли?

Какое ужасное слово «если»! Солдаты не знали, что творится наверху, даже рядом с убежищем. А что там, дальше? Что происходит вокруг? Кто-то не выдержал.

— Пустите меня! Я пойду в бункер полковника! Уж там-то, наверно, знают что-нибудь!

Солдат пробился сквозь толпу, сгрудившуюся у двери, и бросился наверх. Ниеминен отправился следом за ним.

— Я пойду наведуясь к пушке! Я быстро вернусь и расскажу, что увижу!

Поднявшись по ступеням, он задержался у выхода. Земля, казалось, горела. Солдат, который вышел перед ним, пригнулся и побежал к бункеру командира полка. Вдруг под ногами у него вспыхнуло. Он взлетел на воздух и упал в двух шагах от своего бункера. Ниеминен попятился назад. Тело солдата безобразно раздулось. Даже грудь выпятилась парусом. Видимо, воздушное давление взрывной волны каким-то образом ворвалось внутрь человека.

И тут зазвонил колокольчик. Солдаты из бункера бросились наверх, на позиции. Кауппинен выбежал первым из артиллеристов. В руке он сжимал автомат, запасные диски болтались на поясе. Поднимаясь по лестнице, он крикнул своим:

— Возьмите на всякий случай гранаты. Саломэки, давай заряжай диски!

Ниеминен выскочил вслед за Кауппиненом. Странно, однако, но противника не было видно. Похоже, что тревогу дали напрасно. Но вскоре они поняли, в чем дело. Пушка лежала набок. Ее подняли общими силами и установили снова. Кауппинен произвел быстрый осмотр и нашел, что пушка цела. Ниеминен обратил внимание на воронку от бомбы.

— Смотрите! Мы как раз тут сидели, я и Реска!

— Выкопать новые ровики! — скомандовал Кауппинен. — Кто-то должен пойти туда, на левый фланг, чтобы обеспечить прикрытие. Возьмите «фауст» и связки гранат.

Справа и слева была слышна стрельба и крики атакующих. Но никому не хотелось браться за «фауст». Кауппинен схватил его сам и крикнул, покраснев от злости:

— Я пойду! Ты будь за наводчика!

— Ну, дай сюда! — сказал Вайнио и, отобрав у него «фауст», пошел к кустам.

С обоих флангов долетал непрерывный гул сражения. На какое-то время он лишь немного стих, но потом крик «ура» грянул с новой силой.

— Вторая волна! — крикнул Кауппинен. — Надо бы все-таки выяснить, не окружают ли нас?

— Я пойду! — ответил Ниеминен. — А вы здесь глядите в оба!

И Ниеминен пошел. У бункера командира полка он остановился и прислушался. Теперь грохот артиллерии заглушал все. Лес выглядел невероятно дико. Деревья сплошь перебиты, на земле завалы из верхушек, сучьев, покореженных, искромсанных стволов. Неужели там, в этом хаосе, неприятель?

С фланга брели двое, поддерживая друг друга. «Они идут с передовой», — решил Ниеминен и бросился к ним навстречу. Один был лейтенант. Кровь текла у него из уголков рта, и под правым нагрудным карманом была кровоточащая рана.

— Помогите! — крикнул солдат, который вел лейтенанта. — У него прострелено легкое! А у меня — рука.

Рука солдата висела как плеть. Ниеминен подхватил лейтенанта с другой стороны.

— Как там? Прорвался противник?

— Нет еще. Пока еще нет. Но все время насаждает.

За ними шли все новые раненые, некоторых несли на носилках. Лейтенант харкал кровью и стонал. Они привели его в блиндаж командира полка и положили на нары. Там уже было много раненых. Санитары лихорадочно перевязывали их. Ниеминен поспешил выбраться наружу. Два санитаря с носилками торопливо направлялись к блиндажу. На носилках лежал полковник Ларко, он был в сознании, хоть и весь обмотан бинтами.

— А, вы ведь от пушки! — узнал он Ниеминена, который подхватил носилки, помогая санитарам внести раненого командира в укрытие. — Солдаты, скорее соедините меня со вторым! — требовательно звучал голос полковника. — Они и там пытаются прорваться! Доложите потери по ротам.

— Господин полковник, как только артобстрел немного утихнет, мы отправим вас в тыл, — сказал один из санитаров.

— Вздор! Проверьте, в порядке ли телефонная линия. Я должен немедленно связаться с дивизией.

Вбежал запыхавшийся младший сержант.

— Полковник здесь? Ему радиограмма.

— Сюда! — воскликнул Ларко. — Прочтите вслух!

— Господин полковник, это шифровка, секретная.

— Читайте, здесь все свои!

— Господин полковник, тут сообщается, что высланное подкрепление не может пройти из-за сильного артогня и атак с воздуха. Но оно прибудет при первой возможности.

Полковник закрыл глаза и застонал. Потом он приподнялся на руках.

— Пишите, я буду диктовать! Готовы? Ну, так. «Помощь необходима как можно скорее. Танки атакуют с флангов. В ротах осталось по семь тире восемнадцать человек. Я ранен. Буду держаться до конца». Точка. И подпись, конечно. Написали?.. Идите, отправьте поскорее. Марш, марш!

Связист выскочил из блиндажа. Ниеминен был ошарашен услышанным. «Елки-палки, полковник сам не знает обстановки. И от полка остались рожки да ножки!»

Ниеминен снова поднялся наверх и выглянул из укрытия. Вдруг он увидел убитого связиста, лежащего ничком в каких-нибудь двадцати метрах. «Что делать? Побегать отнести депешу? Но где находится рация?»

Он спустился обратно в бункер и доложил о случившемся.

— Возьмите депешу и скорее доставьте ее! — проговорил Ларко, приподняв голову. — Радиоблиндаж — третий бункер налево.

Выскочив наверх, Ниеминен тотчас плюхнулся в какую-то воронку. Земля рвалась от снарядов. «Как тут проскочить живым?» — подумал он и, стиснув зубы, одним духом добежал до посыльного, выхватил у него депешу и побежал дальше. Горячие волны воздуха шибали его из стороны в сторону, как пьяного, но он ни разу не припал к земле. Он не видел, что из командного бункера выбежал еще один посыльный, отправленный на всякий случай вдогонку с той же самой депешей. Но тому парню не повезло, взрывная волна швырнула его в кусты. Ниеминен добежал до радиобункера. Здесь тоже было полно раненых. Тусклая коптилка висела над рацией. Ниеминен сунул радисту листок.

— Передай немедленно! Приказ полковника!

Радист просмотрел текст и поднял голову.

— Просто так или шифром?

— Один хрен, лишь бы скорее ушло. Полковник не сказал ничего.

Радист покопался немного в своей аппаратуре и начал тихо говорить в микрофон:

— Внимание, Кружка, я Миска, я Миска. Как меня слышите? Как слышите? Прием.

У Ниеминена перехватило дыхание от волнения. Раненые притихли. Радио молчало. И радист снова начал свои «заклинания»:

— Внимание, Кружка, внимание, Кружка...

Ниеминен не выдержал, побежал наверх и прислушался к тому, что происходило снаружи. Где-то совсем близко шел бой. «Это же в наших окопах!» Он вспомнил о радиотрамме полковника. «Черт, если они так и не услышат нас!»

Он спустился вниз, к внутренней двери бункера, и снова услышал тот же спокойный голос, призывающий неведомую «Кружку». Один из легкораненых вышел к Ниеминену.

— Что там наверху? Противник не прорвался?

— Нет еще. Но бой идет где-то рядом.

В это время по радио торопливо ответил сиплый голос:

— Внимание, Миска, внимание, Миска, я Кружка, я Кружка...

Радист облегченно вздохнул и привялся медленно читать радиограмму, дважды повторяя каждое слово. Ниemiнена это бесило. «Черт, он так долго мямлит и жует, что сосед успеет раньше управиться!»

Ему надо было возвращаться к орудию, но хотелось все-таки узнать, будет помощь или нет. Наконец радист оторвался от аппарата:

— Ступай и доложи полковнику, что радиограмма передана по назначению!

— Это ты мне? — переспросил Ниemiнен, ткнув себя пальцем в грудь.

— Тебе или твоему заместителю, но полковнику надо сообщить!

Ниemiнен понял, что радист прав, и пустился в обратный путь. «Погода» наверху бушевала по-прежнему, и сердце Ниemiнена стискивал ужас. Добежав до командного бункера, он так и обомлел. Он услышал шум боя у своей пушки, которая стреляла взахлеб, и автоматы трещали во всю, и надо всем звучало раскатистое «ура».

«Елки-палки! Они уже и тут наступают! Как там наши ребята? Что будет со всеми нами?»

* * *

В пехотный полк назначили нового командира. Состояние полковника Ларко ухудшилось, и он временами терял сознание. На его место прибыл капитан Лейво, коренастый, крупный мужчина с широким подбородком. Он был полной противоположностью Ларко. Голос резкий и повелительный, жесты нервные, дергающиеся. Когда Ниemiнен вошел, капитан сразу же обратил внимание на его артиллерийские петлицы.

— Вам что надо? Почему оставили пушку? Марш назад!

— Он относил радиограмму, — сказал кто-то. — Полковник посылал его.

Капитан взглянул уже не так сердито.

— Радиограмму отправили?

— Так точно! — ответил Ниemiнен и чуть было не добавил «господин капитан», но удержался, плотно стиснув губы. Разница между Ларко и капитаном была настолько

разительна, что Ниеминен сразу возненавидел нового командира полка. «Орет и командует, не спросив!»

Капитан, видимо, тоже почувствовал к нему неприязнь и сухо сказал:

— Можете идти! И помните, от пушки не отлучаться!

Поднявшись наверх, Ниеминен сразу заметил, что их пушка молчит и атака вроде стихла. На флангах же бой все еще продолжался. Солдаты тащили в гору тяжелое немецкое противотанковое орудие. «Это же, наверно, смена для нас!» — обрадовался Ниеминен и подошел к солдатам.

— Вы что, ребята, на наше место сюда?

— Такая уж, видно, судьба, — ответил высокий, красивый прапорщик. Лишь теперь Ниеминен узнал его. Это был тот самый прапорщик, который пришел им на смену, когда они, отступая, дошли до главного оборонительного рубежа. Это же он тогда сказал презрительно: «Забирайте вашу игрушечную пушечку». Ниеминен, однако, так обрадовался, что не обратил внимания на насмешливый тон прапорщика.

— И мы сразу же можем отойти?

— Нет. Только ночью, если бог даст.

Прапорщик злорадно засмеялся, но даже и это никак не подействовало на Ниеминена.

— Как у вас там обошлось, когда в прошлый раз вы подменили нас?

— Нешто не видишь? Живы, здоровы. Мы уничтожили ту башню и несколько танков... Ну-ка, дружнее ребята, взялись!

Солдаты потащили пушку дальше, и Ниеминен оставил их в покое. Он был просто поражен. «Как же они выбрались из той мышеловки?» Это казалось невероятным. Ниеминен так и не узнал, что орудие тогда погибло со всем расчетом. Один лишь этот прапорщик и уцелел. Да и то случайно. Потому что во взводе у него было два орудия, и, когда началась атака, он был в другом месте. Но Ниеминену некогда было задумываться, он бросился скорее к своей пушке.

— Гей, ребята! Смена идет! Ночью мы должны отойти!

Молчание. Все сидели в своих ровиках и смотрели на гребень. Наконец Кауппинен спросил:

— Что там творится на флангах?

Ниеминен доложил обстановку и спросил о том, что было здесь, он ведь слышал шум атаки.

Кауппинен ответил не сразу.

— Да, они пытались атаковать, — проговорил он наконец. — Но с какой целью? Что они задумали? У меня сложилось впечатление, что они хотят пробраться к тому кустарнику, а здесь только отвлекают.

Ниеминен сразу понял опасность.

— Черт возьми, если их пропустить туда, то наше дело дрянь! Там надо выставить сильное прикрытие.

— Там Хейно, Лаурилла и Вайнио. Но туда надо бы и пулемет.

— Там есть легкий пулемет.

— Был... Он уже накрылся. Я боюсь, у пехоты не хватает людей, иначе бы они непременно послали бы туда нового пулеметчика.

Ниеминен рассказал, что ему стало известно, и высказал свое мнение о новом полковом командире. Кауппинен вздохнул и сказал упавшим голосом:

— Массовое убийство идет полным ходом. Не все ли равно, кто доведет дело до конца... А что ты сказал насчет смены?

Выслушав объяснение, он нахмурился.

— Нам надо отходить сейчас же, не откладывая. Ведь они пришли именно сейчас, днем.

Ниеминен ничего не мог ответить на это. На флангах по-прежнему шел жаркий бой. Он опять вспомнил о радиogramме.

— Теперь уже в ротах осталось еще меньше народу... Черт побери, а если помощь так и не придет?

— Кстати, — сказал Кауппинен, — куда же они потащили противотанковую пушку?

— Вон туда, правее. Как раз добрались до места. Вон, виден ствол орудия.

Действительно, метрах в пятидесяти показался длинный ствол пушки. Затем они увидели прапорщика, направлявшегося к ним.

— Я скажу ему, что мы уходим, — сказал Кауппинен решительно.

Ниеминен удивленно посмотрел на товарища.

— А что капитан скажет? Если он приказал, чтобы мы отошли только ночью?

— Пусть говорит, что угодно, — процедил Кауппинен, скривив тонкие губы.

К ним подошел прапорщик, румяный от волнения.

— Привет, коллеги! Я пришел сообщить, что мы держим на прицеле гряды и левый фланг, а вам остается правый.

— Правый тоже останеся вам, — ответил Кауппинен. — Мы уходим.

Прапорщик вспыхнул.

— Куда? Пока еще вы никуда не уходите! Вы пробудете здесь до ночи, так было установлено. У меня совершенно неопытный народ, необстрелянные новички, впервые на передовой. Надо дать им освоиться. Появится танк, они могут растеряться.

Кауппинен кусал губы. Он еще ни разу не взглянул на прапорщика.

— Когда идет танк, всякий растеряется, — пробормотал он. — А что касается привычки, то, можете не сомневаться, привыкнуть к этому нельзя. Мы...

Внезапно он замолчал и насторожился, прислушиваясь. Где-то в левой стороне за кустами рычал мотор, пулемет стрелял длинными очередями, а потом грохнула пушка. В следующий миг из кустов выскочил Хейно и завопил что было силы:

— Танк! Танк прет почти по самым окопам пехоты! Слышите, танк дует сюда!

— Орудие развернуть, живо!

Кауппинен уже схватился за одну лапу лафета, Ниеминен за другую. Прапорщик бросился к своему орудью, на бегу отдавая распоряжения. Танк был уже близко, потому что рев его мотора слышался явственно, несмотря на шум сражения. Хейно прыгнул в ровик. Кауппинен свирепо кинулся на Ниеминена:

— Прочь от пушки! Слышишь? Я один! — Он словно лишился рассудка. — Ну! Или я застрелю тебя! Пристрелю на месте!

Он уже схватился за пистолет, и Ниеминен, отбежав на несколько метров, бросился на землю. И тогда ему стало невыносимо стыдно. Только теперь он понял, почему Кауппинен прогнал его. «И я бросил его одного!»

Ниеминен приподнялся и рванулся было назад, к пушке, но с ужасом заметил, что из-за гряды выползает пушка неприятеля. Он сразу же понял безнадежность положения. Танк идет слева и скоро должен смять их пушку. Но пушка обречена, даже если она подобьет танк. Потому что ее сейчас же расстреляют оттуда, с гряды. Был лишь один

ничтожный шанс, что прапорщик со своим орудийным расчетом тоже заметил пушку противника и успеет раньше выстрелить по ней. Ниеминен с криком бросился к орудию прапорщика, показывая автоматом на холмистую грядку:

— Туда! Черт возьми, вон туда! Вон по тому бутру!

Рыдание подступило к горлу — орудие прапорщика было уже развернуто для стрельбы по танку.

* * *

Хейно, Лаурила и Вайнио, которых Кауппинен послал прикрывать фланг, успели вырыть себе индивидуальные окопы. Хейно лежал с автоматом почти у опушки кустарника и поглядывал на холмистую грядку, за которой находился противник. Впервые на него напал такой страх, что его трясло как в лихорадке. Невдалеке валялись трупы пулеметчиков. Чуть поодаль уткнулся в землю их покореженный пулемет. Он был совершенно разбит. Надо полагаться только на свой автомат. А он бьет не слишком-то далеко. Если с той гряды пойдут в атаку, значит, все, тут ему и конец, песенка спета.

Хейно очень ясно оценивал обстановку. Если неприятель прорвется в этом месте, значит, пушка погибла. Пушки ему, конечно, не жалко, но его тревожила судьба товарищей. И, конечно, своя собственная. Хоть он и не трус, но все же не мог спокойно думать о почти верной смерти. Ведь сколько раз уже он решал уйти, бросить к чертям все это. Однако он оставался, не уходил, хоть и сам не понимает почему. Может, просто из самолюбия и от стыда перед товарищами и домашними, которые подумают, что он струсил? А может быть, оттого, что он привязан к этим товарищам, потому что вместе с ними столько пережито и бросить их кажется предательством? Он не мог толком ответить себе на этот вопрос. Одно лишь ему было ясно, что, во всяком случае, не любовь к родине держала его здесь. Родина была для него мачехой, и он не испытывал любви к ней.

Но как бы там ни было, а вот он лежит в окопчике, дрожит от страха и мечтает лишь о том, чтобы неприятель не атаковал и чтобы как-нибудь ему выбраться отсюда целым.

Хейно положил автомат перед собою, положил рядом под рукой четыре диска и, присев на корточках, полез в

карман за куревом. Вместе с сигаретами вынул последнее письмо отца. Штемпель военной цензуры на конверте. «Что же такое старик написал, что так-таки все начисто вымарали? И что он хотел сказать последней фразой: «наверно, ты поймешь, что я имею в виду?» Что это я должен был понять?»

Хейно вспоминал последнюю встречу с отцом, но и она не давала ему никаких объяснений. Ни о чем таком они не говорили. Выпили за встречу, порасспросили друг друга о жизни, вот и все. А потом виделись лишь мельком. Отец проводил время со своими старыми друзьями, а сын бывал то на работе, то у невесты. Между отцом и сыном не было особой любви и близости. Обычная привязанность, как между приятелями по работе. Расстались тоже, в общем-то, без печали. И потом не тосковали друг без друга. Изредка обменивались письмами, вот и все. Потом когда и сын ушел в армию, он стал словно забывать об отце и о невесте, с которой даже переписка оборвалась. Но отец все-таки писал изредка. Вот как этот раз. Но это письмо просто поразило сына. Очевидно, отец написал что-то такое, чего нельзя было писать.

Хейно хотел было снова посмотреть письмо, но тут до его слуха долетел характерный рокот мотора. Потом грохнула пушка. «Танк! Неужели наш? А если нет, то почему он с этой стороны?»

Звук доносился оттуда, где были окопы пехоты. Но с чего вдруг появился бы свой танк, если их ни разу еще не было видно за все время отступления?

Хейно взглянул на холмистую гряду, потом снова в ту сторону, откуда слышался танк. Там были Вайнио с «фаустом» и Лаурила со связкой гранат. Наверно, они крикнут, если увидят опасность?

Рокот приближался. Застрочил пулемет, и снова грохнула пушка. Хейно оставил окоп и побежал на разведку.

Вайнио и Лаурила сидели в своих окопах, как вдруг по кустам ударила пулеметная очередь. Вайнио закрычал:

— «Нырок» идет! Сообщите нашим!

Хейно уже выяснил обстановку и бросился бегом к орудию, сообщить об опасности. Лаурила выглянул из окопа и увидел танк, подминающий кусты. Вайнио выпустил по танку «фауст». Ракета описала дугу и скрылась позади танка, не задев его. Из танка ответили пулеметной

очередью, и с Вайнио было покончено. Лаурила поспешно бросил связку гранат и увидел, как она упала рядом с танком. Но взрыва он уже не услышал, потому что танк накрыл его.

Танк двигался дальше, вращая башней.

* * *

Кауппинен оглянулся на крик Ниеминена и увидел высунувшуюся из-за бугра пушку противника. Мгновенно он понял, что роковой час его пробил. Он схватился за штурвалы наводки и глазом прильнул к окуляру прицела. Лицо его стало серым, губы посинели, но страха не было. Он уже отдался смерти. Он знал, что обречен. Уже несколько дней ждал такого конца и постепенно свыкся с этим. Быстро и уверенно, без дрожи в руках, он направил ствол пушки примерно туда, откуда должен был появиться танк. Когда кусты расступились, ему понадобилось всего лишь немного подправить наводку, чтобы сделать выстрел.

Одновременно выстрелила и пушка танка. Кауппинен успел сообразить, что она стреляла не по нему. Он успел увидеть вспышку под оружейной башней танка и даже услышал оглушительный взрыв. Но больше он уже ничего не видел. Рядом с ним взорвался осколочный снаряд, посланный оттуда, с гряды.

Ниеминен был в тот момент на полпути между двумя пушками. Он слышал выстрел танка и видел, как снаряд попал в щит пушки, которая пришла им на смену, и эта пушка подпрыгнула и перевернулась. А в следующий миг он услышал взрыв позади себя. Когда он очнулся от первого оцепенения и бросился назад, на помощь другу, его глазам представилось что-то непонятное, он долго не мог сообразить, что это. Наконец крик ужаса вырвался из его потрясенной души. У Кауппинена был разворочен бок, и в этом огромном, зияющем провале судорожно дергалось что-то, пока не затихло. И тогда Ниеминен понял, что это сердце.

Огромная волна гнева овладела им, лишив рассудка. Потрясая автоматом, он ринулся к тому бугру, откуда стреляла неприятельская пушка, не замечая, что ее там уже нет, не думая об опасности, одержимый одной лишь буйной яростью.

Полевой госпиталь был переполнен. Легкораненные бродили кругом как неприкаянные, дожидаясь перевязки или эвакуации. Хейккиля сидел во дворе под сосной, прислонившись к ее шершавому боку и зажимая ладонью щеку, которая болела все сильнее и сильнее. Со стороны передовой доносился непрерывный грохот. Солнце, точно раскаленный красный шар, просвечивало сквозь пыльное облако. Можно было смотреть прямо, и оно не слепило.

На перевязочном пункте Хейккиля пришлось долго ждать под обстрелом, пока ему не наложили на щеку пластырь. Здесь то же бесконечное ожидание, потом новый кусок пластыря и направление в армейский госпиталь. И вот опять сиди и жди. Когда удастся уехать отсюда дальше в тыл — пока еще загадка.

Хейккиля пытался заснуть. Голова падала в дремоте, но сна не было. Стоило закрыть глаза, и ему снова казалось, что он под обстрелом и кругом страдания и смерть. Сможет ли он от этого избавиться когда-нибудь? «Если выберусь отсюда в тыл, я накачаюсь водкой по самую макушку. Чтобы только заснуть. Ребята там не имеют и этой возможности. Доживут ли? Я думаю, они все уже трупы. Из такого места живым не выберешься. Окаянный Койвисто, он ведь это знал! И все-таки завел людей в эту ловушку, на верную гибель. А еще верующий!»

Хейккиля пробовал закурить. Руки дрожали. Временами нервный озноб нападал на него, и тогда дрожь пробегала по всему телу. Неужели это на всю жизнь? А что, если его снова отправят на фронт? Вряд ли долго задержат в госпитале, по всему видно. И то спасибо, что сразу же не отправили обратно. Собственно, ему повезло с ранением. Выбрался оттуда живым. А могло ведь изуродовать похуже. Доктор сказал, что пуля застряла у него в скуле. Если это так, ему здорово повезло. Что если бы пуля прошла насквозь? Или попала бы в глаз? Тогда он составил бы компанию полуслепому отцу!

Хейккиля попытался улыбнуться, но от боли чуть слезы не брызнули из глаз. Сможет ли он хоть когда-нибудь смеяться по-настоящему? Или на всем прошлом придется поставить крест? Неужели он станет похожим на отца, который никогда не улыбается? Отец из года в год видит во сне кошмары, неужели и его это ждет?

Глаза стали слипаться. Хейккиля впал в дремотное полузабытье, продолжая, однако, слышать все, что творилось кругом. Вот где-то проехала машина, вот стонет кто-то. С фронта доносится канонада. «Там сейчас гибнут мужики...» — думал Хейккиля. Но эта мысль не рождала в нем чувства жалости. Как будто он думал о самых обычных делах. Вот так же, бывало, дома ему вдруг приходило в голову, что, мол, надо пойти в хлев, посмотреть, есть ли корм у скотины. Удивительно, как мало трогает нас гибель незнакомых людей! От этого, наверно, и войны получаются. Ведь и начальство не плачет, когда солдаты гибнут. Посмотрят только по бумагам, ух ты, черт, сколько их полегло! Дескать, надо посылать скорее новых на смену... Но вот если бы они увидели, как свой брат корчится изувеченный, израненный, искромсанный, и умирает в муках, тогда небось задумались бы... Хотя кто их знает, наших господ. Способны ли они вообще чувствовать по-человечески? Им непременно надо посылать людей на смерть, иначе они не угомонятся. И ведь находится же масса пустоголовых баранов, которые идут на убой по первому приказу! И я такой же. Ведь рвался на фронт, точно за счастьем каким-то. Да кабы было что защищать. А то ведь нет ни кола ни двора. Родина... Но я думаю, для нее-то как раз было бы лучше, если бы никаких войн вообще не затевали. Ведь сами же полезли, сами ввязались! Реванш, видите ли, надо было взять за поражение в Зимней кампании. А теперь, говорят: «Родина в опасности, надо Родину защищать, не щадя жизни!» Да просто не надо было лезть ни в какую войну — и родина была бы в безопасности! Ведь в самом деле, нам же никто не грозил, никто на нашу безопасность не покушался! А теперь все пропадет, и Родина погибнет, и ничто уж нам не поможет!

Хейккиля прислушался. Неподалеку разговаривали двое офицеров. Один рассказывал о каком-то прорыве под Куутерсельгой. Якобы там идут контратаки и пока удалось остановить противника, но все же прорыв не ликвидировали. Дальше Хейккиля не расслышал, потому что офицеры понизили голос. Но и этого довольно. Значит, он и там атакует! И вклинился!

Почему-то Хейккиля до сих пор воображал, что бои шли только на их участке. Оказывается, и в других местах идут сражения. Выдержит ли наша оборона эти непре-

рывные атаки? А если она будет сломлена? Неужели Финляндия погибнет?

При этой мысли сердце Хейккиля сжалось. Хотя там, в родной деревне, его, бывало, дразнили «красным» и «русским» за то, что отец когда-то в восемнадцатом был в красной гвардии. И отца при всяком случае называли «красным» и «изменником родины». А оказалось, прав был отец, когда выступал против этой войны. Как он был прав! Давно бы надо было добиваться мира!

Во двор полевого госпиталя въехал грузовик. Хейккиля вскинул на спину рюкзак и побежал к машине, видя, что и другие устремились к ней. Кузов быстро наполнился ранеными, и машина тронулась. У Хейккиля в глазах от волнения стояли слезы.

Вот они уезжают, чтобы жить. А товарищи, там, у орудия, остались, чтобы погибнуть. Может, уже погибли. Было как-то ужасно не по себе оттого, что он расстался с товарищами именно в такой момент.

Грузовик замедлил ход. По обочинам дороги шла навстречу пехота. Все молодые ребята. Бледные, сосредоточенные лица, плотно сжатые губы. Один из раненых, сидевших в машине, крикнул им:

— Какого года?

— Двадцать пятого!

— Ой, елки-палки! Детей гонят на убой!

— Заткнись! Что ты каркаешь!

— Куда, ребята, направляетесь? — полюбопытствовал Хейккиля.

— В Сийранмэки!

Хейккиля помрачнел. «Неужели все мужчины перебиты, что теперь пацанов гонят?» — подумал он. Ему и в голову не приходило, что эти ребята его одноклассники. Почему-то у него было такое чувство, что они ему в сыновья годятся. И сердце разрывалось от жалости к ним, от горя и обиды.

Грузовик снова прибавил скорость. Хвост пехотной колонны скрылся из виду. В гигантскую топку войны подбрасывали новые молодые жизни.

* * *

Хейно увидел, что Ниemi один идет в атаку, и бросился за ним, крича срывающимся голосом:

— Назад! Чокнутый, черт! Ты вернешься, или я дам тебе очередь по пяткам!

Ниеминен ничего не слышал. Плача и ругаясь от ярости, он бежал вперед, стрелял из автомата. Едва ли бы ему удалось пробежать даже несколько шагов, но наперерез ринулся Сундстрём и упал под ноги Ниеминену. Тот растянулся во весь рост, а в следующий миг на него навалился и разъяренный Хейно:

— Ты что, очумел? Куда тебя леший понес? Себя угробишь, и другим из-за тебя погибать! — рычал он, вцепившись в Ниеминена. — Да образумься же наконец, а то как дам сейчас!

Ниеминен пытался подняться, но не мог и расплакался, как ребенок.

— Они убили Реску, вы понимаете? Они убили Реску! Это я виноват, я мог бы его спасти!

— Ух трам-тарарам! — гаркнул Хейно. — А ну, марш назад сейчас же! Как чесанут из пулемета, мы тут и останемся, все трое!

Просто удивительно, почему по ним не стреляли с холмистой гряды. Там опять не было видно признаков жизни, как будто противник совсем ушел оттуда. Наверно, русские были уверены, что финны не попытаются контратаковать, и даже не вели наблюдения.

Наконец Ниеминен как будто очнулся, до него дошло, какой опасности он подвергал бы себя и других. Петляя, они побежали назад. Но к пушке Ниеминен не мог подойти — боялся еще раз взглянуть на Кауппинена. Он прыгнул в крайний от орудия ровик и крикнул Хейно:

— Пожалуйста, унеси его тело!.. Туда, к дороге.

— Я один? Да нешто...

— Вместе с ребятами. А я стану на его место к пушке.

Хейно ахнул. Только сейчас он вспомнил о Вайнио и Лаурила. Где же они были, что танк прошел, несмотря на их «фауст». И вообще, как танк мог пройти? Ведь там же стоит еще противотанковая пушка и стрелок с «фаустом». Что творится там на фланге? Стрельба слышна как будто уже где-то за линиями. Хейно сказал об этом Ниеминену, и тот встревожился.

— Черт возьми! Он, наверно, прорвал линию обороны! Пойдите разведайте. А я позову Саломэки себе в напарники.

Выяснилось, что противотанковая пушка была выведе-

на из строя и три танка прорвались к окопам пехоты. Стрелок с «фаустом» был перед этим послан на другой участок. Танки стали утюжить окопы, а затем явилась и пехота противника. Прорыв был невелик пока, но положение создавалось очень опасное. И в это время пришло подкрепление. Свежая рота подросла прямо с марша. Ниеминен пошел искать Саломэки и увидел новичков. Забыв, зачем шел, он бросился им навстречу.

— Вы что, ребята, пришли нам на помощь?

Конечно, это был напрасный вопрос. Никто и не подумал отвечать на него. Вид у пришедших был испуганный и довольно жалкий. По дороге они попали под артобстрел и рота сразу же потеряла часть своего состава. Уцелевшие были ни живы ни мертвы. Ниеминен присматривался к ним и все более изумлялся:

— Они же совсем дети! Желторотые юнцы! Мальчишки!

Это были те самые ребята, которых встретил Хейккиля. Теперь и Ниеминен смотрел на них с жалостью. Ему тоже не приходило в голову, что эти ребята — его одноклассники.

— Да вы на фронте-то были до этого?

Они только завертели головами.

Рота собралась перед командным пунктом полка. Ниеминен побежал за Саломэки. До него долетел зычный голос командира полка, отдававшего приказ о контратаке. «Елки-палки! Их же всех перебьют!»

Ниеминен был так потрясен всем этим, что, когда спустился в бункер, набросился на Саломэки:

— Ты тут отсиживаешься, когда другие умирают! А ну, к орудию, быстро!

Саломэки рассердился:

— Ты чего глотку дерешь? Сами же меня здесь оставили! Ты думаешь, мне приятно сидеть тут и ждать, когда Ваня швырнет сверху связку гранат!

— Хоть бы и швырнул! Невелика была бы потеря!

Ниеминен сам чувствовал, что несправедлив, но просто не мог сдержаться. Ему хотелось кидаться на всех, бить, стрелять, крушить все вокруг! Как только вышли из бункера — новая стычка. Водитель тягача, ходивший проверить свою машину, вернулся без снарядов.

— Где ты столько времени валандался? — орал Ниеминен. — И где снаряды? Побоялся взять!

— Ты потише, потише, — пытался успокоить его води-

тель, но только больше разозлил. Ниеминен потерял самообладание и направил автомат ему в грудь:

— Сейчас ты умрешь, мерзавец!

Саломэки бросился между ними и схватил обеими руками дуло автомата.

— С ума сошел! Неужто не настролялся? Еще своих убивать хочешь!

Ниеминен вырвал у него автомат. И тут прибежал Хейно.

— Вайнио и Лаурила убиты! И Ваня уже ворвался в окопы пехоты! Скоро он двинется на нас из всех кустов!

Ниеминен словно обмяк. Но потом энергия вернулась к нему.

— Виено, беги доложи командиру полка, пусть он пошлет туда людей!

Едва лишь он успел это сказать, как возле пушки застрочил автомат. Одновременно слева донесся боевой клич атакующих. Но на этот раз кричали по-другому. Заглушая трескотню автоматов, совсем близко зазвучало отчаянное:

— Хурраа-аа, хурра-аа-аа!..

— Контратака! — закричал Ниеминен. — Наши пошли! Ну, ребята, скорее к орудию!

Возле орудия они увидели Сундстрёма, стрелявшего из автомата Каушпинена.

— По кустам, стреляйте по кустам! — кричал он. — Там их много!

Хейно дал несколько очередей. Ниеминен добежал до пушки и дал из-за нее длинную очередь по ольховнику, из которого выскочило несколько человек.

— Они бегут к танку, хотят укрыться за ним! Не пускайте их, отсекайте их от танка! — закричал что было сил Ниеминен.

Подбитый танк, стоявший метрах в тридцати, был отличным прикрытием. Оттуда можно было бросать гранаты, которыми русские мастерски пользовались. Если они будут там, пушка со всем расчетом погибла. Уже и Хейно понял эту опасность. Стреляя очередями, он кричал товарищам:

— Наполняйте диски и бросайте мне сюда! И пусть кто-нибудь возьмет автомат Вайнио, он там, возле пушки! Он занял удобную, хоть и опасную позицию. Отступле-

ние было невозможно. Кустарник ведь совсем рядом, и там полно солдат противника. Но почему-то они мало стреляли в эту сторону. Вскоре Хейно понял и причину. Противник готовился обойти и отрезать финскую роту, которая контратакует, ударить по ней с тыла.

— Скажите, чтоб объявили тревогу в бункерах! — кричал он своим. — А ты, Яска, пали из пушки вон по тем кустам, жарь что есть силы!

В это время сзади затрещали выстрелы, и Хейно увидел бегущих через поле финских автоматчиков. Оказывается, командир полка понимал обстановку и видел, что происходит, а потому оставил у себя в резерве часть полученного подкрепления. Теперь он бросил в ход этот резерв. И желторотые мальчишки, которых жалел Ниеминен, бешено устремились на врага. Но их встретили яростным огнем. Противник дрался за каждую кочку, за каждый куст или камень. Группа финских автоматчиков таяла на глазах.

Ниеминен стрелял по кустам. Было ясно видно, как рвались снаряды.

— Осколочным заряжай! — рявкнул он, видя, что Сундстрём замепикался.

— Нет больше! Только один бронебойный снаряд!

— А, черт! Давай развернем пушку! А то и с нами могут сделать то же, что с Каушпиненом!

Они развернули орудие в сторону холмистой гряды. Бой шел уже в кустах. Контратака финнов, видимо, удалась, потому что звуки боя постепенно отдалялись, откатывались. И тогда из-за гряды показались новые цепи. Ниеминен схватил автомат и прокричал:

— Залегай! Встретим их огнем!

Очевидно, противник хотел пройти здесь и ударить по контратакующим с фланга. Русские солдаты быстро приближались. Часть из них скрылась за кустами, а остальные бежали прямо к пушке. Артиллеристы заняли окопы возле пушки. Наступающие стреляли на ходу. Впереди бежал мужчина огромного роста. Ниеминен хотел дать по нему очередь, но прозвучал лишь один выстрел: патроны кончились. Сундстрём стрелял по тем, что вели огонь из-за кустов, Хейно — по середине приближающейся цепи. Водитель тягача взял автомат Вайнио и стрелял короткими очередями по тем, что бежали с краю. Ниеминен сменил диск и обмер. Русский великан был уже совсем близко. Он

ясно видел его лицо и грозный взгляд. Казалось, в облике его было что-то сверхъестественное, как будто летел ангел гнева, неуязвимый и бессмертный, несущий гибель каждому, на кого падет его разящий взор. Ниemiнен словно забыл, что он в укрытии, в окопе за пушкой, и что у него в руках заряженный автомат. Он готов был бежать от этого наводящего ужас колосса. Но тот вдруг упал ничком на землю, скорчился и застыл на месте. Это Хейно в последний момент заметил его и выстрелил, почти не целясь.

— Ах ты леший! — закричал Хейно, погрозив Ниemiнену кулаком.— Ты что же, врукопашную думал с ним схватиться?

Только теперь Ниemiнен стряхнул с себя странное оцепенение и снова начал стрелять.

Тут со стороны кустарника показалась своя, финская пехота и атаковала противника сбоку. Противник начал отступать.

Ниemiнен выскочил из окопа и с криком: «За мной!» — бросился преследовать врага. Хейно бежал за ним, Сундстрём занял место у пушки. Водитель тягача выглянул из своего окопа, чтобы тоже последовать призыву Ниemiнепа, но замешкался в нерешительности. В это время застрочил пулемет, и он скользнул обратно в окоп.

Сундстрём увидел пулемет противника на гребне холмистой гряды. Он старательно прицелился и выстрелил. На месте пулемета полыхнуло, и в следующий миг там уже не было ни пулемета, ни пулеметчиков. Сундстрём устало закрыл глаза и что-то невнятно забормотал про себя.

Бой кончился. Солдаты-пехотинцы выносили с поля раненых и убитых. Ниemiнен и Хейно бросились к своему орудию. Оба были необычайно возбуждены.

— Ну, елки-палки! Ты, брат, герой! — воскликнул Ниemiнен.— Крест Маннергейма заслужил! Если бы тот пулемет поработал хоть несколько минут, он бы нас всех уложил!

Сундстрём вымученно улыбнулся.

А Хейно показывал свой разорванный воротник:

— Смотрите, петлицу срезало! Еще бы чуть-чуть, и капут!

На шее у него была царапина.

— Я слышал, как просвистело у самого уха! — возбужденно рассказывал он. — И я еще успел подумать, что надо пристрелить этого психа Ниеминена, который выманил меня за собой в атаку, идиот! Ведь окажись я хоть чуточку пониже ростом... Ложи-ись!

В воздухе с ревом, свистом и грохотом пронеслись два самолета. Впереди финский истребитель, а за ним, наседавая, русский штурмовик. Он стрелял из двух своих пушек, и огненные полосы трассирующих снарядов тянулись к беглецу, почти касаясь его. Первый раз за время боев ребята увидели свой истребитель. И тот позорно спасался бегством.

Ниеминена передернуло.

— Видали? Камнем бы в него запустить! Удирает, зараза!

— Приходится удирать, — вступился за летчика Хейно. — У этих же «ИЛов» броня, что пулеметом не пробьешь.

— Ну, так сидел бы уж лучше дома, не показывался на глаза.

Доносившийся сзади грохот снарядов стал приближаться, и ребята поспешили укрыться. Ниеминен посмотрел на часы и крикнул:

— Черт возьми, ребята, он атакует уже семь часов подряд!

На этот раз артобстрел был кратковременным. Он оборвался внезапно, и наступила непривычная, жуткая тишина. Но откуда-то издалека доносился глухой, непрерывный грохот.

— Он, ребята, одновременно в разных местах атакует. Пытается взломать нашу линию обороны по всему фронту, — сказал Ниеминен.

— Ладно, пусть пытается, — буркнул Хейно. — А мы давайте-ка вынесем тела товарищей, пока здесь тихо. Да позаботимся и о себе. Ведь у нас даже снарядов больше нет.

— Ça va, согласен, — отозвался Сундстрём.

Они уже было направились к кустарнику, искать тела Вайнио и Лаурила, но услышали крик Саломэки:

— Сюда, парни, скорее! Здесь покойник!

Они бросились к нему и увидели мертвого водителя тягача, лежавшего в ровике ничком.

— Еще один,— прошептал Ниеминен.— Теперь нас осталось четверо.

Все были ошеломлены. Не успели даже узнать человека, как он уже мертв. Наконец Хейно сказал нарочито грубо:

— Ну, что ж мы встали? Дело ясное. Опять же плотникам работа. Нечего смотреть. Подходи, ребята. Взяли да понесли.

* * *

День клонился к вечеру. Было тихо. И это тревожило. Конечно, затишье перед бурей. Неприятель, разумеется, соберется с силами, пополнит израсходованный боезапас и начнет артобстрел с новой силой.

Артиллеристам пришлось оставить своих убитых возле блиндажа командира полка. Капитан Лейво погнал их назад к орудию, хотя у них не было снарядов.

— У вас есть автоматы! — кричал он им из бетонной ниши.— А сейчас и автоматы нужны.

Ниеминен кипел от злости.

— Ух, сатана, он мог бы и сам взять автомат да выйти на линию. Хорошо ему из укрытия горло драть. Бойтся нос высунуть наружу. Командовал бы своими, мы не из его полка.

У него было желание пропустить мимо ушей приказ капитана, но совесть не позволила. Личный состав рот все время уменьшался. Свежая рота, присланная для подкрепления и сразу же брошенная в бой, почти вся перебита.

Ребята с помощью пехотинцев оттащили пушку за бугор, чтоб не была на виду. Хейно был на часах, а остальные пошли взглянуть на соседнюю разбитую пушку. Санитары пронесли трех убитых. Но смерть этих незнакомых людей не трогала их. Гораздо больше значила для них гибель пушки. Она лишала их надежды выбраться отсюда. Хейно даже попытался съязвить:

— Быстро отыгрались со своей пукалкой! Раз выстрелила — и нет ее! Вот вам и замечательная пушка! Куда уж лучше!

В той стороне, откуда слышалась канонада, теперь тоже стояла тишина. Ниеминен встревожился:

— Что бы это значило? Неужели там прорвали оборону? Или готовятся к новому штурму?

Сундстрём спал, положив голову на толстый корень сосны. Саломэки свернулся рядом калачиком и тоже захрапел с присвистом. «Вот кто нынче легко отделался,— пронеслось в мозгу Ниеминена.— Сидел себе да диски перезаряжал. Впрочем, кому-то все равно пришлось бы это делать».

Веки слипались, а сон еще не пришел. Мучила жажда, хоть только что они все ходили к болоту на водой. Зато голод не беспокоил. Желудок словно замер и не напоминал о себе. «Они приучают нас обходиться без еды, как цыган лошадь приучал. Хотя не все ли равно, сытыми убьют или натошак».

Солнце приятно пригревало. «Совсем как дома»,— подумал Ниеминен, словно дивясь, что солнце и здесь греет. «Чуть больше недели осталось до иванова дня. Нынче и на гражданке не больно-то празднуют. Во многих домах плач стоит, не идут на ум костры да танцы. Да должно быть, и нельзя теперь жечь костры».

На иванов день Ниеминен впервые познакомился со своей Кепой. Они катались на лодке и разожгли на острове свой маленький костер. Кажется, что с тех пор прошла целая вечность. «Ах, Кепа, Кепа! И ей тоже нелегко... Все время ждать, что придет священник с вестью о смерти!..»

Ниеминен задремал на минуту, но тотчас проснулся и насторожился. Где-то возле бункеров слышался стук телеги. «Приехали за покойниками. Свалят куда-нибудь в одну кучу. И Кауппинена туда же. Скоро родители получат извещение, что нет больше у них сына Рески.— Ниеминен вздохнул.— А Реска знал, что должен умереть. Он как будто даже искал смерти. Прогнал меня, чтобы я не погиб вместе с ним!.. Надо бы написать его родным, чтоб не открывали гроб. Не дай бог никому увидеть такое...»

Ниеминен взял часы и бумажник Кауппинена. Он не раскрывал бумажника и не смотрел, что в нем. Может быть, там письмо или записка близким? Он ведь чувствовал, что погибнет. «Скоро и вся наша армия будет свалена в ту же мертвецкую кучу! Массовое убийство. Это Реска сказал. Да, так оно и есть. Когда-то и я отправлюсь туда же?»

Комок подступил к горлу. Мысль остановилась, словно застряла в этом тупике. «Нет, я сейчас же напишу домой

прощальное письмо, на всякий случай! И скажу прямо обо всем, пусть знают, какая дикая, страшная бессмыслица эта война!»

Он достал из рюкзака блокнот и карандаш, но его внимание отвлек жалобный писк. Оглянувшись, Ниеминен увидел в нескольких шагах от себя маленькую птичку с беспомощно повисшим крылом. Пичуга сидела на ветке молодого деревца и, склонив головку набок, укоризненно смотрела своим круглым глазком. «Она ранена! Ах, маленькая!» Ниеминен осторожно поднялся, чтобы подойти ближе, и тут же остановился, боясь шевельнуться. Откуда-то вспорхнула другая птичка. Она принесла раненой пищу и стала кормить ее из клюва в клюв! Ниеминен почувствовал, что у него навертываются слезы. «Не бросила товарища! А может быть, они муж и жена? Ах, малышки, почему же вы раньше не улетели из этого ада!»

Его раздумья прервал крик Хейно:

— Ребята, идите же сюда, черт возьми, скорее!

— Подъем! — скомандовал Ниеминен и первый бросился на зов. Хейно высунулся из своего окопа и показывал на предполье, где лежал русский, которого считали убитым. Это был тот самый великан, что нагнал страху на Ниеминена и был сражен выстрелом Хейно. Оказывается, он не был убит. Он ворочал головой и громко стонал.

— Тише! Стойте! — зашикал Ниеминен, видя, что Сундстрём и Саломэки прибежали спросонок и бросились в свои окопы, готовые стрелять в белый свет, как в медную копейку. — Там на поле раненый. Надо вытащить его оттуда.

Затаив дыхание, они вглядывались в предполье. Человек, очевидно, еще был без сознания, так как мычал невнятно и странно мотал головой.

— Я притащу его, — сказал Хейно. — Я же его подстрелю.

— Одному тебе его не взять. Я пойду с тобой, — шелнул Ниеминен и положил автомат на бруствер окопа. — Смотрите, ребята, чтобы не жахнули оттуда с горки. Если что заметите, так стреляйте туда под тысячу чертей.

Они поползли с замиранием сердца, бьющегося у самого горла. Хейно быстро скользил впереди, извиваясь, как ящерица. Он добрался до раненого и взял его за руку.

Тот, видно, очнулся и начал отчаянно вырываться. Несмотря на ранение, он отбивался с такой силой, что они вдвоем едва-едва могли с ним сладить. Потом он, видимо, опять впал в забытие.

— Потащим скорей, — пропыхтел Хейно. — Если очнется, будет опять драка.

Они с трудом, метр за метром, волокли огромное безжизненное тело и благополучно добрались до своей позиции. Затем пленного оттащили за бугор, к орудию. У него надо лбом была глубокая падсечка от пули, прошедшей вскользь, и плечо было ранено — весь рукав в крови. Хейно стал его перевязывать.

— Пуля застряла у него в плече. Яска собирался, понимаете ли, боксом его сразить. Он бы тебе показал где раки зимуют. Смотри, какой Голиаф.

— Это, ребята, фельдфебель, — сказал Саломэки. — Широкая полоска на погонах.

— Нет, — покачал головой Сундстрём, — это старший сержант.

— Будь кто угодно, — воскликнул Ниеминен. — Он собирался меня убить. Мчался на меня, как сам дьявол. Жив ли он еще?

— Дышит. Кто принесет воды? — сказал Хейно, заканчивая перевязку. — Ну, Саломэки, сбегай! Ты же у нас самый ходкий парень.

Раненый открыл глаза. Он долго вглядывался в Хейно, потом вздохнул, хрипло застонал. Лицо его выражало такую решимость, что Хейно и Ниеминен схватили его за руки.

— Теперь ты, Сундстрём, можешь показать свою ученость, — сказал Ниеминен. — Спроси-ка его, не политрук ли он.

— Да будет тебе! — рассердился Хейно. — Впрочем, он не скажет. Я думаю, он ни звуком не обмолвится, хоть убейте.

Сундстрём обыскал карманы раненого и нашел что-то вроде записной книжки. Внутри были вложены две фотокарточки. На одной мужчина и женщина сидели на завалинке бревенчатого дома. Мужчина был, очевидно, этот раненый, только выглядел помоложе. На другой — была снята та самая женщина с младенцем на руках. Ниеминен долго рассматривал фотографию, кусая губы от волнения. Потом он обратился к Сундстрёму:

— Спроси, его ли это ребенок?

Сундстрём показал карточку пленному и спросил по-русски, старательно выговаривая слова:

— Э-тоо твооо ребьёнок?

Пленный глубоко втянул воздух, чуть кивнул головой и медленно закрыл глаза. Ниеминен отвернулся и сказал глухо:

— Что же мы будем делать, ребята?

Вопрос Ниеминена заставил их задуматься. Наконец Хейно сказал, понизив голос:

— Я так считаю, давайте отпустим его, и все. Пускай ползет к своим.

— Он уже обессилен,— прошептал Саломэки.— И потом кто-нибудь увидит и откроет огонь.

— Ночью не увидят. Спрячем его куда-нибудь до темноты! — сказал, увлекаясь, Хейно.— Положим в ровик да укроем чем-нибудь. А ночью пойдем подменим на постах пехотинцев. Скажем, что приказано подменить. Пусть, мол, отдохнут. И все.

Пленный переводил взгляд с одного на другого, стараясь, очевидно, угадать, о чем они толкуют. Ниеминен тоже время от времени поглядывал на пленного, что-то соображая.

— Он не сможет уйти. Да и нельзя его отпустить. Если кто-нибудь увидит, нам всем не поздоровится.

Сундстрём наклонился к пленному и стал что-то говорить ему по-русски. Тот смотрел на него недоверчиво.

— Что ты ему вкручиваешь? — забеспокоился Ниеминен.

— Я говорю, что мы отпустим его к своим. А он, видно, не понимает. Или не верит.

— Почему не верит? — удивился Саломэки.— Скажи, что мы даем честное слово, что зла не сделаем и в спину стрелять не будем. Так что пусть ползет себе отсюда с богом.

— Нет, нет, не надо этого,— возразил Ниеминен.— Скажи только, что его отправят в госпиталь, а как кончится война, он сможет вернуться домой.

Сундстрём снова заговорил по-русски, запинаясь и подыскивая слова. Очевидно, пленный понял его, потому что, в свою очередь, спрашивал о чем-то, несколько раз повторив одно и то же слово. Сундстрём перевел:

— Спрашивает, чего это ради мы собираемся отпустить его.

— Трам-тарарам,— возмутился Ниеминен,— ты ему опять свое! Ну, ладно, поступайте как знаете. Я умываю руки.

— Умывай себе хоть ноги! — воскликнул Хейно.— А мы не дадим его убить! Скажи ему,— обратился он к Сундстрёму,— что мы тут не убийцы. Пусть он передаст это и своим друзьям. И скажи еще, что мы войны не хотели...

— Ай, святая Сюльви... смотрите, ребята! — торопливо прошептал Саломэки, кивнув в сторону бункера, откуда показались какой-то прапорщик и сержант. Хейно и Сундстрём попытались загородить пленного, но напрасно. Те двое направлялись именно к ним, и прапорщик уже издали кричал им:

— Говорят, вы взяли пленного? Наш часовой видел! Где он у вас?

Ниеминен вскочил.

— Так точно, взяли. Мы доставим его на перевязочный пункт, он тяжело ранен.

— Ни на какой не на перевязочный, а к командиру полка!

Прапорщик оттолкнул в сторону Хейно и Сундстрёма и заорал на пленного:

— Встать! Ну, быстро!

— Он не может встать,— проговорил Ниеминен сквозь зубы.

— Сможет! Вста-ать! — и прапорщик пнул раненого сапогом в бок.

Хейно побледнел.

— А ну, брыкни, сатана, еще раз! — процедил он, не двигаясь с места, только крепко сжимая в руках автомат, висевший у него на плече. Но Сундстрём загородил его и стал успокаивать:

— Не надо, не стоит,— тихо сказал он и, обернувшись, бросил прапорщику: — Прошу заметить, что пленный тоже человек. А раненый требует человечности вдвойне. Мы отведем его к командиру полка. Беритесь, ребята, только осторожно.

Ниеминен в первый момент растерялся, а потом пришел в ярость. Прапорщик был живым воплощением зла, несправедливости, бессмысленной жестокости этой войны.

На щеках Ниеминена вздулись желваки, губы побелели, и он с трудом выговорил:

— Исчезни, скройся, пока не поздно!.. Не доводи... Ох, трам-тарарам, слышишь, ты, что я говорю!

Прапорщик попятился от него, и сержант поспешил вставить слово:

— Идем, пусть они отведут его.

Отойдя на безопасное расстояние, оба оглянулись и стали наблюдать, как артиллеристы общими усилиями подняли огромного человека на ноги и, осторожно поддерживая, повели в командирский бункер.

* * *

Солнце садилось. Его косые лучи обрызгали красным стволы покалеченных сосен. Ниеминен, Хейно, Сундстрём и Саломэки продирались через завалы веток, ругаясь на чем свет стоит. Капитан Лейво приказал им отправляться за снарядами и за пополнением. Очевидно, он считал, что противник сегодня уже атаковать не станет, так как решил отпустить четырех автоматчиков. Они привели к нему русского пленного и предложили отвести его после допроса на перевязочный пункт. Но капитан просто выгнал их вон. Такой оборот не предвещал ничего хорошего, и в голову лезли мрачные мысли.

— Боюсь я, что капитан убьет его,— после долгого молчания вырвалось у Хейно.

То же опасение мучило и других. Поэтому Ниеминен и торопился.

— Если мы скоро управимся, то успеем вовремя вернуться. Вы возьмете снаряды и сразу идите назад. А я пойду к командиру дивизиона просить пополнения.

Но поход их затянулся. Они сбились с пути раз и другой, пока не набрали на колею, проложенную колесами мертвецкой телеги. Но эта колея без конца петляла, и уже решили, что снова заблудились. И вдруг они увидели перед собой знакомый песчаный карьер. Там сидели ребята из их взвода — расчет первого орудия, и возбужденно говорили наперебой. Рассказывали, что якобы колоссальный танк противника прошел еще днем через оборонительный рубеж.

— Стреляли по нему много раз, но снаряды не берут его броню! Только вспыхивают ярким пламенем, а танк

себе идет, хоть бы что! Только когда саперы взорвали под ним сорок килограммов тротила, танк остановился.

Пришедшие скептически усмехались. Чего только не расскажут! Все мастера преувеличивать да привирать. И тут они обратили внимание на свой склад боеприпасов, от которого осталась только огромная воронка.

— Елки-палки, да тут было прямое попадание! — заметил Ниеминен.— Стало быть, придется взять снаряды у вас.

— Ого! Как бы не так! — полез в бутылку сержант, командир орудия.— Не для вас мы их сюда таскали!

— Да пошел ты!.. Берите, ребята! — скомандовал Ниеминен.— Мы не милостыню просить пришли.

Сержант бросился защищать свой склад боеприпасов, но Хейно оттолкнул его в сторону.

— Катись отсюда ко всем чертям! Нам же стрелять печем! А вам нужен только матрас, чтоб бока не отлежать.

Слова эти заделали всех.

— «Бока не отлежать»! Мы целый день были под сосредоточенным артогнем! Кирвес и Весала ранены!..

— Да заткнитесь вы! Из нашего расчета только четверо в живых остались,— сказал Ниеминен так, словно гордился этим. И еще добавил с каким-то злорадством: — Погодите, и вас тоже пообстреляют! Вот пошлют вас на наше место. Нас должны отвести на отдых, капитан сказал.

Он заметил, как у них вытянулись лица, и был доволен. «А то сидят тут как у Христа за пазухой. Пора и честь знать. Ах, сатана, одни и на войне легко отделяются, а других бьют, как баранов».

— Так вы, ребята, поторопитесь,— сказал он своим.— Я приду, как только успею.

Шоссе было все изрыто воронками от бомб и снарядов. В канаве лежал труп лошади. Навстречу не попадалось ни единой живой души. Это было очень странно. «Теперь ведь как раз такое время, когда могло бы подойти пополнение. Или уж больше некого посылать? А может быть, там готовят мир?.. Нет, черт возьми, что-то непохоже! Господа, конечно, будут тянуть с этим до тех пор, пока не убедятся, что нас всех перебили, как говорил Кауппинен. Им-то что? Сами-то под пули они не лезут. Может,

махнуть мне отсюда прямо домой? Мол, подите-ка повоюйте теперь сами...»

У дороги прохаживался офицер. Подойдя ближе, Ниеминен увидел, что это капитан. «Видать, из тыла занесло», — подумал Ниеминен, глядя на изящный офицерский мундир.

Капитан и впрямь как на парад собрался: грудь в орденских ленточках, сапоги сверкают и на брюках складка отутюжена. Все это показалось Ниеминену настолько противным, что он невольно взялся за автомат, висевший у него на груди.

Капитан стал у обочины и вскинул брови. Ниеминен разозлился еще больше. «Эти ироды еще франтят, когда другие кровь проливают! Им война удовольствие. Им не надо дрожать в окопах от смертного страха».

Он прибавил шаг, чтобы скорее разминуться, но услышал окрик капитана:

— Рядовой! Вы куда направляетесь?.. Стой!

Ниеминен остановился.

— Я иду за пополнением, чтобы новых прислали на убой.

— Что? Как вы отвечаете офицеру! — Капитан побагровел, как раскаленное железо, и рывкнул: — Почему не приветствуете?

Ниеминен опешил. Он сперва даже не понял, чего этот капитан требует. настолько дико казалось, что он должен еще расшаркиваться перед каким-то капитаном, когда даже полковник этого не требовал. И Ниеминен выговорил, задыхаясь от негодования:

— Я, знаете, получил уже столько приветов от противника, что мне на всю жизнь хватит. Приходите на передовую и вы тоже получите.

Он сжимал свой автомат с такой силой, что косточки на руках побелели. У капитана задрожал подбородок, и он даже попятился. Потом он попытался говорить по-другому, очень спокойно, хоть и с начальственными нотками в голосе:

— Послушайте, солдат. Я участвовал в трех войнах, и все же я всегда оказываю уважение старшим по званию. Вы же, судя по вашему возрасту, еще не вошли во вкус войны, а начинаете заноситься, артачиться, проявляете недисциплинированность...

— У меня от вкуса войны уже оскомины! — резко пе-

ребил капитана Ниеминен, у которого все клокотало внутри.— А насчет вас — не знаю. Думаю все же, что вы воевали где-нибудь в штабах! А ступай-ка, черт возьми, на передовую, там солдаты окажут уважение, воздадут честь по заслугам!

— Что-о? Что такое?! — Лицо капитана из багрового стало почти синим.— Вы, солдат, еще тыкаете мне!.. Да, вы, вы, вы...

Ниеминен смотрел капитану прямо в глаза и думал: «Сейчас я его убью, я убью этого гада! Вот из-за них, из-за таких-то мы и гибнем!»

Лицо капитана стало бледным, и он сдавленным голосом проговорил:

— Ступайте, можете идти, рядовой... Выполняйте свою задачу.

Ниеминен словно очнулся и только теперь заметил, что нажал спусковой крючок. К счастью, автомат был на предохранителе. Ниеминен пошел дальше, пошатываясь как пьяный. «Елки-палки, — думал он, — я сошел с ума! Я не в своем уме, это факт! Я же чуть не убил этого капитанишку — и хотел убить! Просто так, как паршивую собаку!.. Меня надо связать. Совсем обезумел. Но что же он-то на меня набросился? И что он мне тут порол? Три войны прошел... Тьфу, чтоб ты провалился! Нет, черт возьми, то были не войны!..»

Командный пункт дивизиона находился на прежнем месте, в лесу. Хотя лес представлял довольно жалкое зрелище, как будто по нему погуляла чудовищная буря. Палатка капитана была наполовину врыта в землю, сам капитан Суокас сидел на пне и делал какие-то пометки на карте. Заметив Ниеминена, он стремительно поднялся ему навстречу.

— Ну что, как там? Пушка цела?

Ниеминен стиснул зубы, чтоб не сорвалось с языка ругательство. «Ему на нас наплевать, пушка для него важнее», — так ведь Кауппинен сказал перед смертью. Ниеминен почувствовал, что его снова начинает трясти и опять откуда-то со дна души поднимается в нем та же ярость: «Я убью его, я должен его убить!»

Суокас заметил, что губы Ниеминена скривились и пальцы судорожно вцепились в автомат. Он быстро схватил и пожал руку солдата.

— Как там, как все ребята?.. Садитесь, рассказывайте!

Голос капитана прозвучал как-то сипло. Он был смелый человек и порой умел даже щегольнуть этим, но тут он попросту испугался. Из глаз этого рослого парня с чистым и немного наивным лицом на него глядела смерть. Капитан вцепился в него обеими руками и потащил к себе в палатку.

— Сюда... Кофе? Вы, наверно, голодны... Снабжение у нас...

Он говорил не думая. Просто чутье подсказывало ему, что лучше говорить что угодно, чем молчать. В глубине души шевелилось и чувство собственной вины. Он понимал, что поставил эту пушку на самый трудный и опасный участок. Сделал он это сознательно. Расчет орудия состоял из молодежи, которая лучше повиновалась приказу и была, наконец, просто смелее стариков, ставших после многих боев осторожными, да и нервными. Да, конечно, любой офицер на его месте поступил бы точно так же. Капитан не имел никаких сведений о судьбе пушки Кауппинена, хотя он уже знал о гибели другого орудия, направленного ей на смену.

Ниеминен долго молчал. Взгляд его рассеянно скользил по предметам, находившимся в палатке, а мысль в это время занимало другое. «Нет, я действительно схожу с ума! Или уже сошел... Но Реска был все же прав. Капитана интересует только пушка». Капитан тоже молчал и следил за его взглядом и выражением лица. Адъютант варил кофе на железной походной печке.

Капитан поставил на стол две кружки, и тут Ниеминен сказал наконец:

— Нас там только четверо осталось.

Суокас вздрогнул.

— А что Кауппинен?

— Прямое попадание... — прошептал Ниеминен. — Я видел, его сердце билось еще некоторое время.

Капитан снова заметил тот же холодный свет в глазах Ниеминена. Он налил кофе в кружку.

— Пейте, это освежит вас, — сказал он. И добавил торопливо: — Я получил посылку, и в ней пакет настоящего кофе.

Известие потрясло капитана. Кауппинен был отличным стрелком, и гибель его — невосполнимая потеря. Все солдаты умеют так или иначе обращаться с орудием, но очень немногие способны стрелять так точно, спокойно, быстро,

без суеты и без страха, как Кауппинен. «Но надо было все-таки спросить, кто остался в живых».

— Пейте, кофе остынет,— сказал он, пододвигая Ниеминену кружку.— Ночью я организую доставку горячей пищи на линию. Раньше подвезти еду было невозможно, мы тут не могли даже огня разжечь.

Ниеминен стал пить кофе маленькими глотками. Руки его дрожали. Капитан наблюдал за ним и все больше поражался. Трудно было поверить, что это молодой парень, настолько он осунулся и постарел. Морщины на лбу и на висках, глаза и щеки ввалились, скулы торчат, цвет лица старчески-серый. Старик, девятнадцатилетний старик!

Суокас поспешно налил Ниеминену вторую чашку, замечая, что и у него самого дрожат руки. «Нервы,— подумал он,— нервы сдают».

Он налил себе кофе и выпил единым духом. За последние дни он, конечно, устал, хотя и не был непосредственно в бою. Спать почти совсем не удается, вот уже который день. Постоянные заботы и тревоги из-за отсутствия надежных оперативных сведений об обстановке. Связь работает скверно или вовсе не действует. Что, например, произошло там, далеко на фланге, где еще днем почему-то прекратился артобстрел? Неужели прорвана линия обороны? Бои там шли тяжелые, и временами противнику удавалось вклиниться, но потом туда была брошена знаменитая танковая дивизия Лагуса, которая и нанесла контрудар. Каков же результат? Эта тишина просто пугала. Будь контратака успешной, вряд ли наступила бы тишина. Мысль о прорыве оборонительного рубежа была ужасна. Как это может сказаться на судьбе Финляндии!

Оставшись в одиночестве, Финляндия не выстоит, если даже могучая Германия терпит поражение. Именно на Германию он надеялся, теперь же ее крах очевиден. Значит, и Финляндия погибнет? Он, однако, не мог допустить даже мысли о капитуляции. Финляндия будет сражаться до конца, сражаться отчаянно, без всякой надежды — до последнего человека, даже если этим последним окажется он сам!

Рука капитана сжалась в кулак, и уголки рта резко опустились книзу. Он был родом из этих мест, с Карельского перешейка, хотя вырос на северо-западе Финляндии, куда переехали его родители лет двадцать назад, выгодно

купив солидное имение. Его жена тоже с Карельского перешейка. Неужели придется отступить и оставить имение жены?

Нет, нет, «пока еще не пал последний воин», как поется в солдатской песне. Надо сражаться, надо всеми силами поддерживать надежду. Может быть, случится что-нибудь такое, что изменит положение в пользу Финляндии. Надо драться, надо вести партизанскую войну, пока не придет избавление!

Суокас глубоко вздохнул и сказал уже твердо:

— Возьмете с первого орудия, стоящего в резерве, половину личного состава и отведете на вашу позицию. Потом вы с вашими людьми придете сюда и отправитесь на отдых. Кто там еще с вами?

Ниеминен перечислил всех оставшихся, и капитан продолжал:

— Значит, приведете их сюда. А я пришлю пополнение для обоих орудий... Хотя нет, постойте, я сам сейчас пойду с вами.

Он взял планшет, бинокль, надел головной убор и, выходя из палатки, крикнул:

— Адъютант! Будьте у телефона. Если кто спросит, я на линии, у пушки Кауппинена.

Когда они отошли немного, капитан прислушался и стал смотреть на небо. Откуда-то доносился глухой рокот моторов. Самолетов не было видно. Суокас поднес к глазам бинокль и спокойно проговорил:

— Это, должно быть, наши. Такой звук, такая высота... Да, наши! Бомбардировщики, и с ними, для прикрытия, истребители! Ну и чудеса!

Теперь и Ниеминен увидел самолеты. Они летели на огромной высоте. Он почему-то вдруг так растрогался, что слезы чуть не брызнули у него из глаз. Первый раз он видел финские самолеты, да в таком количестве. Значит, они существуют! И даже истребители есть!

В это время бомбардировщики пролетали над ними, и Суокас воскликнул:

— Бомбы! Сотни бомб! Ну, держись, рюсся, теперь твоя очередь дрожать от страха!

Где-то вблизи передовой уже падали и рвались бомбы, но в небе появились разрывы снарядов. Вскоре все небо в той стороне превратилось в сплошное море огня.казалось, для самолетов там уже просто не оставалось места.

— У них, кроме всего прочего, ужасной силы противовоздушная оборона,— с болью воскликнул капитан.— Пойдемте посмотрим,— продолжал он.— Наши бомбят, насколько я понимаю, самый передний край.

* * *

Первая линия окопов перед бомбежкой была эвакуирована, так как, ввиду близости позиций противника, боялись попасть в своих. Железобетонные бункеры-укрытия достаточно прочны, чтобы спокойно выдержать даже прямое попадание бомбы. Разведка донесла, что противник сосредоточил на переднем крае большие силы, собираясь бросить их на прорыв. По ним-то и решили нанести массивный бомбовый удар.

Хейно, Саломэки и Сундстрём ничего не знали о воздушной опасности. Они вернулись к своему оружию, никого не встретив по пути. Увидев самолеты прямо над головой, они заспорили, свои это или вражеские. В это время с воем начали падать бомбы. И хотя друзья понимали, что это значит, все же прошло некоторое время, прежде чем они осознали опасность. Теперь бомбы стали падать и рваться совсем рядом.

Сундстрём плюхнулся на четвереньки, и тут же взрывной волной его опрокинуло на спину. Хейно и Саломэки упали как подшибленные. Мощные взрывы сотрясали предполье и холмистую гряду, на которой находился противник. Бомбежка длилась недолго. Когда она кончилась, лишь звук удаляющихся самолетов да падение камней нарушали наступившую тишину.

Хейно первым поднялся на ноги. И хотя у него перехватило дыхание, он бросился к Сундстрёму. Тот сидел на земле и расширенными от ужаса глазами смотрел на свои ноги. Обе ноги у него были перебиты, отсечены у щиколоток. Ступни в сапогах с оторванными голенищами лежали тут же невдалеке. Раздался испуганный крик Саломэки:

— Ай, ребята, святая Сюльви, меня ранило! Смотрите... кровь хлещет!..

Правая рука его висела как плеть, и по рукаву расплзалось алое пятно. Хейно лишь взглянул на него и хотел что-то крикнуть, но голоса не было, из горла выры-

валось еле слышное шипение. На култышках Сундстрёма кровь еще не выступила и торчали белые сверкающие кости. Прошло какое-то время, прежде чем Хейно оправился от потрясения.

— Беги скорей, зови на помощь! Доктора! — заорал он, а сам бросился доставать из сумки перевязочный пакет. Подбежал Саломэки и обомлел.

— Беги за помощью! — орал Хейно. Он впопыхах никак не мог распечатать пакет, хотя достаточно было лишь потянуть за нитку.

— Подожди, я сейчас, старайся потерпеть, — уговаривал он Сундстрёма. — Я наложу плотную повязку, это быстро.

Сундстрём очнулся от первого потрясения и стиснул руками свои култышки, из которых кровь била уже фонтаном. Хейно стал наконец накладывать повязку, но остановить кровотечение ему никак не удавалось. Нервничая, он все твердил:

— Потерпи, сейчас будет готово. Сейчас станет легче. Собери все силы...

Сундстрём старался помочь ему, крепко сжимая ноги руками. Испуг его теперь совсем прошел, и мысль работала с исключительной ясностью. Он наблюдал за отчаянными стараниями Хейно и все яснее понимал безнадежность положения. Ничто уже не может спасти его. И он начал быстро говорить:

— В моем кармане два письма. Одно для вас, другое домой. То, что домой, не посылайте по почте, а передайте с оказией.

Начались боли, и он замолчал, кусая губы. Резкая боль отдавалась где-то в животе, точно всаживали финку. Слабость овладела им, стало клонить ко сну.

— Это от потери крови, — сказал он, думая вслух. — *C'est le commencement de la fin.*

— А? Что ты сказал? — переспросил Хейно, вспотевший от напряжения. — Очень болит?

— Я сказал, что если в таком положении клонит ко сну, то это означает приближение конца.

В лице у него уже не было ни кровинки, и даже глаза как будто обесцветились. Хейно стал кричать, в испуге зовя на помощь:

— Скорее сюда! На помощь! Куда, к черту, все провалились?! Виено, куда ты пропал? Скорее!

Саломэки в это время бежал к бункеру командира полка. В первом бункере-убежище не оказалось санитаров. Кровь капала у него с пальцев, но он уже не замечал этого. В мозгу стучало: «На помощь! Ай, святая Сюльви, на помощь!»

Невдалеке от командного бункера лежало мертвое тело. Саломэки успел только заметить нефинскую, выцветшую форму и погон с широкой полоской. Это был тот самый пленный, которого они отвели к командиру полка. Но тревога за Сундстрёма настолько заполняла его сознание, что Саломэки лишь механически отметил этот факт, не задерживаясь на нем.

В командном бункере тоже не было санитаров. Они занимались эвакуацией раненых. И полковника Ларко не было, видно, его уже успели отправить в тыл. Саломэки понял, что помощь уже не может явиться вовремя. И все-таки он побежал к следующему бункеру. Но вдруг кто-то сзади громко окликнул его, спрашивая, где находится раненый.

— Возле пушки! — крикнул Саломэки. — Бегите скорей туда! Он истекает кровью!

Сундстрём был в это время уже настолько слаб, что не мог сидеть. Кровь шла и шла, несмотря на все старания Хейно. Он хотел отнести раненого в бункер на руках, но Сундстрём отказался:

— Не надо, не поднимай, это только хуже. Да и повязка давит нестерпимо... Лучше отпусти немного... А впрочем, все равно.

Хейно все время оглядывался, не покажется ли кто, но не решался отойти, оставить раненого. Он попытался было ослабить повязку, но с ужасом затянул опять, потому что кровь так и хлынула из-под нее. «Кровь кончится, и он умрет», — пронеслось в мозгу.

Сундстрём закрыл глаза. Глубокий вздох поднял его грудь, из-под ресниц выкатилась слеза. Потом он шепотом выговорил:

— Перо... где медлит перо... вместо пушек.

Хейно наклонился поближе.

— А? Что? Что ты хочешь сказать?

Обескровленные губы раненого долго шевелились беззвучно, пока не вымолвили со слабым вздохом:

— Акта эст... фабула.

— А? — закричал Хейно в отчаянии. — Я не понимаю!

Сундстрём приоткрыл глаза, и лицо осветила слабая улыбка:

— С... сыграна пьеса... Ав... Август сказал...

Хейно заплакал, впервые за все время боев. Из-за бункера бежал санитар с носилками. За ним едва попевал Саломэки, ругаясь и охая.

Сундстрём лежал на спине, устремив к небу помутневшие глаза. Тихий сумрак мягко спускался на истерзанную, оскверненную землю. Казалось, мертвый все еще улыбается, довольный тем, что «пьеса» наконец-то кончилась для него.

* * *

Июньские полночные сумерки легли прозрачным покровом на поле боя. На западе все еще пламенела заря, отбрасывая на долину красноватые блики. Но в лесу было темно. Ниеминен и Хейно несли на носилках Сундстрёма. Капитан Суокас предлагал им взять еще людей в помощь, но им хотелось самим отнести товарища. Сундстрём был для них свой, и они хотели сами проводить его в этот последний путь.

Саломэки пошел на перевязочный пункт. Рана его была, по-видимому, не опасна, хоть сильно кровоточила. По крайней мере, кость не задета. Теперь Ниеминен и Хейно остались вдвоем.

Ниеминен отдал капитану вещи Кауппинена. А последнее имущество Сундстрёма Хейно оставил у себя. Он не хотел расставаться с ним.

Над всем миром царило безмолвие. Лес точно вымер. Только тонкий писк комара да похрустывание веток под ногами нарушали тишину.

— Передохнем малость, — взмолился наконец Хейно. — Я окончательно дошел, давай посидим немного. Нам ведь еще далеко добираться.

Капитан привел к орудию новый расчет, а Ниеминена и Хейно отправил «на базу» отдыхать. Туда они решили отнести и Сундстрёма, хотя почувствовали усталость уже в самом начале пути. Длительное недосыпание и недоедание все-таки сделали свое дело. Они тащились, как дряхлые старцы.

Опустив носилки на землю, они сели рядом. Убитый был накрыт шинелью, и оторванные ступни ног лежали

здесь же, на носилках. Хейно спрятал их под шинель. Он вообще-то не церемонился с покойниками, но с Сундстрёмом обращался так, точно тот все еще был живой. Почему-то его смерть особенно глубоко потрясла Хейно.

Прерывающимся голосом он сказал:

— Ужасная судьба... погибнуть именно теперь, когда бой кончился и нас отзывают на отдых. И погибнуть от своих же!.. Я, наверно, никогда не забуду, как он умирал. Все время был в сознании. Хотя у него еще и в животе застрял осколок. Но он мне даже не сказал ничего об этом.

Ниеминен только вздохнул, а Хейно взволнованно продолжал:

— Порой он, правда, заговаривался. Вдруг, понимаешь, спрашивает меня: «Что же медлит перо — вместо пушек?» Откуда такой бред?

Ниеминен лег на спину и смотрел в темнеющую небесную высь, где уже мерцала одинокая звезда. Он вспомнил, что Кауппинен говорил ему незадолго до смерти, и покачал головой.

— Нет, он, видно, не бредил. Я знаю. Когда-то он говорил Кауппинену, что независимость Финляндии, понимаешь ли, не в пушках, а на кончике пера. То есть, что нам не пушками надо действовать, а вести переговоры, договариваться. Так, по крайней мере, я понял Кауппинена.

Хейно вздохнул.

— Это верно сказано. Я всегда так считал. Но наши господа в договоры не верят. Они, черт бы их побрал, до того твердолобые и упрямые, что пока у них есть хоть один солдат, они будут пыжиться и лезть на рожон. Им и горя мало, хоть бы всех нас перебили. А сами удерут, ну, хотя бы в Швецию и будут там иснать новое пушечное мясо.

— Да, так и Реска говорил, — тихо сказал Ниеминен.

Они помолчали. Хейно закурил и достал письма Сундстрёма.

— Вот, оказывается, у него было заготовлено письмо для нас. А другое — домой. Просил, чтоб только не отправляли по почте... На этом, что для нас, написано «Товарищам».

Ниеминен вскочил и протянул руку.

— Ну, покажи! — Он схватил письмо и с волнением разглядывал его. — Вскроем?

Хейно взглянул на носилки и покачал головой.

— Не сейчас. Давай лучше потом, на базе.

Ниеминен положил письма себе в карман, и они взялись за носилки. Следующую остановку сделали у песчаного карьера, где находился расчет второго орудия. Потом они увидели Саломэки, который ожидал их у дороги. У него рука была в лубках.

— А меня отправляют в тыл, — похвастал он. — Оказывается, нерв перебит, пальцы не действуют.

Хейно и Ниеминен опустили носилки на землю. Оба в душе позавидовали товарищу, которому так «повезло». Вечно ему судьба подыгрывает! Вот и теперь легко отделался этот Саломэки. Хейно подозрительно поглядел на его раненую руку.

— Давеча ведь они у тебя шевелились. Ух, и хитрый же ты парень! Всегда ты умеешь словчить.

Саломэки был так доволен своим ранением, что даже не подумал обижаться.

— Давеча действовали, а потом вдруг отнялись. И не пошевельнутся, пока война не кончится... Но вот что я вам скажу, ребята: Там на перевязочном пункте все палатки сняты, все хозяйство укладывают! Как будто уезжать собрались.

— Значит, на другое место переедут, — рассудил Ниеминен. — Здесь они были постоянно под обстрелом. Ну-ка, беритесь да пойдём!

Саломэки помогал им здоровой рукой. По дороге он вспомнил о пленном и рассказал, что видел его убитым.

— Они пристрелили его! Сзади, в затылок! Я потом еще раз подошел к нему поближе, чтобы разглядеть как следует.

— Да брось ты! Не может быть! — воскликнул Хейно, бледнея. — Неужели ты серьезно?

— Да разве этим шутят!

— Вот гады! Проклятие! — выругался Ниеминен и опустил носилки. — Как мы не подумали раньше, мы должны были это предвидеть!

— Предвидеть! Черт возьми, предвидеть! — вспыхнул Хейно. — Ну, плачь теперь, бейся головой об камень! Мы же тебе говорили, что надо его спрятать, а потом отпустить к своим. Так нет, ты все свое долдонил: «Отвезут

в госпиталь, отправят домой, по окончании войны!..» Вот ты сам и есть тврдолобый, черт!

— Но я же не мог подумать! — начал неуверенно оправдываться Ниеминен, хотя он и чувствовал, что сам себе противоречит.

— Не мог подумать, не мог подумать! Тоже мне! Уж пора бы знать, что за люди наши господа! Каков капитан! Сидит в блиндаже и командует из укрытия. А над раненым пленным расправу чинить — он герой. Только на это и способен!

Голос Хейно дрожал от гнева. Взглянув на товарищей, он сплюнул и снова взялся за носилки.

— Пошли. Не будь этой ноши, я бы вернулся и пристрелил проклятого капитана, как собаку. Честное слово, я его убью, пусть только попадется. Он для меня не человек.

Они продолжали путь. Хейно все не мог прийти в себя. Все в нем кипело. Немного погодя он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Мы-то еще уверяли его, что здесь ему ничего плохого не сделают...

Вновь наступило тягостное молчание.

Ниеминен был совершенно подавлен. Наконец он глухо сказал:

— Я не понимаю, зачем его убили. Черт возьми, до какой же низости мог дойти человек!.. Нет, это не люди. Я не могу считать человеком того, кто убивает беспомощного пленного.

Навстречу им мчался на велосипеде адъютант командира дивизиона.

— Где капитан Суокас? Все еще там, у пушки Кауппинена? Срочное дело.

Ниеминен рассказал, как найти капитана, и спросил, что за дело. Адъютант отказался отвечать, но потом все же крикнул, оглянувшись:

— Линия прорвана где-то на побережье! Бегство продолжается!

— Елки-палки! Неужели нам придется отходить?

— Да, конечно! На базе дивизиона уже собирают манатки!

Это известие ошеломило их. Опять они опустили носилки и долго стояли в растерянности. Ниеминен пробормотал:

— Напрасно сражались... напрасно полегло столько ребят...

— Напрасно сражались все эти годы. Вся эта война была затеяна напрасно, — перебил его Хейно. Но Саломэки взглянул на дело с другой стороны.

— Давайте-ка послушаем, бродяги, пока там еще не ушла последняя машина. А то придется нам драпать пешком.

* * *

Отступление от главной оборонительной линии удалось провести незаметно для противника. Ранним утром вновь начался массированный огонь по линии обороны, на которой уже не было ни одной живой души. Но как только это выяснилось, противник стремительно двинулся вперед. Финнам пришлось отступать с боями. Большая часть финской армии успела отойти за Вуоксу. И опять мощный грохот сражения сотрясал землю, опять раздавался боевой клич атакующих и контратакующих. Начались бои за так называемую линию Вуоксы.

Ниеминен, Хейно и Саломэки успели уехать со штабной машиной и тело Сундстрёма взяли с собой. Штаб и база дивизиона разместились в деревне. После долгих дней, проведенных на передовой, здесь было по-домашнему уютно. Баня топилась каждый день. Солдаты ходили по двору без рубах, загорали на солнышке, наконец-то без боязни глядя на небо.

Саломэки уехал на гражданку с рукой на перевязи. Расставание было немного грустным, особенно для остающихся. Конечно, ему завидовали. «Ты, наверно, и с богом и чертом в ладу, что тебе всегда везет!»

Саломэки увез с собой вещи Сундстрёма и его письмо близким.

Ниеминен тоже наспех настрочил письмо жене, чтобы передать с okazji. Хейно не стал писать. От отца не было ни слуху ни духу. «Хоть бы сообщили, где он есть. Неизвестно, жив ли он еще».

Они прочли письмо Сундстрёма, написанное для них, и изумились. Оказывается, Сундстрём собирался уйти в лесную гвардию! «Независимость Финляндии не в пушках, — писал он, повторяя свои же слова, — а на кончике пера.

Иначе говоря: заключив мир, мы сохраним и независимость. Ибо независимости нашей никто не угрожал. Теперь надо поторопиться. Время не терпит. Чем больше солдат уйдет в лесную гвардию, тем скорее господа возьмутся за перо».

Сначала Ниеминен рассердился:

— Трам-тарарам! А мы еще тащили его на себе, вон какой путь! Надо было оставить его там, пусть его свои хоронят!

Но Хейно эти слова разозлили, и он сразу же накинулся на Ниеминена:

— Да, конечно! Вот он уже и не свой, когда погиб, да еще погиб-то от финской бомбы! Конечно, он тебе чужой, раз у него была собственная голова на плечах! Так и я потвоему рюсся, если скажу, что мы воюем напрасно! Неужели ты, чурбан этакий, до сих пор еще в этом не убедился?

Ниеминен ничего не смог ответить, потому что он и сам уже начал понимать, что война действительно проиграна. «Если уж главная оборонительная линия не выдержала, так чего ж теперь ждать», — невесело подумал он.

Но не потому он сердился. Он всегда презирал дезертиров, считая их жалкими трусами. Но ведь Сундстрём не был трусом! И все же он хотел сбежать. Все обдумал и рассчитал. Знал, что его могут расстрелять. И все-таки собрался!

И вдруг намерение Сундстрёма представилось ему в другом свете. Ниеминен вспомнил, что и ему приходила мысль бросить все и податься прочь. Но тогда за этим была лишь горечь разочарования да инстинкт самосохранения. У Сундстрёма были совсем другие мотивы. Поэтому Ниеминен стал понемногу отступаться от своих слов, оправдывать Сундстрёма:

— Бог с ним, каждый поступает, как знает. Во всяком случае, он не был трусом, как Куусисто. Где он сейчас, интересно знать?

При упоминании о Куусисто, Хейно крепко выругался. Он до сих пор не мог себе простить, что позволил ему улизнуть.

Больше они не касались этой темы. Старались не говорить и о погибших. Мало-помалу привыкали к новым, странным условиям жизни «около штаба». Хейно выбрал место для ночлега на чердаке пустого дома.

— Там мы сможем спокойно отоспаться. Я так устал, что готов спать двое суток подряд.

И он не ошибся. Они только забежали на кухню, брали полагающиеся им порции и забирались опять на свой чердак. И спали всласть. Казалось, они могли спать без конца. В первые дни их кормили почти одним мясом, так как снабженцы зарезали и пустили в котел оставшуюся после эвакуации гражданского населения скотину. Но потом эта обжорка кончилась, и настал черед жидкой кашицы из гороховой муки. Она была довольно противна на вкус и на цвет, так что даже Хейно ел через силу и раза два выплеснул всю свою порцию на землю.

Сидя на своем чердаке, они разговаривали всегда вполголоса, так как в глубине души таился страх, что едва лишь их место пребывания обнаружат, придется снова отправляться на передовую. Оттуда долетал могучий гул канонады. За Вуоксой было оставлено предмостное укрепление, и вот на него-то противник и направлял свои яростные атаки.

Однажды утром они проснулись от окрика:

— Подъем, ребята! Ступайте сперва подкрепитесь чайком, да поехали!

В открытый люк чердака заглядывал с приставной лестницы толстый, лысый сержант. Очевидно, какой-то из командиров орудий, незнакомый им. Особенностью противотанкового дивизиона было то, что его орудия, разбросанные по фронту целой армии, действовали самостоятельно, поэтому люди друг с другом не встречались и каждый знал только свой взвод. Хейно насилу продрал глаза и крикнул, не поднимая головы:

— А ну, катись ко всем чертям!

— Хэ, уж больно далеко, долго добираться,— попытался отшутиться сержант. Но Хейно было не до шуток.

— Если ты не исчезнешь, я тебя туда в два счета отправлю!

Ниеминен приоткрыл один глаз и спросил:

— Слушай, чего тебе от нас надо? Мы отсюда никуда не пойдем.

Сержант добродушно улыбнулся.

— Это уж ваше дело, а не мое. Как хотите, так и поступайте. Капитан только велел вам передать. Машина отправляется через час.

— Куда отправляется?

— На передовую, конечно. Неужто в тыл.

Он сказал это тоже для юмора, но юмор вещь опасная. Хейно достал из-за головы автомат:

— Ты, сволочь, еще хихикаешь?..

Сержанта словно ветром сдуло. Хейно и Ниеминен прислушались, как он улепетывает, и невесело взглянули друг на друга.

— Что это он упомянул капитана? — спросил Ниеминен.

— Говорит, капитан приказал.

— Черт побери... что же нам делать?

— Спать, — спокойно ответил Хейно, укладываясь поудобнее. — Я, во всяком случае, никуда не поеду. Хорошо нашему капитану командовать, не самому ведь идти, но я тоже с места не тронусь.

Ниеминена все же беспокоил приказ капитана. Суокас не терпит неповиновения. Может и под трибунал отдать. «Неужели, черт возьми, кроме нас, уже некого послать?»

Все-таки он достал портянки и начал обуваться. Хейно косо поглядывал на него, скривив губы и, наконец, насмешливо спросил:

— Что, старина, поджилки затряслись? Или опять военная дурь в башку ударила?

— Пойду к капитану и скажу, что мы еще не можем никуда двинуться.

Хейно язвительно засмеялся.

— Умница капитан, конечно, скажет: простите, братцы, как я сам-то не подумал! Идите, дорогие мои, отсыпайтесь. Да сообщите мне потом, когда вам захочется отправиться на передовую!

Ниеминен оделся и пошел к люку. Хейно хотелось сказать ему что-нибудь еще более издевательское. Но что бы это дало? Ведь товарищ не виноват в том, что так распорядился капитан. Поэтому он поспешно бросил ему вдогонку:

— Не забудь хотя бы сказать, что мы были все время на самом трудном участке и что нас осталось только двое от всего расчета.

Ниеминен молча спустился по приставной лестнице, проклиная в душе и войну, и капитана, и свою дисциплинированность. Вскоре он возвратился.

— Мы с нашей пушкой должны обеспечивать прикры-

тие. Меня капитан назначил наводчиком. Он говорит, что пушка будет довольно далеко от передовой, так что нам придется там, в общем-то, отдыхать. Но прикрытие необходимо на всякий случай, потому что сосед, возможно, попытается перейти Вуоксу.

— «Попытается», — усмехнулся Хейно. — Он не «попытается», а перейдет, и все, когда ему понадобится, нас не спросит.

— Не знаю, капитан сказал, что теперь уж он не пройдет. Дескать, теперь и у нас есть сила... Кстати, он говорит, уже послал бумаги насчет орденов. Нам с тобой обоим, говорит, «виртути милитари» первой степени.

— Ха! — изумился Хейно. А потом стал даже сердиться: — На кой ляд они нам сдались! Мне, во всяком случае, не нужно. Если бы это охраняло от осколков, ну, ладно. Или если бы они сказали, что ты, мол, свое отвоевал, а потому получай награду и ступай себе домой. Тогда другое дело. А если они мне дают свою побрякушку, чтобы я лучше дрался, так я просто ее не возьму.

— Это твоё дело. А теперь пошли. Машина ждет, пора ехать.

На душе кошки скребли. Время, проведенное на базе, было как сладкий сон, и вот оно кончилось. Угрюмые, не глядя ни на кого, влезли они в кузов грузовика, где уже сидели, ожидая их, сержант и повар с бачком каши. Сержант хоть молчал, а повар, ничего не подозревая, сразу начал лезть с разговорами, расспрашивал, кто такие да куда направляются.

— Бараны! Не видишь, что ли? На убой нас везут! Понял теперь?

* * *

Кругом гремело и полыхало. Артиллерия и минометы противника вели огонь по плацдарму и по коммуникациям.

Действовала и финская артиллерия. На этот раз она звучала мощно. Потом в воздухе появились «Штуки» — пикирующие бомбардировщики. Один за другим они разворачивались и с воем круто падали вниз, туда, где был плацдарм Эвряпээ, лишь у земли выравнивались, чуть не задевая верхушки деревьев, и скрывались за лесом. Могучие разрывы бомб поднимали к небу тучи земли и целые деревья.

Небо тоже покрылось разрывами. Зенитный огонь противника все усиливался. Один самолет взорвался в воздухе. Потом еще один не смог выровняться и врезался в землю. Но за ними шли другие, размеренно разворачиваясь друг за другом, словно в воздухе с ревом и скрежетом вращалась гигантская карусель.

— Черт возьми, теперь пусть русья дрожит! — возбужденно воскликнул Ниеминен. — Эти «Штуки», скажу вам, страшная вещь!

Он искренне восхищался пикирующими бомбардировщиками и радовался бомбежке, которая наверняка ослабит натиск противника.

Финляндия заключила договор с Германией о предоставлении помощи. Его ругали, над ним издевались и смеялись, о нем спорили чуть ли не до драки, но договор вступил в силу, и теперь он, похоже, приносит свои первые плоды.

— Я думаю, что теперь сосед не сможет наступать, по крайней мере в течение некоторого времени, — продолжал Ниеминен.

— Да, конечно, он теперь враз лишился и живой силы и техники, — произнес Хейно с иронией. — Скоро уже он запросит мира. А мы станем диктовать условия. Недолго уж ждать осталось!

Хейно считал, что ничего хорошего договор с Германией дать не может, напротив, от него только вред. Договор этот закрывал путь к миру. «Теперь-то наши господа совсем, поди, одуреют! — думал Хейно. — Нет, черт возьми, я удеру. Я не останусь больше на вашей бойне!»

Он уже готовился потихоньку, запасался сухарями на дорогу. Но где-то в глубине души все-таки теплилась надежда, что господа, может быть, образумятся и постараются заключить мир. Ведь и Выборг уже был оставлен, и в Восточной Карелии приходилось все время отступать. «Ну чего же им еще надо? Чего они хотят добиться, на что рассчитывают?» Хейно снова и снова думал об отце. «Что со стариком? Почему он молчит, как в воду канул? Если он погиб, я брошу все и уйду. А может, он подался в лесную гвардию? Так я тоже пойду!»

Их пушка стояла теперь на самом берегу Вуоксы. На той стороне, за рекой, пока еще были финские части, предместное укрепление держалось. Там шли кровавые бои. Каждый день туда подбрасывали пополнение. Очевидно,

командование решило удерживать плацдарм любой ценой.

Когда Хейно и Ниеминен вернулись с базы дивизиона, они узнали свою пушку, но люди при ней были новые. Все зажиточные крестьяне из северной Финляндии или сыновья богатых крестьян. Ниеминен и Хейно чувствовали себя так, как будто попали в компанию иностранцев. Поэтому они старались все время держаться друг друга и даже дежурили вместе.

Командир дивизиона не показывался у них ни разу. Пушку то и дело перебрасывали с места на место. Похоже было, что капитан боялся появления ганков и ждал их отовсюду. Хотя они были за рекой.

По-видимому, противник готовился нанести новый, более сильный удар по предместному укреплению, поэтому их пушку перебросили сюда. Пока остальные рыли за бугром землянку, Хейно и Ниеминен несли боевую вахту у орудия. Они вызвались на это добровольно. Им надоело рыть убежища, которые все равно приходилось бросать и снова куда-то перебираться. Что-то подсказывало им, что и здесь они не задержатся.

А за рекой происходило что-то странное. К берегу выносили раненых. Еще и еще. Легкораненые шли сами. Ниеминен смотрел в бинокль, он никак не мог понять, что же там творится.

— Что они там затевают? Хотят переправлять раненых в этом месте через реку? Но на чем?

Противник стал бить из пушек по реке. Снаряды ложились густо, как град, перекрывая всю реку. Потом вдруг на том берегу застрочили автоматы. Перестрелка приближалась.

— Елки-палки, кажется, наши там отступают! — завоновался Ниеминен.

— Не кажется, а в самом деле отступают, — сказал Хейно. — Пойти объявить тревогу?

— Беги скорее!

На том берегу действительно отступали. Солдаты бежали к реке и бросались в воду, надеясь перебраться вплавь. Снаряды падали среди плывущих, преграждали им путь, вздымая огромные водяные столбы. Ниеминен с ужасом видел, как то одна, то другая голова скрывалась под водой.

И вдруг небо содрогнулось от грозного гула и воя летящих снарядов. В следующий миг противоположный

берег покрылся разрывами и потонул в облаках поднятой пыли. Еще и еще. Финская артиллерия вела сосредоточенный огонь. Ниеминен чуть не плакал.

— Черт, сатана! Что же они делают? Стреляют по своим! Своих же раненых расстреливают!

В это время поднятые по тревоге солдаты подбежали к орудию и дружно потащили его назад. Ниеминен пришел в бешенство.

— Куда вы, черти? Драпать? — закричал он. — Разве вы не видите, на том берегу наши отходят! Надо помочь им огнем! Прикрыть их отступление! Стрелять надо! Иначе они не смогут переправиться и все там полягут!.. Остановитесь!

Никто не слушал его. Как будто он говорил с глухими. Проклятые северяне, покатали пушку, а Ниеминен остался один, онемев от возмущения. «Неужели они слов не понимают? Или все они жалкие трусы?»

Хейно бросился к нему.

— Где же ты пропал? Чего стоишь как пень! Мы переходим на новое место. Приказ капитана.

— На какое новое? Куда? Неужели и капитан спятил? Разве не видишь, там наших бьют! Мы должны поддержать их, прикрыть своим огнем, чтобы они могли переправиться!

Ниеминен показал на реку и вдруг замолчал. На поверхности воды больше не было видно ни одной головы. Он повернулся и пошел прочь, как лунатик.

— Убийство... убийство... — бормотал он. — Своих же перебили. И это не была ошибка! Это нарочно! Я видел, я сам видел!

Пушку уже прицепили к тягачу, и все было готово к отправке. Ехали молча. Новая позиция находилась километрах в двух от прежней, у развилки дорог. Как только прибыли туда и стали окапываться, начался артобстрел. Все бросились в ровики, которые успели вырыть сантиметров на двадцать. Ниеминен и Хейно укрылись в лощинке меж двух больших камней.

— Как он, черт возьми, умудрился открыть огонь так точно? — крикнул Хейно. — Наверно, наблюдает за нами! Прямо, как будто он нас видит!

В самом деле, это было подозрительно. Стреляли как будто специально по ним, едва лишь они тут расположились. Но откуда неприятель мог наблюдать за ними, он же

все-таки далеко. И в небе не видно ни самолетов, ни аэростата. Нет, вероятно, все же это обычный беспокоящий огонь — рядом перекресток дорог.

После недолгой паузы снаряды опять начали рваться вокруг них. Ниеминен и Хейно распластались в своей лопатке, стараясь прижаться к земле всем телом. И тут вдруг к ним плюхнулся кто-то третий, точно с неба свалился. Не сразу они пришли в себя. Это был Хейккиля. Он тяжело дышал, и тем не менее рожа его расплылась в сияющей улыбке.

— Войтто, черт, явился! — радостно закричал Ниеминен.

Вокруг опять стали рваться снаряды, и они снова прижались к земле. Когда наступило затишье, Хейккиля торопливо сказал:

— У них наблюдательный пункт, видимо, где-то здесь поблизости. Наши патрули его ищут повсюду, не могут пайти. Сейчас я слышал на батарее.

— Елки-палки, если так, то надо скорее убираться подбру-поздорову, иначе нам крышка!

Ниеминен встал, но тотчас же плюхнулся обратно, потому что кругом снова посыпались снаряды. Послышался чей-то отчаянный стон.

— Кого-то царапнуло... — сказал Хейккиля.

Ниеминен приподнял голову и закричал:

— Лежите в окопах! Лежите на местах, сумасшедшие! Ах, черт, куда же вы?..

Солдаты повыскакивали из своих мелких окопчиков и улепетывали очертя голову. Только раненый остался, призывая на помощь.

— Бросили раненого! — кричал Ниеминен, позеленев от злости. — Совсем головы потеряли, надо же его унести в безопасное место!

Во время следующей короткой паузы они втроем подбежали к раненому, но тот уже был мертв. Снова раздался залп, и друзья бросились в ближайшие свободные окопчики. Снаряд упал недалеко от Ниеминсна. Хейно первым кинулся к нему на помощь. Ниеминен не подавал признаков жизни. Хейно схватил его за плечи, приподнял и закричал:

— Что с тобой, Яска? Ты ранен? — повторял он. Потом стал звать Хейккиля: — Войтто, скорее сюда! Яска накрылся!..

В следующий миг, однако, Ниеминен очнулся. Он раскрыл глаза и, вращая ими, в ужасе прошептал:

— Елки-палки! Ребята, я, кажется, ослеп! Я ничего не вижу!

Вновь засвистели снаряды, и трое друзей шмякнулись на землю. Когда опасность миновала, Хейно скомандовал:

— Войтто, бери его за другую руку и пошли! Яска ничего не видит!

Они бежали с ним, ложились, когда давали очередной залп, потом снова вскакивали и бежали, пока наконец не выбрались из зоны обстрела. Тут они усадили Ниеминена на край канавы, и Хейно осмотрел его глаза.

— Они у тебя красные, как от удара. А больше вроде ничего не видно. Сходишь на перевязочный пункт, там тебе чего-нибудь закапают, и порядок.

— Не помогут мне капли! Ничто не поможет!.. — Ниеминен охал, порывался куда-то, все больше приходя в отчаяние. — Пустите!.. Я убью себя! Я не хочу жить слепым!..

Кое-как они уладили его, хотя пришлось немало повозиться.

Хейккиля сел и закурил, задумчиво поглядывая на глаза Ниеминена. Потом он встал и, наклонившись, поднес горящую сигарету к его лицу. Ниеминен разозлился:

— Ты что, сатана, хочешь меня совсем без глаз оставить?

Хейккиля расхохотался так заразительно, что и Хейно невольно засмеялся. Тогда и Ниеминен улыбнулся, заметив, что зрение возвращается к нему. Но он все-таки оборвал их обиженно:

— Чего вы ржете! С глазами шутки плохи!

— Я только хотел проверить, видишь ли ты хоть самую малость или нет,— проговорил Хейккиля, с трудом сдерживая смех.

Хейно озирался по сторонам.

— Куда же наши вояки-то делись? Разбежались, даже товарища своего бросили.

В это время где-то у перекрестка дорог затрещали автоматы.

— Елки-палки, это еще что такое! — воскликнул Ниеминен, вскакивая.

Автоматы строчили, не умолкая. Зазвенели разбитые стекла.

Ниеминен побежал выяснить, что происходит. Хейно и Хейккиля не отставали от него. Какой-то автоматчик бежал им навстречу с криком:

— Вы с противотанкового, ребята? Давайте скорей вашу игрушку! На чердаке вон того дома засел русский дозор! Мы их окружили! А подступиться не можем! Они уже застрелили нашего прапорщика!

Ниеминен оглянулся. Сзади раскинулось поле, по которому разбежались солдаты его расчета. Вон они выглядели из дренажных канав. Он махнул им рукой.

— Скорей к оружию! — крикнул он и побежал вперед, делая знаки остальным. Пушку прицепили к тягачу и вывезли на ближнюю высотку. Оттуда все было видно как на ладони. Дом был окружен автоматчиками, которые стреляли из канав и из-за камней. В доме не было уже ни одного целого окна. Казалось, там нет ни души. Но с чердака еще отстреливались. Автоматчики тоже находились в тяжелом положении, так как артиллерия противника вела сосредоточенный огонь по перекрестку дорог и по всему пространству вокруг дома. «Вот он где, их наблюдательный пункт! — подумал Ниеминен. — И сами они находятся в кольце своего огня!» Ниеминен прицелился по чердаку дома, скомандовал: «Осколочным, заряжай!» — и хотел уже выстрелить, но странное чувство стеснило сердце, и рука невольно опустилась. «Почему они не сдаются? — мелькнула мысль. — Как только я выстрелю, они погибнут. Или сгорят живьем...»

Он гордился тем, что Суокас назначил его наводчиком. Это означало, что ему доверяют больше, чем другим. Но теперь вместо гордости он испытывал горечь. Ниеминен встал и отошел от оружия.

— Пусть стреляет кто-нибудь другой, я не могу... Я ничего не вижу.

Он побрел, ступая нетвердо, как слепой, и сел поодаль спиной к пушке. Прогредел выстрел, потом второй.

— Загорелось! Горит!! — раздались голоса. — Теперь их там поджарит!

Ниеминен не мог даже взглянуть в ту сторону. Он чувствовал странную слабость и пустоту внутри, как будто в нем что-то сломалось. «Зачем это, зачем?.. — шептал он. — Почему они не сдались?»

Артобстрел постепенно стих. Ниеминен долго сидел на том же месте, прислушиваясь к треску пламени. Хейно и Хейккиля подошли к нему.

— Что у тебя с глазами? Опять стало хуже?

— Да, — солгал Ниеминен. — Надо пойти на перевязочный пункт.

— Сможешь ли ты сам дойти, или тебя проводить? — спросил Хейккиля.

— Дойду как-нибудь.

Ниеминен побрел на перевязочный пункт. Глаза ему застилала слезы, хотя он и старался ожесточить сердце, уверяя себя, что жалость — просто болезнь. Облегчения это не давало. «Почему они не сдались?» — спрашивал он себя снова и снова.

* * *

Мотор тягача ревел, гусеницы лязгали, и пушка подпрыгивала на прицепе. Спешно пришлось отправляться на передовую. Неприятель форсировал Вуоксу. Трижды отбрасывали его назад, к береговой кромке, но на этом контратаки захлебнулись. А противник снова пошел на штурм. Он захватил плацдарм на этом берегу и яростно дрался за него. В небе снова проносились «Штуки», без конца бомбили плацдарм, финская артиллерия грохотала не переставая, а по обочинам дороги шло и шло к передовой подкрепление. Оттуда везли раненых. Санитарные машины с красным крестом, грузовики и простые телеги были полны ими. Иногда встречались повозки, покрытые палаточным брезентом, из-под которого торчали окоченевшие руки и ноги. Это действовало удручающе. Противник оказался сильнее, чем кто-либо мог предполагать.

Рубеж Вуоксы считали непреодолимым, говорили, что форсировать реку совершенно невозможно. Теперь это свершившийся факт. Только Хейно находил еще некоторое удовлетворение в том, чтобышний раз напомнить: «Я же говорил, что он перешагнет реку, как только ему это понадобится».

Ему «понадобилось». И очевидно, он постарается расширить плацдарм. Но тут и обороняющаяся сторона еще могла сказать свое слово. Никогда прежде друзья не слышали такого мощного грома канонады.

Позиция для пушки была выбрана на низеньком кряже,

почти у самой передовой. Дорога огибала бугор слева. Как только они сюда пришли, Ниеминен огляделся и сказал, что позиция ему не нравится. У всех сразу же вытянулись лица. Ведь, кроме Ниеминена, Хейно и Хейккиля, все остальные впервые оказались так близко от передовой. Поэтому одного слова Ниеминена было достаточно, чтобы повергнуть их в отчаяние. Хейно заметил это и сказал не без злорадства, хоть и сам испытывал страх:

— Отсюда вам не придется удирать, потому что каждого, кто только сорвется, неприятель прикончит из пулемета. Вон с той горки все отлично простреливается.

Он был зол на этих хозяйчиков северян, которых называл не иначе как «лапуасцами». Все они были, по его мнению, пропитаны военным угаром и вообще гордецы, забияки спесивые. Но теперь-то с них эту спесь уже маленько пошибли, чему Хейно был от души рад.

Орудийная позиция была почти готова, и Ниеминен послал их рыть землянку-укрытие.

— Мы с Хейно тут все докончим вдвоем.

Северяне ушли без возражений, потому что там, за бугром, было все же спокойнее. Только сержант, командир орудия, остался на позиции третьим. Он был как будто неплохой человек, не старался командовать и вообще не строил из себя начальство. Поэтому Хейно сказал ему по-доброму, как другу:

— Иди, слушай, посмотри, чтоб эти лапуасцы вырыли землянки как следует.

Сержант широко улыбнулся:

— Лапуасцы!.. Среди них только один родом из Лапуа.

— Да по мне, будь они хоть откуда, но только говорят они как бывшие лапуасцы.

— Как так?

— Да послушай сам. Я уверен, совсем недавно они мечтали о захвате Ленинграда.

— Да ну, что ты!..

— Верно, верно! Думаешь, я глухой?

— Не-ет... ну, мало ли как люди петушатся, хорохорятся. Теперь-то с этим покончено.

Сержант смотрел на дорогу и хмурился.

— Плохо, что отсюда мы не видим танк на подходе, а только когда он выглянет из-за поворота. Тогда и целиться не успеешь...

— Надо успеть, — сухо сказал Ниеминен. — Кауппинен показал нам, как это делается. Он однажды успел прицелиться и выстрелить, хотя до танка было метров тридцать, от силы.

— Успел, потому что танк был один, — сказал Хейно. — А если их несколько, что ты сделаешь?

— Умру, — просто сказал Ниеминен.

— А я лучше убегу в лесную гвардию, — сказал подошедший Хейккиля, улыбаясь, как всегда.

Выписавшись из госпиталя, он побывал в отпуску и там слышал рассказы о больших группах или отрядах «лесной гвардии», которые якобы укрылись на каких-то островах на Сайменской трассе, да и живут там — сами себе хозяйева. Ниеминен не верил этим слухам, а Хейно считал их вполне правдоподобными. Он долго расспрашивал Хейккиля, стараясь выведать у него какие-нибудь дополнительные сведения об этих островах, но тот и сам ничего толком не знал.

Позиция была полностью подготовлена, землянка вырыта и укреплена как следует, а противник все не атаковал, как будто даже забыл об них. Зато где-то далеко на фланге шли непрерывные бои. В той стороне находилась Ихантала.

Только в середине июля советские войска после сильной артподготовки стали наступать на соседнем участке, продвинулись там на несколько километров и остановились. Вновь потянулся долгий томительный период позиционной войны. «Пушка Кауппинена» осталась на прежнем месте. Она на этот раз не сделала ни одного выстрела. Медленно тянулось мучительное безделье. Каждый убивал время, как мог. Хейно, Хейккиля и Ниеминен держались по-прежнему своей компанией, отдельно от остального расчета, хотя прежней розни уже не было меж ними. Северяне растеряли остатки былой воинственности и перестали заноситься и «хорохориться». Газеты приносили сообщения о тяжелых поражениях Германии. Солдаты один за другим начинали понимать, что война так или иначе проиграна. Только один из этих упрямых северян все еще неколебимо верил в победу. Это был новый водитель тягача, мужик с бычьей шеей и ушами, похожими на два ломтя колбасы. Он занимался борьбой в среднем весе, и заносчивость его, судя по всему, не имела границ.

— Ему хоть кол на голове теши, — говорил Хейно.

Звали его Ала-Куйтти. Он уповал на «секретное оружие» Германии и упрямо твердил, что скоро военное положение Финляндии улучшится решительным образом. И когда другие на это лишь усмехались, он прямо-таки лез в драку. Очевидно, он воображал себя страшно сильным и думал, что легко справится со всем. Он вечно приставал к Ниеминену, предлагал устроить схватку, так как слышал, что тот боксер. Он уверял, что боксер против борца ничто.

Ниеминен не хотел драться и старался держаться подальше от этого «воинственно-помешанного», как он его про себя называл.

Ниеминен в последнее время стал молчаливым и задумчивым. Может быть, потому что в эти долгие дни бездействия у него было время подумать о многом. Он с горечью вспоминал свои прежние рассуждения о непобедимости финской армии, о неприступности оборонительных рубежей и прочее. Теперь ему было ясно, что война проиграна, он только никак не мог понять, почему Финляндия не хочет заключить мир.

О мире, однако, не было и речи. Жена писала ему, что никто и не помышляет о мире, и между прочим упоминала, что некоторые из тех, кто скрывался в так называемой «лесной гвардии», приговорены к расстрелу. Прочтя это, Ниеминен горько усмехнулся: «Неужели она думает, что я убегу в лесную гвардию!»

Хейккиля и Хейно заметили, что он занят чем-то своим, и не приставали к нему. У них было о чем поговорить и без него. Они вместе несли дежурство у орудия и тогда, лежа в окопе под накатом из бревен, беседовали о своем. Хейно часто заговаривал о лесной гвардии. Однажды Хейккиля прямо спросил его:

— Не думаешь ли ты и сам туда махнуть, что так это тебя интересует?

Хейно ответил после долгой паузы:

— Я давно, понимаешь, собирался, но все время что-нибудь мешало. Потом я подумал, что теперь-то, не сегодня-завтра, наши должны подписать мир. Ведь уже всыпали нам, казалось, достаточно, чего еще ждать? Так они, твердолобые головы, заключили-таки военный союз с проклятым Гитлером! И тогда я решил уходить непременно. Только мысль об отце меня еще удерживала: что с ним будет?.. Но теперь...

Он замолчал на мгновение и дрогнувшим голосом продолжал:

— Боюсь я, что со стариком что-то случилось. Иначе он бы мне черкнул хогь строчку...

— Ну, а если тебя поймают? — серьезно спросил Хейккиля. — Ведь могут расстрелять.

— Могут, конечно. Но тогда я по крайней мере буду знать, за что меня убивают. Но я уверен, что если только доберусь до родных мест, так черта с два они меня поймут. Там, слышь, много моих знакомых в лесной гвардии.

Земля вздрагивала. Противник вел беспокоящий огонь из минометов. Хейккиля выглянул из окопа, а затем снова юркнул в него и улегся на прежнее место. Примостившись поудобнее, он сказал:

— Когда меня выписали из госпиталя, я тоже хотел было не возвращаться на фронт. Но потом совестно стало. Думаю, что же, значит, ребята там погибают, а я буду шкуру спасать? И я поехал снова на передовую, хотя на гражданке говорили, что тут от всей армии-то нашей рожки да ножки остались.

— Что ж, они не слишком и преувеличивали. Нашего брата здесь полегло много. Я удивляюсь, как еще кто-то уцелел из нас, стариков.

Они опять помолчали. Хейккиля достал табак, угостил товарища и сам закурил. Сделав несколько затяжек, он заговорил снова:

— Я, понимаешь ли, дома сказал как бы в шутку, что, может быть, не стоит мне возвращаться на фронт. Так мама чуть с ума не сошла. Ударилась в слезы. Что же, мол, с ними будет, если, не дай бог, меня схватят и расстреляют. Тогда, мол, им с отцом только в богадельню. Если еще туда возьмут родителей дезертира! Долго ли, дескать, она одна сможет вести хозяйство? Отец-то совсем слепой, почитай, ничего не видит.

— А отец что говорит?

— Он только сказал, что одна ласточка весны не сделает. Покамест, говорит, половина армии не разбежится, наши господа ничего не заметят. А потом отец принялся честить финского рабочего — и уж он ругал его на чем свет стоит! Дескать, наш рабочий-то до чего докатился! Привяжут, мол, кусочек колбасы на веревочку да и водят перед его носом — так он распустит слюни и готов бежать за ним хоть к черту на рога.

Хейккиля засмеялся и продолжал:

— Я пытался ему возразить, что не все же такие, но он как стукнет кулаком по столу! Дескать, помалкивай, сынок, я знаю, что говорю. Потом он стал вспоминать восемнадцатый год, красное восстание — на том наш разговор и кончился. И вот я здесь.

Хейно усмехнулся и собирался что-то сказать, как вдруг у входа в их убежище показалась взлохмаченная голова Саломэки.

— Эй, бродяги! Можно к вам? Пустите скорей под вашу крышу... Ай, святая Сюльви, кого я вижу! Хейккиля тут!

Саломэки сполз к ним в окоп и втащил за собой рюкзак.

— Я уже видел Ниеминена, он там катает письмо своей любезной. Послал меня к вам. Но я и не думал, что Войтто здесь. Подвиньтесь. Мне надо снять штаны. У меня две бутылки вина с собой, черти!

Они смотрели на него, разинув рты. А он спокойно спустил штаны, отвязал веревочку и достал из штанины резиновую грелку.

— Вот она! Я долго мерскал, братцы, как же мне ее донести? И наконец меня осенило. Эту тару я стибрил в госпитале.

Хейно взял грелку, поболтал, потом отвинтил пробку и нюхнул.

— Водка! — с восторгом засвидетельствовал он. — Я сбегая за посудой и позову Яску!

Когда он скрылся, Саломэки шепотом сказал:

— Что делать, Войтто, его отец в лесной гвардии!

— А ты-то откуда знаешь? — недоверчиво спросил Хейккиля.

— Узнал. Я заезжал в его деревню, у меня там одна девчонка. Ну, и люди рассказали, что отец Пены командует целым лесным отрядом. Лахтари устроили на них облаву, но получили отпор. Местный начальник шюцкора в схватке с ними отдал богу душу!

Хейккиля был поражен.

— Лучше, чтоб Пена ничего этого пока не знал, — сказал он, подумав. — А то он махнет туда же. Он и так уж почти решился. А ведь если поймают — расстреляют без разговоров.

Пришли Хейно и Ниеминен и втиснулись к ним в окоп.

Тесно, но кое-как уместились. Саломэки налил водку в кружки, и Хейно, смеясь, сказал:

— Гляди, рука-то, оказывается, действует! Хоть ты и уверял, что она не поправится до конца войны.

— Не говори, брат! Меня взяли на пушку, обманули самым бесчестным образом! Давайте выпьем сперва, а потом я расскажу.

Они чокнулись, выпили залпом, и Саломэки начал рассказ:

— Я пробыл в госпитале всего лишь несколько дней, и они прогнали меня в отпуск, потому что мест в госпитале не хватает. Вернулся я из отпуска. Доктор-майор вызывает меня к себе в кабинет, разглядывает мои бумаги и спрашивает: «Ну, как рука? Действует?» Я говорю: «Не действует, господин майор!» Он улыбается и говорит: «Ну, что ж, придется тебя демобилизовать. Нынче же отправишься на гражданку. Распишись вот здесь». И я, балда стоеросовая, обрадовался, да и черкнул роспись этой самой «парализованной-то» рукой! Ну, правой, конечно. И только тогда я почувствовал обман, когда майор, сука, расхохотался. «Рука твоя, говорит, действует отлично, так что отправляйся-ка ты, братец, в часть!»

Друзья расхохотались, но Саломэки был все еще страшно зол.

— Хорошенький смех, бродяги, если майор обдуривает солдата!

— А разве ты, солдат, не хотел обдурить майора? — прыснул Хейккиля.

— Ну, это же другое дело! Простой солдат может делать что бог на душу положит, но если ученый, образованный майор пускается во все тяжкие, значит, армия ни к черту. Только потом я подумал: какой же я простофиля, не прочитал даже, что там было в этой бумаге. Мог бы вот так запросто подмахнуть собственный смертный приговор.

— Как знать, может, ты его и подмахнул, — сказал Хейно задумчиво, — коль скоро ты попал сюда из-за этой подписи.

Они налили по второй, добавив последние капли вожделенного напитка. Выпили до доньшка. И захмелели. Каждый старался, чтоб его голос был слышен. Вспомнили казенное угощение в день рождения Маннергейма, и Хейно сказал печально:

— Тогда, ребята, Сундстрём еще был жив. И принес нам вина. А мы-то даже не подумали выпить за него хоть глоточек...

— Не вспомнили, — проговорил Ниеминен со вздохом и поднял глаза на Саломэки. — А ты отнес его письмо родным?

— Был я там, звонил, стучал в двери, но дома никого не оказалось. Отдал письмо соседям, они сказали, что старик Сундстрём уехал с женой в Швецию.

— И деньги отдал? — допрашивал Ниеминен. — У него в бумажнике было много денег, мы видели.

— Ну, разумеется! Ты что, Яска, ворипшкой меня считаешь?

Ниеминен заметил, однако, что Саломэки не смотрит ему в глаза, и мрачно произнес:

— Ты врешь! Ты их прикарманил!

— Понюхай собачий хвост!

— Мне-то нюхать нечего, — процедил Ниеминен сквозь зубы и затрясся весь, как в тот раз, когда он чуть не застрелил штабного капитана. — Я чужого не брал, а вот ты сейчас узнаешь, чем пахнет...

Но тут вмешался Хейно:

— Опять этот Яска воображает, будто он на ринге! Черт возьми, все ему драки не хватает! Слушай, если тыпустишь кулаки в ход, я тоже ввяжусь! Довольно, в самом деле!.. Войтто, Виено, пошли все, ну его! Пускай себе тут один машет кулаками, сколько хочет!

Хейккиля не сводил с Нисминена глаз. Он казался совершенно спокойным, только на раненой щеке дергался нерв.

— Никуда мы не пойдём, и Яска не пойдет, — сказал он. — Мы друзьями были и останемся. Но тебе, Яска, я прямо скажу: напрасно ты психуешь. Что за грех, если бы даже Виено и взял те деньги? Сундстрём умер, ему они не понадобятся. У его папашки и так-то денег куры не клюют, а Виено они были нужны. И я уверен, что Сундстрём сам бы отдал эти деньги нам, если бы успел перед смертью распорядиться.

— Золотые твои слова! — сказал Хейно. — Не у бедного ведь он деньги-то отнял! И если я загнусь, вы распорядитесь моими деньгами по-братски.

Ниеминен окинул долгим взглядом каждого из них и понурил голову. Дрожь в теле прошла, и сердце унялось.

— Да, наверно, вы правы, — промолвил он тихо. — Раз уж все на этом свете идет кувырком. Деньги не памятный предмет. Только бы получили бумажник с часами да письмо.

— Это я все передал! — поспешил сказать Саломэки, признав невольно свою вину.

Все-таки разговор больше не клеился. Ниеминен пошел дописывать письмо жене. Саломэки, Хейно и Хейккиля посидели еще немного в окопе, пока не кончилось дежурство, а затем они вернулись в землянку. Вечером Хейккиля и Саломэки отозвали Ниеминена в сторону и рассказали ему об отце Хейно. «Как быть? Если Пена узнает, он может и сам удрать».

— Да, он может, — сказал Ниеминен, подумав. — Я считаю, лучше ему не говорить пока. Скажем после.

— Скажем, когда война кончится, — усмехнулся Хейккиля.

— Ну это, знаешь, мечта. Война-то когда-нибудь кончится, конечно. Да кто из нас будет жив, чтобы рассказывать?..

Далеко на фланге была слышна канонада. На их высоте лишь изредка рвались снаряды. Вообще на этом плацдарме было тихо. А они только того и желали, чтобы это затишье длилось как можно дольше, хоть до самого конца войны!

* * *

Похоже было, что их надежды исполняются. Затишье продолжалось. Противник довольствовался тем, что лишь изредка проводил разведку боем да вел обычный беспокоящий обстрел. На «пушке Каушпинена» все были целы. В начале августа Финляндия получила нового президента. Рюти отстранили от дел, а на его место вступил Маннергейм. От этой перемены все ждали чего-то особенного. Но напрасно. Война продолжалась. Советская Армия, наступая то на одном, то на другом участке огромного фронта, уже и в Восточной Карелии вышла кое-где на границу сорокового года, а местами и пересекла ее.

На Вуосалменском плацдарме все оставалось пока что без перемен. Солдаты устали, томились от этой неподвижности. Опять возникла своеобразная «эпидемия ранений». На перевязочные пункты стали прибывать один за другим

раненые с подозрительно одинаковой картиной: осколок в седалище. У солдат появилось собственное «секретное оружие»: рогатка, с помощью которой минные осколки вгонялись в ягодицу эффективно и без опасности для жизни. Врачи были некоторое время в смятении, но потом научились отличать «настоящее» ранение от «ненастоящего». Дело в том, что при «настоящем» ранении края раны бывают обожжены. На этом и кончилась «эпидемия». Кое-кто, правда, еще пытался экспериментировать с предварительно раскаленными осколками, но, очевидно, это было не слишком приятно, и вскоре эти эксперименты были прекращены.

Расчет «пушки Кауппинена» был на отдыхе. Точнее сказать, занимался рытьем новой линии обороны, которую называли «зимней линией». Лениво работали лопаты, потому что от одного этого названия холодок пробегал по спине и волосы шевелились на затылке. «Ну ужели они, дьяволы, думают еще зимой здесь сражаться! Да мы же все здесь загнемся до этого!»

Кормежка становилась все хуже, и на поиски дополнительного питания уходило все больше времени и сил. На всех ближних картофельных полях были выставлены часовые для охраны их от хищений. Итак, картошку приходилось копать тайком, темной ночью. Картошка была мелкая, с лесной орех, и чтобы наполнить солдатский котелок, надо было выкопать не один десяток кустов. Потом ее варили в мундире и ели с солью.

Саломэки обегал и обследовал все дома в окрестности, но не нашел ничего нужного. На чердаке одного дома ему попала связка писем, в которых по крайней мере дюжина женщин требовала от адресата выплаты алиментов. Землянка дрожала от хохота, когда Саломэки читал письма вслух. Один лишь Ниеминен не смеялся, но под конец и он не выдержал:

— Ну, знаешь, Виено, этот ходок даже тебя сумел обскакать!

Однажды они отправились к ближнему озеру глушить рыбу. Бросив несколько ручных гранат, набрали ведро рыбы. Саломэки нарядили варить уху. Кончилось все это довольно плачевно. Саломэки рассудил, что поскольку рыба — это тоже мясо, то, стало быть, варить ее надо гораздо дольше, чем картошку. В результате оказалось, что в бульоне плавают одни кости, а рыба полностью раство-

рилась. Повара чуть не избили. Хейно был просто в бешенстве:

— Негодяй, ты, конечно, спер рыбу! Тебя за это распять надо!

Саломэки стал оправдываться, но ему не верили. Ниеминен слушал и чуть не плевался:

— Не юли! Ну, что ты вечно выкручиваешься, точно угорь? Мы же знаем тебя как облупленного! Где рыба, говори? Сожрал? Так я ее из тебя вытрясу!

Саломэки бросился бежать и тем спасся от гнева Ниеминена. После чего все стали думать, как бы наказать «проворовавшегося» повара. Предлагались различные кары, одна другой суровее. Конечно, дальше слов дело не шло, но возмущение было велико, и каждый старался хоть как-нибудь да отвести душу. Однако и слова обладают реальной действенной силой. Злая кара обрушилась на бедного Саломэки нежданно-негаданно. Возвращаясь однажды темной ночью после дежурства, он провалился в отхожую яму и чуть не захлебнулся в нечистотах. Дело в том, что тропинка от землянки к орудию имела особые вешки. Ночи стояли темные, хоть глаз выколи. В лесу было много гнилых осиновых пней, которые светились в темноте, точно фонарики. Чтобы не заблудиться впотьмах, артиллеристы поместили свою дорожку кусочками светящихся гнилушек. Когда Саломэки был на дежурстве, кто-то взял да и перенес метки-светлячки так, что он угодил прямехонько в яму. Кто это сделал, так и осталось тайной. Саломэки с большим трудом удалось выкарабкаться оттуда. Когда он ворвался наконец в землянку, злость его была неописуема.

— Гей, Хейно, бродяга! Где он? Дайте его сюда! Я сделаю из него покойника! Я много раз его щадил, но больше пощады не будет!

Кто знает, может быть, он и выстрелил бы, но тут подоспел Ниеминен и выхватил у него из рук автомат. Но в следующий миг Ниеминен с отвращением потянул носом воздух.

— О, господи! Что это? В таком виде явиться в землянку! Вон! Вон, пока я не напощал!..

Пришлось Саломэки впотьмах добираться до озера и отполаскиваться там. Он вернулся под утро весь мокрый, посиневший, лязгающий зубами от холода и злой, как побитый черт. С тех пор он ни слова не сказал никому,

хоть многие задевали Саломэки, посмеиваясь над его «купанием».

Хейккиля неожиданно получил отпуск. Его вызвали домой к тяжело больному отцу. Вернувшись с побывки, он нашел свою пушку на прежней позиции у Вуосалменского плацдарма. Хейккиля приехал грустный и притихший. Отец умер.

— Он умер еще тогда, когда посылали вызов, они только не написали сразу.

Дома Хейккиля узнал потрясающую новость. Объявился Куусисто. Он находился в карантинном лагере у Хэменлинна.

— Он попал в плен. Но русские перебросили его обратно через линию фронта. Он обещал им собрать в один отряд «лесных гвардейцев», которые скрываются в лесах вдоль дороги на Вуотта. Но он пришел к своим и все рассказал.

— Ну, знаешь, уж это враки! Никто этому не поверит! — воскликнул Ниеминен.

И в самом деле, никто не хотел верить этому. Но потом, когда и дивизионный писарь подтвердил то же самое, пришлось поверить. Больше всех негодовал Хейно.

— Теперь он там, в лагере, лежит себе на боку да плюет на всех. Доволен, что выкрутился. Сразу и от фронта избавился, и от плена! Ах, проклятье! Почему я не устерег его тогда в Сийранмэки!

Все они долго не могли успокоиться и, вспоминая Куусисто, ругались последними словами. Было просто обидно, что прохвост Куусисто избавился от фронта, а они все еще должны были торчать на передовой.

Но со временем и эта история потеряла остроту. Однажды русские неожиданно захватили небольшой островок возле самого берега и оставили его лишь после нескольких часов упорных боев. Затем на плацдарме появилась громкоговорящая установка. Финским солдатам предлагали бросать оружие и расходиться по домам. Теперь это действовало иначе, чем тогда, во время позиционной войны.

— Он, ребята, не зря проповедует. Скоро он пойдет в наступление!

И опять они стали присматривать себе пути для отхода и злились, что удобного, скрытого пути нет. В землянке царило мрачное настроение. Теперь уже и водитель тягача не решился выступать с воинственными речами,

чувствуя, что аудитория не та, скажи он хоть слово, ему просто заткнули бы рот!

Хейккиля по старой привычке начал было читать вслух газету. Но от этого пришлось отказаться, потому что солдаты не могли слушать эти бодренькие репортажи об «успешных контратаках» и о «выигранных оборонительных сражениях». Но вот и газеты переменили тон. Стали писать, что «немцам приходится нести невыносимо тяжелое бремя». Конечно, это было уже не ново. Румыния повернула оружие против бывшего союзника. И Болгария тоже заговаривала об условиях перемирия.

— А наши господа знать ничего не желают, только воевать, воевать до последнего солдата!

Газеты доходили до них с опозданием, и они еще не знали, что Финляндия решила порвать отношения с Германией и начала переговоры о мире. И когда однажды вечером посыльный командира дивизиона ворвался в землянку и крикнул: «Мир! Завтра утром, в восемь ноль-ноль, наступит мир!» — для них это было как гром с ясного неба.

Долгое время стояла гробовая тишина. Потом поднялся невообразимый, радостный гам. Ниеминен бросился на позицию, чтобы сообщить радостную весть Хейно, который дежурил у орудия. Но там он его не нашел. Блиндированный окоп был пуст, и возле пушки не было ни души. Встревоженный Ниеминен вернулся и вызвал Саломэки и Хейккиля из землянки.

— Пена пропал!

— Святая Сюльви, куда же?

— Скорей на розыски! Не мог же он исчезнуть бесследно!

Они побежали на позицию. Но Хейно там не обнаружили.

— Черт возьми, может, он удрал в лесную гвардию? — прошептал Ниеминен. — Вы ничего не говорили ему об отце?..

Хейккиля отрипательно покачал головой, а Саломэки замялся. Прижатый к стене, он признался, что все рассказал Хейно.

— Я подумал, мало ли какой случай? Вдруг на него снаряд свалится! Мы же будем виновниками его смерти!

— Вот балда! — накинулся на него Ниеминен. — А что, если он попадетсЯ? Его же расстреляют!

Но кричать на Саломэки было бесполезно, все равно Хейно не воротитшь.

— Что же нам делать? — проговорил Ниеминен. — Если наши лахтари в землянке заметят, что Пена исчез, они сразу же заявят. И сюда могут прийти с минуты на минуту.

— Я останусь дежурить, — сказал Хейккиля, прислушиваясь к разрывам. — Если придут, я что-нибудь придумаю. Скажу, например, что Пена пошел воровать картошку.

Оставаться здесь было нелегко. Старый «знакомый» миномет время от времени бросал сюда свои гостинцы. Над окопом перекрытие в один накат. Прямого попадания оно не выдержит... Особенно неприятно думать об этом, когда знаешь, что завтра уже не будет опасности.

И вдруг новый сюрприз: Хейно вернулся! Он спокойно жевал сухарь, улыбаясь, как ни в чем не бывало.

— Ах, чтоб тебя! Где ты был? — воскликнул Ниеминен. — Мы уж думали, что ты смылся!

— Как же ты мог так думать обо мне! Я только заглянул к братьям пехотинцам, попросил чего-нибудь пожевать.

И как бы в подтверждение своих слов, Хейно сунул в рот большой кусок сухаря и захрустел им так громко, что у всех скулы свело.

Ниеминен облегченно вздохнул. Он не верил Хейно, ну да бог с ним. Главное, что он на месте. И Ниеминен сказал с усмешкой:

— Ладно, полезай в окоп! Завтра будет мир.

— Это я уже знаю. Иначе бы меня здесь не было. Но на дежурство я не останусь. Не хочу теперь погибать, раз уж я до сих пор не умер.

— А если придет проверка? — попробовал урезонить его Ниеминен.

— Пускай приходит. Я уже отвоевался, хватит.

Так он и не остался. Но его появления в землянке все равно никто не заметил. Там такое творилось. Солдаты на радостях плясали, с гиком, с присвистом, так что все гудело и песок сыпался струйками из всех щелей.

* * *

— Эй, бродяги, что-то, видимо, не так! Опять нас обманули! — сердито закричал Саломэки, вваливаясь в землянку. — Мины градом сыплются! Я уж думал, не добегу до вас.

Он мог этого не говорить, так как грохот был слышен и внутри землянки. Земля вздрагивала, и пыль стояла столбом. Саломэки отдежурил положенное, и уже настало время мира, или, вернее, прекращения огня, но обстрел все продолжался. Теперь пошел на дежурство Хейккиля. Была его очередь. Все остальные благоразумно сидели в землянке. Настроение было скверное. Неужто в самом деле их обманули насчет мира?

— Подождем, ребята, может, все-таки стихнет, — проговорил Ниеминен с тоскливой надеждой. После Хейккиля его очередь была дежурить у пушки.

Все ждали стоя. Нары были пусты. Никто просто не мог лежать или сидеть. И ночью вряд ли кто-нибудь уснул. Несколько часов они только и делали, что отсчитывали минуты. В восемь утра попробовали было выглянуть наружу, но тотчас вернулись обратно. «Снаряды кругом так и рвутся! Что это значит?»

В это время Хейккиля лежал в своем укрытии, оцепенев от ужаса. Никогда еще он не боялся так, как теперь. Снаряды и мины рвались совсем близко. Потом вдруг полыхнуло почти у входа в его убежище. Дым и пыль заполнили тесную нору, и Хейккиля закашлялся. Ему показалось, что он сейчас задохнется. И он бросился вон. Он бежал не переводя дыхания. Ворвался в землянку, как бомба. Все так и шарахнулись от него: думали — русский. Потом только пришли в себя, когда Хейккиля залопотал что-то в свое оправдание. Командир орудия повысил голос:

— Ты оставил боевой пост! А ну, марш обратно!

— Не пойду!

— Не пойдешь?! А ты не знаешь, что за это полагается?

— Пусть что угодно, — воскликнул Хейккиля. — Я не пойду туда больше, хоть убейте на месте!

Это было сказано с такой решимостью, что сержант заппулся. Ниеминен встретился глазами с Хейккиля и посмотрел на часы. Потом он взял автомат и пошел. Хейккиля бросился к двери и крикнул ему вслед:

— Ты что, сдурел? Сам себя угробишь! Там снаряды и мины так и сыплются.

— Слышу небось и без тебя! — Ниеминен хлопнул дверью и побежал на бугор. Добежав, он нырнул в окоп и почувствовал, что дрожит как в лихорадке.

— Елки-палки, ну не дурак ли я в самом деле? Очень мне нужно еще за других дежурить!..

Вдруг что-то затрещало. Когда пыль немного осела, он, цепенея от ужаса, поднял кверху глаза и увидел над собой застрявшую между бревен большую мину. «Сейчас рванет... Или она замедленного действия? Отсчитывает положенные секунды?..» Эта мысль заставила его стряхнуть оцепенение, и он, выскочив из окопа, помчался прямо в землянку. С минуту он не мог вымолвить ни слова. Потом, отдышавшись и взяв себя в руки, Ниеминен твердо сказал:

— Я тоже не пойду туда больше. Делайте со мной что хотите, но я туда не вернусь!

Сержант только махнул рукой. Конечно, и другие не пошли. Никто больше не пошел на пост. Так что пушка осталась без присмотра. Во второй половине дня обстрел немного утих и сержант пошел взглянуть на пушку. Оказалось, она повреждена прямым попаданием. Сержант вскоре прибежал, запыхавшийся:

— Наш полковник идет на ту сторону для прямых переговоров. С ним четыре автоматчика.

— Пошли посмотрим! — воодушевился Хейно. — Кто со мной, ребята?

Пошел Ниеминен. Когда они добрались до первой линии окопов, группа парламентаров уже направлялась к неприятельским позициям. Оттуда навстречу им вышли двое. Ниеминен выругался:

— Елки-палки, гляди: они только вдвоем и без оружия. А наш прет с такой свитой! Автоматы наготове!

— Хотим создать численное превосходство, — усмехнулся Хейно.

Почему-то это подействовало на них удручающе. Бинокль остался в землянке, поэтому они не могли различить, в каком ранге были русские, встретившие полковника. Вот они переговорили и разошлись. Полковник, дойдя до первых окопов, сказал что-то ожидавшему его офицеру и быстро пошел дальше по ходу сообщения. Ниеминен и Хейно, подбежав поближе, услышали, как тот офицер объяснял

обступившим его солдатам, что русские не имеют еще приказа о прекращении огня.

— Е-моё, так бежим скорее в укрытие! — воскликнул Ниеминен. — А то русские сейчас опять начнут колошматить!

Русские действительно снова открыли огонь, но теперь уже с меньшей силой. Стрельба продолжалась размеренно до утра. Но как только часы показали восемь, она прекратилась, точно по команде. Артиллеристы сразу побежали к передовой. Там уже пехота вылезла из укрытий и высыпала даже на бруствер окопов. Вскоре показался и бывший противник. Русские солдаты приближались без оружия. Они останавливались и показывали на землю перед собой, очевидно, спрашивая: нет ли там мин.

— Эти парни что-то не похожи на голодающих, — сказал Ниеминен. — Елки-палки, посмотри на их рожи!

— Не говори, они же едва держатся на ногах, — возразил Хейно с язвительной усмешкой. — Помнишь, что писали газеты? Они же прямо-таки с математической точностью высчитали, что советские солдаты умрут с голоду, и мы выиграем войну.

Русские, подойдя к финнам, соскакивали в траншею, смеялись, обменивались рукопожатиями, угощали табаком. Некоторые менялись кокардами. Ниеминен тоже поискал у себя в карманах что-нибудь для обмена, не нашел ничего и предложил было кокарду. Но она не сгодилась. Русский солдат показывал жестом, что у него уже есть такие. Тут явился какой-то пехотный капитан и стал разгонять их.

— Братание категорически запрещено! Никаких контактов с врагом!

Хейно возмутился:

— Так ведь уже мир! Какие же они, к черту, враги?

— Слышали, что я сказал? За нарушение приказа — полевой суд!

— Давай смываться, — шепнул Ниеминен. — Не стоит связываться, а то в самом деле пропадешь зазря.

Хейно дал себя увести, упираясь и ворча:

— Эти проклятые господа офицеры никогда не станут умнее! Вот и этому капитану, видно, жаль, что война кончилась. Будь у меня власть, я бы дал ему в руки лопату. Вот, мол, тебе орудие, поди-ка потрудишься! Заработай себе на пропитание. До сих пор, мол, тебя войны кормили, но теперь этому конец.

Возле пушки Ниеминен заглянул в окоп.

— Иди-ка посмотри. Вон она торчит, мина. Елки-палки, если бы эта штука взорвалась, где бы я теперь был!

Хейно и близко не подошел.

— На что мне смотреть! Ну его! Отныне я хочу быть подальше от всех военных игрушек. Я хочу жить.

По дороге шли группами и по одному «тыловики». Но часовые останавливали их. Чтобы пройти на передовую, теперь надо было внести плату — пачку сигарет, например.

Хейккиля и Саломэки тоже стояли в карауле и собирали «пошлину» с проходящих. «А что? — говорили они. — Это честная игра. Должны же они хоть чем-нибудь заплатить за то, что увидят передовую. Другие за это жизнью заплатили».

* * *

— Взвод, смирно!.. Господин капитан, второй взвод...

— Вольно!

Капитан Суокас прохаживался перед строем. На нем была новенькая форма. На груди ярко выделялись орденские ленты. И петлицы опять появились.

Взвод впервые за все время собрался весь целиком. Несколько дней тому назад началось перемирие. Теперь им сказали, что придется отступить к прежней границе. Стало быть, отвоевались. Каждый уже представлял себе гражданскую жизнь. Солдаты так и ждали, что капитан объявит о демобилизации или по крайней мере о том, когда их увезут отсюда и куда. Но Суокас вдруг начал говорить совсем о другом. Он расхваливал массовый героизм финской армии. Потом заговорил о подвигах своего дивизиона и этого взвода. Наконец, он помянул и погибших. А дальше пошло нечто новое. Он сказал, что перемирие, которое сейчас заключено, это всего лишь временная передышка. Стал уверять, что ныне оставляемые территории, Финляндия еще возьмет обратно. И посоветовал каждому ни на минуту не забывать об этом. «Врагу мы ничего не отдадим — ни даром, ни на каких бы то ни было условиях».

Все были ошеломлены этой речью. Никто, казалось, не понимал, что капитан имеет в виду. Потом, когда капитан Суокас удалился, солдаты долго еще пребывали в каком-то оцепенении, пока окрик нового, вновь назначенно-

го командира взвода не вернул их к действительности. Была подана команда готовиться к отправке. Солдаты бросились укладывать свои рюкзаки. Ниеминен, Хейно, Хейккиля и Саломэки не отставали от других. В ушах еще звучали слова капитана. Все были настолько потрясены, что не могли произнести ни слова. «Ясно одно,— думал Ниеминен,— если такие люди будут у нас командовать, они ни за что не уйдутся, пока не погубят Финляндию окончательно».

Наконец Хейно спросил:

— Ребята, не ослышался ли я? Он действительно сказал, что мы скоро опять сюда вернемся?

— Не старайся понять слишком много,— ответил Саломэки.— Ты все поймешь, когда тебя снова заставят воевать!

-- Да что ты болтаешь! Думаешь, меня можно насильно заставить воевать?

— А разве ты воевал добровольно?

— Нет. Но больше меня никакой силой не заставят. Понял?

Хейккиля ухмыльнулся.

— Только послушайте этого капитана. Он вам наговорит. Он же военно-помешанный! Определенно. Маньяк. Что они могут, если мы, мужики, возьмем да и не пойдем?

— Ты будто не пойдешь?

— Не пойду.

Это было сказано так же твердо, как давеча, когда Хейккиля отказался идти на пост. Хейно даже рассмеялся:

— Ишь ты какой храбрый.

— С кем поведешься...

Ниеминен не говорил ничего. Мысленно он был уже дома, с женой и сыном. Правда, и тут его ждало горькое разочарование, поскольку их возраст оставили еще на год действительной службы. Но тогда этого еще никто не знал.

Солдаты спешно укладывались и собирались в дорогу. Дорога всегда волнует, а тем более если это возвращение домой с войны. Несколько человек вышли во двор с вещами, ожидая отправки. Водитель тягача сидел на своем рюкзаке и разглагольствовал:

— Капитан верно говорит. Мы не навеки уходим отсюда. Вот немного передохнем, подсоберем снаряжения и снова ударим по русским.

Ниеминен, услышав это, густо покраснел. В два прыжка он подскочил к северянину и с жаром сказал:

— А ну, вставай! Ты несколько раз предлагал мне бой, ну так держись, теперь ты его получишь!

Ала-Куйтти даже опешил, но когда его же товарищи стали посмеиваться, мол, струсил, испугался, в нем заговорила гордость. Он встал, пригнулся для прыжка, чтобы вцепиться в Ниеминена стальной хваткой. Но тот опередил его, нанеся прямой удар правой. Северянин отлетел от удара в крапиву и не шевелился.

Ниеминен повернулся к другим. Глаза его горели, кулаки были сжаты.

— Следующий! Ну, есть еще воинственные?.. Нет. Хорошо. А то бы я уж заодно...

Он вытер кулак и, отойдя, стал укладывать в мешок свои вещи. Все настороженно молчали. Потом кто-то промолвил:

— Правильно дал ему, дьяволу. Чтoб военная дурь вылетела из головы.

Тайсто Хуусконен

СТАЛЬНОЙ ШКВАЛ
Роман

Редактор Н. Крылова

Художник Б. Эм

Художественный редактор Б. Могин

Технические редакторы В. Никифорова,

А. Третьякова

Корректоры О. Голева, А. Ухина

Сдано в набор 16/III—1973 г. Подписано
к печати 8/VI—1973 г. А08148. Формат
бум. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1.
Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд.
л. 16,52. Тираж 30 000 экз. Цена 64 коп.

Издательство «Современник» Государст-
венного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли и Союза пи-
сателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Книжная фабрика № 1 Росглавополи-
графпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли, г. Электросталь Московской
области, ул. им. Тевосяна, 25. Зак. 1234

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Просим Вас свои отзывы о книге,
ее содержании, художественном
оформлении и полиграфическом ис-
полнении направлять по адресу:
121351, Москва, Г-351, Ярцев-
ская, 4, издательство «Современник»*

В 1973 году редакция литератур народов РСФСР выпустит следующие книги:

Алиева Ф. «Роса выпадает на каждую травинку». Роман. *Перевод с аварского*

Керимов И. «Глубокий родник». Повесть. *Перевод с кумыкского*

Кукаев А. «Тыла нет». Повесть. *Перевод с калмыцкого*

Ледков В. «Месяц Малой Темноты». Роман, повести. *Перевод с ненецкого*

Мусаев М. «После выстрела». Роман. *Перевод с чеченского*

Расих А. «Мой друг Мансур». Роман. *Перевод с татарского*

Садай В. «Повести о земляках моих». Повести. *Перевод с чувашского*

64 коп.

СОВРЕМЕННОК

СТАЛЬНОК ШВЕДК

ТАКОТО КУУСООНЕН